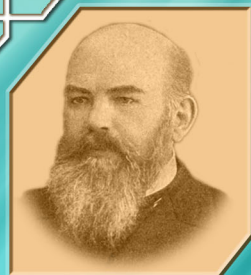
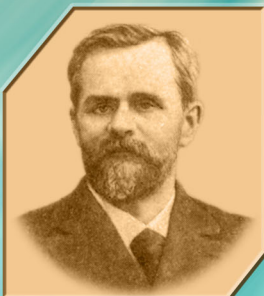
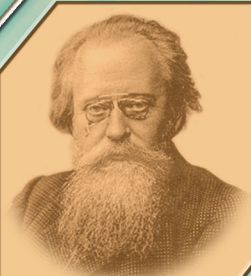

Г. Н. Мокшин

ИДЕОЛОГИ ЛЕГАЛЬНОГО НАРОДНИЧЕСТВА О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Г. Н. Мокшин

**ИДЕОЛОГИ
ЛЕГАЛЬНОГО НАРОДНИЧЕСТВА
О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Монография

**Воронеж
«Научная книга»
2007**

УДК 323.32(47+57)
ББК 60.51(2Рос)52
М 74

Научный редактор:

д-р ист. наук *М. Д. Карпачев*

Рецензенты:

д-р ист. наук *Р. А. Арсланов*

д-р филос. наук *В. С. Рахманин*

М 74 Мокшин, Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции [Текст]: монография / Г. Н. Мокшин. – Воронеж: Научная книга, 2007. – 357 с.

ISBN 978-5-98222-256-5

Монография посвящена взглядам теоретиков легального народничества 70–90-х годов XIX века на русскую демократическую интеллигенцию и ее роль в общественной жизни пореформенной России. Особое внимание уделяется проблеме самоопределения народнической интеллигенции через идею служения народу и ее влиянию на интерпретацию народниками-реформистами социальной природы передовой русской интеллигенции, особенностей ее мышления и общественной позиции.

Для научных работников, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей русской общественной мысли.

УДК 323.32(47+57)
ББК 60.51(2Рос)52

ISBN 978-5-98222-256-5

© Мокшин Г. Н., 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Формирование народнических концепций интеллигенции (1860-е – начало 1880-х годов)	47
§ 1. Идея долга образованного общества перед народом и ее влияние на интеллигенцию пореформенного времени	48
§ 2. Легальная народническая печать 1870-х годов об идеалах и ближайших задачах передовой интеллигенции	68
§ 3. Народники-реформисты и народовольческое решение проблемы сближения интеллигенции с народом	91
§ 4. Полемика о русской интеллигенции начала 1880-х годов	112
Глава 2. Социальная природа и духовный облик передовой русской интеллигенции	130
§ 1. Типология интеллигенции	–
§ 2. «Народ» в самосознании отечественной интеллигенции	150
Глава 3. Историческая миссия русской интеллигенции	173
§ 1. Причины появления «общественной» интеллигенции	174
§ 2. Историческое предназначение новой интеллигенции	187
§ 3. Идея образования «народной» интеллигенции	209
Глава 4. Проблема консолидации демократической интеллигенции в 1880-е – середине 1890-х годов	227
§ 1. Идеологи «Недели» о задачах нового «хождения в народ»	228
§ 2. «Синтетическое народничество» «Мысли» и «Русского богатства» 1880-х – начала 1890-х годов	248
§ 3. Попытки реформирования народничества в «Русском богатстве» первой половины 1890-х годов	265
Глава 5. Легальные народники в период общественного подъема конца XIX – начала XX века	281
§ 1. Культурническая трактовка проблемы интеллигенции публицистами «Нового слова» и «Сына отечества»	282
§ 2. Народники-реформисты о революции 1905–1907 годов и новых задачах демократической интеллигенции	303
§ 3. Неонародническая интеллигенция начала XX века и идейное наследие легальных народников	319
Заключение	336
Список сокращений	348
Указатель имен	349

«...интеллигенция в истинном смысле этого слова – класс лиц, преданных идее, заботящихся только об истине, класс по существу бессловесный и потому способный правильно отнестись ко всякому предложению, объективно-критически разобрать каждую идею...»

В. П. Воронцов

«...предоставьте русской интеллигенции свободу мысли и слова
– и, может быть, русская буржуазия не съест русского народа;
наложите на уста интеллигенции печать молчания
– и народ будет, наверное, съеден...»

Н. К. Михайловский

«Не любим мы эту интеллигенцию, знаю я, но что же делать, если без нее нельзя жить, если она в истории играет теперь большую роль, чем все мечи и пушки, вместе взятые»

С. Н. Кривенко

«...декретированный сверху прогресс, проповедуемый прогрессивной фракцией нашего “интеллигентного бюрократизма”, есть только последний остаток крепостнических времен, стремящийся удержать наше общественное развитие в прежней бюрократической колее»

И. И. Каблиц-Юзов

«У нас все или герои, или тряпки. Но пора бы народиться среднему типу человека, способного на простое, честное дело. Нужда в таком человеке великая и будущее принадлежит ему»

Я. В. Абрамов

«Доктринерство и теоретичность губят нашу лучшую интеллигенцию, которая десятками лет жила только теоретической, умственной жизнью, европейскими книжками, европейскими идеями, оторванная от жизни народа и от всякой живой, практической деятельности на ниве народной. Ничего нет удивительного, что, когда свобода была уже почти в руках у этих людей, они отнеслись к ней не как люди дела, не как цепкие и рабочие европейцы, а как... идеалисты, не видящие действительности из-за своих идеалов»

Л. Е. Оболенский

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы о том, что такое русская интеллигенция и какова ее роль в общественной жизни страны, вот уже более 130 лет занимают умы российских мыслителей. Почвой для их постановки и обсуждения в дореволюционной России стал мощный подъем освободительного движения в первые десятилетия после отмены крепостного права. Как раз в это время слово «интеллигенция» в значении особой общественной силы, оппозиционной власти и дружественной народу, входит в широкий оборот.

Первыми общественными деятелями, предложившими слово «интеллигенция» для самоназвания, были народники. И хотя субкультура интеллигенции формировалась под влиянием различных течений русской мысли (начиная с западников и славянофилов), именно народничество явилось первой развернутой и теоретически обоснованной формой выражения интеллигентского самосознания.

В советский период официальная наука интерпретировала разработанные идеологами народничества концепции интеллигенции как проявление их крайнего идеализма, субъективизма и социального утопизма. Идеологи марксизма пытались внушить интеллигенции, что ее роль в общественной жизни не самостоятельная, а сугубо служебная, т.к. она всего лишь прослойка между классами. Однако предотвратить возникновение в стране политической оппозиции старая власть так и не смогла.

Именно интеллигенция как наиболее сознательная и граждански активная часть нации оказалась главной социальной базой и опорой отечественной демократии не только на рубеже XIX–XX вв., но и сто лет спустя¹. Данное обстоятельство возлагает на интеллигенцию весомую долю ответственности за проводимые в стране преобразования.

Признание особой роли демократической интеллигенции в модернизации экономической, политической и культурной жизни страны вызвало в научной печати и публицистике настоящий интеллигентский бум. За последние 15 лет изучению феномена оте-

¹ Межуев В. Интеллигенция и демократия // Свободная мысль. 1992. № 16. С. 47.

чественной интеллигенции посвящены почти две сотни диссертаций, десятки научно-теоретических конференций, множество книг и статей¹. С 1998 г. в Иваново работает НИИ Интеллигентоведения.

К сожалению, в этой обширной литературе практически отсутствуют ссылки на научно-публицистические труды Н. К. Михайловского, И. И. Каблицы, В. П. Воронцова, С. Н. Кривенко, Л. Е. Оболенского, Я. В. Абрамова и других теоретиков легального или реформаторского народничества². А они имели в разработке проблемы интеллигенции свои несомненные приоритеты, связанные с попытками теоретического обоснования ее особых общественных задач. Книги и статьи народнических публицистов неоднократно становились предметом острых дискуссий об интеллигенции, например, в начале 1880-х гг. На их сочинениях выросли идейно, обретая стройную систему взглядов, по крайней мере, два поколения демократической интеллигенции – 1870-х и 1880-х гг.

Народничество – это идейное течение и движение, возникшее в среде интеллигенции. Поэтому вполне логично предположить существование между этими двумя явлениями пореформенной русской жизни органической внутренней связи, изучение которой может приблизить нас к более глубокому пониманию их первоначального смысла и значения. При этом надо учитывать, что народническая доктрина овладела умами интеллигенции не только потому, что вооружила ее научно обоснованной моделью реконструкции и развития страны. Народничество как особый тип миропонимания и мироощущения нельзя сводить к «сухим» экономическим и социологическим схемам. Для народнической интеллигенции, претендующей на то, чтобы стать воплощением «совести народа», характерны настойчивые поиски ответов на многочисленные морально-этические вопросы. Например, что такое добро и зло? Можно ли жить честно и оставаться в стороне от

вызовов своего века, т.е. заботиться только о выгодах собственного культурного существования? Кому должен был служить настоящий русский интеллигент – власти, народу, обществу или «чистой» науке и искусству? Пока современные исследователи уделяют нравственной рефлексии народнической интеллигенции сравнительно мало внимания.

Характер данной работы делает необходимым авторские комментарии к *определению понятий* «интеллигенция» и «народничество».

Несмотря на то, что этимология слова «интеллигенция» достаточно подробно описана в литературе¹, содержание этого понятия по-прежнему вызывает у исследователей сомнения и споры. Дело в том, что примерно с рубежа 60–70-х гг. XIX в. слово «интеллигенция» используется в русской речи для обозначения социальной группы или точнее групп, связанных внутри себя произвольным набором признаков (образовательных, профессиональных, идейно-нравственных и т.п.). Эта собирательность термина «интеллигенция» и обусловила его расплывчатость и неопределенность. Причем со временем количество определений только возрастает², что в свою очередь связано с изменением самой интеллигенции и ее восприятия в общественном сознании.

В современной литературе понятие «интеллигенция» используется в двух основных значениях: 1) профессиональные работники умственного труда, как правило, требующего специального высшего образования (социологическое определение интеллигенции); 2) люди, объединенные особым складом мышления и морали и особыми общественными задачами, которые они ставят перед собой (тут главным является этический момент, а образованность и род занятий имеют второстепенное значение).

Наличие столь несхожих подходов к определению интеллигенции до сих пор ставит перед исследователями вопрос: не идет ли здесь речь о разных явлениях русской жизни. В советской историографии господствовал социально-профессиональный под-

¹ См.: Олейник О. Ю. Изучение проблем интеллигенции в 1990-е годы: справочно-библиографическая информация // Интеллигенция и мир. 2001. № 1.

² В настоящее время для обозначения правого (неревolutionного) крыла народничества нередко употребляется термин «либеральные народники». По нашему мнению, он затемняет принципиальное различие между либералами и народниками-социалистами. Если первые стремились к приоритету свободы человеческой личности, то вторые, в конечном счете, пытались подчинить личность интересам коллектива. Поэтому более точным является термин «легальные народники», т.е. действующие на законной почве (по аналогии с «легальными марксистами»).

¹ Подробнее см.: Виноградов В. В. История слов. М., 1994. С. 227–229; Шмидт С. О. К истории слова «интеллигенция» // Россия, Запад, Восток: Встречные течения. М., 1996. С. 409–417.

² Всего в литературе предложено около 300 определений и интерпретаций понятия «интеллигенция». См.: Самарцева Е. И. Российская интеллигенция до октября 1917 года. Историографический очерк. Тула, 1998. С. 72.

ход к изучению интеллигенции. В соответствии с ним в состав интеллигентской корпорации включались не только представители свободных профессий (писатели, ученые, деятели искусства и др.), но и госслужащие, военные и священники. Известная народническая идея бессловности русской интеллигенции категорически отвергалась¹. Получалось, что к концу XIX в. численность отечественной интеллигенции составляла около 770 тыс. чел.² Часть современных исследователей с такой трактовкой состава интеллигенции категорически не согласна, полагая, что она ведет к смещению интеллигентов (людей определенной мировоззренческой позиции), с интеллектуалами (дипломированными специалистами), т.е. к подмене понятий³.

С нашей точки зрения, социологический и этический подходы нельзя противопоставлять как нечто взаимоисключающее. Для понимания феномена русской интеллигенции одинаково важны и ее профессиональная деятельность, и духовно-нравственные качества (интеллигентность). Однако, учитывая, что в данной работе речь в основном пойдет о публицистах и общественных деятелях, слово «интеллигенция» в ней будет употребляться в значении носителей идеалов и нравственных принципов, отличительной чертой которых является забота о благе и процветании всего общества. Кроме того, в последней трети XIX в. морально-этическая сторона деятельности считалась важной не только для так называемой идейной интеллигенции (передовой и консервативной)⁴, но и для представителей массовых интеллигентских профессий (учителя, врачи, юристы, инженеры и т.д.).

¹ В марксистской историографии интеллигенция по происхождению и социальному положению разделялась на дворянско-помещичью, буржуазную (включая образованных представителей разночинной интеллигенции) и пролетарскую.

² *Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 15–16; *Щетинина Г. И.* В. И. Ленин о русской интеллигенции // В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970. С. 131–132.

³ См.: *Оболонский А. В.* Драма российской истории: система против личности. М., 1994. С. 339; *Карпачев М. Д.* Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры пореформенного времени // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 20. С. 80.

⁴ Передовая интеллигенция – сторонники общественного прогресса (народники, либералы, марксисты), которым противостояла консервативная интеллигенция, стремившаяся, по выражению К. Н. Леонтьева, «подморозить Россию».

Понятие «народничество» значительно уже понятия «интеллигенция», но и его содержание допускает разные интерпретации.

В дореволюционной литературе слово «народничество» часто употреблялось как синоним любви к народу и стремления защищать его интересы. В этом значении выделялось народничество прогрессивное (революционное и реформаторское) и консервативное (славянофильское и почвенническое), социальное и религиозное, ортодоксальное и критическое¹. Все общественные деятели хотели, чтобы их воспринимали как рупор многомиллионного русского народа.

Народничество в узком смысле определить намного сложнее, т.к. здесь требуется указать его главные отличия от других течений пореформенной русской мысли. Сами народники часто сводили содержание своей доктрины к формуле «интеллигенция и народ», видя в их сближении залог успешной демократизации общественного строя России. Причем такой подход был характерен не только для народничества Каблица и Воронцова, но и для самого авторитетного легального народника – Михайловского². В марксистской историографии народничество определялось как утопическое учение о возможности некапиталистического развития России, основанное на вере в социалистические задатки общинного крестьянства. Современные исследователи все чаще рассматривают феномен народничества в контексте интеллигентского дискурса о путях общественных преобразований страны. При этом народническая модель трансформации русского общества представляется как своеобразный симбиоз ценностей традиционной народной культуры и передовой европейской и российской социальной мысли. Все народники считали своим гражданским долгом способствовать установлению в России такого социального строя, при котором удовлетворение коренных интересов и потребностей простого народа станет главной заботой государства и общества. Самоопределение интеллигенции через служение

¹ См.: *Пытин А.* Народничество // Вестник Европы. 1884. № 1. С. 163–165; № 2. С. 702; *Венгеров С.* Народничество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. 40. С. 586–587; *Козьмин Б.* «Народники» и «народничество» // Вопросы литературы. 1957. № 9. С. 123.

² Одним из первых на это обратил внимание П. Б. Струве. См.: *Струве П.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. Вып. 1. С. 11.

идее народа (трудящихся классов) есть одна из самых характерных черт мирозерцания народнической интеллигенции. С этих позиций народничество будет исследоваться и в данной работе.

История изучения взглядов теоретиков легального народничества на проблему интеллигенции начинается в последней трети XIX в. В это время в либеральной, консервативной и марксистской печати появились первые отзывы на книги и статьи Каблица, Воронцова, Кривенко, Абрамова, А. С. Пругавина. Разбор народнических концепций интеллигенции, как правило, носил тенденциозный характер, т.к. был подчинен задачам политической борьбы. С другой стороны, именно в этих словесных баталиях закладывались главные историографические традиции.

Консервативный подход разрабатывался в статьях Л. А. Тихомирова, И. С. Аксакова, И. И. Фуделя, В. В. Розанова, К. Н. Яроша¹. Его отличают следующие черты: признание народничества порождением «тлетворных» западных идей; критика народников за раскол с народом, в котором виновата сама радикальная интеллигенция, оторвавшаяся от своих духовных корней; объяснение попыток интеллигенции воздействовать на народное сознание и быт ее тайной «злонамеренной» целью переделать народ по своему образу и подобию, чтобы лишить Россию исторических основ; рекомендация «истинного» пути слияния с народом – научиться мыслить по-русски, т.е. усвоить народные мнения и идеалы при сохранении в обществе внешних сословных перегородок.

Собственно анализом народнических концепций интеллигенции занимался Тихомиров, которому проблема интеллигенции была близка по его народовольческому прошлому. Отличительной чертой интеллигенции (как носительницы особого типа сознания) Тихомиров считал ее стремление к радикальному перевороту русской жизни. Резкой критике был подвергнут тезис о бессословности передовой интеллигенции. С точки зрения Тихомирова, именно бессословность породила ее «узкий классовый

дух» и неспособность стать выразительницей самосознания русской нации¹.

Более подробный анализ работ консервативных публицистов показывает, что отмечаемая современниками идейная близость народничества и славянофильства носила внешний характер. Принципиальная разница между этими направлениями заключалась, прежде всего, в «игнорировании» народнической интеллигенцией религиозных верований крестьянства, составляющих, по мнению славянофилов, «живую душу народа»².

Либеральный подход можно назвать одним из самых взвешенных и конструктивных. Его сторонники (А. Н. Пыпин, К. Д. Кавелин, В. А. Гольцев, Л. З. Слонимский, В. С. Соловьев³) рассматривали народников в качестве своих союзников в борьбе с «отживающим» общественным строем и поэтому критиковали их в основном за крайности в определении общественных задач русской интеллигенции. Таковыми признавались: узкое самобытничество, признание деревни центром русской жизни; недооценка значения политики как главного рычага прогрессивных изменений в жизни народа и общества; противопоставление интеллигенции народу как антагонистов, характерное для теоретиков крайне правого народничества; идея слияния умственного и физического труда (с точки зрения либералов – это регресс); идеализация простонародья и идолопоклонничество перед ним; приращение значения культуры (цивилизации) и интеллигенции как главного агента по ее распространению в России.

Указывая народникам на «ошибки и заблуждения», либералы пытались вскрыть их идейные и исторические корни, ссылаясь при этом на опыт других народов, значительно опередивших Россию в своем историческом развитии. В этом плане выделяются

¹ Тихомиров Л. Что такое народничество. С. 920, 925; Он же. Что делать нашей «интеллигенции»? // Русское обозрение. 1895. № 10. С. 873–876.

² См.: К биографии И. С. Аксакова // Исторический вестник. 1886. Т. 25. С. 570–572; [Фудель И. И.] Указ. соч. С. 122, 156, 176; Леонтьев К. Н. Как надо понимать сближение с народом? // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М., 1993. С. 67, 68.

³ В-н А. [Пыпин А. Н.] Теории народничества // Вестник Европы. 1892. № 10; Кавелин К. Д. Злобы дня // Русская мысль. 1888. № 3; Гольцев В. Еще о народничестве // Русская мысль. 1893. № 10; Слонимский Л. Наши теоретики народничества // Вестник Европы. 1893. № 11; Соловьев Вл. Идолы и идеалы // Вестник Европы. 1891. № 3.

¹ Тихомиров Л. Что такое народничество // Русское обозрение. 1892. № 12; [Аксаков И. С.] Передовая // Русь. 1884. № 11; N. N. [Фудель И. И.] Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. М., 1888; Розанов В. В. Памяти Осипа Ивановича Каблица // Русское обозрение. 1893. Т. 6. № 11; Ярош К. Н. Интеллигентный человек конца века // Русский вестник. 1895. № 3.

труды известного литературоведа и публициста Пыпина. С его статьи «Народничество» (1884 г.), по сути дела, начинается систематическое изучение идеологии легального народничества¹. По мнению Пыпина, «коренное заблуждение» народников заключалось в исключении из числа «народа» представителей образованного общества².

Касаясь вопроса об интеллигенции, либеральные публицисты отмечали неясность и противоречивость в понимании этого слова народниками, т.к. у одних и тех же авторов оно могло означать и бюрократию, и представителей «либеральных» профессий, и культурное общество. Особое внимание уделялось здесь теории интеллигенции Воронцова. Разбирая содержание его книги «Наши направления», Слонимский обратил внимание на то, что в одном месте Воронцов называл интеллигенцию главным агентом в формировании общественного самосознания, а в другом категорически отрицал ее самостоятельное значение³. Еще один критик Воронцова – Пыпин поставил под сомнение тезис об особенном демократизме русской интеллигенции, назвав его слишком неопределенным и трудно доказуемым⁴. В конце концов, он рекомендовал народнику оставить толки об интеллигенции как новой общественной силе по причине фальшивости данного понятия⁵.

Наиболее резкой критике народнические концепции интеллигенции в 1880–1890-е гг. подвергли русские марксисты – П. Б. Струве, В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, А. И. Богданович⁶. Всех их объединяло стремление снять народническую трактовку проблемы интеллигенции, обвинив своих соперников в борьбе за умы молодежи

в идеализме, субъективизме и историческом волюнтаризме. С точки зрения марксистов, научная постановка вопроса об исторической роли интеллигенции основывалась на следующих положениях: «человек будущего» в России – не крестьянин, а пролетарий, поэтому народники обращались за сочувствием и поддержкой не по адресу; народу принадлежит решающая роль в истории, а вооруженной передовыми идеями интеллигенции – вспомогательная, служебная: организация и руководство массами (для народников народ не творец новой жизни, не субъект истории, а все лишь объект спасительного воздействия интеллигенции); в классовом обществе возможно существование только классовой интеллигенции (бессословная интеллигенция как специфический феномен русской жизни – это народнический миф, придуманный для оправдания теории всеисилия мелкобуржуазной разнотинной интеллигенции); «локомотивом» истории является классовая борьба и ее высшее проявление – революция (поздние народники делали ставку на общественную совесть и подвижничество); тесное сближение интеллигенции с народом возможно только после захвата политической власти «партией пролетариата», создание которой – главная задача передовой интеллигенции (большая часть народников «ошибочно» надеялась заручиться поддержкой народа при помощи «малых дел»).

Марксисты первыми разделили легальных народников на «культурников» и сторонников политической борьбы с самодержавием¹. Народники-культурники (Абрамов, Кривенко, Воронцов и др.) призывали демократическую интеллигенцию идти в деревню, чтобы устраивать там школы и больницы, защищать юридические права крестьянства, оказывать ему агрономическую помощь, т.е. «совершенно очистить поле политической битвы»². По убеждению Ленина, программа деятельности, направленная на удовлетворение насущных потребностей деревни, вела к примирению с действительностью, отвлекая народ и демократическую интеллигенцию от борьбы за радикальные соци-

¹ Вестник Европы. 1884. № 1, 2. Впоследствии А. Н. Пыпин включил эту статью во второй том «Истории русской этнографии» (СПб., 1892).

² В-н А. [Пыпин А. Н.] Народники и народ // Вестник Европы. 1891. № 2. С. 663, 671–672, 689.

³ Слонимский Л. Указ. соч. С. 327.

⁴ В-н А. [Пыпин А. Н.] Еще о теориях народничества // Вестник Европы. 1893. № 2. С. 770.

⁵ В-н А. Теории народничества. С. 748.

⁶ См.: Струве П. Указ. соч. Вып. 1; Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 1; Плеханов Г. В. Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.) // Плеханов Г. В. Сочинения: В 24 т. М.; Пгр., 1923–1927. Т. 9; А. Б. [Богданович А. И.] Критические заметки // Мир божий. 1895. № 3; 1898. № 3.

¹ Ленин В. И. Указ. соч. С. 282, 283, 294, 297, 342; Воровский В. В. Лишние люди // Воровский В. В. Литературно-критические статьи. М., 1956. С. 113, 118, 124; Потресов А. Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху // Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1909. Т. 1. С. 547, 552, 553.

² Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925. Т. 1. С. 240.

альные и политические преобразования России. Поэтому ко всем сторонникам «малых дел» были приклеены ярлыки идеологов мещанства, оппортунистов и реакционеров¹.

С гораздо большей симпатией относились марксисты к Михайловскому и возглавляемому им «Русскому богатству», которое в конце XIX в. превратилось в орган зарождающегося тогда неонародничества. Например, «критический марксист» Н. А. Бердяев написал об этом народническом теоретике целую книгу, где доказывал, что направление Михайловского «выше других, родственных ему» (Червинского, Каблицы, Воронцова), т.к. Михайловский «не травил» культуры, науки и искусства и не предлагал интеллигенции «потонуть в реакционной массе»².

Нетрудно заметить, что идейные противники народников-реформистов рассматривали их представления о целях и движущих силах социального прогресса с позиции собственных моделей общественного развития России. Иными словами, критика народников консерваторами, либералами и марксистами носила *идеологический* характер. То, за что народников ругали одни, другие вполне могли считать их главными достоинствами.

В начале XX в. появляются первые обобщающие труды по истории русской интеллигенции, которые подводят под идейными исканиями народников, мечтавших избавить народ от капитализма, итоговую черту. Существенным достижением нового этапа изучения идейного наследия легального народничества стала постановка вопросов о причинах возникновения в стране народнического движения, основных течениях народнической мысли и их взаимных отношениях, а также о факторах, способствовавших упадку влияния «старой» народнической идеологии в обществе. В поисках ответов на них многие исследователи приходили к выводу об особой роли в истории народничества некоторых ее специфических идей и теорий (о предрасположенности мужика к социализму, о долге образованных классов перед народом, о наличии у «бесклассовой» русской интеллигенции особой исторической миссии и т.п.)³.

¹ Ленин В. И. Указ. соч. С. 249, 250, 264, 272.

² Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. СПб., 1901. С. 226–227.

³ См.: Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.: В 2 т. СПб., 1908.

В центре внимания авторов практически всех крупных исследований по истории русской общественной мысли оказались также вопросы о причинах тяготения русской интеллигенции к народу и о том, почему народникам не удалось добиться своей главной цели – повести за собой массы? Почему народническое движение так и осталось интеллигентским? Сами народники усматривали истоки широкого распространения в русском обществе народнических идей в сочетании целого ряда исторических, политических и идейно-нравственных причин. В начале XX в. на «комплексном» подходе к решению данного вопроса особенно настаивал Воронцов¹. Однако в литературе по-прежнему основное внимание уделялось идейной и морально-психологической подоплеке народничества. Например, С. А. Венгеров главную причину демократизма отечественной интеллигенции увидел в том, что она «полюбила отвлеченное понятие народ»². О «фантастических» представлениях народников о народе и о том, как оторванная от реальной жизни идея массы формировала самосознание интеллигенции неоднократно писали русские марксисты³. Доказательству «бесплодности самоотречения» народнической интеллигенции во имя идеи долга народу посвятили свои обстоятельные труды Д. Н. Овсянко-Куликовский и Е. А. Соловьев⁴. В конечном итоге речь шла о несоответствии идеологии народничества русской действительности, следствием чего стала его неизбежная смерть⁵.

Т. 2; Андреевич [Соловьев Е. А.] Опыт философии русской литературы. СПб., 1909; Овсянко-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции // Овсянко-Куликовский Д. Н. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1924. Т. 7–9.

¹ В. В. [Воронцов В. П.] «Корни» народничества семидесятых годов // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 147, 148, 172.

² Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы. СПб., 1907. С. 88.

³ См.: Воровский В. В. «Метущиеся» и «мечущиеся» // Воровский В. В. Указ. соч. С. 143–147; Потресов А. Указ. соч. С. 548, 552; Неведомский М. [Миклашевский М. П.] 80-ые и 90-ые годы в нашей литературе // История России в XIX в.: В 9 т. СПб., 1911. Т. 9. С. 100, 101, 107.

⁴ Овсянко-Куликовский Д. Н. Указ. соч. Т. 9. С. 92, 122, 159; Андреевич. Опыт философии русской литературы. С. 239, 244, 270–271.

⁵ В 1925 г. П. Б. Струве в заметке об А. В. Пешехонове напишет, что «народничество – это особое культурно-политическое мирозерцание», которое отличается тем, что принадлежащее народникам душевное состояние и «умоначертание» видимых ими «народных масс» принимается за руководящую норму об-

На фоне этого «дружного хора» либеральной и марксистской печати диссонансом выступали работы идейных наследников классического народничества – неонародников. А. Б. Петрищев, Р. В. Иванов-Разумник, К. Р. Качаровский подвергли сомнению тезис о быстрой гибели и увядании народнической интеллигенции, доказательством чему являлся рост популярности ее идей в простом народе. По убеждению неонародников, революция 1905 г. «закрыла» пропасть между интеллигенцией и народом, в чем была немалая заслуга народников 1870–1890-х гг. и в первую очередь Михайловского – одного из «главных учителей» и «объединителей» пореформенной русской интеллигенции¹.

Важный вклад в осмысление феномена отечественной интеллигенции внесли участники знаменитого сборника «Вехи» (1909). Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон и другие «веховцы» признавали существование в России интеллигенции как особой общественной силы – носительницы передовых общественных идеалов и стремлений. В то же время они доказывали, что мировоззрение, мораль и образ действий радикальной народнической интеллигенции приведут Россию к гибели, как только ее идеи «социальной эмансипации» станут достоянием широких масс².

Для дальнейшего изучения народнических концепций интеллигенции несомненный интерес представляла статья В. В. Водовозова для «Нового энциклопедического словаря». Он первым обратил внимание на то, что народники давали понятию «интеллигенция» не только этическое (идеалистическое), но и экономическое толкование. Так, по «В. В.» (В. П. Воронцов) каждый общественный класс имел свою интеллигенцию – небольшую группу лиц, представляющую его интересы. При этом в развитом буржуазном обществе наиболее влиятельной была буржуазная интеллигенция, которая стремилась играть «самостоятельную распорядительную роль»

щественно-политического мышления и поведения. См.: Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М.; Париж, 2004. С. 69–70.

¹ Петрищев А. Противотеченцы // Русское богатство. 1907. № 8. С. 142; Иванов-Разумник Р. В. Литература и общественность. СПб, 1912. С. 41–43; Качаровский К. Народничество как социологическое направление // Заветы. 1913. № 1. С. 68.

² Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. М., 1991. С. 78, 80, 148.

в экономической жизни страны¹. Правда, большинство исследователей по-прежнему считало такой подход чисто марксистским.

Обобщая дореволюционную историографию темы, необходимо отметить, что идеологизированный характер исследований не помешал их авторам высказать ряд ценных замечаний в отношении психологических корней интеллигентской веры в народ, о влиянии на понимание народниками задач интеллигенции их общественных идеалов, о разнообразии предложенных ими концепций интеллигенции. В то же время в изучении основных течений легальной народнической мысли наметился явный дисбаланс в пользу Михайловского. Не только неонародники, но и либералы, и марксисты считали, что его тактика решения проблемы интеллигенции гораздо ближе к истине, чем та, которую предлагали Каблиц, Абрамов, Воронцов, Кривенко, В. С. Пругавин и другие теоретики правого народничества².

Октябрьская революция произвела в сложившейся традиции народниковедения решительный переворот. На смену различным вариантам интерпретации народнических теорий пришел ортодоксальный марксизм.

Согласно марксистско-ленинской концепции народничества народники – это крестьянские демократы. Изменить ход российской истории, опираясь на поддержку мелкобуржуазного крестьянства, народники были не в состоянии. Они могли только попытаться облегчить переход сельского населения к капитализму, что и стало практической задачей «либерального» народничества 80–90-х гг. XIX в. Подобному пониманию социальной природы народничества соответствует, так сказать, прямолинейная периодизация его истории: 1860-е – начало 1880-х гг. – история революционного народничества; 80–90-е – реформаторского.

Эволюцию народничества историки-марксисты напрямую связывали с изменением социальной природы русского крестьянства – его постепенным обуржуазиванием. Шестидесятники и се-

¹ В-вь В. [Водовозов В. В.] Интеллигенция // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1911. Т. 19. Стб. 537.

² См., напр.: Андреевич [Соловьев Е. А.] Очерки из истории русской литературы XIX в. СПб., 1907. С. 350; Чернов В. М. Михайловский как политический публицист // Чернов В. М. Социалистические этюды. М., 1908. С. 253–257; Мартнов Л. Общественные и умственные течения 70-х годов // История русской литературы XIX в.: В 5 т. М., 1910. Т. 4. С. 32–34.

мидесятники хотели поднять крестьян на революцию, в 1880-е гг. народническая мысль снизошла до идеологии «малых дел» и «тихой культурной работы». Налицо тенденция к «понижению» идейно-теоретического уровня (по сравнению с основоположниками народничества А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским), что оказалось одной из причин перерождения «героического» народничества в «пошлый мещанский оппортунизм». «На чистую воду» эпигонов народничества (Михайловского, Даниельсона, Воронцова, Кривенко, Южакова) вывели русские марксисты – истинные наследники революционных демократов 40–60-х гг. XIX в. Нетрудно догадаться, изучению какого течения в народничестве (революционного или легального) его марксистская концепция препятствовала с наибольшей силой.

Главная причина не только замалчивания, но и целенаправленного *извращения* доктрины народников-реформистов (атрибуция ее как реакционной мелкобуржуазной утопии, соединенной с политической трусостью и угодничеством перед самодержавием) чисто идеологическая. В 90-е гг. XIX в. – период самоутверждения русского марксизма, именно легальные народники оказались его главными оппонентами. Даже сойдя с политической сцены, реформаторское народничество по-прежнему заключало в себе потенциальную опасность, т.к. глубокое проникновение в его социальную философию могло посеять сомнение в непогрешимости марксистско-ленинской концепции исторического развития. Не случайно вплоть до начала 1970-х гг. смысл большинства работ по идеологии легального народничества сводился к ее «критике» и «разоблачению» русскими марксистами во главе с Лениным. Лучшая защита это, безусловно, нападение.

С начала 20-х гг. в научной среде развернулась дискуссия по поводу старого (народнического) значения слова «интеллигенция». Марксистские обществоведы и литературоведы М. А. Рейснер, В. П. Полонский, П. Н. Сакулин довольно убедительно доказывали, что русские народники искусственно сузили понятие интеллигенции до небольшой группы лиц, наделенных идеальными морально-этическими качествами¹. Сами марксисты выступали за

научный (социально-классовый) подход к определению интеллигенции, более соответствующий реалиям советского времени.

Народническая тематика в основном была представлена исследованиями по истории революционного движения 70-х – начала 80-х гг. XIX в., изучение которого при старом режиме находилось под полузапретом. Впрочем, отношение официальной исторической науки к предшественникам марксистов было более чем сдержанным. Как писал Д. Б. Рязанов, задача «стоять на страже интересов народа», возлагаемая идеологами народничества на интеллигенцию, была не только непосильна, но и опасна, т.к. развивала в ней «склонность отделять себя от массы, ставить себя над ней, смотреть на нее как на материал»¹.

Из легальных народников по-прежнему наибольшее внимание привлекал Михайловский, чему в немалой степени способствовало увековечение его имени на гранитном обелиске в Александровском саду². Однако былой пиетет в отношении «властителя интеллигентских дум» постепенно сменяется едкими замечаниями историков-марксистов по поводу «беззубости» и «духовного истлевания» его идей. Крупной ошибкой Михайловского признается отсутствие в его программе требования завоевания власти (легальные народники добивались только политических свобод)³.

В начале 30-х гг. появились интересные статьи Б. П. Козьмина о народниках «Недели» второй половины 1870-х гг., «Русского богатства» (1880–1881 гг.) и «Устоев» (1881–1882 гг.); Н. К. Пиксанова о В. Г. Короленко; Н. Ф. Бельчикова о М. А. Протопопове и народнических писателях 1870–1880-х гг.⁴. Все упомянутые авторы, анализируя разногласия в народническом лагере, особое

лигенции // Красная новь. 1924. № 1 (18). С. 190, 199; Сакулин П. Н. Социологический метод в литературоведении. М., 1925. С. 77–80.

¹ Рязанов Д. Б. Очерки по истории марксизма. М., 1923. С. 461.

² См.: Колосов Е. Е. Н. К. Михайловский в деле Каракозова // Былое. 1924. № 23; Горев Б. И. Н. К. Михайловский. Его жизнь, литературная деятельность и мирозерцание. М., 1931.

³ Теодорович И. Домарксистский период революционного движения в России в оценках В. И. Ленина // Каторга и ссылка. 1934. № 1 (110). С. 47.

⁴ См.: Козьмин Б. П. «От девятнадцатого февраля» к «первому марта». Очерки по истории народничества. М., 1933; Пиксанов Н. К. В. Г. Короленко и народничество (По поводу одного неизданного письма) // К сорокалетию ученой деятельности Л. С. Орла: Сб. ст. Л., 1934; Бельчиков Н. Ф. Народничество в литературе и критике. М., 1934.

¹ Рейснер М. А. Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы // Печать и революция. 1922. № 1. С. 94–96; Полонский В. Заметки об интел-

внимание уделяли различным вариантам сближения интеллигенции с народом. При этом взгляды правых народников, как правило, подвергались жесткой критике за идеализацию масс и отрицание заслуг радикальной интеллигенции.

Наиболее подробно данный вопрос исследовался в статье Козьмина, посвященной публицистической деятельности забытого публициста «Недели» П. П. Червинского («П. Ч.»)¹. Автор аттестовал его как типичного семидесятника, «воспринявшего в свое мирозерцание многие черты, характерные для всего поколения мелкобуржуазной интеллигенции того времени». Касаясь предложенной «П. Ч.» программы общественной деятельности, Козьмин, в отличие от своих предшественников, высказал убеждение, что она отводила интеллигенции «хотя и служебную, но в высшей степени значительную и важную роль в будущем развитии России»².

Особое место в советской историографии занимает период с середины 30-х гг. до развенчания культа личности И. В. Сталина. В течение этих 20 лет исследования народничества были практически свернуты, т.к. все без исключения народники объявлялись реакционерами и злейшими врагами марксистов, не сумевшими подняться до понимания передовой роли рабочего класса. Легальных народников заклеили еще и как культурнических оппортунистов и пособников самодержавия. Отныне тема борьбы Ленина и Плеханова против субъективизма народников становится основным форматом для академического изучения идеологии реформаторского народничества³.

В качестве наглядной иллюстрации приведем выдержки из лекций Е. Н. Городецкого для Высшей партийной школы. Среди наиболее тяжких грехов народничества здесь называются: отрицание прогрессивности капитализма по отношению к старому крепостническому строю; непонимание крестьянства, его нужд и

интересов (главная причина провала «хождения в народ») и, наконец, «установки» о пассивности масс, «толпы» и активности «героев», обоснованные в «писаниях Михайловского» (имеется в виду его знаменитая теория «героев» и «толпы»)¹. При этом автор так дотошно следовал каждой букве «Краткого курса ВКП (б)», что допустил вопиющее противоречие. По его словам, народники не знали крестьянских интересов (стр. 29), но это, оказывается, не помешало им «объективно» отражать интересы крестьянства в его борьбе за американский путь развития капитализма (стр. 42). Вдумчивый читатель брошюры Городецкого вполне мог прийти к выводу, что народнический субъективизм все-таки соответствовал реальным потребностям пореформенной деревни.

После окончания Великой Отечественной войны многие историки и философы, не имея возможности заниматься идеологией народничества, переключились на изучение истории революционно-демократической мысли. Так появилось большое количество книг и статей на тему «В. Г. Белинский (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов) о роли народных масс и личности в истории»². Лейтмотивом всех этих работ была идея полной противоположности в решении проблемы «народ и интеллигенция» между «настоящими» демократами 40–60-х гг. XIX в. и «лжедемократами» – народниками.

Вторую половину 50-х – 70-е гг. можно назвать периодом реабилитации русского народничества, т.е. признания его прогрессивных сторон. Однако народников-реформистов эта реабилитация, осуществляемая под флагом возвращения к ленинским оценкам народничества, затронула очень мало. Потому что, по-прежнему считалось, что после 1 марта 1881 г. народничество «исчерпало себя», растворившись в либерализме и утратив тем самым свое исторически прогрессивное значение³.

¹ Городецкий Е. Н. Внутренняя политика самодержавия в 70 годах XIX в. Народничество. Лекции. М., 1940. С. 24–26, 38.

² Коган Л. Н. В. Г. Белинский о роли народных масс в истории // Уч. зап. Уральск. ун-та. Свердловск, 1952. Вып. 12; Караваев Г. Г. Чернышевский и Добролюбов о роли народных масс и личности в истории // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Л., 1955. № 168; Виленская Э. С. Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен о роли народных масс в освободительной борьбе // Вопросы философии. 1960. № 8.

³ Антонов В. Ф. Революционное народничество: Пособие для учителя. М., 1965. С. 5.

¹ Козьмин Б. П. От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». Очерки по истории народничества. М., 1933.

² Там же. С. 179.

³ См.: Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX вв. Л., 1948; Шестаков М. Г. Разгром В. И. Лениным идеалистической социологии народничества. М., 1951; Кадышева И. А. Борьба В. И. Ленина за идейное наследство русских революционных демократов против либерального народничества: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1954.

О слабой изученности взглядов легальных народников (за исключением Михайловского) говорит крайняя скудость литературы о них в обобщающих изданиях по истории различных областей общественной мысли дореволюционной России¹. Проблема интеллигенции здесь не рассматривалась. Лишь В. Ф. Пустарнаков, характеризуя вклад легальных народников в развитие философской мысли, заметил, что в 80–90-е гг. XIX в. с развернутой концепцией интеллигенции выступил Воронцов, а Каблиц ограничился публицистическими выпадами по ее адресу².

Важный вклад в изучение идеологии легального народничества внесли первые в отечественной историографии обобщающие труды по данной тематике Ф. М. Суловой и В. Г. Хороса³. Эти исследователи не просто отказались от утрированных обвинений народников-реформистов в реакционности и сознательном затуманивании эксплуатации трудящихся, но и включили в состав продолжателей традиции «русского социализма» теоретиков правого народничества Каблица и Воронцова.

И все же до начала 80-х гг. историки предпочитали заниматься идейным наследием Михайловского, который по давно установившейся традиции входил в обиход идеологов действенного народничества 1870-х гг.⁴. Особое внимание к Михайловскому было обусловлено масштабностью задач, поставленных им перед демократической интеллигенцией (определение дальнейшего пути исторического развития России, подготовка радикальной политической реформы, представительство интересов народа и т.д.). Наиболее подробное освещение эти вопросы получили в

монографии Э. С. Виленской – одной из вершин советского михайловскоговедения¹.

В рассматриваемый период возрождается интерес к народнической литературной критике и журналистике 1870–1880-х гг., когда, по признанию исследователей, обсуждение проблемы интеллигенции выходит на одно из первых мест². Специальному изучению полемики вокруг идеалов и практических задач демократической интеллигенции второй половины 1870-х гг. посвятила свою статью К. В. Зенкова. Сопоставив позиции Червинского, Михайловского, Протопопова и Шелгунова, она пришла к выводу о наличии в легальном народничестве не только либеральной, но и демократической тенденции, которую представляли «Отечественные записки» и «Дело»³.

Общие проблемы истории дореволюционной интеллигенции в эти годы разрабатывались в работах В. Р. Лейкиной-Свирской и Р. О. Карапетяна. Здесь тоже упоминались народнические теории интеллигенции, однако эти ссылки носили скорее дежурный характер⁴. Дело в том, что методологической основой для анализа идеологии народничества по-прежнему оставался исторический материализм, который изобличал народнические концепции интеллигенции как антинаучные. Лишь немногие марксистские исследователи решались (вслед за народниками) утверждать, что бывают эпохи, когда экономическое и политическое положение не имеет строгой направленности и возможны варианты выбора пути. «В такое время, – писал, например, И. Г. Лиоренцевич, – огромную

¹ Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX в. М., 1979. Термин михайловскоеведение, на наш взгляд, имеет полное право на существование. До 1914 г. о Михайловском было написано около 600 работ (см. список литературы в приложении к 10 тому его собр. соч.) и примерно столько же их появилось в советское время.

² См.: Левин III. М. Введение // История русской литературы. М.; Л., 1956. Т. 9. Ч. 1. С. 61; Балуев Б. П. Политическая реакция 80-х годов XIX в. и русская журналистика. М., 1971. С. 303–310; Михайлова С. Б. Н. Н. Златовратский в литературно-общественном движении 70–80-х годов XIX в.: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. С. 164–165.

³ Зенкова К. В. Взаимоотношения интеллигенции и народа и вопрос об идеалах в русской критике второй половины 1870-х годов // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Петрозаводск, 1967. Т. 18. С. 57–58.

⁴ Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 7–8; Карапетян Р. О. Становление и развитие интеллигенции как особого социального слоя. М., 1974. С. 50.

¹ См., напр.: История русской экономической мысли. М., 1960. Т. 2. Ч. 2; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2; Очерки истории русской этической мысли. М., 1976; Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л., 1978.

² История философии в СССР: В 5 т. М., 1968. Т. 3. С. 291.

³ Сулова Ф. М. Эволюция крестьянского социализма (80-е – первая половина 90-х годов XIX в.): Дис. ... докт. ист. наук. Л., 1971; Хорос В. Г. Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.). М., 1972.

⁴ См.: Седов М. Г. К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского // Общественное движение в пореформенной России: Сб. ст. М., 1965; Твардовская В. А. Н. К. Михайловский и «Народная воля» // Исторические записки: Сб. ст. М., 1968. Т. 82; Макаров В. П. Формирование общественно-политических взглядов Н. К. Михайловского. Саратов, 1972.

роль приобретает деятельность интеллигентного меньшинства...»¹. Недаром пальма первенства в изучении взглядов на интеллигенцию идеологов легального народничества принадлежала тогда зарубежным ученым².

В 80-е гг. историография темы обогатилась работами В. И. Харламова, Т. М. Канаевой, В. М. Фирсова, В. З. Дворкина. Хотя в целом они не выходили за рамки марксистской методологии, некоторые подходы и идеи этих молодых исследователей носили новаторский характер.

Настоящий прорыв в традиционной схеме изучения идеологии правового народничества сделала диссертация Харламова о Каблице-Юзове. В ней, в частности, была представлена новая периодизация истории легального народничества, начинавшаяся с рубежа 50–60-х гг. XIX в., а не с 1881 г.³. Это был серьезный удар по концепции классового перерождения позднего народничества, на которой строилась его марксистская критика.

В своих статьях Харламов подробно обосновал важность исследования проблемы интеллигенции для понимания особенностей становления и развития главных течений легального народничества. Особый упор он сделал на причинах отрыва передового умственного меньшинства от народных масс и на основных подходах к ее решению: революционном, политическом (народовольцев и Михайловского) и либеральном, культурническом (публицистов «Недели» во главе с Каблицем). Оценивая позиции ведущих теоретиков позднего народничества, исследователь признал историческую правоту представителей его левого крыла. Именно они, по мнению Харламова, сумели преодолеть (в теории) традиционное, намеченное еще славянофилами, противостояние «народа» и «интеллигенции» и указать новые пути к

их сближению. В то же время в самой формулировке проблемы «народ и интеллигенция», а не наоборот, Харламов следовал за Каблицем-Юзовым¹.

О пробуждении в начале 80-х годов исследовательского интереса к правому народничеству свидетельствует диссертация Канаевой о публицистах «Недели» (Червинском, Каблице, Лаврском и Абрамове). Как и в работах Харламова, здесь достаточно много места уделялось взглядам народников на проблему активизации интеллигентского фактора в общественной жизни пореформенной России. Причины этого явления исследовательница вполне справедливо связывала с пассивностью народных масс. Из того же корня проистекало обращение публицистов «Недели» к пропаганде «культурной работы» в деревне. При этом Канаева одной из первых в советской историографии народничества назвала устройство больниц, развитие народных школ и защиту правового положения крестьян «прогрессивным» по своему характеру явлением².

Социальной философии реформаторского народничества посвятил свое исследование Фирсов. Хотя цель автора состояла в разоблачении «реакционной сущности воззрений легальных народников на роль интеллигенции в общественной жизни», в диссертации содержался объективный анализ взглядов Каблиця и Воронцова на происхождение и социальную природу русской интеллигенции (со ссылками на их работы, а не на одни только сочинения Ленина). Интересно также замечание Фирсова о близости концепций интеллигенции «либеральных» народников и авторов сборника «Вехи»³.

В 1984 г. появилось первое специальное исследование немарксистских концепций интеллигенции, выполненное ленинградским философом Дворкиным. По его словам, в литературе по истории общественной мысли теоретическим формам самосознания русской интеллигенции конца XIX – начала XX в. уделялось

¹ Лиоренцевич И. Г. Основные этапы развития субъективной школы в русской социологии // Социологические исследования. 1975. № 2. С. 172. См. также: Ашин Г. К., Беленький В. Х. Народные массы – решающая сила общественного развития // Философские науки. 1973. № 5. С. 131, 135.

² См., напр.: Muller O. Intelligencija. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes. Frankfurt, 1971. S. 202–207. Подробнее о зарубежных исследованиях см.: Карпачев М. Д. Истоки российской революции: легенды и реальность. М., 1991. С. 64–97.

³ См.: Харламов В. И. Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблиця /Юзова/. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 6.

¹ Харламов В. И. Каблиц (Юзов) и проблема «народ и интеллигенция» в легальном народничестве на рубеже 70–80-х годов XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1980. № 4. С. 43.

² Канаева Т. М. Газета «Неделя» в общественном движении пореформенной России (1875–1893 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 14.

³ Фирсов В. М. Социальная философия либерального народничества (Воронцов В. П., Даниельсон Н. Ф., Каблиц И. И., Южаков С. Н.): Дис. ... канд. филос. наук. М., 1984. С. 19, 96.

определенное внимание. Однако исследователи никогда не ставили задачу установить *систему* и *эволюцию* концепций интеллигенции в главных направлениях общественной мысли, вследствие чего разработка этой проблемы носила фрагментарный характер. Наблюдение Дворкина касалось и социально-этической концепции интеллигенции, разрабатываемой Лавровым, Михайловским и Воронцовым. Подробно изучив эту первую по времени возникновения концепцию русской интеллигенции, автор пришел к выводу, что она полностью соответствовала тогдашнему историческому контексту. Более того, после усвоения этой концепции народнической интеллигенцией, она (концепция) превратилась в «фактор практического действия»¹.

Из других работ, затрагивающих те или иные аспекты рассматриваемой темы, отметим книгу Н. М. Пирумовой о земской интеллигенции 60–90-х гг. XIX в. Ее вклад в общественную борьбу, по мнению автора, состоял «прежде всего в... действенной профессиональной работе в народе», которая, помимо всего прочего, содействовала росту сознания крестьян. Столь высокая оценка культурнических начинаний демократической интеллигенции – важный симптом изменения отношения к идеологии легального народничества советской исторической науки².

В 80-е гг. кардинальные перемены намечаются и в отечественном обществоведении. Необходимость более объективного диагноза советского общества, особенно в условиях перестройки 1985–1991 гг., способствовала переоценке роли интеллигенции в жизни общества.

В 1982 г. журнал «Вопросы философии» публикует статью В. И. Толстых «Об интеллигенции и интеллигентности». Сравнивая «старую» (идейную) интеллигенцию XIX в., которая брала на себя миссию носителя общественной совести и «глашатая» прогрессивных идей своего времени, и «новую» (профессиональную, трудовую) интеллигенцию XX в., утратившую роль сознательного субъекта истории, автор задается вечным русским

вопросом: что такое интеллигентность и интеллигентна ли современная интеллигенция? По убеждению Толстых, такие критерии интеллигентности как высоко развитое чувство гражданской ответственности и обостренная реакция на всевозможные проявления несправедливости, не утратили своего значения и для советской интеллигенции. Ныне, пишет Толстых, массы стали грамотными, а интеллигенция – массовой. Но отсюда вовсе не следовало, что отпала необходимость в просветительской и культурно-воспитательной миссии интеллигенции, призванной самой своей природой не только нести в массы свет знания, передовые воззрения, но и быть примером высокой духовности и нравственной культуры¹.

Статья Толстых, по сути дела, ставила под сомнения преимущества социологического подхода к пониманию феномена интеллигенции. К точно такому же выводу приходили исследователи национальной специфики формирования интеллигенции в странах с замедленным капиталистическим развитием, где она также складывалась в особую социальную группу². Русская интеллигенция была по своей социальной сущности маргинальным образованием, что позволило ей взять на себя функции, не свойственные интеллигенции развитых буржуазных стран. Таким образом, исторический идеализм и субъективизм народников, ложный в гносеологическом смысле, оказывался истинным в историческом смысле³.

На рубеже 80–90-х гг. марксизм как теория развития общества и государственная идеология утрачивает свои прежние монопольные позиции. На фоне бурных дебатов о путях выхода страны из охватившего ее системного кризиса оказались востребованы идеи дореволюционных русских мыслителей, включая идеологов легального народничества. Лейтмотивом многих публикаций становятся вопросы о том, почему русская интеллигенция выступала против ускоренного капиталистического

¹ Толстых В. И. Об интеллигенции и интеллигентности (Культурно-личностный аспект) // Вопросы философии. 1982. № 10. С. 89, 93.

² См., напр.: Хорос В. Г. Идеинные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 84; Чепулис-Растенес Р. Формирование интеллигенции // Социальная структура общества в XIX в. М., 1982. С. 344–345.

³ Зайцев В. А. Субъективный метод в социологии как форма преодоления противоречия познания и социальной практики // Проблемы философии. Киев, 1985. Вып. 66. С. 89.

¹ Дворкин В. З. Концепции интеллигенции в русской общественной мысли конца XIX – начала XX века: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1984. С. 5. Он же. Концепция интеллигенции в социальной философии народничества // Философия и освободительное движение в России: Межвуз. сб. Л., 1989. С. 145.

² Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986. С. 232–233.

развития страны под патронажем царского правительства и следует ли оценивать веру народников в социальный прогресс и демократию на русской почве как проявление слабости интеллигентской мысли¹.

Признание важности изучения проблемы интеллигенции для понимания дальнейших судеб страны очень быстро отразилось на содержании работ по истории общественной мысли второй половины XIX – начала XX в. В них исследователи впервые заговорили о возможности различных интерпретаций феномена передовой русской интеллигенции, в том числе при помощи разработанного еще Лавровым и Михайловским социально-этического подхода².

Общее представление о степени изученности народнических концепций интеллигенции в советской историографии дает специальная статья на эту тему Б. П. Балуева³. По свидетельству историка, вопрос о социальной роли интеллигенции в пореформенные годы был одним из самых дискуссионных, однако в научной литературе о нем имеются лишь упоминания. Второе замечание Балуева касается широко распространенной точки зрения о существовании у «либеральных» народников единой концепции интеллигенции. Автор ее опровергает, ссылаясь на наличие у народников различных подходов к общественным преобразованиям страны. Систематизируя народнические взгляды на задачи (социальные функции) интеллигенции, исследователь выделяет как минимум три такие концепции (Воронцова, Каблицы и Михайловского). Сравнив народнические концепции интеллигенции, Балуев приходит к характерному для марксистской историографии выводу о том, что по всем ключевым вопросам (отношение интеллигенции

к капитализму, государству, народу) различия между ними были не существенными. Ссылаясь на мнение Плеханова, он признает все эти концепции ложными и архаичными, поскольку народники выражали самосознание мелкобуржуазной интеллигенции, тогда как будущее было за интеллигенцией пролетариата¹.

С начала 90-х гг. подобные оценки народнических взглядов на интеллигенцию начинают вызывать критику со стороны все большего числа исследователей. Радикальные изменения в социально-политической жизни России не могли не способствовать развитию новых подходов к интерпретации концептуальных и теоретических построений одного из самых крупных и влиятельных течений общественной мысли 70–90-х гг. XIX в.

Важным свидетельством начавшихся в отечественной исторической науке перемен явилось проведение в 1992 г. в Москве конференции в честь 150-летия со дня рождения Н. К. Михайловского. Участвовавшие в ее работе ведущие специалисты по истории общественной мысли России второй половины XIX в. (А. И. Володин, Б. М. Шахматов, Ф. М. Сусллова, В. А. Твардовская, Б. С. Итенберг, В. Ф. Пустарнаков и др.) отметили весомый вклад Михайловского в развитие отечественной интеллектуальной культуры и необходимость «актуализации» его идейного наследия, включая теорию «героев и толпы»².

В числе первых постсоветских исследователей, попытавшихся пересмотреть марксистскую трактовку народничества, связав его возникновение и эволюцию с особенностями модернизации страны, был А. М. Медушевский³. Дальнейшее развитие этот подход получил в докторской диссертации Л. Г. Березовой. По ее

¹ Там же. С. 46–47, 74. В том же ключе концепции интеллигенции В. П. Воронцова и И. И. Каблицы анализировались в диссертации А. В. Филиппова. См.: Филиппов А. В. Либеральное народничество и российский марксизм (На материалах публицистики 80–90-х гг. XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992. С. 65, 68–73.

² По мнению В. Ф. Пустарнакова, автора доклада «Не совсем оригинальные, но мудрые мысли Михайловского о вожаках («героях»), увлекающих толпы», никакого «культа героев» у Михайловского не было. Его в первую очередь интересовала природа массовых движений и особая роль отдельных личностей (вожачков) в их активизации. См.: Володин А. И. Выдающийся деятель русской культуры [О конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. К. Михайловского. Москва, 22 декабря 1992 г.] // Отечественная история. 1993. № 6. С. 216–217.

³ Медушевский А. М. История русской социологии. М., 1993. С. 95–97.

¹ См.: Колеров М. Народническое наследие и русский марксизм: 1890-е годы // История мировой культуры: традиции, инновации, контакты: Сб. ст. М., 1990; Хорос В. Разомкнутый треугольник // Знание-сила. 1990. № 1; Грязневич В. Поводыри слепых: Интеллигенция как социальный феномен // Звезда. 1991. № 11.

² См.: Соколов А. Л. Вопрос об интеллигенции в оппозиционной публицистике (1901–1904 гг.) // Общественно-политическая проблематика периодической печати России (XIX – начало XX вв.): Сб. ст. М., 1989. С. 86; Барбакова К. Г., Мансуров В. А. Интеллигенция и власть. М., 1991. С. 74–83, 113; Малинин В. А. История русского утопического социализма. Вторая половина XIX – начало XX вв. М., 1991. С. 12–13, 170–176, 223–225.

³ Балуев Б. П. Либеральное народничество и Г. В. Плеханов (проблема интеллигенции) // Революционеры и либералы России: Сб. ст. М., 1990.

убеждению, народничество – это *тип сознания*, миропонимания определенной части русской интеллигенции, который она выработала в условиях ускоренной модернизации России с целью собственной идентификации¹. Тот же взгляд на народническую интеллигенцию, как носительницу определенного типа сознания, отличающегося открытой и активной направленностью в защиту интересов народа, высказывали Л. И. Новикова и И. Н. Сиземская во вступительной статье к сборнику материалов по истории русской социально-философской мысли².

В 1994 г. появляется подробное исследование марксистской концепции интеллигенции Н. Г. Павловой, поставившей вопрос о влиянии на ее русский вариант народнических традиций. По мнению автора, история отражения феномена русской интеллигенции в теоретическом знании (как и история самой интеллигенции) началась в 1870-е гг. с идеологии народничества. Из элементов народнического наследия в марксизме Павлова выделяет сходное решение вопроса о роли народных масс и личности в истории (апология идеи коллективного творчества масс), идентичность методов исследования (субъективного метода народников и социально-классового подхода русских марксистов), тенденцию к дискриминации интеллигенции, как следствие ее служебной роли по отношению к народу, буржуазного мировоззрения и особой склонности к бюрократизму³.

Из работ первой половины 90-х гг., непосредственно посвященных легальному народничеству, выделяется диссертация В. В. Блохина об исторических взглядах Михайловского⁴. Советская историческая наука всегда трактовала народническую теорию про-

гресса как субъективно-идеалистическую и антиисторическую. Главный объект ее критики – субъективный метод, руководствуясь которым народники представляли критически мыслящих личностей (интеллигенцию) сверхисторической силой. В своей диссертации Блохин задается вопросом: можно ли отрицать эвристическую значимость теорий, если они (несмотря на весь свой утопизм) на практике нормируют жизнь и управляют действительностью?¹ В итоге историк приходит к заключению о том, что социология народничества *научна* в такой же мере, как и марксизм, как и любая иная научная система. Нет и не может быть, пишет Блохин, универсальных и неизменных критериев научности без учета социокультурной динамики (изменения запросов конкретно-исторической среды)². Иными словами, общественный прогресс невозможно объяснить без учета психологического или личностного фактора в истории, игнорируя «стихийную силу» индивидуального сознания, как это делали марксисты.

Блохин довольно подробно анализирует отстаиваемую Михайловским концепцию интеллигенции. По мнению историка, доминирующим аспектом общественного мирозерцания и деятельности радикальной русской интеллигенции был этический аспект: обостренное чувство долга перед народом, порожденное переходным состоянием общества, выпадением интеллигенции из традиционно-институционализированных форм социального поведения³. Блохин – один из немногих современных исследователей, доказывающих, что предложенная Михайловским интерпретация явления интеллигенции может быть использована для понимания причин возникновения русского народничества, как движения среди деклассированной отечественной интеллигенции.

В 1995 г. в РГГУ прошла научная конференция «Образованное меньшинство и крестьянский мир». Ее участники размышляли об истоках не состоявшегося общенационального диалога. Рассматривались и народнические стратегии интеграции интеллигенции в народ. В этой связи был поставлен вопрос о необходимости более подробного изучения различных интерпретаций

¹ Березовая Л. Г. Самосознание русской интеллигенции начала XX в.: Дис. ... докт. ист. наук. М., 1994. С. 51.

² Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М., 1993. С. 16. См. также: Элбакян Е. С. Религиозная идея в сознании народников // Кентавр. 1995. № 3. С. 138, 150. По мнению исследовательницы, одна из характерных особенностей сознания народнической интеллигенции – его «религиозность» или точнее «религиозное настроение», проявившееся в некритической вере в силу разума, добровольном стремлении к бедности и мессианском восприятии своего служения народу.

³ Павлова Н. Г. Формирование марксистской концепции интеллигенции в России: (историко-философский анализ): Дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1994. С. 11, 20, 24–25, 38–39, 79, 81–82.

⁴ Блохин В. В. Исторические взгляды Н. К. Михайловского: дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

¹ См. книжный вариант диссертации: Блохин В. В. Историческая концепция Николая Михайловского (к анализу мировоззрения российской народнической интеллигенции XIX века). М., 2001. С. 11.

² Там же. С. 69, 105, 109.

³ Там же. С. 218–224.

понятия «народ» в среде народнической интеллигенции. В частности, А. Б. Асташов показал, что такие народники как Каблиц воспринимали народ не как некую бесформенную массу. Для них «народ» – это коллектив, состоящий из конкретных личностей, с мнениями и желаниями которых надо было считаться даже «все знающей» интеллигенции¹.

Заметным событием в новейшей историографии легального народничества явилась монография Балугева о наиболее видных его теоретиках. В ней содержится скрупулезный анализ идейных позиций правого (ортодоксального) и левого (политизированного) крыла реформаторского народничества, а также история их формирования и эволюции от 1870-х до начала 1900-х гг.

Балугев является выразителем классового подхода к изучению реформаторского народничества, но уже очищенного от свойственной марксистской историографии очернительной тенденции в оценках взглядов его идеологов. По убеждению ученого, все они (от Каблицы-Юзова до Михайловского) по сути своей крестьянские демократы. Поэтому он не считал возможным отказываться от традиционного именования этих народников либеральными. «Сразу оговоримся, – пишет Балугев в главе “Историография проблемы”, – что встречающееся иногда в нашей научной литературе для обозначения этого направления общественной мысли название “легальное народничество” мы считаем не вполне корректным и правомерным, ибо легальность или нелегальность – это показатель формы, а не существа направления»². Всех «либеральных» народников, по мнению Балугева, роднят такие типологические черты, как «осознанная отстраненность» от подпольных и тем более террористических методов борьбы, вполне лояльное отношение к «малым делам» (несмотря на теоретическое их осуждение Михайловским и его сторонниками) и, наконец, апелляция к властям по поводу сохранения общинных устоев в деревне³.

Таким образом, в понимании существа народничества Балугев скорее склонен согласиться с ленинским его определением. Не

случайно в своих работах он дольше других сохранял верность теме споров народников с марксистами¹. В то же время нельзя не отметить, что именно устами Балугева на исходе XX в., наконец, признано, что не было никакого идейного разгрома народничества марксистами. Это миф. В начале XX в. народничество (правда, уже в лице эсеров и энесов) переживало явный подъем. В лагере легальных марксистов, напротив, наступила дезорганизация, завершившаяся переходом части марксистов на позиции идеализма².

Лидером в разработке новой методологии изучения легального народничества на современном этапе выступил В. В. Зверев. Чтобы отгородиться от прежней (марксистской) исследовательской традиции, он ввел термин «народники-реформаторы». Либерализм и народничество, конкретизирует свою позицию исследователь, доктрины, полярные в своей основе. Либерализм ориентирован на индивидуализм личности, народничество на первое место ставит коллектив личностей. Либерализм главным условием развития социума считает конкуренцию и столкновение интересов в различных областях жизни, народничество – обеспечение достойных условий существования всем членам общества³. Не согласен Зверев и с отождествлением народнического мировоззрения только с русским, крестьянским социализмом, как это делал Ленин. Его содержание, по убеждению историка, гораздо шире и включает в себя как социалистические, так и антикапиталистические, антилиберальные идеи. «Субъективно считая себя выразительницей взглядов крестьянства, народническая интеллигенция объективно выражала *собственное видение* (курсив мой. – Г. М.) происходивших процессов и пыталась оказать на них влияние». Сущность народнической доктрины, ее целевую направленность Зверев определяет как идеологию модернизации,

¹ См.: Балугев Б. П. В. И. Ленин о народничестве и неонародничестве (Сущность, типология разновидностей, периодизация) // Наследие В. И. Ленина и современность. М., 1989; Он же. Спор народников с марксистами о роли интеллигенции в историческом развитии России // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996; Он же. Споры в конце XIX века о роли интеллигенции в исторических судьбах России // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996.

² Балугев Б. П. Н. К. Михайловский и легальный марксизм (К 150-летию со дня рождения) // Отечественная история. 1992. № 6. С. 16, 29–30.

³ Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 24.

¹ Асташов А. Б. Интеллигенция и народ в публицистике Каблицы: диалог или диктат? // Россия в новое время: Образованное меньшинство и крестьянский мир: поиск диалога. Материалы межвуз. науч. конф. М., 1995. С. 79.

² Балугев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 7.

³ Там же. С. 55, 78, 258–259.

своеобразную реакцию «идейной» интеллигенции на развитие капитализма в России¹.

Подробно проанализировав дореволюционную историографию легального народничества, исследователь обнаружил, что подобная точка зрения высказывалась еще в начале XX в. А. Н. Потресовым и Ю. О. Мартовым. Последние рассматривали эволюцию русского народничества от «революционизма» к идеологии «малых дел» исходя из «нарастания группового самосознания интеллигенции», которое развивалось в направлении более реалистичного понимания своего общественного предназначения и собственных интересов. Только в отличие от своих предшественников, Зверев делает акцент на способности интеллигенции подняться над интересами определенных общественных классов и осознать присущие только ей, передовой интеллигенции, цели, мировоззрение и идеологию².

Во второй половине 90-х гг. позиция Зверева нашла поддержку в работах других исследователей народничества³. Есть все основания считать, пишет, например, экономист В. Т. Рязанов, что русские народники, несмотря на ряд серьезных ошибок, одними из первых в мировой экономической науке подошли к необходимости *выбора* отличного от западной модели пути формирования рынка с опорой на создание многоукладного хозяйства, активной ролью государства, учетом исторических особенностей общественно-экономического развития (сохранения поземельной общины и т.д.)⁴.

Разумеется, в исторической литературе по-прежнему существует и противоположная точка зрения. Одним из ярких ее выразителей является Б. Н. Миронов. Он, в частности, доказывает, что в социокультурном, экономическом и политическом отношениях Россия XVIII – начала XX вв. изменялась в тех же на-

правлениях, что и другие европейские страны, только асинхронно. Поэтому *антибуржуазное* сознание российской интеллигенции, главной идеологией которой было народничество, тормозило социальную модернизацию страны (индивидуализацию личности, демократизацию семьи, генезис гражданского общества и правового государства)¹. С резкой критикой народнического учения об особом пути развития России, как одного из главных наших национальных мифов, выступает В. К. Кантор².

Различные трактовки идеологии народнической интеллигенции и ее влияния на судьбы страны не исключают наличие между ними общих точек соприкосновения. Большинство современных исследователей правого крыла русского народничества больше не рассматривают его историю как «отрывку» (результат перерождения) революционного народничества 1870-х гг. Реформаторское народничество – это самостоятельное направление народнической мысли со своими специфическими общественными задачами, стратегией и тактикой общественных преобразований.

Наиболее подробно взгляды легальных народников на задачи русской интеллигенции рассматривались в упомянутой выше монографии Зверева. Главный акцент при их изучении он сделал на разногласиях между Михайловским, Червинским, Каблицем, Воронцовым и Абрамовым по проблеме «интеллигенция и народ». Их суть, по мнению историка, заключалась в разной степени самостоятельности, отводимой передовой интеллигенции в деле коррекции процесса общественной эволюции страны. Более реалистической и объективной была признана позиция Михайловского, считавшего интеллигенцию главным двигателем социального прогресса. Вместе с тем, автор отмечает недооценку Михайловским позитивного влияния на народ служебной (врачебной, учительской, агрономической и др.) деятельности провинциальной интеллигенции, активной пропагандой которой занимались теоретики «малых дел»³.

¹ Зверев В. В. Реформаторское народничество... С. 13, 22, 24.

² Там же. С. 14–15.

³ См.: Блохин В. В. Н. К. Михайловский о роли личности в истории: ревизия марксистской концепции // Вестн. Российск. ун-та дружбы народов. Сер. История. 1996. № 3; Новак С. Я. Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4; Мокишин Г. Н. С. Н. Кривенко. Очерк жизни и деятельности (1847–1906). Воронеж, 1998.

⁴ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 7.

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 2. С. 289, 291, 320–321.

² Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. М., 1997. С. 254.

³ Зверев В. В. Реформаторское народничество... С. 156, 172, 183, 193–194, 221–222, 301, 313.

Тему неоднозначного отношения легальных народников к роли интеллигенции в деревне затронул в своей диссертации Д. Д. Жвания. Он также достаточно критически отнесся к постоянно звучащим со стороны идеологов крайне правого народничества обвинениям передовой интеллигенции во враждебности желаним и чаяниям народных масс. В отличие от своих предшественников Жвания более подробно осветил вопрос об истоках антиинтеллигентских настроений Каблиц, обнаружив их в анархической доктрине кумира его молодости – М. А. Бакунина. Все анархисты энергично протестовали против возможного прихода к власти «ученых» (интеллигентов), которые использовали бы ее для социальных экспериментов над народом¹.

В 1998 г. к изучению феномена «мощнейшего» альтруизма народнической интеллигенции обратился А. И. Юдин. На основе анализа работ Лаврова и Михайловского исследователь пришел к выводу, что особая нравственность интеллигенции (готовность принести себя в жертву интересам народа и прогресса) обуславливалась переходным состоянием русского общества от крепостничества к буржуазным отношениям. В этих условиях роль «чуткого барометра» общественного сознания, защитника гуманистических ценностей, а также вдохновителя общественных преобразований выпала на долю экзальтированной идеями долга, вины и расплаты интеллигентской молодежи².

В XXI в. идейное наследие русского народничества продолжает привлекать внимание историков. Новые сюжеты открываются в интересных работах молодых исследователей. В этом отношении выделяется монография И. А. Гордеевой об интеллигентных земледельческих общинах (колониях), в создании которых принимали участие некоторые известные народники. В отечественной историографии коммунитарные эксперименты 1870–1890-х гг. (интеллигентные поселки учеников А. Н. Энгельгардта, колония Криница на Черноморском побережье и др.) представлялись скорее как курьезы, а их участники – как странные люди с оторванными от жизни идеями. Гордеева убе-

дительно показала, что коммунитарный идеал выражал стремления определенной части образованного общества к внутреннему нравственному самосовершенствованию, мыслимому за основной способ улучшения общественных отношений, альтернативный революционному. Поэтому и движение образованных людей «на землю» (интеллигент, с точки зрения коммунитариев, должен быть прежде всего работником) она идентифицировала как составную часть российского общественного движения последней четверти XIX в., расширив тем самым наши представления о его многообразии¹.

Одна из задач диссертации С. Н. Касторнова заключалась в характеристике идейных течений реформаторского народничества, с учетом взглядов целого ряда его деятелей так называемого «второго плана». Касторнов доработал общепринятую «биполярную» классификацию течений легального народничества, выделяющую в нем только левое и правое крыло. В частности, он предположил разделить «левореформистское народничество», возглавляемое Н. К. Михайловским, на умеренных и радикалов. К умеренным народникам, не отрицавшим относительную пользу «малых дел», исследователь отнес С. Н. Южакова, Н. А. Карышева, Н. Ф. Даниельсона и Н. А. Каблукова; к радикалам – Н. Ф. Анненского, В. Г. Короленко, А. В. Пешехонова и В. А. Мякотина². Непонятно только, почему Касторнов не разделил таким же способом представителей правореформистского народничества (П. П. Червинский, И. И. Каблиц, В. П. Воронцов, Я. В. Абрамов, С. Н. Кривенко, В. В. Бирюкович, А. С. и В. С. Пругавины, А. А. Головачев, Л. С. Личков). Тогда бы его классификация легального народничества приобрела законченный вид.

Изучению взглядов известного народнического «расколовца» А. С. Пругавина посвятил свое исследование Б. Б. Сажин. Его внимание привлекло стремление Пругавина создать в 70–80-е гг. XIX в. теоретическую систему, примиряющую правое (культурническое) и левое (политическое) течения реформаторского народничества. Почвой для их сближения мог стать отказ

¹ Жвания Д. Д. Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 102, 213–214.

² Юдин А. И. Идея вины русской интеллигенции // Вестник Тамбовск. гос. ун-та. 1998. Вып. 2. С. 61–65.

¹ Гордеева И. А. «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. М., 2003; С. 7, 9, 148, 230–232.

² Касторнов С. Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ: Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. С. 20, 49–56, 60, 68.

народников от противопоставления «ума» и «чувства», теории и жизни (почвы), умственного и нравственного факторов общественного прогресса, а в конечном счете, от антитезы «интеллигенция» – «народ», чьи идеалы представляли, по убеждению Пругавина, неразрывное единство. Практическим выражением данной теории стала постановка перед интеллигенцией задачи пропаганды в народной и раскольничьей среде научного социализма, но без разрушения религиозной подкладки народного мирозерцания¹.

Обилие новых имен теоретиков легального народничества, чье идейное наследие стало предметом специального научного исследования, это, безусловно, важное достижение современного народниковедения. Однако нельзя не заметить, что наиболее востребованной фигурой в легальном народничестве, по уже указанным причинам, остается Н. К. Михайловский².

К изучению проблемы интеллигенции непосредственное отношение имеет докторская диссертация В. В. Блохина об общественно-политических взглядах Михайловского. В ней значительное место уделено попыткам этого «общенационального и надпартийного лидера российской демократии» воспроизвести социальный и духовный облик передовой русской интеллигенции. Автор обстоятельно проанализировал предложенную Михайловским концепцию руководящей роли интеллигенции в жизни общества, в соответствии с которой ей было необязательно считаться с мнениями «незрелого», «веками забитого» народа. По мнению исследователя, именно на этой почве с конца 80-х гг. XIX в. Михайловский сближается с либералами (сторонниками «мирного прогресса», опирающегося на современные достижения науки и общественной практики), что повлияло на окончательное оформление его доктрины «либерального социализма»³.

¹ Сажин Б. Б. Проблема народных религиозных движений в народничестве А. С. Пругавина (70–80-е гг. XIX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 13–15, 20.

² См.: Блохин В. В. На переломе. 1881–1904. Н. К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX в. М., 2004; Юдин А. И. Проблема исторического будущего России. Социальные идеи П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. Тамбов, 2004.

³ Блохин В. В. Становление доктрины «либерального социализма» Н. К. Михайловского: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2006. С. 30–32, 37–38.

Освещение новейшей историографии темы будет неполным, если не отметить исследования различных аспектов феномена российской интеллигенции (ее генезиса, положения в обществе, исторической миссии и т.д.), которые в большом количестве появились в последние годы.

По мнению ряда отечественных и зарубежных ученых, интеллигенцию как особую общественную силу, стремящуюся к решению ряда общественно значимых задач, сформировала ее оппозиция к существующему в России режиму¹. Подобная трактовка социальной природы русской интеллигенции позволяет поставить вопрос о приоритете нравственно-этического подхода к ее изучению над социально-профессиональным, что нашло отражения во многих работах по данной проблеме².

Из определений интеллигенции, наделяющих ее специфическими идейно-нравственными чертами, особого внимания заслуживают те, в которых подчеркиваются отличия русской интеллигенции от западно-европейской. Русский интеллигент, – пишет, например, И. Герасимов, – это интеллектуал в модернизирующемся обществе, который берет на себя несвойственную людям интеллектуального труда функцию реорганизации общества в поисках новой социальной идентификации³. Данное понимание интеллигенции вполне согласуется с современной интерпретацией народнической доктрины как попытки передовой интеллигенции определить свое положение в обществе и свою роль в процессе модернизации страны.

¹ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 110, 317–323; *Виртуалфтер Элис*. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 204–205, 247.

² См.: Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М., 1997. Гл. 11; Карпачев М. Д. Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры...; Элбакян Е. С. Российская интеллигенция как социокультурный феномен // Общественные науки и современность. 2003. № 3.

³ Герасимов И. Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 67. См. также: Шапошник А. В. Историческая миссия русской интеллигенции // Россия накануне XXI века: Новые веки. Воронеж, 1999. С. 145; Лотман М. Ю. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы междунар. конф. М.; Венеция, 1999. С. 125.

Новый подход к осмыслению явления отечественной интеллигенции имеет и свои слабые места. Это неоднородность социального состава дореволюционной русской интеллигенции, субъективизм этических критериев анализа и как следствие – возрождение сложившейся еще в XIX в. тенденции к идеализации ее образа. Поэтому некоторые современные исследователи по-прежнему отрицают феномен русской интеллигенции, доказывая, что мы имеем дело с мифами, созданными ее идеологами¹.

Подведем общие итоги изучения взглядов ведущих теоретиков легального народничества на интеллигенцию. Первое, на что следует обратить внимание, это сравнительно небольшое количество народнических идеологов, чьи концепции интеллигенции стали предметом специального научного анализа. Их всего трое: Михайловский, Каблиц и Воронцов. Объясняется это тем, что именно их подходы к проблеме русской интеллигенции являются системообразующими. Остальные народники (Кривенко, Оболенский, Протопопов, А. С. Пругавин и др.), судя по отзывам исследователей, ничего принципиально нового в народническое понимание социальной природы интеллигенции и ее роли в общественной жизни страны не внесли².

Вторая особенность исследования данной темы заключается в его избирательности, а точнее *фрагментарности*. Обусловлено это тем, что народнические концепции интеллигенции исторически формировались в контексте определенного круга проблем. Чаще всего вопрос об интеллигенции трактовался народниками (а потом и исследователями) в связи с проблемой народа. Не случайно большинство историков называют главным источником разногласий среди народников различные варианты сближения

интеллигенции с трудящимися массами. Еще один важный аспект изучения народнических взглядов на интеллигенцию и ее историческое предназначение связан с попытками народников-реформистов противодействовать развитию в России капитализма, противопоставив ему модель самобытного варианта модернизации страны.

В последние 15–20 лет вместе с признанием существования в пореформенной России феномена «идейной» интеллигенции в литературе о легальных народниках вновь обсуждаются вопросы о предлагаемых ими дефинициях интеллигенции, свойствах ее характера, особенностях формирования этой социальной группы, ее историческом призвании и др. Однако большинство из перечисленных вопросов по-прежнему изучаются применительно не ко всему реформаторскому народничеству, а лишь к отдельным, наиболее известным его представителям. Вопрос о необходимости *систематизации* народнических взглядов на интеллигенцию остается открытым. В итоге до сих пор не получили удовлетворительного объяснения такие принципиально важные для понимания идеологии и истории русского народничества вопросы, как причины обострения разногласий по проблеме интеллигенции между ведущими народническими теоретиками; почему в понимании явления передовой русской интеллигенции было так много противоречий; как сами народники объясняли истоки своего демократизма, антибуржуазности и оппозиционности; какое влияние оказали различия между социально-этическими и социально-экономическими концепциями интеллигенции на становление и эволюцию позиций главных фракций реформаторского народничества.

На наш взгляд причины слабой изученности этих вопросов следует искать в методологии исследования данной темы. Во-первых, долгое время считалось, что изучать представления народнической интеллигенции об ее месте и роли в жизни общества – значит заниматься описанием ее групповых комплексов и предрассудков. Эвристическая ценность народнических концепций интеллигенции по сей день находится под вопросом. Во-вторых, большинство исследователей народнических взглядов на проблему интеллигенции исходило из наличия единственно правильного ее решения, отдавая честь его открытия русским марксистам. Смысл такого изучения сводился к выявлению недос-

¹ См.: Соколов К. Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999; Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосмос в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999; Орлов С. Б. Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // Социальные исследования. 2001. № 11.

² Исключение составляет, разве что, Я. В. Абрамов. Отстаиваемая этим народником концепция «трудовой» интеллигенции, как показал В. В. Зверев, имела принципиальные отличия от концепций интеллигенции Н. К. Михайловского и И. И. Каблицы. См.: Зверев В. В. Эволюция народничества: «теория малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 87.

татков и слабостей народнических теорий по сравнению с марксистско-ленинским учением об интеллигенции.

Современные народниковеды, казалось бы, свободные от догматизма своих предшественников, по-прежнему делят народнические концепции интеллигенции (и стоящие за ними программы общественных преобразований страны) на правильные, т.е. прошедшие проверку временем, и ошибочные. При этом главным объектом критики остаются взгляды идеологов «малых дел» и «культурничества». А высота понимания задач своего времени принадлежит политическим радикалам во главе с Михайловским, который еще при жизни был возведен в ранг «апостола истины и справедливости»¹. На самом деле отстаиваемый им механизм общественных преобразований не менее уязвим для критики, чем тот, что предлагали другие народнические теоретики.

В данной работе доказывается существование в легальном народничестве не только правого и левого флангов, но и центра в лице теоретиков так называемого «созидательного» народничества (Воронцова и Кривенко)². Изучение их идейного наследия дает возможность раскрыть тенденцию к преодолению крайностей народников-ортодоксов и народников-прогрессистов, в том числе их отношение к проблеме интеллигенции. Только проанализировав позиции представителей всех основных идейно-тактических направлений в легальном народничестве, можно составить общую картину процесса самоидентификации этой части русской интеллигенции в эпоху форсированной модернизации России.

Цель исследования состоит в реконструкции легально-народнического учения³ о русской демократической интеллигенции как

¹ Подробнее см.: Мокшин Г. Н. К вопросу о «культе» Н. К. Михайловского в новейшей историографии русского легального народничества // Россия: история, наука, культура. Материалы VI Всероссийск. научно-теоретич. конф. М., 2003.

² Термин «созидательное» народничество, предложенный Е. Д. Максимовым, отражал стремление этой народнической фракции к созданию материальных и духовных предпосылок для будущего культурно-исторического подъема страны. См.: Слобожанин М. [Максимов Е. Д.] Из истории созидательного народничества. Черты из журнальной деятельности С. Н. Кривенко // Жизнь для всех. 1910. № 7, 8–9, 11.

³ Под учением здесь понимается совокупность идейных концепций, направленных на объяснение какого-либо явления с целью формирования идеологиче-

особой общественной силе, способной при определенных обстоятельствах изменить ход русской истории. Особое внимание уделяется вопросу о том, почему значительная часть передовой русской интеллигенции самоопределялась через народ, т.е. видела цель и смысл своего существования в защите интересов народного труда.

Для реализации намеченной цели необходимо установить:

1) основные подходы к решению проблемы интеллигенции, предложенные теоретиками русского легального народничества, и их идейное обоснование;

2) содержание отстаиваемых народниками-реформистами концепций интеллигенции (типы интеллигенции и их характеристики; социально-исторические условия образования и функционирования интеллигенции в обществе; историческая миссия интеллигенции и условия ее выполнения; проблема консолидации демократической интеллигенции);

3) факторы, способствовавшие эволюции народнических взглядов на общественные задачи русской интеллигенции, а также причины кризиса народнического типа сознания на рубеже XIX–XX вв.;

4) влияние предложенной легальными народниками трактовки проблемы интеллигенции на развитие гражданского сознания пореформенного русского общества.

Основными источниками для написания работы послужили научно-публицистические труды главных идеологов легального народничества. Это статьи и рецензии, опубликованные в периодических изданиях второй половины XIX – начала XX в. («Отечественные записки», «Русское богатство», «Дело», «Неделя», «Устои», «Мысль», «Северный вестник», «Русская мысль», «Новое слово», «Сын Отечества»). Большинство публикаций принадлежит Михайловскому, Каблицу, Воронцову, Кривенко, Оболенскому и Абрамову, как главным разработчикам легально-народнических концепций интеллигенции и практических программ их реализации. Важное значение для понимания причин разногласий по проблеме интеллигенции между народническими фракциями имеют статьи Н. В. Шелгунова, Н. Н. Златовратского,

ского и политического поведения масс. При этом учение может быть систематизировано его создателями (тогда его принято называть доктриной), а может по известным причинам не получить развернутого изложения.

П. П. Червинского, К. В. Лаврского, А. С. и В. С. Пругавиных, М. А. Протопопова, Е. Д. Максимова, С. Н. Южакова, В. В. Бирюковича, Н. А. Энгельгардта.

Наиболее подробное изложение народнических взглядов на интеллигенцию как на особый социальный феномен пореформенной русской жизни содержится в книге В. П. Воронцова «Наши направления» (1893). Другие легальные народники, как правило, разрабатывали отдельные аспекты проблемы интеллигенции и далеко не всегда стремились систематизировать свои взгляды. Из отдельных изданий следует также выделить книги С. Н. Кривенко «Физический труд как необходимый элемент образования» (1879), И. И. Каблицы «Интеллигенция и народ в общественной жизни России» (1885), Я. В. Абрамова «Что сделало земство и что оно делает» (1889), А. С. Пругавина «Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения» (1890). Публикация каждой из них оказала определенное влияние на развитие народнических взглядов на интеллигенцию и ее общественные задачи.

Для анализа идейных истоков народнического учения об интеллигенции и ее долге перед народом привлекаются сочинения мыслителей второй трети XIX в. В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, И. А. Писарева, Ю. Г. Жуковского, Д. И. Писарева.

Учитывая, что формирование и развитие легально-народнических концепций интеллигенции происходило в острой идейной борьбе с революционными народниками, а также с представителями консервативной, либеральной и марксистской мысли, в работе использовались статьи М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева, Л. А. Тихомирова, К. Н. Леонтьева, А. С. Суворина, И. С. Аксакова, А. Н. Пыпина, В. А. Гольцева, Г. В. Плеханова, А. И. Богдановича.

Полемика об интеллигенции получила отражение в обзорах периодической печати в «Наблюдателе», «Русском богатстве», «Мысли», «Отголосках», «Русском обозрении», «Русской мысли», «Вестнике Европы», «Мире божьем», а также в статьях, опубликованных в подпольных изданиях народников «Вперед!», «Община», «Земля и воля» и «Народная воля». Знакомство с этой литературой позволило уточнить отличительные черты народнических концепций интеллигенции.

Вторая категория источников – художественно-публицистические произведения Г. И. Успенского, роман Д. Л. Мордовцева «Знамена времени», беллетристическая повесть Н. К. Михайловского «Вперемежку», рассказы и очерки Н. Н. Златовратского. Художественное творчество народников – это важный инструмент пропаганды их взглядов. Не случайно оно вызывало не менее острые споры, чем обсуждение вопросов экономической и политической жизни страны.

Ценным источником для изучения взглядов легальных народников на новые задачи интеллигенции в деревне служат так называемые открытые письма (т.е. предназначавшиеся для публикации в печати) В. П. Воронцова, Н. Н. Златовратского, К. В. Лаврского, В. С. Соловьева, А. Н. Энгельгардта, В. И. Яковенко. Сюда же относятся письма читателей в редакцию «Недели» и «Русского богатства» Оболенского. Из личной переписки «по общественным вопросам» – письма Х. Д. Алчевской, С. С. Голоушева, С. М. Кравчинского, В. Г. Короленко, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, А. И. Эртеля. Неопубликованная в печати личная и деловая переписка Н. К. Михайловского, С. Н. Кривенко, В. П. Воронцова, Л. Е. Оболенского, И. И. Каблицы-Юзова, Я. В. Абрамова, П. В. Засодимского, Е. Д. Максимова заимствована из личных архивных фондов народников и идейно близких к ним писателей и общественных деятелей¹.

Существенную помощь в воссоздании общей атмосферы рассматриваемой эпохи, а также портретных характеристик наиболее ярких представителей народнической интеллигенции оказало знакомство с мемуарной литературой. Особый интерес представляют воспоминания самих народников-реформистов: Н. М. Астырева, П. В. Засодимского, С. Н. Кривенко, Е. Д. Максимова, Л. Е. Оболенского; активных участников народнического движения – Н. В. Васильева, А. И. Иванчина-Писарева, С. Ф. Ковалика, Н. С. Русанова, Н. А. Чарушина, В. М. Чернова, а также мемуары писателей и общественных деятелей В. В. Бартенева, И. В. Гессена, П. П. Перцова, В. А. Поссе, Э. К. Пименовой.

¹ Архив С. Н. Кривенко. – РГАЛИ. Ф. 2173; Архив Н. К. Михайловского. – РО ИРЛИ. Ф. 181; Архив Н. Н. Златовратского. – РО ИРЛИ. Ф. 111; Архив Е. Д. Максимова. – РО РНБ. Ф. 1029; Архив В. Г. Короленко. – ОР РГБ. Ф. 135, РГАЛИ. Ф. 234; Архив Н. А. Рубакина. – ОР РГБ. Ф. 358; Собрание писем писателей, ученых и общественных деятелей. – РГАЛИ. Ф. 1348.

Кроме того, в работе использованы автобиографии Каблица, Оболенского, А. С. Пругавина (РО ИРЛИ. Ф. 377) и Лаврского (РГАЛИ. Ф. 602), содержащие ценную информацию о формировании и эволюции их народнических взглядов.

Особым типом источников являются некрологи и посмертные статьи о Каблице, Михайловском, Кривенко, Оболенском, Златовратском. Они интересны оригинальными оценками идейных позиций бывших идеологов реформаторского народничества.

Ряд материалов извлечено из архивов III-го Отделения, Департамента полиции и Минюста. Это следственные дела «О лекаре В. П. Воронцове» (ГАРФ. Ф. 102) и «Об отставном подпоручике С. Н. Кривенко и др.» (РГИА. Ф. 1405), которые проливают свет на связи главных теоретиков умеренно правого народничества с революционным подпольем; брошюры революционного содержания о задачах демократической интеллигенции (РГИА. Ф. 1410); дело «О подчинении журнала «Эпоха» строжайшему цензурному наблюдению» (ГАРФ. Ф. 102).

Работа состоит из пяти глав. *Первая глава* посвящена формированию основных народнических подходов к интерпретации проблемы русской интеллигенции. Во *второй* и *третьей* главах анализируются главные положения легально-народнического учения о социальной природе интеллигенции и ее роли в общественной жизни пореформенной России. В *четвертой* главе рассматриваются попытки ряда идеологов народничества 1880–1890-х гг. сплотить русскую интеллигенцию вокруг задачи нового «хождения в народ» на так называемую «культурную работу». В *пятой* главе излагается отношение идеологов легального народничества к задачам демократической интеллигенции в революционный период русской истории.

Глава первая

ФОРМИРОВАНИЕ НАРОДНИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (1860-е – начало 1880-х годов)

*

Характерной особенностью народничества как выражения умонастроения определенной части русской интеллигенции многие его современники признавали идею неоплатного долга образованного общества перед народом. По свидетельству Н. Н. Златовратского, Я. В. Абрамова, Л. Е. Оболенского, готовность народников принести себя в жертву народным интересам возникла из этой идеи и продолжала жить до тех пор, пока мысль о долге перед «меньшим братом» – мужиком сохраняла власть над умами и сердцами интеллигентной молодежи¹.

С таким идеалистическим взглядом на причины возникновения одного из крупнейших общественных течений пореформенной России были согласны далеко не все его теоретики². Но, видимо, не случайно идейные противники народничества часто направляли острие своей критики именно против догмата долга интеллигенции перед народом, т.е. признания коллективной ответственности образованного общества за грехи отцов-крепостников и за свое «теперешнее» привилегированное положение³.

¹ Златовратский Н. Открытое письмо А. Н. Пыпину (По поводу его статьи «Народничество». Вестник Европы, № 1 и 2) // Русские ведомости. 1884. 17 февраля. № 48; Абрамов Я. В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900. С. 1–3; Оболенский Л. Е. Литературные воспоминания и характеристики // Исторический вестник. 1902. № 1. С. 127–128. См. также письмо Оболенского к В. П. Воронцову от 28 июля 1899 г., в котором он утверждал, что «никогда не говорил, что основа народничества есть сознание долга народу, но этический принцип, лежащий в основе его стремлений, есть, несомненно, признание этого долга». – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 316. Л. 1.

² См., напр.: В. В. [Воронцов В. П.] «Корни» народничества семидесятых годов // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 152, 153, 171.

³ См.: Пыпин А. Народная грамотность // Вестник Европы. 1891. № 1. С. 255–256; А. Б. [Богданович А. И.] Критические заметки // Мир божий. 1895. № 3. С. 228; Фудель И. Поучительная история. (К школьному вопросу) // Русское обозрение. 1895. № 10. С. 756.

§ 1. Идея долга образованного общества перед народом и ее влияние на интеллигенцию пореформенного времени

В литературе о народничестве возникновение вопроса о расправе интеллигенции с народом, как ее наипервейшей нравственной обязанности, обычно связывают с эпохой «хождения в народ». На самом деле родословная этой идеи начинается с русских просветителей XVIII в., впервые поставивших вопрос о долге просвещенного человека перед низшими слоями народа¹. Первое место в русском народе, доказывал в своей магистерской диссертации А. С. Кайсаров, должно принадлежать не «дворянам-дармоедам», а крестьянам, которые не только всех кормят, но и составляют наиболее здоровую в физическом и моральном отношении часть народонаселения, «корень» государства². Правда, при этом надо учесть, что между представлениями о народе просветителей и народников – дистанция огромного размера.

Еще в 1769 г., если верить журналу «Смесь», в русском обществе было распространено отношение к крестьянам как к «тварям», более похожим на животных, нежели на людей³. Спустя сто лет народники производят простой народ из «божьей твари» в главного творца истории. Чтобы понять причины этой удивительной эволюции, рассмотрим развитие идеи народа у предшественников русского народничества более подробно.

Реформы Петра I, призванные превратить Россию в передовую европейскую державу, внесли в русскую жизнь социокультурный раскол, повлиявший на всю последующую историю страны. На протяжении двух веков высшие слои русского общества стремились усвоить европейский (немецкий, французский, а потом и английский) образ жизни, мировоззрение и культурные традиции. Простой народ продолжал жить традициями допетровской Руси⁴.

¹ См.: Матковская И. Я. Проблемы развития прогрессивной этической мысли России (домарксистский период). М., 1990. С. 120; Кириллова Е. А. Очерки радикализма в России XIX века. Новосибирск, 1991. С. 126–127.

² Кайсаров А. С. Об освобождении крепостных в России. 1806 // Русские просветители (От Радищева до декабристов). Собр. произведений: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 369.

³ См.: Речь о существе простого народа // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. М., 1952. Вып. 1. С. 65.

⁴ Еще в начале XIX в. русский дворянин продолжал видеть в мужике «хозяйственный инвентарь», «невежественный и безнравственный скот» или, в

Первый мощный толчок к сближению господствующих классов и простонародья дала победа русского народа в войне 1812 г. Как Россия смогла остановить нашествие Наполеона, покорившего почти всю Европу? Почему все сословия, невзирая на прежние обиды и унижения, объединились вокруг престола и дали отпор «бесстыдному хищнику», вторгшемуся, как писал тогда «Сын Отечества», в «пределы благословенные» земли Русской. Видимо, русские не совсем обычный народ? В поиске ответов на эти вопросы у представителей культурного общества появилась потребность раскрыть типичные черты русского национального характера, что обогатило отечественную литературу и художественную культуру. Возродился интерес к российской истории. Раньше русское дворянство стыдилось своего происхождения. Теперь начинается процесс обратной его русификации. Образованные классы вновь приобщаются к культуре и быту своего народа, что придало их духовному творчеству недостающие ранее национальные черты.

В 20–30-е гг. XIX века в передовых общественных кругах, во многом благодаря влиянию просветительских идей, господствовало сентиментально-романтическое отношение к простому народу, канонизированное в 1833 г. «теорией официальной народности» С. С. Уварова. Народ воспринимался как общенациональная (социально нерасчлененная) категория и наделялся такими идеальными качествами как богобоязненность, царелюбие, терпимость к жизненным невзгодам и т.п. Однако постепенное утверждение в русской литературе реалистического метода воспроизведения действительности (стараниями А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и писателей «натуральной школы») привело к обострению споров об истинной и ложной народности и появлению нового – *социального* понятия народа¹.

лучшем случае, представителя низшей расы, предназначенной к черному труду и не способной к цивилизации. Когда во второй четверти XIX в. появились рассказы и повести из народного быта В. И. Даля, Д. В. Григоровича, И. С. Тургенева, многие помещики искренне недоумевали: «„Смотри-ка, они гораздо более походят на людей, чем мы думали!“ Как странно!». Это было, замечал А. И. Герцен, действительно, великое открытие того времени. См.: Герцен А. И. О романе из народной жизни России // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966. Т. 13. С. 176.

¹ См.: Сарычев А. П. Проблема народности и критический реализм. М., 1975. С. 116, 167, 171; Хватов А. Пути народности и реализма. Л., 1980. С. 26, 28–29.

Согласно одному из главных его творцов – В. Г. Белинскому, народ – это не совокупность всех сословий того или иного государства, а его простонародье или, говоря языком русских демократов, трудящиеся классы. Поэтому их интересы и интересы привилегированных классов общества диаметрально противоположны. Если писатель или художник действительно хотел стать народным, то он должен был защищать интересы народа-пахаря¹.

Весомый вклад в развитие идеи народа внесли «люди сороковых годов», сделавшие простой народ предметом своих пламенных споров, сложных теоретических построений и самых радужных надежд. Речь идет, конечно же, о славянофилах и западниках.

Славянофилы А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков первыми заговорили о народе, как субъекте истории, хранителе национальных традиций и устоев собственной неповторимой цивилизации. Основой дальнейшего развития России славянофилы считали такие, по их мнению, коренные начала русской истории, как крестьянская община, православие и власть, дружная с народом. Отныне образованное общество должно было прислушаться к голосу народа, учитывать его понятия, верования и чувства, находя в них не одни только суеверия и предрассудки, но и отражение вековой мудрости народной и высшей правды. «Мы вовсе не желали воскресить древнюю Русь, – вспоминал впоследствии А. И. Кошелев, – не ставили на пьедестал крестьянина, не поклонялись ему и отнюдь не имели в виду себя и других в него преобразовать. Все это – клеветы, ни на чем основанные. Но в этом первобытном русском человеке мы искали, что именно свойственно русскому человеку, в чем он нуждается и что следует в нем развивать... Кто теперь не за изучение русской старины, обычного народного права и других особенностей нашего народного быта? Кто теперь не признает в них глубокого смысла и великого для нашей будущности значения?»².

Противоположную славянофилам позицию занимали в 40–50-е годы XIX в. западники (Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, В. П. Боткин). Они тоже прекрасно понимали, что русское

общество, расколотое преобразованиями Петра I, нуждается в гармонизации. Только сближение высших и низших сословий представлялось им не как возвращение общества к народу, т.е. к традиционным ценностям русской жизни. Это народ должен был постепенно дорасти до общества, чтобы стать таким же культурным и цивилизованным (на европейский манер)¹. Для этого западники требовали отменить крепостное право, ограничить самодержавие и предоставить всему населению широкие личные и гражданские права и свободы.

На рубеже 40–50-х гг. XIX в. от либералов-западников отделяется его радикальное крыло во главе с В. Г. Белинским, А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Их идейная эволюция под влиянием европейской социалистической мысли произведет в представлениях передового общества о русском народе новый решительный поворот. Простой мужик, который до сих пор мало участвовал в историческом процессе, будет признан его решающей движущей силой, творцом новых форм общественной жизни.

Увидеть в темном, забитом нуждой мужике «социалиста по инстинкту», человека будущего, который незримо творит историю своей страны – это было слишком даже для славянофилов. Чтобы интеллигенция поверила в такие смелые предположения, основоположникам народничества потребовалось предварительно перевести социализм на русский язык, вписать его в национальную культуру. Надо было создать принципиально новую систему взглядов на народный быт, мировоззрение, культуру, умственные способности и нравственные задатки русского крестьянина. В 1850-е гг. с этой задачей успешно справился Герцен, который «секуляризировал» славянофильство (его религиозно окрашенную веру в народ), подготовив тем самым почву для народопоклонства отечественной интеллигенции². Итогом его трудов стала одна из самых востребованных в XIX в. теорий общественных преобразований России – теория русского общинного социализма.

¹ См.: Хазанов Б. Русская интеллигенция. История безответной любви // Погружение в трясину. М., 1991. С. 634.

² См.: Левицкий С. А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Франкфурт на Майне, 1983. С. 175; Земцов Б. Н. Идеология и ментальность дореволюционной российской интеллигенции // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 76.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 9 т. М., 1976–1982. Т. 1. С. 66; Т. 8. С. 603–604.

² Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. 1. Записки А. И. Кошелева. М., 1991. С. 91.

К началу 1860-х гг. идейная почва для возникновения народнического учения о долге образованных классов перед народом и восприятия его передовой интеллигенцией была готова. Но когда появилось само учение? В литературе определенного ответа на этот вопрос нет. Обычно его историю ведут с П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, реже с демократов 1860-х гг. И лишь немногие исследователи вспоминают о том, что идея возвращения долга «обездоленному нашему брату (мужику. – Г. М.)» уже присутствовала в статье Герцена «С того берега» (1850 г.)¹. Она следовала из концепции двух России – народной (производящей материальные блага) и дворянско-чиновничьей, существующей за счет систематического грабежа трудящихся масс и потому находящейся перед ними в постоянном долгу². Другими словами, одна из самых проникновенных народнических идей возникла у Герцена уже тогда, когда он создавал основы теории русского общинного социализма. Правда, еще в течение десяти лет она будет достоянием «уединенной» интеллигентской мысли.

Проникновение в общественное сознание идеи вины и неизбежной расплаты за многовековые страдания народа произойдет в эпоху отмены крепостного права. Именно тогда журнал «Современник» устами Н. А. Добролюбова начнет настойчиво убеждать дворянскую интеллигенцию в том, что она «заедает» народный труд, не испытывая при этом ни малейшего стыда перед теми, кто обеспечивает ее безбедное существование³.

Громадный переворот в мыслях и настроениях «русских европейцев» произведет 1861 г. Судя по воспоминаниям современников этих событий, освобождение помещичьих крестьян воспринималось как начало долгожданной весны. Ожидалось, что народ, сотни лет спавший непробудным сном, теперь «войдет в на-

шу жизнь», «изменится сам и изменит нас»¹. Тогда же в печати был открыто поставлен вопрос, который Н. А. Некрасов выразил крылатой фразой: «Народ освобожден, но счастлив ли народ?».

Русские радикалы были уверены, что крестьянская реформа не принесет мужику должного удовлетворения, т.к. правительство проводит ее в интересах помещиков и сохранения в стране собственной власти. Поэтому в недрах революционного подполья началась деятельная подготовка к ожидаемому в 1863 г. всенародному бунту. Главными лозунгами нарождающегося народнического движения стали требования для народа «земли» и «воли», впервые четко сформулированные в статье Огарева «Что нужно народу?», опубликованной в «Колоколе» в июле 1861 г.² В легальной печати они отстаивались на страницах журнала «Современник» – самого популярного демократического издания того времени.

Особую остроту вопросу о положении «освобожденного» народа придали захватившие печать после манифеста 19 февраля 1861 г. «толки» о сближении с ним образованных людей. Позиция «Современника» подробно раскрывалась в одном из критических очерков И. А. Пиотровского. Суть ее сводилась к признанию просвещения народа в качестве главного рычага предполагаемого сближения. Образование должно было заставить мужика «судить и мыслить» о причинах своего бедственного положения и возможности его улучшения, а также способствовать примирению интересов низших и высших классов народа. В статье Пиотровского содержался весьма прозрачный намек и на то, какие еще шаги должны быть предприняты сторонниками сближения с простым народом. «Прямая обязанность людей образованных при проявлении народной воли (начала крестьянских волнений. – Г. М.) стремиться достичь благотворных для народа результатов, то есть доставить ему удовлетворение»³.

¹ Более пространно идея долга народу выражена А. И. Герценом в статье «Русское крепостничество» (1852): Скажем спасибо «этому забытому рабу за ту мудрость, которую мы приобрели ценою голода многих; трудового пота большинства и грубого невежества всех; поблагодарим их; ведь мы – пышный цвет славной цивилизации, чьи приветливые сады орошены кровью и слезами бедняков». См.: Герцен А. И. Указ. соч. Т. 12. С. 42.

² См.: Туниманов В. А. А. И. Герцен и русская общественно-литературная мысль XIX в. СПб., 1994. С. 116, 117; Юдин А. И. Идея вины русской интеллигенции // Вестн. Тамбовск. гос. ун-та. 1998. Вып. 2. С. 63.

³ См.: Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961–1964. Т. 1. С. 83; Т. 2. С. 326.

¹ Некрасова Е. Были ли у нас газеты для народа // Русская мысль. 1889. № 12. С. 68; Короленко В. Г. История моего современника. Кн. 2 // Короленко В. Г. Собр. соч.: В 8 т. М., 1953. Т. 7. С. 118; Николаев П. Ф. Очерк развития социально-революционного движения в России [1888 г.] // Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. С. 411.

² Полная версия формулы Н. П. Огарева – «Земля, воля, образование». См.: Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения: В 2 т. М., 1952. Т. 1. С. 530.

³ Пиотровский И. К вопросу о сближении с народом // Современник. 1861. № 8. С. 239, 241, 262, 263. См. также: Ред. [Гиперолифов А. С.] Может ли дворян-

В том же журнале в хронике «Записки современника» за 1865 г. появилась статья Ю. Г. Жуковского «Как измерить примерно долг народу цивилизованных классов?». Ее цель – доказать право крестьян на приобретение земли, капиталов и европейской культуры, чего они были насильственно лишены крепостным правом. Вернуть все это – означало восстановить историческую справедливость, нарушенную в свое время предками дворянской интеллигенции. В статье весьма обстоятельно разбирался вопрос о моральном состоянии российского общества, воспитанного в духе «спекуляции» и посягательства на «личное достоинство массы», и доказывалась необходимость противопоставления ему принципов гуманизма и уважения человеческой личности. По утверждению автора, личная энергия может возбуждаться только чувством долга и обеспечиваться поддержкой общественного мнения¹.

Эта же идея настойчиво проводилась в статьях популярного публициста «Русского слова» Д. И. Писарева. «Я взял в займы чужой труд (речь идет о физическом труде, затраченном народом на производство материальных благ. – Г. М.); теперь надо же уплачивать этот долг. А чем его уплачивать? Деньгами, что ли? Очевидная нелепость... За труд можно платить только трудом». Поскольку цитируемая статья Писарева была адресована интеллигентной молодежи, выплачивать свой общественный долг он предлагал путем развития в народе и обществе умственных сил (в лице «мыслящих реалистов»), способных возглавить борьбу за преодоление разрыва между физическим трудом и наукой – главной, по убеждению публициста, причины отсталости в развитии народа и страны в целом².

В начале 1860-х гг. обоснование идеи долга – это, безусловно, важная, но не самая главная проблема, волновавшая русских демократов. Гораздо больше их интересовал вопрос – кто поможет крестьянству вступить на новое для него историческое поприще: дворянство (бывшие крепостники) или представители передового общества, добровольно отказавшиеся от своих узкословных интересов во имя служения благу всего народа. Кто

из них может надеяться на понимание и поддержку масс, кто поведет их за собой?

Конечно, демократы решали эту дилемму в свою пользу. «Что за штука такая народ, с которым нужно сближаться?» – спрашивали они своих читателей на страницах подпольных и легальных изданий. Настоящий народ – это крестьянство, только оно является трудящимся классом¹. Образованное общество, а также армия и духовенство народом быть не могут. Это, как доказывал крестьянский поэт П. А. Мартыанов, скорее «колония иноземцев», потому, что все они (за исключением небольшой группы инженеров, механиков, художников, ученых, принадлежащих к народу по происхождению и сохранивших с ним духовную связь) существуют за счет эксплуатации народного труда².

В том, что массы знают, что им нужно и готовы к решительной и беспощадной борьбе за свободу, сомневаться считалось чем-то неприличным, недостойным настоящего демократа. Вера в народ пока еще была безграничной. Причем не только у рядовых интеллигентов, но и у их главных духовных наставников – А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского.

Герцен – неутомимый проповедник учения о коммунистических инстинктах мужика, еще в 1861 г. призвал молодежь идти «В народ! К народу!», чтобы воспитывать в нем сознательных социалистов³. О Чернышевском обычно пишут, что он уже в силу своего происхождения имел о народе более трезвые представления, далекие от его идеализации. Однако и он надеялся, что вышедший из крепостной зависимости народ очень скоро поднимется на решительную борьбу под лозунгами созданной революционерами организации «Земля и воля». В статье «Не начало ли перемены?» Чернышевский напишет об этом, правда эзоповым языком. «Ездит, ездит лошадь смирно и благоразумно – и вдруг встанет на дыбы или заржет и понесет. Будет ли какой-нибудь прок из такой выходки или принесет она только вред, это зависит от того, даст ли ей направление искусная и сильная рука (передовой интеллигенции. – Г. М.). Если вожжи схвачены такой рукой, лошадь в пять минут своей горячности перенесет все (и

ство слиться с народом? // Русский мир. 1862. 31 марта. № 13. С. 300–302.

¹ [Жуковский Ю. Г.] Как измерить примерно долг народу привилегированных классов? // Современник. 1865. № 9. С. 102, 104, 105, 107.

² Писарев Д. И. Реалисты // Писарев Д. И. Соч.: В 4 т. М., 1955–1956. Т. 3. С. 117–119.

¹ Кто народ и кто не-народ? (Отношение политических партий к нашему крестьянству) // Свободное слово. Берлин, 1862. Т. 1. Вып. 7–8. С. 455.

² Мартыанов П. Народ и государство. Лондон, 1862. С. 5, 6, 8, 20, 21.

³ Герцен А. И. Исполн просыпается // Герцен А. И. Указ. соч. Т. 15. С. 175.

себя, разумеется) так далеко вперед, что в целый час не подвинуться бы на такое пространство мирным, тихим шагом. Но если не будет сообщено надлежащее направление порыву, результатом его останутся только переломанные оглобли и усталость самой лошади»¹.

В начале 1860-х гг. достойную конкуренцию демократам в борьбе за право быть выразителями чаяний и стремлений русского народа составили поздние славянофилы и почвенники. В своих изданиях «День», «Время», «Эпоха» они обрушились на «Современник» с обвинениями в чрезмерном увлечении западными идеями и создании из народа идеала «по образу и подобию своему». Чтобы стать истинными защитниками народа интеллигенции следовало проникнуться идеями и чувствами масс. По убеждению И. С. Аксакова и Ф. М. Достоевского, это был единственный путь сближения образованного общества с народом и познания его подлинных потребностей². Естественно, что под народом здесь понимались не одни только трудящиеся массы, а некое собирательное лицо, органически слагающееся из всех сословий общества – и высших, и низших. Литература народна, писал выдающийся русский критик Аполлон Григорьев, «когда она в своем *миросозерцании* отражает взгляд на жизнь, свойственный *всему* народу, определившийся только с большею точностью, полностью... в передовых его слоях...»³. При таком подходе никакого специального хождения в народ не требовалось. Достаточно было духовного единения на основе православной веры.

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939–1953. Т. 7. С. 881–882. Впрочем, революционность самого Чернышевского не стоит преувеличивать. Современные исследователи его идейного наследия убедительно доказывают, что Чернышевский (как и Герцен) был противником насилия и склонялся к использованию мирных путей перехода к новому обществу, что ставит под сомнение именование его в литературе великим русским революционером-демократом. Подробнее см.: Зверев В. В. Народники в истории России. М., 2003. С. 28–29.

² В призыве И. С. Аксакова и Ф. М. Достоевского учиться у народа пониманию задач русской жизни, некоторые исследователи увидели своеобразный «народнический уклон». См.: Лейкина В. Реакционная демократия 60-х годов. Почвенники // Звезда. 1929. № 6. С. 181; Кирпотин В. Я. Достоевский в шестидесятых годах. М., 1966. С. 199; Фридлендер Г. М. Достоевский и Лев Толстой // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 86.

³ Григорьев А. А. Литературная критика. М., 1967. С. 399.

Очень скоро к спорам между крестьянскими демократами и почвенниками добавились разногласия в самом радикальном лагере. В середине 1860-х гг. они привели к известному «расколу в нигилистах». Почвой для него послужило крушение у части радикалов надежд на возникновение в народе самопроизвольного вселенского бунта.

Сомнения в способностях крестьян к общественной самодеятельности высказывались в русском обществе еще в начале 60-х гг. XIX в. Например, И. С. Тургенев пытался убедить Герцена в том, что «народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор» и испытывает стойкое отвращение «ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности»¹. Другой писатель Дм. Минаев в письме к этнографу И. П. Сахарову в январе 1861 г. замечал, что «Чернорабочая Русь еще... стоит за рекой допетровского мира, без моста и без желания перейти на нашу сторону»². Однако в печати вопрос о существовании между народом и воспитанным на европейский манер обществом «огромной непроходимой пропасти», «рва» или даже «бездны» пока ставили только славянофилы и почвенники. За это они подвергались решительным атакам со стороны сотрудников «Современника», которые объясняли существование подобного разрыва (но не бездны!) разницей в образовании и культуре, т.е. причинами вполне поправимыми³.

Из демократов первыми о грубости, тупости и пассивности простого народа открыто заявили ведущие публицисты «Русского слова» В. А. Зайцев и Д. И. Писарев. Мировоззрение народа таково, писал Писарев, что надежды на устройство им своей жизни на разумных началах выглядят, по меньшей мере, неосновательными. Люди массы – это «желудок человечества». Они живут по установленной норме, довольны собой и средой и не желают никаких усовершенствований. Поэтому луч света в это «темное царство» принесет не дитя народа – Катерина, как утверждал Добролюбов, а «мыслящий реалист» Базаров. К поставленной публицистами «Современника» задаче просвещения

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 18 т. М., 1988. Т. 5. С. 113.

² Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 4 т. М., 1989–1999. Т. 4. С. 77.

³ См., напр.: Антонович М. А. «О почве» (Не в агрономическом смысле, а в духе «Времени») // Шестидесятники. М., 1984. С. 40.

народа Писарев относился довольно скептически. По его мнению, для изменения всего строя народного мирозерцания необходимы соответствующие экономические предпосылки. Их создание также возлагалось на плечи нарождающегося из провинциального дворянства и разночинцев поколения «новых людей», т.е. на передовую русскую интеллигенцию¹.

В 1866 г. полемика «Русского слова» против «Современника» по вопросу о задачах демократической интеллигенции прерывается правительством, закрывшим оба журнала в связи с покушением на Александра II Дм. Каракозова². Но споры о соотношении ролей в предстоящих общественных преобразованиях народа и интеллигенции продолжатся и в дальнейшем, поскольку преодолеть конфликт между народнической теорией, отводившей народным массам место главной движущей силы истории, и практикой (пассивностью народа) оказалось крайне затруднительно. Первая успешная попытка подобного рода принадлежит идеологам «действенного» или «активного» народничества.

В истории русской общественности 1870-е гг. принято называть «эпохой совести». В это время, во многом благодаря стараниям народнических теоретиков, русская интеллигенция превращается в самостоятельную общественную силу, способную осуществить такую грандиозную акцию, как «хождение в народ».

Сам термин «интеллигенция» в значении особой общественной группы, связанной идеями и моралью нигилистического толка (т.е. отрицающей устои и традиции современного общества), начинает распространяться в отечественной публицистике примерно с рубежа 1860–1870-х гг. Народники фактически первыми использовали слово «интеллигенция» для самоназвания.

Самоидентификация народнической интеллигенции началась, как известно, с постановки ее идейными руководителями вопроса о долге передового меньшинства перед народом. Одним из первых об этом заговорил П. Л. Лавров в своих «Исторических письмах» (1868–1869 гг.).

¹ Писарев Д. И. Базаров // Писарев Д. И. Указ. соч. Т. 2. С. 15, 20–21.

² Подробнее см.: Виленская Э. К вопросу об идейной эволюции русского революционного движения в середине 60-х гг. XIX века // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961; Рейфман П. С. «Современник» и «Русское слово» перед «расколом в нигилистах» // Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. Тарту, 1970. Т. 15. Вып. 251.

Основное содержание «писем» заключалось в обосновании особой роли в истории «критически мыслящих личностей» (лавровский аналог слова «интеллигенция», которое пока им не употреблялось). Эти личности обеспечены от самой упорной борьбы за существование, не подавлены ежедневными заботами о хлебе насущном, а потому имеют возможность смотреть далеко вперед и думать об общем деле, в том числе об историческом прогрессе. В силу своего высокого нравственного развития «критически мыслящие личности» начинают сознавать, что современная цивилизация и культура созданы «ценой крови, страданий и труда миллионов». Поэтому они считают своим нравственным долгом снять с себя ответственность за кровавую цену прогресса, употребив свое развитие на то, чтобы облегчить положение народа путем «посильного распространения удобств жизни, умственного и нравственного развития на большинство». «Зло (отстранение трудящихся масс от участия в культурно-исторической жизни страны. – Г. М.) надо зажить»¹.

Таким образом, идея долга из благого пожелания облагодетельствовать бывших крепостных, какой она была в 1860-е гг., превращается у Лаврова в строгий нравственный императив: долг *неоплатен* до тех пор, пока простой народ остается несвободным.

Следующий важный шаг в развитии теории долга сделал тогда еще молодой публицист и литературный критик Н. К. Михайловский.

Михайловский принадлежит к числу самых известных идеологов русского легального народничества последней трети XIX в. Популярность его среди демократической интеллигенция была огромной. По свидетельству Н. И. Кареева, целое поколение 1870-х гг., глубоко проникнутое идеями альтруизма, выросло на статьях Михайловского в журнале «Отечественные записки» и считало его в числе своих главных «умственных вождей»².

Будущий «властитель дум» народнической молодежи родился в 1842 г. в городе Мещовске Калужской губернии в бедной дворянской семье. Учился Михайловский сначала в костромской гимназии, затем в Горном институте в Петербурге. В 1862 г. после уча-

¹ Лавров П. Л. Исторические письма // Лавров П. Л. Избр. соч. на социально-политические темы: В 8 т. М., 1934–1935. Т. 1. С. 220–226.

² Кареев Н. Михайловский Н. К. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. XIX (38). С. 492.

ствия в столкновении кадетов с учебным начальством он с большой радостью расстался с карьерой горного инженера всего за несколько месяцев до выпуска. В духе того времени юноша мечтал стать адвокатом, чтобы защищать простой народ, обиженный мнимым освобождением. Впрочем, получить юридическое образование ему не удалось. Попад под влияние артельного движения 1860-х гг. и израсходовав на одну из кооперативных мастерских все свои средства, Михайловский занялся литературным трудом, став известным социологом и первым критиком 1870-х – начала 1880-х гг.¹

Постоянное сотрудничество Михайловского в журнале «Отечественные записки» началось в 1869 г. с большой статьи «Что такое прогресс?», которая сразу поставила его в один ряд с главными теоретиками действенного народничества. В этой работе содержалось подробное социологическое обоснование деятельности передовых личностей по достижению общественного идеала, построенного на солидарности и сотрудничестве.

К теме нравственного долга интеллигенции перед народом Михайловский обратился в 1872–1873 гг. в «Литературных и журнальных заметках», которые являлись откликом писателя на «злобу дня». Тогда в интеллигентских кружках широко обсуждался вопрос о сближении идейной молодежи с массами. Будучи легальным публицистом, Михайловский открыто идти в деревню не призывал, тем более с целью подготовки там народной революции, в успехе которой он сильно сомневался. В первой половине 1870-х гг. главной задачей интеллигенции народнический теоретик считал развитие самосознания народа и его приобщение к цивилизации при помощи имеющихся у образованного меньшинства средств (науки, искусства, техники и т.п.).

«Мы поняли, – писал Михайловский в феврале 1873 г., – что сознание общечеловеческой правды и общечеловеческих идеалов далось нам только благодаря вековым страданиям народа. Мы не виноваты в этих страданиях, не виноваты и в том, что воспитывались на их счет, как не виноват яркий и ароматный цветок в том, что он поглощает лучшие соки растения. Но, принимая эту роль цветка из прошедшего, как нечто фатальное, мы не хотим ее в будущем... мы пришли к мысли, что мы должники народа. Мо-

жет быть, такого параграфа и нет в народной правде, даже, наверное, нет, но мы его ставим во главу угла нашей жизни и деятельности, хоть, может быть, не всегда вполне сознательно. Мы можем спорить о размерах долга, о способах его погашения, но долг лежит на нашей совести, и мы его отдать желаем»¹.

В данной тираде обращает на себя внимание мысль, проходящая красной нитью через все размышления Михайловского об интеллигенции и народе. Интеллигенция стремилась вернуть долг кредитору, который таковым себя не считал. Она по сути дела навязывалась народу, что грозило ей однажды услышать грозное предостережение: «не суйся!»². Сознать этот факт чисто психологически необыкновенно больно и горько. Но интеллигенция была готова служить народу, даже если он отвернется от этой помощи, потому что, замечает Михайловский, это служение необходимо не только массам обездоленных крестьян, темных даже в своей вере в Бога, но и самой интеллигенции³. Почему необходимо? Если верить публицисту, по тем же психологическим причинам.

Сопереживание страданиям других людей является важнейшим психологическим свойством личности, способным оказывать серьезное влияние на мотивы ее поведения. Это положение Михайловский взял за основу своего учения о так называемой «кающейся» дворянской интеллигенции. И как показала дальнейшая история, апелляция к психологии человеческого поведения оказалась очень важным дополнением к аргументации Лаврова в пользу теории нравственного долга.

Само выражение «кающийся дворянин» впервые упоминается в художественно-публицистических очерках «Вперемежку», печатавшихся в «Отечественных записках» в 1876–1877 гг.⁴ От лица «кающегося дворянина» Григория Темкина Михайловский ведет в них повествование о настроениях современной ему демократической интеллигенции.

Давая характеристику данному типу общественных деятелей, публицист замечает, что появился он «очень давно». Уже потом

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб., 1906–1913. Т. 1. Стб. 868.

² «Не суйся!» – название очерка Г. И. Успенского из цикла «Крестьянин и крестьянский труд» (1880 г.).

³ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 5. Стб. 872.

⁴ Там же. Т. 4. Стб. 210.

¹ Подробнее см.: Петрова М. Г. Михайловский Николай Константинович (1842–1904) // Русские писатели. 1800–1917. Т. 4. С. 99–106.

историки назовут первым «раскаявшимся дворянином» Александра Радищева. «Я взглянул окрест себя, – писал великий русский просветитель в своем знаменитом «Путешествии», – душа моя страданиями человечества уязвлена была»¹. Однако в массе своей такие дворяне-интеллигенты обнаружили лишь в сороковых годах XIX в., а заметным историческим фактором стали только в эпоху реформ 1860-х гг., когда, по словам Михайловского, «смешались с разночинцами». В семидесятые годы это течение «лишь ярче и резче обозначилось»².

Кто же такой «кающийся дворянин»? Это человек с «больной совестью». Его мироощущение определялось чувством ответственности перед народом за свое привилегированное положение и страстным желанием «омыть грехи прошлого» (своих дедов и отцов – крепостников), чтобы самому стать «лучше и чище». Михайловский писал об этом так: «если я, “интеллектуальный” человек, сознаю, что интеллект мой и все связанные с ним наслаждения куплены ценою “пота многих”, то каково должно быть мое поведение? Отказаться от интеллектуальных наслаждений я не могу, признать их происхождение безгрешным – тоже не могу»³.

Постоянные приступы нравственной рефлексии у людей, воспитанных в духе передовых идей своего времени, были естественной реакцией на жестокости и несправедливости существующего в России общественного порядка. Знание что такое истина и справедливость, и невозможность гармонизировать с ними собственную жизнь порождали у интеллигента не только муки совести, но еще и болезненный самоанализ, ведущий к серьезному внутреннему разладу и колебаниям. Выходом из этого душевного кризиса стала идея искупления *исторического греха* своего сословия путем изменения хода русской истории во благо всего народа.

Конечно, невозможно объяснить причины активизации дворянской интеллигенции в 60–70-е гг. XIX в., анализируя только ее морально-психологическое состояние. Но и сбрасывать его со счетов тоже нельзя, учитывая, какое большое значение имели для народников вопросы совести и чести.

На то, как глубоко запала в душу учащейся молодежи нравственная проповедь Лаврова и Михайловского, указывают непо-

средственные участники событий. Один из самых красноречивых примеров – письмо к матери студента Медико-хирургической академии Сергея Голоушева¹. «Народ, – делится он с ней в феврале 1874 г. своими самыми сокровенными мыслями, – единственный производитель, он кормит и поит целый класс бесполезных ему и вредных паразитов, из среды которых и мы с вами вышли и к которым отчасти пока еще и принадлежим. И всякий человек, не обративший всю свою деятельность, не отдавший совершенно на служение народу, является непременно паразитом и вором». Не паразиты – это народный учитель или доктор, помогающий беднякам². Судя по мемуарной литературе, в семидесятые годы подобные убеждения разделяли сотни молодых людей, составлявшие цвет тогдашней демократической интеллигенции³.

По свидетельствам современников можно попытаться реконструировать и сам процесс приобщения человека к «новой вере» в особую миссию «народного спасителя». Помимо влияния соответствующей литературы (сочинений Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, Н. К. Михайловского, Д. Л. Мордовцева, Г. З. Елисеева, Н. В. Шелгунова) – главного источника новых идей, огромную роль здесь сыграли студенческие кружки и собрания. Так, из мемуаров известного «чайковца» Николая Чарушина мы узнаем, что осенью и зимой 1873 г. повсеместно в России, но особенно оживленно в Петербурге происходили многолюдные собрания, на которых в переполненных помещениях шли дебаты на злободневные темы. «Всюду, – пишет Чарушин, – говорилось о народе, его страданиях, его прогрессирующей нищете и систематическом угнетении, о том, что такое положение не может более длиться, что пора, наконец, открыть народу глаза на причины этого зла и тем заставить его выйти из бездейственного состояния. Говорилось да-

¹ Его отцом был начальник Оренбургского Главного жандармского управления полковник С. Ф. Голоушев.

² Революционное народничество 70-х годов XIX века: В 2 т. М.; Л., 1964–1965. Т. 1. С. 166.

³ См.: Лукашевич А. О. В народ! (Из воспоминаний семидесятника) // Былое. 1907. № 3. С. 5; Попов М. Р. Из моего революционного прошлого (1878–1879 гг.) // Былое. 1907. № 7. С. 254; Русанов Н. С. Социалисты Запада и России. СПб., 1909. С. 227; Ковалик С. Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928. С. 108–109.

¹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1981. С. 37.

² Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 7. Стб. 135.

³ Там же. Т. 3. Стб. 488.

лее, что обязанности в этом великом и неотложном деле прежде всего лежат на интеллигенции, познавшей эти причины благодаря лишь тому, что этот народ веками за счет своего благополучия воспитывал ее и давал ей возможность приобщиться к знанию и культуре, что этот неоплатный долг народу пора наконец оплачивать, отдав свои силы на его освобождение...»¹.

А вот откровения одного из рядовых участников народнического движения Н. В. Васильева о том, как он полюбил простой народ. К мысли о необходимости пострадать за бедный русский народ 19-летний юноша пришел под влиянием речи студента Медико-хирургической академии Л. П. Буланова, будущего землевольца, участника покушения на шефа жандармов Мезенцева. Оратор так возбужденно говорил о нищете и темноте народной, о безысходности страданий и горе крестьян и рабочих, что «слушая его, я, – вспоминает Васильев, – как будто сам ощущал громадность этих страданий, захватывало дух, слезы сострадания наполняли глаза, а кулаки сжимались... Потом его «проповедь» перешла на тему о нашем, т.е. учащейся молодежи, долге служить народу, вывести его из бедности и темноты... Детали его речей исчезли из моей памяти, но я всегда чувствовал, что именно эта проповедь Буланова, в эту тихую ночь заложила во мне зерно любви к народу, зерно любви к бедному люду, к крестьянству, к рабочим, зерно беззаветной преданности их делу, которая дала потом направление всей моей жизни»².

Жажда молодыми людьми романтики, подвигов и приключений вполне понятна и объяснима. Однако посвящать свою жизнь борьбе за будущее счастье других, совершенно незнакомых людей, чтобы рано или поздно попасть в тюрьму или на каторгу, это привилегия единиц. Для этого нужно было, по выражению Васильева, заразиться «революционными бациллами». А потому овладеть нравственным сознанием значительной части молодежи этим идеям явно не удалось.

Д. Н. Овсянικο-Куликовский вспоминает, как на одной из студенческих вечеринок его родственник В. Г. Малеванный буквально кричал о нравственной обязанности интеллигенции жерт-

вовать собой для блага народа, выше которого ничего нет, «а кто этого не делает, тот подлец!». Будущего литературоведа эта логика тронула очень мало и не послужила противоядием пессимистическому отношению к народу и его судьбам. Слишком догматичны были приемы народнического мышления. Чувствовалась, пишет он, какая-то «психическая духота» и «спертость интеллектуальной атмосферы» подобных собраний, требовавших отказа от ценностей культуры и опрощения¹.

Учение о неоплатном долге интеллигенции народу вызывало сомнения у многих идейных противников народничества. Но в период общественного подъема 1870-х гг., тон которому задавали идеологи народничества, в сфере общественных вопросов было полное господство морали долга и покаяния². Даже те представители интеллигенции, кто не разделял народнических догматов, находились в той или иной степени зависимости от их «силовых полей».

В 80-е гг. XIX в. влияние идей Михайловского и других народнических теоретиков на молодежь заметно ослабевает. Уйдут с исторической сцены и «кающиеся дворяне», оставив исследователям вопрос о влиянии учения о долге, вине и расплате на становление полувекowego движения за демократические преобразования России. Дело в том, что первые интерпретаторы идеологии и практики русского народничества попытались представить его как «настроение» пореформенной эпохи³, «законное наследие крепостного права»⁴, «религию кающихся дворян»⁵, т.е. свести его к особенностям психологии радикальной русской интеллигенции⁶. С другой стороны, нельзя не признать важность для по-

¹ Овсянικο-Куликовский Д. Н. Воспоминания // Овсянικο-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 326, 330.

² Подробнее см.: Неведомский М. [Миклашевский М. П.] Наша художественная литература предреволюционной эпохи // Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1909. Т. 1. С. 483.

³ Мнение о том, что народничество – это не доктрина, а настроение, видимо, впервые высказал Н. Н. Златовратский в начале 1880-х гг. в личной беседе с Н. К. Михайловским. См.: Письма А. И. Эртеля. М., 1909. С. 243 (письмо к А. С. Пругавину от 22 февраля 1891 г.).

⁴ А. Б. [Богданович А. И.] Критические заметки // Мир божий. 1895. № 3. С. 227.

⁵ Неведомский М. Указ. соч. С. 483.

⁶ Современные исследователи понимают под народничеством (научной доктриной, идеологией и общественно-политическим движением) попытку демократической интеллигенции выработать и воплотить на практике национальную

¹ Чарушин Н. А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973. С. 200.

² Васильев Н. В 70-ые годы (Из моих воспоминаний) // Мир божий. 1906. № 6. С. 220.

нимания корней русского народничества идейно-нравственного фактора, который придал этому явлению специфическую окраску. Ведь общественные течения и движения народнического типа получили распространение и в других странах.

Советская историческая наука «в пику» дореволюционным и иностранным исследователям пыталась решить проблему «кающейся интеллигенции» на основе сухой полицейской статистики. Ее анализ показывал, что по социальному составу революционное движение семидесятых годов было движением разночинцев¹. А им, по словам того же Михайловского, каяться перед народом было не в чем. К конфронтации с властью разночинца подталкивала прежде всего необеспеченность его собственного правового и материального положения.

Сегодня многие историки пытаются эти выводы оспорить. Например, Н. А. Троицкий доказывает, что при всей разночинной пестроте народнического движения 1870-х гг. значительный, а в ряде организаций (включая «чайковцев») и основной его контингент составляли выходцы из сословных верхов, «кающиеся дворяне», отрешившиеся от своего класса и стремившиеся искупить невольную вину своего привилегированного положения². Касаясь идеи долга народу, историк замечает, что она не была чуждой и радикалам сороковых годов, и шестидесятникам, а в семидесятые годы становится буквально «*idée fixe*». При этом Троицкий далек от мысли объяснять возникновение народничества импульсивными стремлениями узкого круга интеллигентов, т.к. это противоречит демократической сущности данного движения³.

Для выяснения значения в истории народничества этических теорий дворянской интеллигенции ее численный состав принципиального значения не имеет, о чем, кстати, писал сам Михай-

ловский¹. Влияние на общественное движение 1860–1870-х гг. «кающегося дворянства», с нашей точки зрения, определяется следующими обстоятельствами.

Во-первых, дворянами были практически все крупные теоретики и руководители народнического движения (Герцен, Лавров, Бакунин, Кропоткин, Ткачев, Тихомиров, Морозов, Плеханов, Перовская, Каблиц, Кривенко, Воронцов и другие, включая Михайловского). Что касается представителей иных сословий, то им для этой роли не хватало образования и культуры. Призыв идеологов действенного народничества бросить учебу и идти в народ сыграл с разночинной молодежью злую шутку. Но даже образованные разночинцы представляли собой «интеллигенцию массы», нуждающуюся в «интеллигентных вождах». Во-вторых, передовое дворянство привило демократической интеллигенции чувство личной ответственности за свое общественное положение, внедрило в общественное сознание высокую идею долга перед трудящимися массами, выработало *новую нравственность* как подвижничество во имя народа, готовность пожертвовать всем ради того, чтобы вывести его из приниженного положения. Наконец, переход на позиции народа выходцев из дворянства – самого богатого и культурного сословия России привлек под народнические знамена представителей других общественных групп. Видными народниками стали и многие законные дети самого народа, например, Андрей Желябов и Степан Халтурин.

Социально-этическое учение о долге интеллигенции перед народом не отражает всего содержания русского народничества, всегда ставившего перед собой куда более важные цели и задачи, чем замаливание грехов. По большому счету культ страдающей от мук совести интеллигенции был необходим народникам как мощный импульс для начала движения в народ. Уже в конце XIX в. теория «вины» одного сословия перед другим не выдерживает критики. Но в 1874–1875 гг. она сработала весьма эффективно, как хорошо отлаженный пусковой механизм. Три тысячи человек пойдут в деревню, чтобы объяснить народу его истинные инте-

модель экономической, политической и культурной модернизации России, с обязательным соблюдением интересов большинства населения страны. Подробнее см.: Зверев В. В. Народничество // Общественная мысль в России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 323–330.

¹ Антонов В. С. К вопросу о социальном составе и численности революционеров 70-х годов // Общественное движение в пореформенной России: Сб. ст. М., 1965. С. 338, 339, 343.

² Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды: Большое общество пропаганды (чайковцы). 1871–1874 гг. Саратов, 1991. С. 28.

³ Троицкий Н. А. Крестноносцы социализма. Саратов, 2002. С. 26, 71.

¹ Превращение народничества в крупное общественно-политическое движение, т.е. переход народников от теории к практике, Михайловский связывал с приходом в народническое движение разночинцев. См.: Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 2. Стб. 623–625, 639; Т. 7. Стб. 135.

ресы. Для этого они отрекутся от всех выгод своего положения, от всех радостей жизни, принеся в жертву новому молоху (народу) свои личные интересы, личное счастье, а некоторые – свободу и жизнь.

§ 2. Легальная народническая печать 1870-х годов об идеалах и ближайших задачах передовой интеллигенции

Когда в исторической литературе упоминается народничество семидесятых годов, то, как правило, имеются в виду представители его революционного крыла. Историю легального народничества принято начинать с 80-х гг. XIX в., когда на страницах «Недели» с пропагандой теории «малых дел» выступят сначала И. И. Каблиц, а чуть позднее Я. В. Абрамов. Лишь в последние десять лет в работах историков легального народничества начало формирования его главных фракций сдвигается к периоду между появлением в 1869 г. в журнале «Отечественные записки» статьи Н. К. Михайловского «Что такое прогресс?» и новой постановкой вопроса о деревне в статьях П. П. Червинского, опубликованных газетой «Неделя» в 1875–1876 гг.¹

Почвой для появления идеологии легального народничества стали первые попытки открытого сближения с освобожденным крестьянской реформой народом, которые интеллигенция начинает предпринимать примерно с середины 1860-х гг. До этого, судя по воспоминаниям современников, «новые люди» ограничивались одними разговорами о просветительской миссии «старшей братии» перед «меньшей братией» и вежливым обращением с народом².

Приток в провинцию идейной интеллигенции связан прежде всего с введением в стране земских учреждений. Многие земцы надеялись, что сумеют поднять народ до своего уровня развития и затем повести его по пути общественного прогресса. В демокра-

тической прессе отношение к земству было сдержанным, т.к. его деятельность ограничивалась хозяйственными вопросами местного значения, грозившими интеллигенции погрязнуть в рутине повседневности. С другой стороны, земство открывало реальную возможность для развития местного самоуправления как лучшей школы общественности для народа и самой интеллигенции¹.

Перенесению центра общественной жизни из города в деревню способствовало также развитие в стране кооперативного движения. Молодые народники второй половины 1860-х гг. с большим энтузиазмом восприняли утопическую идею создания в деревне образцовых земледельческих общин-коммун. Они мечтали показать народу практический пример того, как, устроив свою жизнь на артельных началах, т.е. без эксплуатации человека человеком, можно добиться общего счастья и материального благополучия².

С конца 1860-х гг. началось паломничество в народ так называемых «культурных одиночек» (вольноопределяющихся врачей, учителей, агрономов). Своеобразным манифестом нового движения стал роман писателя Д. Л. Мордовцева «Знаменья времени» (1869 г.). Устами одного из своих героев автор призывал молодежь отречься от привилегий умственной жизни (книг, литературы, политики) и идти в деревню, чтобы навсегда раствориться в крестьянской среде и жить своим трудом. И все это ради того, чтобы, как тогда говорили, «унавозить почву». «...Мы идем не бунты затевать, не волновать народ и не учить его, а учиться у него терпению, молотбе и косьбе... Мы просто идем слиться с народом: мы бросаем себя в землю, как бросают зерно, чтоб зерно это взшло и уродило от сам-пять до сам-сто, как египетская пшеница»³. По своей популярности в молодежной среде «Знаме-

¹ См.: [Елисеев Г. З.] Представительство крупной поземельной собственности в земских учреждениях // Современник. 1865. № 5. С. 2; Шелгунов Н. Неудавшаяся «беседа» и задачи интеллигенции // Дело. 1871. № 5. С. 40.

² См.: Васильев Н. Указ. соч. С. 224; Из показаний Е. К. Брешковской о пропагандистской деятельности // Революционное народничество 70-х годов XIX в. Т. 1. С. 271. См. также: [Колосов Е. Е.] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятых годов // Кривенко С. Н. Собр. соч. СПб., 1911. Т. 1. С. XXXV–XXXVII.

³ Мордовцев Д. Л. Знаменья времени. Роман в 2 ч. М., 1957. С. 312. Подробнее о нем см.: Муратов А. Б. Роман Д. Л. Мордовцева «Знаменья времени» // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Л., 1971. № 349.

¹ Балуев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 24; Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 6; Касторнов С. Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ: Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. С. 247.

² Периодические издания // Русская мысль. 1891. № 6. С. 293.

ния времени» почти не уступали роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?»¹.

О том, что легальные народники уже в начале 70-х гг. XIX в. представляли самостоятельную общественную силу, свидетельствует резкая критика в их адрес со стороны М. А. Бакунина и П. Л. Лаврова, опасавшихся уклонения молодежи от революционной работы в народных массах.

Бакунин, обращаясь к «друзьям народа», не верящим в успех народной революции и надеющимся на мирный путь освобождения русского народа от его бед, доказывал полную несостоятельность их позиции. При существующих в стране общественно-политических условиях подтолкнуть крестьянство к самостоятельным преобразованиям своей жизни путем создания рабочих артелей и кооперативных обществ (ссудных, потребительных и производительных), по убеждению Бакунина, было практически неразрешимой задачей². При этом Бакунин уверял, что он не против кооперации как таковой, но молодые люди все равно не должны обманывать себя насчет ее результатов, которые будут «песчинками в степи» и «каплями в море»³.

С еще более жесткой критикой в адрес легалистов⁴ выступал Лавров. По его словам, все, кто признают русскую империю, как она есть, и считают возможным подготовить на этой почве социальный переворот, «сами не знают, что говорят». Легалисты верили, что с помощью артели и школы можно укрепить силы народа и подготовить их к тому моменту, когда массы сумеют добиться своего освобождения «без потрясений, без кровавых и напрасных жертв». Все это, было бы прекрасно, – язвил Лавров, – если бы было возможно. «Народ не в состоянии возродиться сам». Ему необходимо не лечение, а операция, но и она может опоздать, «если гангрена захватила народное тело»⁵. «Пусть земство, общества сельских хозяев, правительственные комиссии, –

писала газета «Вперед!», – толкут воду, говорят речи и пишут отчеты об “улучшении крестьянского быта”, о “содействии сельскому хозяйству”... Жалкие орудия жалкого общества, они не хотят, да и не могут посмотреть прямо в глаза вопросу... Он будет поставлен и решен другими»¹. Хирургические приемы, конечно, действуют более эффективно, чем обычное терапевтическое лечение. Если правильно поставлен диагноз народной болезни. Однако в этом у народников уже в начале 70-х гг. XIX в. начинают возникать серьезные сомнения.

Идея рассматривать революционное и легальное народничество как течения, зародившиеся в одно время и развивающиеся параллельно друг другу, высказывалась в 1959 г. Б. П. Козьмин, ссылавшимся при этом на мнение В. И. Ленина². Основная трудность в обосновании данной точки зрения заключается в том, что главные идеологи революционного народничества (Бакунин, Лавров и Ткачев) заявили о себе еще в конце 1860-х гг. А вот кого следует считать пионерами реформаторского народничества? Чаще всего к создателям его идейных основ причисляются такие демократические деятели 60–70-х гг. XIX в., как Г. З. Елисеев, Н. В. Шелгунов, В. В. Берви-Флеровский, В. А. Зайцев, А. П. Щапов, Д. Л. Мордовцев, А. Н. Энгельгардт³. Впрочем, их политические биографии не настолько хорошо изучены, чтобы с такой интерпретацией их взглядов согласилось большинство историков.

Без всяких преувеличений первым сложившимся идеологом народнического реформизма следует считать Н. К. Михайловского. Одно время советские историки причисляли его к «легальным публицистам революционного лагеря». Например, Э. С. Виленская расценивала известное высказывание Михайловского о том, что он больше боится революции, чем реакции, как косвенное подтверждение его революционности⁴. Но в последние годы исследовате-

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 167, 170, 413.

² Бакунин М. А. Государственность и анархия (Прибавление «А») // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 38, 40–42.

³ Там же. С. 43.

⁴ Легалисты – те, кто действовали на законной почве, но опирались при этом на свои собственные силы, а не на правительство. Термин принадлежит П. Л. Лаврову.

⁵ Лавров П. Л. Потерянные силы революции // Лавров П. Л. Избр. соч. Т. 3. С. 147, 156–158; Он же. Знание и революция // Там же. Т. 2. С. 68, 69, 72, 73.

¹ [Лавров П. Л.] Гниль старого и рост нового // Вперед! 1875. № 6. С. 182.

² Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. Избр. тр. М., 1961. С. 715. Впоследствии эту точку зрения активно пропагандировал В. И. Харламов. См.: Харламов В. И. О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 10. С. 103.

³ Там же. С. 113.

⁴ Подробнее см.: Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX в. М., 1979. С. 222–223.

ли предпочитают объяснять отказ Михайловского от сотрудничества в газете «Вперед!» другим его признанием из письма к Лаврову: «я не революционер, всякому свое» (написано в 1873 г.)¹.

Перечислим главные аргументы Михайловского против веры народнической интеллигенции в возможность поднять народ на революцию. Во-первых, простой народ всегда ожидал своего спасения от Бога, царя, московских купцов, но не от себя. Поэтому было бы наивно надеяться, что он «спасет себя и нас». Во-вторых, это опасение, что стихия народного бунта могла разрушить все достижения цивилизации в России, достигнутые такой дорогой ценой². Не веря в стихийное социальное творчество масс (революцию снизу), Михайловский, тем не менее, всегда интересовался деятельностью в народе революционной молодежи. Неутешительные итоги всех ее попыток пробудить в массах дух революционного протеста лишний раз убеждали публициста в необходимости предварительного подъема общего уровня народного просвещения и культуры.

С начала «героического» десятилетия Михайловский – одна из самых ярких фигур русского освободительного движения, настоящий кумир народнической интеллигенции, ее любимый идейный руководитель и наставник. Большинство других видных теоретиков легального народничества (С. Н. Южаков, Л. Е. Оболенский, А. С. Пругавин, не исключая главного антипода Михайловского – Иосифа Каблица, сформулируют свои взгляды только после «хождения в народ», предварительно переболев разными формами революционизма. Вероятно, поэтому никто из них не сможет встать с Михайловским на одну ступень или хотя бы бросить тень на его славу «апостола истины и справедливости».

Из народников-легалистов, с самого начала не разделявших тактических принципов революционного народничества, выделяются Кривенко и Воронцов.

Видный теоретик и практик народнического движения С. Н. Кривенко родился в г. Борисоглебске. По происхождению он – малороссийский дворянин. Учился в Михайловском Воронежском кадетском корпусе, затем в 1-м Павловском военном училище в Петербурге, но офицером быть не захотел. Поддавшись общему

настроению эпохи, Кривенко увлекся идеями организации в деревне земледельческих ассоциаций социалистического типа. Лейтмотивом его деятельности был поиск путей мирного внедрения в жизнь отдельных сторон более справедливого общественного строя¹.

В 1869 г. в Борисоглебске при непосредственном участии Кривенко был организован кружок из представителей местной разночинной интеллигенции. Члены кружка надеялись, действуя легальными средствами, оградить крестьянскую массу от «бюрократического произвола и экономической эксплуатации» – главных, в их понимании, причин ухудшающегося положения народа. Кружок просуществовал почти три года. За это время благодаря ряду успешных мероприятий (организации для крестьян агрономической, врачебной, юридической и другой помощи) его деятельность приобрела симпатии и поддержку со стороны местного населения уезда. Учитывая достигнутые успехи, следующим шагом предусматривалось устройство образцовой сельскохозяйственной общины, где хозяйство велось бы по последнему слову агрономической науки, а отношения между работниками основывались бы на принципах полной равноправности и социальной справедливости. Но этой своей цели молодые люди так и не достигли из-за вмешательства местных властей. Опасаясь преследований, в 1871 г. Кривенко и его товарищи перенесли свою деятельность на Кавказ, где они попытались выработать практический образец земледельческой общины-коммуны, чтобы в случае успеха предложить его народу. Однако и этот социальный эксперимент закончился неудачей².

С 1873 г. начинается сотрудничество Кривенко в журнале «Отечественные записки», на страницах которого он занялся разработкой популярного тогда кооперативного вопроса. Следует отметить, что отношение Кривенко к кооперативным обществам было сдержанным. Он, в частности, выражал несогласие с мнениями некоторых буржуазных экономистов, считавших коопера-

¹ См.: Мокшин Г. Н. Кривенко Сергей Николаевич (1847–1906) // Общественная мысль в России XVIII – начала XX века. С. 237–238.

² Кривенко С. Н. Неудачная попытка кружка народников // Кривенко С. Н. На распутье (Культурные скиты и культурные одиночки). СПб., 1895. С. 93–111. См. также: Слобожанин М. [Максимов Е. Д.] Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко // Минувшие годы. 1908. № 1. С. 162–168.

¹ Блохин В. В. Становление доктрины «либерального социализма» Н. К. Михайловского: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2006. С. 27.

² Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 1. Стб. 867; Т. 3. Стб. 692.

цию радикальным средством против нищеты. Не разделял он и надежд на то, что кооперативные ассоциации «переродят весь мир». Получившие тогда широкое распространение ссудо-сберегательные и потребительские товарищества в большинстве своем являлись объединениями зажиточных людей. В борьбе со злоупотреблениями крупного капитала они опирались на самопомощь и, естественно, не могли охватить все рабочее сословие. Потому публицист делал вывод, что, обещая общее счастье, они будут только помогать сильному сделаться еще сильнее, а слабому еще слабее. Тем не менее, будущее, по убеждению Кривенко, принадлежало крупным промышленным кооперативам и производительным товариществам, основанным на началах совместного труда и распределения¹.

Бурную молодость провел еще один из главных идеологов реформаторского народничества В. П. Воронцов². Он происходил из семьи малороссийских дворян Екатеринославской губернии. Получив только домашнее образование, юноша сумел стать студентом Медико-хирургической академии³.

Общественная деятельность Воронцова началась с участия в студенческих волнениях 1869–1870 гг., в ходе которых он дважды оказывался под арестом⁴. Чуть позже Воронцов сближается с чайковцами. Однако членом революционной организации он так и не стал, мотивируя это тем, что «подпольная революционная деятельность в русских условиях, не давая реальных результатов, всегда лишь усиливает реакцию и сокращает возможность культурной работы в народе»⁵. В то же время никто не отрицает, что Воронцов был идейно близким к народническому движению се-

мидесятых годов и оказывал революционерам всякое содействие. Известно, что в декабре 1871 г. он участвовал в собрании радикальной молодежи на квартире профессора Н. С. Таганцева. На нем обсуждался вопрос о том, какое положение должна принять «народная партия» в случае дарования Александром II конституции. По воспоминаниям И. Е. Деникера и Н. А. Чарушина, в прениях выступали Воронцов и чайковцы Д. А. Клеменц и Ф. В. Волховский. Все они были едины в том, что конституция дело хорошее, но без сознательного участия в борьбе за нее широких народных масс она не будет выражать общенародных интересов. Правительство может дать лишь «кущую» конституцию. В итоге собрание пришло к выводу о необходимости организации народных масс в целях вовлечения их в активную борьбу с самодержавием¹.

О радикальном направлении мыслей студента Воронцова свидетельствует также написанная им в 1872 г. статья «Товарищества и артели». По данным III Отделения, в ней проповедовалось коммунистическое учение о пользе заведения общественных лавок, фабрик и магазинов и передачи земли в руки всего народа. Ввиду явно антиправительственного характера сочинения Воронцова тайная полиция предложила начальству МХА установить за ним надзор².

Закончив учебу, Воронцов почти восемь лет проработает в провинции простым врачом. Удел земского доктора с его неустроенным бытом, большим количеством пациентов, частыми выездами к больным, молодой народник выбирает, повинаясь своим идейным убеждениям. Только в 1882 г. Воронцов оставляет врачебную практику и возвращается в Петербург, чтобы вплотную заняться литературной деятельностью.

Знакомство с политическими биографиями первых легальных народников интересно не только тем, что впоследствии они стали известными идеологами народничества. Жизненный путь таких людей как Кривенко и Воронцов, целиком посвятивших себя

¹ [Кривенко С. Н.] Сущность, цель и границы потребительских обществ // Сборник материалов об артелях в России. Потребительные общества. Вып. 3. СПб., 1875. С. 22–23.

² См.: Зверев В. В. Василий Павлович Воронцов (1847–1918) // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. С. 89–91.

³ В личном деле В. П. Воронцова, хранящемся в РГВИА, имеется справка о том, что в июне 1868 г. он прошел испытание в Педагогическом совете Тверской гимназии с целью поступления в МХА. – РГВИА. Ф. 316. Оп. 63. Д. 1211. Л. 3–4 а об.

⁴ О студенческой сходке у студентов В. Трошанского, А. Петрицкого и А. Урсати. – ГАРФ. Ф. 109. III эксп. 1870 г. Д. 28. Л. 1, 1 об., 2 об.

⁵ Чарушин Н. Что было на собрании у профессора Таганцева // Каторга и ссылка. 1925. № 2. С. 100.

¹ Воспоминания И. Е. Деникера // Каторга и ссылка. 1924. № 4. С. 24; Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 129–133.

² О лекаре В. П. Воронцове. – ГАРФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 92. Д. 208. Л. 2, 4 об. – 5; Об издательской деятельности владельца кооперативной библиотеки в Харькове Н. П. Баллина. – ГАРФ. Ф. 109. III эксп. Оп. 157. 1872 г. Д. 123. Л. 15, 19, 28, 29, 31; См. также: Балуев Б. П. Либеральное народничество... С. 55–56.

общественному служению, во многом типичен для русских «кающихся дворян» 60–70-х гг. XIX в. Это важное обстоятельство давало им моральное право говорить о демократической русской интеллигенции и от своего собственного имени.

В становлении и развитии идеологии реформаторского народничества исключительно важную роль сыграло так называемое «хождение интеллигенции в народ» (в крестьянство), предпринятое радикально настроенной интеллигенцией в 1874–1875 гг. Дело в том, что до этого похода у народников отсутствовало четкое понятие о массах, которые они собирались завоевать. Народ, «таинственный незнакомец», известный главным образом по книгам, слухам да случайным встречам на улице, представлялся им не иначе как «дедушка Егор» – защитник угнетенных¹, люто ненавидящий современный общественный строй, желающий общинного владения землей и орудиями труда и т.д. в духе исповедуемых народниками социалистических теорий. Необходимо было только помочь пробудиться народному сознанию и уяснить ему то, что «он может быть не совсем ясно понимает в системе гнетущих его условий»². Собственно говоря, эта безграничная вера в народ, основанная на идеализации его социально-творческих сил, и подтолкнула интеллигенцию к практическим шагам в направлении ею же сотворенного кумира.

В начале «хождения» многие его участники, вдохновленные идеями Бакунина, принялись за активную агитацию против царя, церкви, помещиков и чиновничества, указывая на них как на главных виновников высоких податей, рекрутчины и малоземелья³. Но народ жестоко обманул их розовые надежды. Признавая вполне законным протест против своих непосредственных угнетателей, патриархальное крестьянство в большинстве своем ка-

тегорически отказывалось бунтовать против верховной власти¹. «Что поделаешь? – сетовали мужики. У начальства сила, а у нас рознь». «Да! молиться будем, авось Господь и помилует, а самим как можно сопротивляться?» В крайнем случае, ответ был таков: «вы там сами начните, а мы уж поддержим». Причину нужды и бедственного положения простой люд видел в собственном пьянстве и распутстве («ах кабы не вино»), в отступлении от Бога и наказании за грехи, но никак не во внешних условиях своей жизни².

Убедившись в том, что критика царя и призыв к бунту только отталкивают крестьянство, молодежь перешла на пропаганду социалистических идеалов. Народники надеялись, что инстинктивное стремление мужика к уравнительному землепользованию и общественной обработке земли обеспечит этой пропаганде быстрый успех³. Однако все попытки убедить мирян в преимуществах огульного (коллективного) труда также окончились безрезультатно. «А ты запасись-ко сам землей, – говорили крестьяне пропагандистам, – тогда и увидишь, как хозяйничать на ней всем вместе»⁴. Немало трудностей на пути в народ встретил и идеал полного мирского самоуправления. Народники не раз отмечали отсутствие солидарности среди крестьян, с точки зрения которых хороший мужик тот, «кто на сходках ни одна не бывал». Все дела в мире решались кулаками и их подручными, часто к невыгоде остальных односельчан⁵.

Особую тревогу у народнической интеллигенции вызвала неудача книжной пропаганды. Как правило, слушатели зевали, поддакивали, но смысл прочитанного для большинства из них оставался непонятным. Книги, распространенные для самостоятельного чтения, шли на «цигарки»⁶. Не удались и попытки воспитания сколько-нибудь значительного числа пропаганди-

¹ Дедушка Егор – главный герой одноименного рассказа писательницы М. К. Цебриковой, опубликованного в газете «Неделя» в 1870 г. (№ 30 и 31). Отдельное издание этого рассказа народники использовали для пропаганды идеи активного социального протеста в народе во время «хождения в народ».

² Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 100, 137, 165, 356. Для выполнения этой просветительской миссии интеллигентному человеку предлагалось «разорвать свой дворянский паспорт», отрешиться от всех культурных привычек и навсегда сделаться простолюдином (крестьянином, фабричным, мастеровым). См.: [Кропоткин П. А.] Программа революционной пропаганды // Народническая экономическая литература. М., 1958. С. 234.

³ Там же. С. 132, 292.

¹ [Брешко-Брешковская Е. К.] Воспоминания пропагандистки (одной из осужденных в каторгу) // Община. 1878. № 8–9. С. 12–13.

² Дейч Л. Хождение в народ (Из воспоминаний). Пг., 1920. С. 23.

³ Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965. С. 207.

⁴ Морозов Н. А. Повести моей жизни: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 171.

⁵ Неоконченное письмо П. А. Орлова С. С. Голоушеву // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 278; Иванчин-Писарев А. И. Хождение в народ. М.; Л., 1929. С. 22, 168.

⁶ Морозов Н. А. Указ. соч. С. 6, 98, 173.

стов из народа. «Слушают-то слушают, – замечал С. Л. Аронзон, – но сами слышанное не распространяют, разговоры остаются разговорами»¹.

Еще во время хождения народники начинают задумываться о причинах своих неудач. Многие увидели их в невежестве и религиозных предрассудках почти поголовно безграмотного крестьянства. Отмечался также его консерватизм, бедность «внутренней психической жизни» (отсутствие склонности к отвлеченному мышлению). Тяжелый труд, скудное питание, большой рабочий день, по мнению А. О. Лукашевича, повлекли за собой притупление всякой умственной энергии масс, что сделало крайне затруднительным какую-либо широкую идейную деятельность в народе².

Вместе с тем, обращали на себя внимание и другие, более глубокие причины невосприимчивости массового сознания к отвлеченным социальным идеалам народничества. Участники хождения, например, отмечали отсутствие в деревне резких границ между эксплуататорами и эксплуатируемыми, применение многими крестьянами наемного труда при обработке земли и, наконец, стремление «хозяйственных мужиков» разделить прикупленную «божью землю» в частную собственность («своя-то выгоднее!»), от которой их было труднее отговорить, чем от царя³.

Все эти факты свидетельствовали о начале социального расслоения крестьянства под влиянием проникновения в деревню товарно-денежных отношений. «Я убежден, – резюмировал этот процесс Дмитрий Рогачев, – что в будущем община уничтожится, и у нас будет пролетариат»⁴. Но не все участники хождения пришли к столь пессимистическим выводам. Деревня открыла свои темные стороны, развенчала многие навеянные революционными теориями радужные иллюзии. В то же время она укрепила веру молодежи в «отрадные» свойства народной души (ненависть к эксплуататорам, стремление к черному переделу, уважение к производительному труду, «презрение к торговле», сочувствие дея-

тельности пропагандистов и т.п.)¹. Спустя много лет И. И. Каблиц напишет в своей автобиографии, что пешее путешествие по ряду южных губерний «внушило мне радостную уверенность в правильности моих народнических убеждений», которые, впрочем, заключались в признании за народом права на самоопределение своей жизни и необходимости устранения от губительного влияния на нее интеллигенции².

Более глубокое осознание неоднозначных результатов «хождения в народ» требовало времени и опыта, но уже эта первая серьезная попытка сближения с крестьянством обнаружила, что кредитор вовсе не считает себя кредитором. Более того, он весьма далек от мысли об улучшении своего положения путем радикальных социальных и политических преобразований. Оказалось, что интеллигенцию и народ разделяют не столько внешние препятствия в виде социальных перегородок и «полицейских рогаток», сколько разное отношение к окружающей жизни и друг к другу, почти полное взаимное незнание и непонимание. Преодолеть это внутреннее отчуждение и порожаемое им недоверие силой убеждения (на что изначально делалась ставка идеологами революционного народничества) было практически невозможно³.

Ближайшим последствием «крестового похода» в деревню станет окончательный раскол народничества на два самостоятельных лагеря – революционный и реформаторский.

Революционные народники в лице землевольцев, не желая расставаться с верой в потенциальную готовность народных масс к революции, попытаются объяснить все свои прошлые неудачи незнанием простого народа, торопливостью пропаганды, стремлением поднять крестьянство во имя совершенно непонятных для него идеалов западноевропейского социализма, т.е. неумелостью собственных действий. «Мало сбросить платье и надеть сермягу, чтобы быть принятым народом. Пришло время сбросить и с социализма его немецкое платье и тоже одеть в народную сермягу»⁴. Поэтому в основу своей новой программы землевольцы поставили

¹ Из письма С. Л. Аронзона С. С. Голоушеву // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 277–278.

² Лукашевич А. О. Указ. соч. С. 35.

³ См.: Неоконченное письмо П. А. Орлова С. С. Голоушеву. С. 278.

⁴ Аптекман О. В. Дмитрий Рогачев в его «Исповеди к друзьям» и письмам к родным // Былое. 1924. № 26. С. 78.

¹ См., напр.: Неоконченное письмо П. А. Орлова С. С. Голоушеву.

² Каблиц И. И. Автобиография. – РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 1670. Л. 3.

³ Подробнее о народнических представлениях о народе см.: Мокишин Г. Н. Концепция «народа» в социально-революционной доктрине русского народничества // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1, Гуманит. науки. 2005. № 1.

⁴ Земля и воля! // Земля и воля. 1878. № 1. С. 6.

народные идеалы и требования в том виде, «как их создала история и осознает сам народ».

Однако воплощение в жизнь требований «земли» и «воли» революционеры по-прежнему связывали с организацией всенародного бунта. По этой причине «Земля и воля» просуществовала всего три года, до тех пор, пока народники-политики не убедились в невозможности пробить брешь в стене, разделяющей их с народом, при сохранении существующего в стране политического режима. «Понятно, – заключал по этому поводу С. М. Кравчинский в июле 1878 г., – что толпа бьющихся об стену, наконец, почувствовала изнеможение. Начинается новый очень серьезный период в нашем движении»¹.

Во второй половине 1870-х гг. процесс размежевания на почве идейно-тактических разногласий затронет и теоретиков легального народничества. Попытаемся выяснить, как различные ответы на вопрос «что делать интеллигенции?» приведут к становлению «ортодоксального» народничества «Недели» и «критического» народничества «Отечественных записок»². И почему многие народнические публицисты и литературные критики перестанут доверять «народной мудрости» и в деле освобождения трудящихся классов главную ставку сделают на «критически мыслящих личностей»?

В 70-е гг. XIX в. сакральный для русской интеллигенции вопрос о ее общественных задачах чаще всего будет осмысливаться в форме дилеммы: «народ учить или у народа учиться?». Еще до «безумного» лета 1874 г. об этом с истинно юношеским задором будут спорить бунтари и пропагандисты. Более близкое знакомство интеллигенции с народом только углубит разногласия между

народническими фракциями. Видимо по этой причине, когда в девятом номере «Отечественных записок» за 1874 г. появится статья Л. Н. Толстого «О народном образовании» поднятые в ней, казалось бы, сугубо педагогические вопросы вызовут бурную реакцию прежде всего у народнических писателей Н. К. Михайловского и П. Н. Ткачева. Учитывая, что известная полемика о том, чему и как учить народ, формально началась с одной из статей Толстого, рассмотрим ее более подробно.

Статья великого писателя-моралиста была направлена против попыток интеллигенции переделать (перевоспитать) народ в духе своих передовых социальных учений. По убеждению Толстого, «религия прогресса» могла принести народу только вред, поколебав его традиционные нравственные ценности. Поэтому главную задачу интеллигенции он видел в распространении в народе практически полезных сведений об окружающем мире, причем тех, на которые укажет крестьянин. Мудрость организации человеческих отношений просвещенное русское общество должно было черпать не из книг, а в вековом жизненном опыте самого народа¹.

Отклики в либеральной и демократической печати на педагогические сочинения Толстого имели в основном критический характер. Представителям радикального лагеря особенно не понравилось стремление писателя принизить значение в развитии общества нравственного и интеллектуального принуждения, чреватое превращением интеллигенции из ведущей движущей силы прогресса в простого исполнителя текущих потребностей сегоднешнего дня². Идеи, созвучные толстовским будут активно пропагандировать публицисты правого толка. Например, Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» выразит суть разногласий между идейными писателями различным решением вопроса «Что лучше – мы или народ?». Кому за кем идти: «Народу ли за нами или нам за народом?». Ответ самого Достоевского выдержан в духе почвенничества: интеллигенция должна преклониться перед народом и его правдой³.

¹ Из переписки С. М. Кравчинского // Красный архив. 1926. Т. 6 (19). С. 247.

² «Критическим» народничеством Н. К. Михайловского и др. публицистов «Отечественных записок» называют потому, что в отличие от «ортодоксального» народничества «Недели» в нем было «гораздо более веры в интеллигенцию, в критическую мысль, чем в народ собственно и уклады его жизни». См.: *Иванов-Разумник Р. И.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.: В 2 т. СПб., 1908. Т. 2. С. 109, 114–115; *Андреевич [Соловьев Е. А.]* Очерки из истории русской литературы XIX в. СПб., 1907. С. 350. Сам термин «критическое» народничество, видимо, принадлежит марксистскому исследователю М. П. Миклашевскому. См.: *Неведомский М. [Миклашевский М. П.]* Художник-интеллигент (Н. А. Ярошенко) // Начало. 1899. № 1–2. С. 201.

¹ *Толстой Л. Н.* Педагогические сочинения. М., 1989. С. 250, 296–297, 320–321.

² См., напр.: *Все тот же [Ткачев П. Н.]* Народ учить или у народа учиться? // Дело. 1875. № 4. С. 45.

³ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1876 год // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1981. Т. 22. С. 44–45.

В 1875 г. полемика об отношениях интеллигенции с народом получила дальнейшее продолжение в серии статей молодого публициста «Недели» П. П. Червинского¹, только что возвратившегося из пятилетней ссылки в Холмогоры. Эти статьи, подписанные псевдонимом «П. Ч.», были пропитаны обычной для народников риторикой. Деревня провозглашалась центром русской жизни, а крестьянская община – не символом отсталости России, а ее главной национальной особенностью. «Новое слово» Червинского, сделавшее его выступления в печати настоящей сенсацией, заключалось в тех практических рекомендациях, которые «П. Ч.» давал народолюбивой русской интеллигенции. Если она действительно желала посвятить себя служению народу, то должна была перестать мудрить над его жизнью по иностранным книжкам, т.е. вести народ к идеалам, выработанным на Западе. Русская жизнь, по убеждению Червинского, ставила перед интеллигенцией совершенно другие задачи: возвышение земледельца до уровня цивилизованных потребностей, развитие народного сознания за счет обогащения его положительными знаниями о мире, обществе и о себе, и главное – восстановление культурной самобытности народа-пахаря как залога его дальнейшего самостоятельного развития².

Главная мысль Червинского: интеллигенции следовало не учить крестьян «книжной правде жизни», уже отвергнутой ими во время хождения молодежи по градам и весям российской глубинки, а, наоборот, учиться у народа общинности, нравственности и коллективизму. То, что отношения между людьми должны строиться на основе солидарности и нравственных связей (как в общине), а не на индивидуализме и нравственной разобщенности (как в городе), не вызывало у народнического публициста ни малейшего сомнения³. В защиту идеи возвращения образованного меньшинства к национальным корням Червинский написал специальную статью «От себя или от деревни?», еще раз доказы-

вавшую, что только крестьянство с его общинными традициями способно дать совершенно новый «отпечаток» всей русской цивилизации¹.

Призыв Червинского учиться мыслить по-русски, по-мужицки, т.е. искать правильное понимание задач народной жизни в деревне, означал серьезное отступление от заветов шестидесятников (Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и других учителей и наставников передовой русской интеллигенции). Не случайно против «Недели», как годом раньше против Толстого, выступила целая когорта прогрессивных публицистов². Так, Петр Ткачев – ярый сторонник революционного насилия (в том числе и над народом), записал «П. Ч.» в разряд народников-почвенников, которые «черпают мудрость» из народного духа и мирозерцания. По Ткачеву, передовое умственное меньшинство должно было учить народ, а не учиться у него³.

Наибольший интерес представляет реакция на статьи Червинского ведущего публициста «Отечественных записок» Михайловского. К. В. Зенкова верно подметила, что в позиции двух народников было нечто такое, что позволяло им вести между собой конструктивный диалог, а не словесную перепалку⁴. В отличие от других критиков Червинского, Михайловский не отрицал его исходного тезиса: корень проблемы взаимоотношений интеллигенции с народом в существовании между ними глубочайшей социальной и культурной пропасти, на преодоление которой должны быть направлены главные усилия передового общества⁵.

Михайловский соглашался с тем, что интеллигенции следовало не только развивать народный ум, но и учиться у народа его умению жить в коллективе и решать свои общественные дела сообща, всем миром. Только он понимал это взаимодействие не как меха-

¹ Неделя. 1876. № 2. Стб. 63–64.

² Ткачев П. Н. Культурные идеалы и почва // Ткачев П. Н. Избр. соч. на социально-политические темы: В 7 т. М., 1932–1935. Т. 4; Он же. О почвенниках новейшей формации // Там же; Пытин А. Об упадке современной критики // Вестник Европы. 1876. № 1; [Полонский Л. А.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1876. № 8. С. 791, 796, 797, 801.

³ Все тот же. Народ учить или у народа учиться? С. 34, 37, 44, 45.

⁴ Зенкова К. В. Взаимоотношения интеллигенции и народа и вопрос об идеалах в русской критике второй половины 1870-х годов // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Петрозаводск, 1967. Т. 18. С. 52–53.

⁵ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 3. Стб. 701.

¹ Червинский Петр Петрович (1849–1931) – народнический публицист середины 1870-х – начала 1880-х гг., впоследствии земский статистик.

² П. Ч. [Червинский П. П.] Наша национальная особенность // Неделя. 1875. № 31. Стб. 1009, 1018; Он же. Отчего безжизненна наша литература? // Неделя. 1875. № 44. Стб. 1429.

³ П. Ч. Отчего безжизненна наша литература? Стб. 1432; Он же. Интеллигенция и деревня // Неделя. 1876. № 9 и 10. Стб. 316, 318.

нический обмен знаний интеллигенции на народную нравственность. Это ведь не две груши, которые можно разрезать пополам и приставить правую половинку одной груши к левой половинке другой. Здесь требовалась более тонкая технология отбора. По убеждению Михайловского, брать надо было не все, а только то, что соответствовало общечеловеческим идеям и нравственным ценностям. Нельзя замыкаться на идее особого национального пути русского народа, т.к. в будущем исторические пути Европы и России должны были «непременно соединиться»¹.

Главным объектом полемики «Отечественных записок» против «Недели» стали рассуждения Червинского о том, что русская интеллигенция должна прислушиваться к «голосу деревни» и черпать у «отсталого» мужика его общественные идеалы. Свои возражения на этот в будущем основополагающий тезис правого народничества Михайловский обосновал в виде оригинального учения о «мнениях» и «интересах» народа.

В основу данного учения был положен старый народнический догмат о противоположности интересов простого народа и привилегированного общества, поскольку оно существовало за счет эксплуатации народного труда. Вывод Михайловского из этого основного противоречия человеческой истории строг и вполне логичен: демократическая интеллигенция должна употребить все свои силы на защиту экономических интересов «рабочих классов». Но надлежит ли ей при этом прислушиваться к мнению народа о том, что ему нужно? В этом вопросе Михайловский не столь категоричен. Желания масс надо знать. Но принимать их к руководству оказывается возможным далеко не всегда, т.к. интересы народа и его мнения о них часто не совпадают. Право решать, что соответствует, а что противоречит народным интересам, Михайловский оставлял за передовой интеллигенцией на том основании, что ей доступны последние выводы экономической науки и человеческого знания. «Хороши бы мы были, — пишет публицист, — если бы прожив целые века на счет деревни и изуродовав ее крепостным правом, сложили теперь руки и сказали бы: шабаш! мы пусты как шелуха ореха... выходи, мужик, выходи и поучай нас!»².

¹ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 3. Стб. 773, 774, 776, 778, 798–799.

² Там же. Стб. 707.

Быструю эволюцию «Недели» от идейности к практицизму (к постановке перед интеллигенцией задач, близких и понятных простому народу) многие современники восприняли как отказ от возвышенных идеалов шестидесятых годов. На этой почве во второй половине 1870-х гг. проблема путей сближения передового общества с народом приобретает новый аспект: а не устарели ли те идеалы, во имя которых русская интеллигенция шла в народ? И не следует ли их приземлить, как предлагал Петр Червинский?

Одним из первых на эти непростые вопросы попытался ответить лучший публицист журнала «Дело» Н. В. Шелгунов¹. В статье «Теперешний интеллигент» он спрашивал читателей: что делает интеллигента интеллигентом? Ответ Шелгунова — наличие общественных идеалов. С их помощью интеллигенция указывает обществу пути к прогрессу. Конечно, и она могла ошибаться в выборе пути, но это всегда была «ошибка вперед»². В другой своей статье «Утратились ли идеалы?» Шелгунов замечает, что проблема современной интеллигенции не в отстаиваемых ею идеалах, а в том, что она «совершенно бессильна перед задачами времени и должна быть заменена другой»³. Главной задачей интеллигенции Шелгунов по-прежнему считал освобождение народа от гнета господствующих над ним классов.

Несколько иной позиции в споре об идеалах придерживались молодые публицисты «Отечественных записок».

В 1877 г. М. А. Протопопов⁴ в первой своей статье для этого журнала попытался доказать, что роль передовой интеллигенции заключалась не в обновлении русской жизни. Для решения этой действительно важной задачи у нее просто не было сил. Главная обязанность интеллигенции — вызвать к жизни силы, способные изменить существующий в стране общественный строй. Речь, разумеется, шла о народе. До сих пор эта сила действовала в качестве слепого орудия в руках других общественных классов. Од-

¹ Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891) — публицист, литературный критик и общественный деятель 1860-х — начала 1890-х гг.

² Языков Н. [Шелгунов Н. В.] Теперешний интеллигент // Дело. 1875. № 10. С. 72, 75.

³ Языков Н. [Шелгунов Н. В.] Утратились ли идеалы? // Дело. 1877. № 6. С. 53, 54.

⁴ Протопопов Михаил Алексеевич (1848–1915) — литературный критик и публицист народнического направления.

нако Протопопов уверял, что это положение вполне поправимо, стоит только интеллигенции внести в массы свет просвещения¹.

Идея союза «знания» (интеллигенции) и «труда» (народа) активно проводилась на страницах «Отечественных записок» еще одним народническим публицистом – С. Н. Кривенко. Считая главной причиной торжествующего в жизни зла угнетенное положение физического труда, Кривенко искренне полагал, что, только сделав его всеобщей обязанностью, можно будет изменить основы господствующих в стране общественных отношений. «Если бы я был человеком могущественным..., то я, – писал Кривенко в 1877 г., – не задумываясь, сделал бы физический труд обязательным для каждого гражданина и был бы уверен, что страна моя скоро достигнет громадного материального могущества, выиграет в личной свободе и достигнет такой умственной высоты, какой еще не видел мир»². Предлагаемая публицистом программа деятельности интеллигенции в деревне предусматривала оказание народу практической помощи в его повседневной борьбе за существование (в качестве врача, учителя, агронома, юриста). Кроме того, Кривенко настоятельно рекомендовал организацию в деревне различных трудовых ассоциаций, где крестьяне и интеллигенты объединялись бы для проведения в жизнь отдельных начал будущего строя. По мнению Кривенко, в этих вопросах «мы могли бы поучиться у народа многому»³.

Весомый вклад в пропаганду идеи служения народу личным трудом внес А. Н. Энгельгардт⁴. В седьмом и десятом своих «Писем из деревни» (1879, 1881 гг.) он предложил городской молодежи попробовать свои силы «на земле» в качестве простых работников, т.е. опроститься в мужиков. По мнению опального профессора, русская деревня очень нуждалась в таких интеллигентных земледельцах, которые не только подняли бы культуру земледельческого труда, но и вернули бы народу знания, полученные на его деньги. «Неужели же, – обращался он к читателям «Отечествен-

ных записок», – участь всех интеллигентных людей служить, кинуть в канцеляриях? Неужели же земля не привлечет интеллигентных людей? ...Интеллигентный человек нужен земле, нужен мужику. Он нужен потому, что нужен свет для того, чтобы разогнать тьму. Земля ждет их, и место найдется для всех»¹.

На призыв Энгельгардта «сесть на землю» откликнулось несколько десятков человек, которые в разные годы образовывали «интеллигентные поселки»². Все они, за исключением колонии в Батищево, очень быстро прекратили существование, что лишний раз доказывало утопичность идеи создания «интеллигентных деревень» как пути внедрения в деревню культуры и просвещения.

Наиболее ярким событием идейной жизни легального народничества конца 1870-х гг. стала полемика между Каблицем и Михайловским о главных факторах исторического прогресса.

Политическая биография Каблиця – первого сложившегося идеолога крайне правого народничества – настолько необычна для защитника идеи «мирного прогресса», что заслуживает хотя бы краткого описания. Иосиф Каблиц уроженец Поневежского уезда Ковенской губернии (его отец – лифляндский дворянин). Образование получил в киевской гимназии и на юридическом факультете Киевского университета, из которого трижды исключался за неуплату. В молодости Каблиц принадлежал к последователям М. А. Бакунина. В 1873–1874 гг. он организовал бакунистский кружок «вспышкопускателей» и разработал первый в истории народничества план взрыва Зимнего дворца с целью уничтожения царской семьи. После неудачного «хождения в народ» Каблиц некоторое время скрывался за границей, но вскоре вернулся в Россию, где примкнул к «Земле и Воле». В 1878 г. Каблиц начинает сотрудничать в газете П. А. Гайдебурова «Неделя», намереваясь стать выразителем идей народнического подполья в легальной публицистике³. К этому времени в среде

¹ Морозов Н. [Протопопов М. А.] Литературная злоба дня // Отечественные записки. 1877. № 1. С. 41, 43, 46.

² Кривенко С. Н. Физический труд как необходимый элемент образования. СПб., 1887. С. 232.

³ Там же. С. 270–273.

⁴ Энгельгардт Александр Николаевич (1832–1893) – русский публицист-народник 1870-х гг., ученый-агрохимик.

¹ Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем, 1872–1887. СПб., 1999. С. 65.

² См.: Гордеева И. А. «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. М., 2003. С. 37–47.

³ Харламов В. И. Каблиц Иосиф Иванович (1848–1893) // Русские писатели. 1800–1917. Т. 2. С. 429–430. Первая статья Каблиця в газете «Неделя» («Брачники и безбрачники») появилась еще в 1875 г. См.: Каблиц И. И. Автобиография. Л. 3.

землеуольцев обозначился раскол на «деревенщиков» и «политиков». Бывший бакунист Каблиц выступил на стороне Г. В. Плеханова¹.

Первой работой Каблицы, вызвавшей общественный резонанс, была статья «Ум и чувства как факторы прогресса». В ней он высказал идею об особой роли в истории нравственного чувства, определяющего способ распределения между людьми произведенных ими материальных благ². Опираясь на данное положение, главной движущей силой социального прогресса Каблиц объявил не работу «критической мысли» (т.е. интеллигенции), а развитие в обществе альтруистических чувств. При этом он особенно настаивал на том, что в России чувства солидарности и взаимной поддержки сохранились только в крестьянской общине, т.е. в народе. В итоге на роль подлинного творца человеческого прогресса мог претендовать только крестьянин-общинник. Таковы были главные аргументы Каблицы-Юзова в защиту пошатнувшегося к концу 1870-х гг. народнического принципа «все для народа и только через народ».

На попытку публициста «Недели» поставить ум «на запятки», а чувства на барское место тут же отреагировал Михайловский. Еще в 1877 г. он перешел на позицию сторонников радикальной политической реформы, что сделало его самым энергичным противником любых попыток принизить особую роль в новейшей истории России демократической интеллигенции.

По мнению Михайловского, интеллигенция – это единственный ускоритель естественного развития русской цивилизации. Только интеллигенция понимает, что самодержавие – главное препятствие на пути к возрождению русского народа, только интеллигенция готова начать борьбу за завоевание для всего населения страны важнейших политических свобод, пользу и значение которых оно осознает лишь после завершения политического переворота³.

¹ Подробнее см.: Харламов В. И. «Земля и воля» и легально-народническая печать // Федоровские чтения. М., 1980. С. 205–218.

² Неделя. 1878. № 7. Стб. 228. С антиномии «ум» – «чувства» началось характерное для И. И. Каблицы противопоставление интеллигенции народу.

³ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 4. Стб. 543–546. Подробнее см.: Кудрин Н. Е. [Русанов Н. С.] Н. К. Михайловский как публицист-гражданин // Русское богатство. 1905. № 1. С. 161–162.

Развернувшаяся в легальной народнической печати конца 1870-х гг. полемика о соотношении роли в отечественной истории интеллигенции и народа свидетельствовала о вступлении русского народничества в полосу очередного идейного кризиса. Народ по-прежнему не оправдывал возлагаемых на него надежд, что неминуемо вело к усилению в среде интеллигенции самых пессимистических взглядов и настроений. На этой почве зарождается идеология «критического» народничества, одним из первых литературных выразителей которого стал Г. И. Успенский¹.

Современники считали Успенского чуть ли не главным знатком психологии и быта пореформенной русской деревни. Его художественно-публицистические очерки содержали ужасающие картины разложения вековых устоев крестьянской жизни под влиянием утверждения в стране буржуазной цивилизации. Успенский первым открыто заговорил о том, что власть денег, «господина Купона» легко превращала вчерашнего «коллективиста» в мироеда – «живореза» и «живоглота». Поэтому за писателем закрепилась репутация «разрушителя» иллюзий о мужике и его общинных идеалах². К концу 1870-х гг. благодаря публикациям Успенского отрицать пышный расцвет в крестьянской среде кулачества было уже невозможно.

Успенский часто бывал слишком тенденциозным в своем стремлении показать наиболее мрачные и неприглядные стороны народной жизни, особенно когда сравнивал мужика со зверем, живущим по законам «лесной правды»³. Однако мало кто решался обвинять его в отсутствии любви и сострадания к «младшему брату» мужику, потому что он никогда не призывал интеллигенцию махнуть на народ рукой. Своим творчеством Успенский стремился убедить своих читателей, что русская деревня нужда-

¹ Успенский Глеб Иванович (1843–1902) – русский писатель-демократ, один из главных представителей «мужицкой беллетристики» 70–80-х гг. XIX в.

² Подробнее см.: Зверев В. «Власть земли» и «власть денег» в произведениях Глеба Успенского. Традиционный мир русского крестьянства // Историк и художник. 2004. № 1.

³ Главным критиком этой стороны творчества Г. И. Успенского в народническом лагере выступал И. И. Каблиц. Он, в частности, доказывал, что Успенскому не удалось узнать и выразить заветные мысли русского крестьянства. См.: [Каблиц И. И.] Из журналов и книг // Неделя. 1878. № 40. Стб. 1316. Ср.: Созерцатель [Оболенский Л. Е.] До чего договорился Гл. Успенский // Русское богатство. 1883. № 7.

лась в просвещении и скорейшем изменении тех гнетущих общественных условий, которые ставили народ в положение самой жестокой и бесчеловечной борьбы за выживание. Не случайно лучшими друзьями Глеба Успенского были Михайловский, Кривенко и Шелгунов.

В историю русского народничества 70-е гг. XIX в. вошли как время перехода от теории к практике. Знакомство интеллигентной молодежи с реальным народом совершенно неожиданно открыло существование между ними глубокого раскола, причины которого уже невозможно было объяснить сословными перегородками и исторически сложившимся недоверием мужика ко всем, кто носит «барское» платье. Подлинная преграда на пути сближения интеллигенции с народом заключалась в огромных различиях в мировоззрении, образе жизни и культуре. Социальные идеи и теории интеллигенция и все их научные обоснования оказались совершенно непонятными простому мужику с его традиционным мышлением, не допускающим существование иных авторитетов, кроме Бога, царя и мира (общины). Завязать между ними диалог оказалось практически невозможно. Вот почему уже во второй половине 1870-х гг. восторженная вера в мужика сменяется откровенным пессимизмом и на смену лозунга «все для народа и через народ» приходит новая формула действий: «для народа, но без народа», т.е. при помощи одной радикальной интеллигенции.

На почве пересмотра теоретически верных, но практически неосуществимых программ эпохи «хождения в народ» набирает силу процесс кристаллизации двух главных фракций русского легального народничества. Одна из них окончательно обосновалась в газете «Неделя», но долгое время не имела яркого политического лидера. И. И. Каблиц, как главный идейный вдохновитель «окрестняничества» народничества (его постепенного «вращения в почву»), громко заявил о себе только в начале 1880-х гг. Другая фракция с начала 1870-х гг. формировалась вокруг публицистов «Отечественных записок». Ее лидером изначально был Н. К. Михайловский – главный противник «неделизма» во всех его проявлениях. Однако и он окончательно сформулирует свое кредо только после перехода на позиции «критического» народничества.

Что же касается вопроса «народ учить ли у народа учиться?», то он так и останется не разрешенным. Конечно, в том, что рус-

ский народ нуждался в просвещении и цивилизации, никто из народников не сомневался. Проблема заключалась в другом. Какие плоды цивилизации необходимы мужику в первую очередь: правильные понятия, как считали народники «Отечественных записок», или материальная обеспеченность, на чем настаивали их оппоненты из «Недели»? Понимание того, что одно другому не противоречит, а дополняет и поддерживает, придет к легальным народникам только после того, как доводы народников-политиков и народников-почвенников будут проверены в их практической деятельности в 80-е гг. XIX в.

§ 3. Легальные народники и народовольческое решение проблемы сближения интеллигенции с народом

В истории противостояния власти и радикальной русской интеллигенции события конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. занимают особое место. Народовольцы, как в свое время декабристы, надеялись одним рывком перевернуть пирамиду власти и установить «самодержавие народа». На деле политический террор только углубил раскол передовой русской интеллигенции с народом и еще больше дискредитировал ее в глазах правительства, отказавшегося даже от минимальных уступок обществу в виде «конституции» М. Т. Лорис-Меликова.

Почему идея радикальной политической реформы, осуществленная силой революционного меньшинства, в очередной раз потерпела сокрушительное поражение? Может быть, народовольцам тоже не хватило поддержки народа? Неужели опыт декабристов ничему их не научил? Или у них были на этот счет какие-то свои расчеты?

Современные историки на волне неприятия любых проявлений экстремизма если и пишут о народовольцах, то чаще всего как о террористах и «заложниках заблуждения»¹. Особняком в этом ряду стоят лишь труды Н. А. Троицкого, призывающего оценивать деятельность русских революционеров исходя из ис-

¹ См.: Ковалев В. А. Заложники заблуждения. М., 1995; Кан Г. С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997; Романовский С. И. Нетерпение мысли, или Исторический портрет радикальной русской интеллигенции. СПб., 2000.

торического контекста¹. Попытаемся воспользоваться его советом. На наш взгляд, крайний революционизм народовольцев не может быть сведен к одним лишь ошибкам их теорий. Его причины гораздо глубже.

На рубеже 1870–1880-х гг. прогрессивная русская общественность относилась к самоотверженной борьбе горстки революционеров с самодержавием как к проявлению их необыкновенного гражданского мужества. Не составляли здесь исключения и легальные народники. Хотя сам характер их деятельности должен был диктовать неприятие революционных методов борьбы, русская действительность давала достаточно поводов усомниться в возможности улучшения жизни народа по инициативе правящей власти. Поэтому и в этой среде оказание практической помощи революционному движению считалось делом чести, несмотря на постоянную угрозу ареста и высылки под надзор полиции.

В 60–70-е гг. XIX в. почти все известные в будущем теоретики реформаторского народничества (Л. Е. Оболенский, И. И. Каблиц, С. Н. Южаков, А. С. Пругавин, В. П. Воронцов) были так или иначе связаны с революционным подпольем. Например, дружба публициста «Отечественных записок» С. Н. Кривенко с революционерами началась незадолго до раскола партии «Земля и Воля». Раньше других он познакомился с Д. А. Лизогубом и Л. А. Тихомировым. Весной 1879 г. состоялась встреча Кривенко с А. П. Корбой, затем с В. Н. Фигнер и Г. А. Лопатыным².

Многие легальные народники были в курсе внутривластных разногласий в «Земле и воле», вполне определенно поддерживая сторонников политической борьбы с правительством. На будущих народовольцев они смотрели как на единственную силу, способную изменить внутреннюю политику самодержавия. Сами народовольцы, в свою очередь, также были заинтересованы в установлении прочных контактов с близкими им по духу народниками-литераторами. По утверждению А. П. Прибылевой-Корбы, «нарождающаяся партия имела в виду наилучшим образом обставить свой литературный орган», заводя тесные отношения «с выдающимися писателями, которые могли сотрудничать в га-

зете»¹. К ним относились тогда С. Н. Кривенко, Н. К. Михайловский, М. А. Протопопов, А. М. Скабичевский, К. М. Станюкович, Г. И. Успенский, Н. В. Шелгунов, А. И. Эртель. Правда, деятельными сотрудниками нелегальных изданий «Народной воли» из них стали только Кривенко и Михайловский.

До конца 1870-х гг. народники надеялись добиться освобождения народа от бюрократического произвола и экономической эксплуатации не прямой борьбой с властью, а путем подготовки крупной социальной реформы, действуя, как писал Е. Е. Колосов, «наполовину чисто легальными средствами» (организуя всевозможные товарищества и артели, а также пропагандируя свои идеи в крестьянской и рабочей среде)². Неудача попыток локализовать «внутренних» врагов (бюрократию и буржуазию) и заставить их капитулировать вынудила народников признать реалии пореформенной России, а именно тот факт, что капитализм набирает силу благодаря протекции царского правительства, предавшего, по их мнению, забвению дело реформ 1860-х гг.

Перемена в отношении к политике поставила Михайловского перед необходимостью поддерживать народовольцев. В 1879–1880 гг. он обращается к радикальной русской интеллигенции с «Политическими письмами социалиста». Цель писем состояла в обосновании идеи уничтожения самодержавия с помощью завоевания политических свобод. Отвечая на возможные возражения, что от ограничения власти царя выиграет не народ, а буржуазия, Михайловский писал: это «европейской буржуазии самодержавие помеха, нашей буржуазии оно – опора». Поэтому воздержание от политической борьбы выгодно только врагам народа. Конституционный режим есть вопрос завтрашнего дня России³.

Еще одна важная идея Михайловского – интеллигенция может действовать от имени народа, не руководствуясь при этом его «политическими предрассудками» (верой в царя). Более того, она должна приложить все усилия для того, чтобы вырвать эту веру с корнем из жизни и из сердца народа. «Станем же на его

¹ Прибылева-Корба А. П. «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х годах. М., 1926. С. 36.

² [Колосов Е. Е.] С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятых годов // Кривенко С. Н. Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1911. Т. 1. С. XXXV.

³ Гроньяр [Михайловский Н. К.] Политические письма социалиста // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 29

¹ Троцкий Н. А. Крестноносцы социализма. С. 349–350.

² Колосов Е. Е. С. Н. Кривенко, как один из представителей семидесятых годов. – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 334. Л. 25, 27.

(царя. – Г. М.) место, – призывал Михайловский радикальную интеллигенцию, – предоставим народу землю, и тогда навеки сотрется позорное клеймо раба со лба русского человека»¹.

Признав необходимость политической борьбы с самодержавием, народovolьцы сделали важный шаг вперед в развитии революционной теории. В то же время новая тактика подготовки и осуществления революционного переворота заставила их по-иному взглянуть и на причины неудач предшествующей деятельности в народе, и на сам народ, и на роль в предстоящей революции интеллигенции. Тяжелую ношу борьбы за светлое будущее народovolьцы взвалили на собственные плечи, объявив себя частью народа, руководящей и направляющей силой общественного прогресса, способной по собственной воле изменять его направление и темп. С другой стороны, никакого массового народного движения, с которым они могли связать идею политической борьбы, в России просто не существовало. В последней трети XIX в. мужик все еще спал непробудным сном, а рабочее движение только зарождалось. Следовательно, главный лозунг народovolьчества «все для народа, но посредством его лучшей части – интеллигенции» возник не на пустом месте.

В исторической литературе постановка и разрешение народovolьцами проблемы «интеллигенция и народ» специально не изучались, хотя отдельные ее аспекты (например, вопрос о движущих силах революции, отношение партии к крестьянству, пропаганда народovolьцев в рабочей среде) получили отражение в целом ряде исследований². Главная причина тому в ограниченности источниковой базы. Идеологи «Народной воли» сравнительно мало писали по этой проблеме. Только один Л. А. Тихомиров (в сентябре 1880 г. в письме к А. И. Желябову) выразил желание «работать в интересах партии» над вопросом о роли интеллигенции³. Он же защищал позицию «Народной воли» в

легальной печати, приняв самое активное участие в известной полемике начала 1880-х гг. о путях сближения интеллигенции с народом.

О том, что народovolьцы сохраняют верность основным догматам народнического социализма, они заявили в январе 1880 г. «Мы социалисты и народники», – записано в программе их Исполнительного комитета¹.

Социалистические взгляды народovolьцев основывались на учении Герцена и Чернышевского о возможности перехода к «высшей, товарищеской форме производства», опираясь на общинные инстинкты русского крестьянства. Русская жизнь представлялась народovolьцам ареной непрекращающейся борьбы между «народным общинно-социалистическим строем и государственно-буржуазным». Они верили, что стоит только освободить общину от давления самодержавно-бюрократического государства², предоставить народу возможность устроиться так, как он хочет, и присущие русскому крестьянству принципы (право каждого на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства и т.д.) «получили бы широкое развитие и дали бы совершенно новое направление в народном духе всей нашей истории...»³.

Сложнее определить, какой смысл вкладывали народovolьцы в свое «народничество». Анализ их печатных изданий приводит нас к выводу, что под народничеством здесь понималась особая система взглядов, призванная обосновать интересы трудового народа, которые в свою очередь противопоставлялись интересам господствующих классов. Россия должна была стать государством, существующим для народа и посредством народа. Для этого, по мнению теоретиков «Народной воли», «пульс государствен-

¹ Литература партии «Народная воля». С. 49–50.

² Хотя существующая в России государственная власть и воспринималась народниками как надклассовая сила, способная, подобно бессловесной интеллигенции, выражать общенародные интересы, вплоть до начала 1880-х гг. о примирении с ней (даже исходя из тактических соображений) не могло быть и речи. Подробнее см.: Колосов Е. Е. Воззрения Н. К. Михайловского на государство (К вопросу об отношении интеллигенции к праву и государству) // Русское богатство. 1910. № 3. С. 58–59.

³ [Морозов Н. А.] Передовая (10 ноября 1879 г.) // Литература партии «Народная воля». С. 25–26; [Тихомиров Л. А.] С чего начать преобразования? // Там же. С. 131.

¹ Гроньяр. Политические письма социалиста. С. 53.

² См.: Волк С. С. Народная воля: 1879–1882. М.; Л., 1966; Твардовская В. А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1969; Эвенчик С. Л. Вопрос о рабочих в «Народной воле» // Ученые записки Моск. пед. ин-та. 1970. Т. 359; Хорошавин В. А. О некоторых чертах эволюции тактических воззрений позднего народничества // Очерки истории дореволюционной России. Уфа, 1975. Вып. № 3.

³ См.: Малинин В. А. История русского утопического социализма: Вторая половина XIX – начало XX вв. М., 1991. С. 167.

ной жизни» от правительства и привилегированных классов должен быть перенесен к народным массам¹.

Предшественники народовольцев – землеvolьцы утверждали, что «революция – дело народных масс». Революционеры могут организовать народ, поднять его на борьбу, ускорив тем самым развитие революционного процесса, но сами по себе «ничего исправить не в силах»². Смысл движения семидесятых годов, по признанию самих народников, состоял в попытке объединить силу народа с сознательностью революционного меньшинства. Большая ошибка утверждать, что народовольцы отказались от реализации этой идеи.

Осенью 1879 г., разочаровавшись в попытках создать на селе массовую революционную организацию, народовольцы сделали вывод о том, что деятельность в народе пока была «наполнением бездонных бочек Данаид»³. Однако вскоре они убедились в не состоятельности расчетов опереться на одну интеллигентную часть нации. Уже в январе 1880 г. «Народная воля» заявила о необходимости подготовить себе активное содействие масс⁴.

В статье «Желательная роль народных масс в революции» (ноябрь 1880 г.) Тихомиров напишет, что разбить правительство без участия народа партия революционеров не в состоянии, ибо одна интеллигенция не может поставить одновременно несколько тысяч бойцов⁵. Следовательно, успех дела народного освобождения заключался в пробуждении в народе «энергии общего протеста во имя своего старинного права», в укреплении в нем «уверенности в том, что он сможет стать силой и что только тогда все пути ему станут открыты»⁶. Цель революции, по убеждению народовольцев, в том и состояла, чтобы «сорганизовать такую силу, о которую разобьется тысячелетний истукан деспоти-

зма»¹. Не стоит, однако, забывать, что представления революционеров о народе были крайне противоречивыми. Наряду с оптимистическим отношением к массам, как хранителям «великих» идеалов, призванным «осветить темный мир современной цивилизации», всегда находились те, кто считал народ не способным даже на защиту собственных прав².

Еще один важный для народовольцев вопрос – практические пути сближения революционной партии с народом. Накопленный народниками к концу 1870-х гг. опыт агитаторской и пропагандистской деятельности непосредственно в крестьянской среде показал, что, действуя таким способом, поднять народ на революцию практически невозможно. Несколько сотен лет экономического гнета и политического бесправия довели простой народ «до физического вырождения, до отупелости, забитости, нищенства, – до рабства во всех отношениях», привили ему постыдные привычки к повиновению и бездействию³. Продолжать надеяться, что народ, находящийся в таком придавленном положении, сможет подняться разом, как один человек, по убеждению народовольцев, могли только пассивные идеализаторы деревни. Поэтому было решено «перестать биться у народа как рыба об лед» и обратить усилия социально-революционной партии на устранение главной причины инертности и подавленности народной массы, главной опоры эксплуататорских классов – русского правительства, названного Тихомировым «железным колоссом на глиняных ногах»⁴.

Народовольцы с самого начала заявили о себе как о партии «немедленного действия», стремящейся к государственному перевороту в самом ближайшем будущем. Если не мы осуществим этот переворот, писала газета «Народная воля» в ноябре 1879 г., его совершит буржуазия, а потому необходима скорейшая передача государственной власти в руки народа, «пока есть шансы, что власть перейдет действительно к нему»⁵.

¹ Программа Исполнительного комитета // Литература партии «Народная воля». С. 52; [Тихомиров Л. А.] Злоба дня // Там же. С. 105; [Кибальчич Н. И.] Политическая революция и экономический вопрос // Там же. С. 109; [Романенко Г. Г.] Переходный момент // Там же. С. 129.

² [Кравчинский С. М.] Земля и воля! // Земля и воля. 1878. № 1. С. 3.

³ Тихомиров Л. А. Передовая (20 сентября 1879 г.) // Литература партии «Народная воля». С. 4.

⁴ Программа Исполнительного комитета. С. 51.

⁵ Литература партии «Народная воля». С. 93.

⁶ [Тихомиров Л. А.] Злоба дня. 105.

¹ [Тихомиров Л. А.] Передовая (25 декабря 1879 г.) // Литература партии «Народная воля». С. 49.

² Интеллигенция и народная масса. – РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 453. Л. 6.

³ Программа Исполнительного комитета. С. 50.

⁴ [Тихомиров Л. А.] Передовая (1 октября 1879 г.) // Литература партии «Народная воля». С. 3–4.

⁵ [Морозов Н. А.] Передовая (10 ноября 1879 г.). С. 26.

Новые практические задачи заставили народников отказаться от некоторых прежних форм работы в деревне (оседлая пропаганда и т.п.). «Мы собираем активную силу, – писал Исполнительный Комитет своим заграничным товарищам. – Где она есть, мы ее берем, где нет – туда не суемся... Ясно, что если бы могли пустить в крестьянство целую армию, то его бы можно было сдвинуть. Но, к несчастью, для того чтобы крестьянскую скалу низвергнуть на правительство, нужны пуды пороха, а у нас его только несколько фунтов. Это вышел бы не взрыв, а фейерверк». Новая тактика народовольцев по отношению к народу заключалась в том, чтобы наиболее «экономно и скоро» подготовить его содействие перевороту. Для этого предполагалась «популяризация партии как активной и благожелательной народу силы». Но, как подчеркивали народовольцы, «все это мы преследуем насколько хватает силы», «всегда имея мерилom полезности работы государственный переворот»¹.

Свою позицию относительно характера предстоящих преобразований и роли в них народа и революционного меньшинства народовольцы рассматривали как синтез двух мнений². Первое представляли русские якобинцы (последователи П. Н. Ткачева), стремящиеся путем захвата власти в свои руки декретировать политический и социальный переворот, провести сверху в жизнь народа социалистические принципы, подавляя при этом его революционную активность. Другой позиции придерживались «социалисты» «Черного передела». Они отрицали самостоятельное значение политической борьбы с самодержавием, доказывая возможность осуществления народных идеалов посредством народного восстания, т.е. прямого социального переворота. Народовольцы как бы примиряли эти две крайние точки зрения. Признав значение политического переворота, они отводили ему роль первого шага к радикальным политическим и экономическим реформам, которые должны были стать результатом совместного социального творчества передовой интеллигенции и народных масс³.

¹ Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» заграничным товарищам // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. С. 319.

² [Кибальчич Н. И.] Политическая революция и экономический вопрос. С. 107.

³ Литература партии «Народная воля». С. 51, 97, 107, 108.

Отняв власть у царского правительства, народовольцы, точнее представители их самого влиятельного направления во главе с А. И. Желябовым и А. Д. Михайловым, намеревались передать ее Учредительному собранию, полагая, что 90 % его депутатов (все от крестьян) полностью поддержат предложенную революционерами программу политической и экономической демократизации страны. В крайнем случае, если народ по каким-то причинам еще не окажется способным проявить свою политическую волю, партия готова была взять на себя *почин* политического и экономического переворота (организацию народного представительства, уничтожение частной собственности на землю и т.д.). Но и тогда народовольцы не собирались вводить опеку народа «в вечную систему», обещая, что, как только он утвердится в своем новом положении, они сделают его «господином самого себя»¹. Видимо, идея диктатуры партии над народом пугала их угрозой перерождения революционной власти, т.к. даже идейная интеллигенция не была гарантирована от «искуса всевластия»².

Итак, успех русского освободительного движения зависел от согласованности действий, четкого распределения ролей между интеллигенцией и народом, «мозговым центром» нации и ее физической силой. По плану народовольцев, интеллигенция должна была возглавить общее руководство революционным переворотом, дать народу четкий план действий и, главное, нанести первый решительный удар (парализовать центр правительственной власти), чтобы вывести массы из их пассивно-выжидательного состояния. «Инсurreкция» (восстание) в центре силами интеллигенции, городских рабочих и армии должна была дать толчок крестьянской революции на местах³. Без поддержки народа установить и удержать власть в такой огромной стране как Россия – дело маловероятное. Идеологи «Народной воли» понимали это

¹ Там же. С. 25, 51, 159, 321.

² Впрочем, сторонники якобинского или бланкистского направления были и среди народовольцев. Напр., Л. А. Тихомиров и М. Н. Ошанина отстаивали идею захвата власти силами партии и осуществление этой власти революционерами. См.: Исаков В. А. Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции. Вторая половина 1840-х – первая половина 1880-х годов: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. С. 32.

³ Литература партии «Народная воля». С. 51, 92–94, 97, 109.

не хуже русских марксистов, но по известным причинам применить свои идеи на практике им не удалось.

В начале 1880-х годов активно обсуждаемый в народовольческой литературе вопрос о необходимости радикальных политических преобразований выходит за пределы подпольной печати.

Одним из первых легальных народнических писателей о значении «внешних условий» (для успешной общественной деятельности интеллигенции) заговорил Н. Н. Златовратский¹. В статье «Народный вопрос в жизни и литературе», проанализировав попытки сближения интеллигенции с народом на практической почве, он пришел к неутешительному выводу, что связи между ними «не было, нет и вряд ли скоро будет». Интеллигенция бессильна сделать что-либо для решения «народного вопроса», пока она не вооружится «орудиями», соответствующими своей «великой задаче». Под «орудиями» здесь понимались широкие политические свободы (слова, печати, собраний и др.). Служение народу при существующих общественных условиях сравнивалось писателем с наполнением «бездонных бочек Данаид»². В этом вопросе Златовратский и народовольцы были единомышленны.

«Мы, народники. Мы последовательные общинники, мы, которых преимущественно зовут народолюбцами, – писал Златовратский от имени публицистов журнала “Русского богатства”, – мы заявляем, что прежде “народного вопроса” должен быть разрешен “вопрос интеллигенции”: вопрос об элементарнейших правах умственного и образовательного ценза. Только свободная интеллигенция во всеоружии своих прав и свободной мысли может слить свои интересы с интересами народа и смело и плодотворно взяться за решение задач, логически неизбежно назревших для нашего поколения... В этом вся суть. Обойти этого положения невозможно. Только свобода и признание прав интеллигенции могут быть гарантией быстрого и плодотворного решения народного вопроса»³.

¹ Златовратский Николай Николаевич (1845–1911) – прозаик, публицист, один из теоретиков легального народничества. Подробнее см.: Сакулин П. Народничество Н. Н. Златовратского // Голос минувшего. 1913. № 1.

² Оранский Н. [Златовратский Н. Н.] Народный вопрос в нашем обществе и литературе // Русское богатство. 1880. № 6. С. 19, 29.

³ Там же. С. 20.

Намеченный Златовратским путь заполнения пропасти между интеллигенцией и деревней вызвал резкую критику со стороны публицистов «Недели». Главный идеолог газеты Иосиф Каблиц, который к этому времени окончательно порвал со своим революционным прошлым¹, посвятил этому вопросу специальную статью под громким названием «Что такое народничество?». По мнению Каблиц, говорить о правах интеллигенции как главной современной задаче мог только «бездушный либерал», для которого политический вопрос вытесняет народный. Такой подход к пониманию народных интересов объявлялся фальшивым, т.к. он игнорировал мнение о них самого народа. Истинное народничество, по Каблицу, ставило на первое место не политические, а социальные вопросы (проблему малоземелья и т.п.), которые касались материального положения народа. При разрешении этих вопросов настоящий народник должен был опираться на коллективную мысль народных масс. Народ, писал по этому поводу Каблиц, мудр. Он лучше других знал, что ему нужно, что должно считаться самой важной практической задачей, и в чем заключалось ее разрешение². Иначе говоря, русской интеллигенции следовало отказаться от непосредственного введения социализма по западному образцу и сосредоточиться на практических нуждах переформенной деревни.

Весь пафос доктрины Каблиц сводился к обоснованию нового (отличного от революционно-народнического) понимания исторического предназначения демократической интеллигенции. Оно заключалось в развитии *самостоятельности* крестьянства. Мужик имел неотъемлемое право на свободное определение своих действий и своей жизни. Насажение общественных форм, для которых деревня еще «не созрела», по Каблицу, губительно для прогресса. «Насильно подчиняя жизнь народа своим идеям, интеллигенция... явилась бы в глазах народа в виде тирана, ком-

¹ О причинах идейной эволюции И. И. Каблиц см.: Мокшин Г. Н. От бунтарства к идеологии ультраправого народничества. Трудный выбор Иосифа Каблиц // Исторические персоналии: мотивировка и мотивации поступков: Материалы Всероссийск. науч. конф. СПб., 2002. С. 157–160

² [Каблиц И. И.] Что такое народничество? // Неделя. 1880. № 31. Стб. 981–986. См. также: Он же. Интеллигенция и народ // Неделя. 1880. № 10; Он же. Либерал и народничество // Неделя. 1880. № 33; Он же. Пессимизм нашей интеллигенции // Неделя. 1880. № 42.

прометируя вместе с тем и себя, и свои заветные, быть может, вполне правильные идеи»¹.

Статьи Каблицы-Юзова о народничестве вызвали в обществе бурную полемику, разделив ее участников (П. П. Червинского, Л. А. Паночина, Л. Е. Оболенского, С. А. Венгерова, В. А. Гольцева, А. Л. Эльсница, А. Н. Пыпина) на «юзовцев» и «анти-юзовцев»².

Позицию сторонников неотложной политической демократизации страны наиболее решительно отстаивал ведущий публицист «Отечественных записок» Михайловский, который расстался с «предрассудками» аполитизма раньше других народников³. Согласиться с народничеством Каблицы Михайловскому мешало убеждение в том, что желания «мужика» далеко не всегда совпадали с его действительными нуждами. Даже если народ осознавал свои потребности, он чаще всего не знал, как добиться их удовлетворения. Поэтому прогрессивная русская интеллигенция должна была объяснить народу, что его настоящие интересы состояли в изменении в России политического режима, что это единственный путь к осуществлению главных, по мнению народников, требований русского крестьянства – земли и воли⁴.

После появления в 1882 г. книги Каблицы «Социологические очерки. Основы народничества» с критикой его идей от лица «Народной воли» выступил Лев Тихомиров. Попытку реформирования народничества на основе тезиса о превосходстве коллективной мысли народа над теориями интеллигенции Тихомиров признал крайне неудачной. По его убеждению, Юзов подрывал у интеллигенции веру в ее силы, т.к. доказывал ей, что ее помощь

народу вовсе не нужна. Более того, он фактически смешивал интеллигенцию с эксплуататорами (врагами) народного труда, чем «затуманивал» представления общества о том, какова она есть в действительности¹.

Если следовать обычной для политических радикалов риторике, революционная интеллигенция – это наиболее развитая и сознательная часть трудящейся массы, ее «лучшие соки». По словам того же Тихомирова, интеллигенция хорошо знала о «первоисточнике всех зол» (деспотической власти, которая «создает и поддерживает всякую эксплуатацию») и уже вела с ним целенаправленную борьбу. Народ стихийно протестовал против своих непосредственных угнетателей, т.к. ему не был ясен тот путь, который приведет к правильному удовлетворению его интересов².

Как видно, в вопросе о взаимоотношениях интеллигенции с народом между народовольцами и Михайловским было больше общего, чем между Михайловским и идеологом реформаторского народничества Каблицем.

Первого марта 1881 г. Н. И. Рысаков и И. И. Гриневский привели в исполнение приговор Александру II, вынесенный ему революционными народниками еще в 1879 г. В три часа дня над Зимним дворцом был поднят черный флаг.

Трагедия на Екатерининском канале стала поворотным пунктом в истории не только «Народной воли», но и всего русского освободительного движения. Радикальная интеллигенция впервые заявила о себе как о силе, способной пошатнуть традиционные устои русской общества. Царей в России убивали и раньше, но сам факт насильственной смерти «помазанника божьего» всегда скрывался, чтобы не волновать царелюбивый народ. Народовольцы, осуществив цареубийство как показательную акцию, бросили вызов народным чувствам и верованиям. На что же они рассчитывали?

О царелюбии русского народа революционеры знали не понаслышке. Первые же попытки участников «хождения в народ» 1874–1875 гг. отговорить мужика от царя закончились оглуши-

¹ Каблицы И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 82–83.

² Подробнее см.: Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 418–426; Харламов В. И. Теория «малых дел» Юзова в оценке читателей-современников // Из истории общественно-политической мысли России XIX в.: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1990. С. 99–103; Балуев Б. П. Либеральное народничество... С. 44–47.

³ К твердому убеждению о невозможности осуществления в России социалистических идеалов без завоевания политических свобод и конституции Н. К. Михайловский пришел в конце 1877 – начале 1878 г. под впечатлением от террористических актов землевольцев.

⁴ О негативном отношении Н. К. Михайловского к народничеству И. И. Каблицы-Юзова см.: Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 7. Стб. 625–643.

¹ Кольцов И. [Тихомиров Л. А.] Шатанье политической мысли // Дело. 1883. № 3. С. 23, 25, 26, 28.

² Тихомиров Л. А. С чего начать преобразование? С. 130–134.

тельным провалом. «Как же можно совсем без царя, кто же управлять-то станет?», – спрашивали крестьяне пропагандистов. «Народ – тело, царь-голова». «Без головы нельзя»¹. Более детальное знакомство с историей народных движений XVII–XVIII вв. не оставляло сомнений – все они совершались под знаменем царской власти. Для народовольцев это было еще одним доказательством незрелости народной мысли, неспособности крестьянства освободить себя без посторонней помощи, опираясь только на собственные силы.

Природой крестьянского монархизма интересовался еще Бакунин. Он первым обратил внимание народников на то, что крестьяне верят не в реального царя, действительно сидящего на троне, а в созданный ими миф об идеальном царе-избавителе, единственном защитнике простого народа от притесняющих его господ². Сами народовольцы неоднократно подчеркивали, что истоки монархических иллюзий мужика не в благодеяниях царей, а в потере народом веры в собственные силы, в политической неразвитости, пассивности и разрозненности крестьянства. Идея царя была единственным доступным для него средством объединения практически не связанных между собой сельских миров для совместной борьбы с общим врагом³. Иными словами, царская власть не могла иметь в народе прочных корней. «Царь в политике мужика, – писал Тихомиров в сентябре 1880 г., – то же, что бог в религии. Он силен и высок беспредельно, но лишь до тех пор, пока против него не возбуждается ни малейшего сомнения». Но стоит только представить народу доказательства измены ему царя, и сам принцип царизма пошатнется⁴. Свою правоту

¹ [Брешико-Брешковская Е. К.] Воспоминания пропагандистки (одной из осужденных в каторгу) // Община. 1878. № 8–9. С. 13; Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 294.

² Бакунин М. А. Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель // Бакунин М. А. Избр. соч. Пг.; М., 1920. Т. 3. С. 81. Подробнее см.: Мокшин Г. Н. Крестьянский монархизм в интерпретации М. А. Бакунина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1, Гуманит. науки. 1998. № 1.

³ Догадки народников о служебной роли в крестьянском движении идеи царской власти получили подтверждение в специальных исторических исследованиях этого вопроса. См., напр.: Янель З. К. Феномен стихийности и повстанческая организация массовых движений феодального крестьянства России // История СССР. 1982. № 5. С. 93–94.

⁴ Литература партии «Народная воля». С. 84, 101, 106–107.

народники обычно подтверждали ссылкой на сотни тысяч раскольников, «прямо называвших царя антихристом».

Разумеется, с подобной интерпретацией народной веры в царя были согласны далеко не все общественные деятели того времени. Например, А. Н. Пыпин, Е. П. Карнович, В. И. Герье доказывали, что самодержавный характер русского государства, в конечном счете, определялся характером самого народа¹. Да и сами народовольцы не могли не понимать, что до планируемого ими переворота народ в царе не изверится. Сообразуясь с данным фактом, революционная партия могла сознательно стремиться поскорее убрать царя, чтобы использовать мифическую веру масс в силу верховной власти в интересах предстоящих революционных преобразований. В данном случае расчет строился на том, что народ поддержит любую власть, если она даст ему то, чего он хочет.

Теперь рассмотрим отношение к деятельности народовольцев идеологов правого и левого флангов легального народничества. По известным причинам оно было диаметрально противоположным.

Накануне первого марта 1881 г. Михайловский, Шелгунов, Кривенко и Успенский обсуждали вопрос о готовящемся покушении на Александра II, уверяя друг друга, что революционерам надо спешить, так как, несмотря на конспирацию, слухи разползлись по всему городу². В шесть часов вечера в день царевубийства литераторы и «кое-кто из революционеров» собирались на квартире Шелгунова. Николай Русанов вспоминал впоследствии, что, добираясь туда, услышал, как «один извозчик закричал другому, везшему его приятеля из «Отечественных записок» (предположительно Кривенко, с которым он был дружен. – Г. М.): «Ванька, дьявол, буде тебе бар возить: государя на четыре части разорвало». Большинство присутствующей на совещании литературной братии «отдавалось... всецело чувству радости», надеясь, что будет революция³.

¹ См.: А. П. [Пыпин А. Н.] Умственное развитие русского народа // Вестник Европы. 1870. № 1. С. 353; Очерки русско-народных воззрений // Отголоски. 1881. № 18. С. 645–646; Герье В. И. Понятие о власти и о народе в наказах 1789 года // Исторический вестник. 1884. № 2. С. 389–390.

² Ивановская П. С. Очерк истории революционного движения в России в 70–80-х годах. 1917 г. – РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 42. Л. 10.

³ Н. Р. [Русанов Н. С.] Событие 1-го марта и Н. В. Шелгунов // Былое. 1906. № 3. С. 44.

Суд над «тираноборцами» привлек внимание прессы во всем мире, кроме самой России, где писать о процессе было запрещено. Одним из немногих столичных журналистов, кто нашел в себе мужество открыто выступить в защиту казненных «злодеев», был внутренний обозреватель «Слова» Кривенко. Однако попытка эта успеха не имела. Апрельскую книжку со статьей «Наша внутренняя жизнь» арестовали и она появилась только после изъятия страниц с описанием суда над первомартовцами.

Общее представление о недошедшей до нас части текста дает доклад цензора А. Н. Юферова на специальном заседании цензурного комитета в мае 1881 года. Согласно сообщению цензора, статья содержала резкую критику всего хода этого процесса. По мнению Кривенко, судьям не хватало главного – понимания причин обращения молодежи к террористической деятельности, без чего «как энергично и убедительно ни обвиняй подсудимых и как ни води их прямым путем на виселицу, борьба с крамолой вряд ли будет иметь большой успех, чем до сих пор...». Сам автор увидел эти причины в отсутствии у террористов возможности решить мучивший их «вопрос народного несчастья» мирными средствами. Путем «предвзятой» группировки фактов из показаний подсудимых, он подводил читателей к заключению, что если эти люди сделались злодеями, то лишь «благодаря нашим внутренним неустройствам и неумелому правительственному образу действий в отношении к социальным революционерам»¹.

Во второй половине 1882 г. через Михайловского и его близкого друга Кривенко Исполнительный комитет «Народной воли» вел переговоры с тайной монархической организацией «Священная дружина» о прекращении террора в обмен на уступки со стороны правительства. От имени революционной партии они составили программу действий. По воспоминаниям Н. Я. Николадзе, она заключалась в приглашении правительства стать на путь социальных, вернее, экономических улучшений народного быта, со значительным в этом смысле расширением сферы действий печати и земского или общественного самоуправления. В

основном это были требования узко-социалистического характера, без политической подкладки, в противоположность письму Исполнительного комитета к Александру III по поводу 1 марта 1881 г.¹ О возможности установления в стране конституционного режима в ней даже не упоминалось на том основании, что «теперь настроение партии менее приподнятое и она уверилась, что политические реформы поведут к упрочению во власти не народныхольцев, а только буржуазии, что составляет не прогресс, а регресс»². Как известно, переговоры были прерваны, как только правительству стало известно о слабости «террористов».

В декабре 1882 г. Михайловского за выступление перед выпускниками Медико-хирургической академии, в котором он просил их «уяснить себе, откуда идут всякие стеснения, ставятся препоны и держат народ в невежестве», выслали в Выборг³. Поэтому наиболее деятельную поддержку нелегалам оказывал Кривенко. Благодаря ему народольцам удалось возродить печатное дело партии. От ее имени Кривенко написал несколько статей в «Листок “Народной воли”» и брошюр агитационного характера, отразивших постепенный пересмотр прежней заговорщицкой тактики народольцев, лишавших их прочной опоры в обществе и народе. За связи с революционным подпольем в январе 1884 г. Кривенко был арестован и после 1,5 годового расследования сослан в административном порядке в Сибирь⁴. Интересно, что арест Кривенко – ведущего публициста «Отечественных записок» был использован правительством как повод для закрытия этого журнала⁵.

Совсем иную оценку народольчеству мы находим у идеологов ортодоксального народничества. Во имя истинного народничества они готовы были (на какое-то время) примириться с идеей

¹ Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» к Александру III редактировал лично Н. К. Михайловский.

² Николадзе Н. Я. Переговоры «Священной дружины» с партией «Народной воли» в 1882 г. Пг., 1917. С. 16–17.

³ В Петербург Н. К. Михайловский вернется лишь в 1886 г.

⁴ Об отставном подпоручике С. Н. Кривенко и др. – РГИА. Ф. 1405. Оп. 85. Д. 10944. Л. 69–71, 80, 88, 102.

⁵ См.: Макашин С. А. Из истории литературной политики самодержавия. Как подготавливалось закрытие «Отечественных записок» // Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. С. 444.

¹ Цит. по: Евгеньев-Максимов В. Судьбы журнала «Слово» в связи с революционными выступлениями 70-х – 80-х гг. // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930. С. 293–295.

народного царя¹. Газета «Неделя» еще в феврале 1880 г., сразу после организованного С. Н. Халтуриным взрыва в Зимнем дворце, напишет, что «русский народ издавна верен своему царю». Эту веру не смогут разрушить «злобные фанатики», т.к. народ проникнут идеей прогресса, указанной «царственной рукой»².

С критикой идеи насаждения социалистического строя путем захвата власти революционной интеллигенцией активно выступал Каблиц-Юзов. По его словам, «социалистическая бюрократия» готова была насиловать «мнения» и «совесть» народа, только потому, что обладала несомненной истиной³. Сам Каблиц доказывал, что социалистический идеал – это путеводная звезда просвещенной интеллигенции, а ближайшая станция на пути к нему – осуществление народных желаний⁴. Однако указать реальные пути развития народного самоуправления, как одного из средств подключения к государственному управлению широких слоев народа, он так и не смог. Высказанная Каблицем на этот счет идея ограничения всеисилия бюрократии с помощью выборных ходоков к царю⁵ (своеобразный вариант единения власти и народа) оказалась очередной народнической утопией⁶.

Лучшей иллюстрацией отношения правых народников к событиям первого марта 1881 г. служат статьи товарища Каблица – Оболенского. В молодые годы он проходил по делу Дм. Каракова, за что подвергся длительной административной ссылке. После возвращения в конце 1870-х гг. в Петербург Оболенский становится одним из первых народнических теоретиков «малых дел». Все его творчество в эти годы будет посвящено попыткам

убедить общество в необходимости двигаться вперед только путем *саморазвития и самостоятельности*, «упорного и энергичного труда внутри себя»¹. Убийство народовольцами царя еще больше убедило публициста в необходимости критики деятельности революционной партии.

В статье «Первое марта 1881 г. Куда идти теперь?», опубликованной в траурной рамке в журнале «Мысль», Оболенским напишет: «...прочное и истинное развитие общества есть только его *органическое* (курсив мой. – Г. М.) развитие... Это есть развитие в духе, чувствах, верованиях и симпатиях большинства данного общества. Кто ж это большинство в России? Это крестьянская масса, так называемых серяков, многомиллионная *православная* масса русского народа, любящая своего Царя и верящая в то, что всякое благо придет к ней только через его власть, т.е. добровольно будет даровано им... Человек интеллигенции, который не хочет стать отщепенцем и врагом народа, не должен и не может идти вопреки его симпатиям и верованиям. Только идя в такт с этими симпатиями и верованиями, интеллигенция станет не отрезанным ломтем русского государства, а истинной народной силой, народной красотой и гордостью. Это вовсе не значит, что интеллигенция наша должна отказаться от своей науки и искусства, от своего образования и развития, это вовсе не значит, что она должна проникнуться народными предубеждениями и невежеством. Предубеждения и невежество народа, это вовсе не то, что его исторические, выработанные веками, симпатии, верования и идеи»².

Статья Оболенского содержала много здравых суждений (особенно в отношении причин отрыва радикальной интеллигенции от народа). Но на сторонников политического террора доводы правых народников никакого влияния, разумеется, не оказали. Спустя 4,5 месяца после цареубийства в «Листке “Народной воли”» было торжественно объявлено, что результаты «победы 1 марта» далеко превосходили самые смелые ожидания революцио-

¹ Интересно, что в начале 1880-х гг. даже С. Н. Кривенко высказывал идею сохранения монархической власти (правда, под контролем Исполнительного комитета «Народной воли») как лучшей формы правления для России. См.: *Иванчин-Писарев А. И. Хожение в народ*. М.; Л., 1929. С. 294.

² См.: Неделя. 1880. № 7. Стб. 260–261.

³ Каблиц И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 72.

⁴ [Каблиц И. И.] Либерал и народничество. Стб. 1057.

⁵ Каблиц И. Основы народничества. СПб., 1888. Ч. 1. С. 324.

⁶ Подробнее см.: Харламов В. И. Идеология правого народничества в публицистике Каблица-Юзова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1982. № 1. С. 34, 36; Балуев Б. П. Либеральное народничество... С. 72; Касторнов С. Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ: Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. С. 32–33.

¹ См.: Л. О. [Оболенский Л. Е.] Народники и г. Достоевский, бичующие либералов // Мысль. 1880. № 9. С. 84, 95; Он же. Общественные вопросы последних дней // Мысль. 1880. № 10. С. 208; Он же. Оценка идей Достоевского // Мысль. 1881. № 4. С. 79–80.

² Ред. [Оболенский Л. Е.] Первое марта 1881 года. Куда идти теперь? // Мысль. 1881. № 3. С. 420.

неров. В народе нарождаются и зреют новые настроения. Сознание его пробуждается. Близится время, когда народ «выйдет из состояния глухого брожения, хронических надежд и разрозненных вспышек для совместной сознательной борьбы с ясно намеченным врагом»¹. С этого момента народ на страницах партийной печати делает стремительную эволюцию от симптомов приближающихся крестьянских бунтов против существующих порядков до состояния «хронической революции», от «отупелости и забитости» до начала осознания «фикции идеи царя» и признания своей солидарности с социалистами. Вот что, например, писала об отношении народа к царевубийству одна из революционных брошюр того времени. «Нигде не было видно с его стороны проявления сильного горя или большой ярости по поводу самого факта убийства; напротив, бесчисленное множество оскорблений величества, содеянное вслед за первым мартом простолюдинами, доказывает, что народ соображает, что царь, не сумевший предохранить его от полного разорения и небывалой нищеты, не больно-то хорош»².

Желание народолюбцев обрести в народе сочувствие и поддержку своей кровавой борьбе с царизмом вполне понятно. Только в действительности незначительные крестьянские волнения, вызванные голодом 1880 г., так и не приобрели антимонархической направленности. Отдельные случаи оскорбления «величества», конечно, имели место, но погоды они не сделали. Наоборот, мученическая смерть Александра II укрепила монархические иллюзии крестьян. «За нас покойничка убили, – говорили в народе, – што ен нам волю дал, царство ему небесное»³. По всей России по убиенному царю служились панихиды. Крестьяне одного из сел Воронежской губернии закажут для своей церкви новый колокол, на котором будут вылиты такие слова: «в память мученической кончины Императора Александра II – освободителя миллионного народа от крепостного права...», «глас мой Царю мой и Боже мой». Осенью 1881 г. этот колокол весом 422 пуда будет доставлен на ближайшую железнодорожную станцию, а

оставшийся путь (15 верст) крестьяне «с необычайной торжественностью» пронесут его на себе¹.

История первой в России политической партии показала, что русская интеллигенция, заняв неконструктивную позицию по отношению к власти, оказалась бессильной что-либо сделать для утверждения в стране более справедливых общественных отношений. Не даром новое поколение народников категорически осудит народолюбцев за их «революционное нетерпение» и игнорирование принципа «все для народа и только через народ». В 1882 г. В. П. Воронцов, обращаясь к демократической интеллигенции, прямо заявит, что у нее нет сил бороться за свободу, т.к. активная политическая роль народа «еще очень далеко впереди». Поэтому ее ближайшая историческая задача – стремиться к осуществлению равенства и братства на почве удовлетворения насущных потребностей народной жизни². Фактически слова Воронцова означали восстановление аполитического характера народничества, по крайней мере на ближайшие десять лет, которые современники не вполне справедливо назовут периодом «общественного застоя».

В 80–90-е гг. XIX в. на борьбу с народной нуждой, невежеством и болезнями в деревню придут тысячи учителей, врачей, агрономов, статистиков. Это благодаря их самоотверженному труду на ниве практических нужд и потребностей народа Россия сделает значительный шаг вперед в своем культурно-историческом развитии. И все же земская интеллигенция и «культурные одиночки» не могли устранить громадный социокультурный разрыв между образованным обществом и народом. Для этого нужна была четкая *государственная политика*, направленная на ликвидацию тяжелых диспропорций в социально-экономической и политической жизни. По этой причине значительная часть образованного русского общества по-прежнему находилась в оппозиции к самодержавно-бюрократическому режиму.

¹ [Лебедев В. С.] Новое царствование // Литература партии «Народная воля». С. 122.

² [Кривенко С. Н.] К русскому обществу от русских революционеров. – РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 469. Л. 11 об.

³ См.: Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 214.

¹ Ферронский И. Летопись Покровской церкви села Новопокровского, Чернышню и Данково тож, Воронежского уезда. – ГАВО. Ф. 84. Оп. 3. Д. 64 а. Л. 31.

² В. В. [Воронцов В. П.] Судьбы капитализма в России. СПб., 1882. С. 6, 431.

§ 4. Полемика о русской интеллигенции начала 1880-х годов

В 1890 г. известный народнический публицист Н. В. Шелгунов, подводя итоги прошедшему десятилетию, упомянул о том, как в 1881 г. в газете «Новое время» «точно гром из тучи» появилась статья А. С. Суворина против интеллигенции. По словам Шелгунова, это был резкий и совершенно неожиданный вызов, смело брошенный обществу. Тут же в печати началось обсуждение: кого и что следует считать интеллигенцией, какая интеллигенция настоящая, а какая нет. С тех пор этот вопрос так и не сходил со сцены, став «центральной точкой всего умственного движения 80-х гг.»¹.

Поскольку в полемике об интеллигенции приняли участие многие видные писатели и общественные деятели, такие как Н. К. Михайловский, Н. В. Шелгунов, С. Н. Кривенко, Н. Н. Златовратский, Л. А. Тихомиров, В. А. Гольцев, она часто упоминается в мемуарной и исследовательской литературе². Однако конкретные причины и содержание споров об интеллигенции между представителями различных течений общественной мысли специально никем не изучались. Чтобы лучше разобраться в характере этих разногласий попытаемся взглянуть на проблему интеллигенции в более широком историческом контексте.

Впервые об этой во многом таинственной и загадочной силе русское общество заговорило в середине 1870-х гг., после хождения народников в народ и последовавших за ним политических процессов «50-ти» и «193-х». Именно тогда слово «интеллигенция» начинает вытеснять бытовавшие ранее в подпольной и ле-

гальной печати выражения «новые люди», «образованное меньшинство», «мыслящие реалисты», «критически мыслящие личности», «умственный пролетариат», что свидетельствовало о тенденции к консолидации оппозиционных существующему режиму сил¹.

Конечно, полемика об интеллигенции возникла не потому, что кто-то захотел разобраться в причинах появления в стране новой общественной силы. Для критиков интеллигенции (в узком, политическом значении этого слова) истоки ее нигилизма и радикализма были очевидны. Эта проблема еще до начала 1880-х гг. активно обсуждалась не только в передовицах «Московских ведомостей» и «Гражданина», но и на страницах либеральных изданий. В качестве примера либеральной критики можно привести статьи публициста «Вестника Европы» Л. А. Полонского. Причины резкой активизации «кающихся дворян» и разночинцев в первые пореформенные десятилетия он увидел в тайном пристрастии русской интеллигенции к западноевропейским идеалам социализма (в частности, к его анархической фракции). Революционеры, по словам Полонского, утверждали, будто их основные идеи давно «гнездятся» в умах русского народа, будто они только «подслушаны» ими. На деле же социалистические идеи были провозглашены на Западе людьми, которые придумали свои теории для всемирного рабочего пролетариата. «...Народу хотят навязать готовую теорию – коммунизм и анархию вольных общин... А чтобы призываемые к “рекрутской повинности социализма”... не усомнились как-нибудь (в безнадежности предприятия. – Г. М.), то их стараются уверить, что идеалы эти уже лежат в основе народного ума, что, стало быть, стоит только поднести фитиль, а порох готов и готов в огромном количестве»².

Другой известный либерал А. Д. Градовский на страницах «Голоса» критиковал радикальную интеллигенцию за ее стремление обратить народ в свою веру, т.е. отрешить его от традиционных нравственно-религиозных ценностей. По мнению Градовского, подобная

¹ Н. Ш. [Шелгунов Н. В.] Очерки русской жизни // Русская мысль. 1890. № 2. С. 155.

² См.: Кудрин Н. Е. Указ. соч. С. 163–164; Слобожанин М. [Максимов Е. Д.] Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко // Минувшие годы. 1908. № 5/6. С. 283–287; Бялый Г. А. В. М. Гаршин и литературная борьба 80-х годов. М.; Л., 1937. С. 70–73; Балуев Б. П. Политическая реакция 80-х годов XIX в. и русская журналистика. М., 1971. С. 304–306; Харламов В. И. Каблиц (Юзов) и проблема «народ и интеллигенция» в легальном народничестве на рубеже 70–80-х годов XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1980. № 4. С. 40–41; Малинин В. А. Указ. соч. С. 70–76; Колоницкий Б. И. «Интеллигентофобия» в конце XIX – начале XX в.: К постановке вопроса // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. СПб., 1999. С. 271.

¹ Одним из первых термин «интеллигенция» в значении особой общественной группы использовал П. А. Кропоткина в записке «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?», составленной им по просьбе «чайковцев» в ноябре 1873 г. См.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 64, 93–94, 96, 99, 108–109.

² [Полонский Л. А.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1878. № 12. С. 839–841.

деятельность могла превратить народ в зверя. Поэтому главной задачей интеллигенции он считал не пробуждение в массах «грубых и кровавых» инстинктов, а, наоборот, в нейтрализации их посредством народного просвещения¹.

В самом начале 1880-х гг. по поводу поднятого народниками вопроса о возможных путях слияния образованного общества с народом свою позицию изложила либеральная газета «Отголоски». По мнению Е. П. Карновича – наиболее вероятного автора нескольких анонимных статей на данную тему, сближение сословий в России могло стать реальностью только на почве их совместной общественной деятельности в созданных реформами Александра II земских и городских учреждениях. А вот о слиянии «верой и духом», на чем настаивали славянофилы и народники «Недели», не могло быть и речи².

С позицией либералов был категорически не согласен известный консервативный публицист К. Н. Леонтьев. К вопросу, должна ли интеллигенция вести народ за собой (к общественным идеалам, заимствованным ею с Запада), он обратился в 1880 г. на страницах «Варшавского дневника»³. По признанию одного из самых глубоких и оригинальных умов пореформенной России (нашего «второго Чаадаева»), раскол интеллигенции с народом был настолько глубок, что всякое *практическое* сближение между ними принесло бы один только вред. «Пускай, – пишет он, – в среде этой “интеллигенции”⁴ есть прекрасные и гуманные люди, пусть мы сами принадлежим к ней», но «с точки зрения *государственной* надо... *радоваться*, что народ “интеллигенцию” не любит, что она ему не нравится». Непопулярность интеллигенции в народной среде публицист объяснял ее стремлением привить русскому простолудину чуждые ему антихристианские идеи и идеалы. Поэтому он призывает правительство укрепить стену при-

вилегий, отделяющую народ от «русских европейцев», чтобы они не смогли переделать его в «нечто себе подобное»¹.

Идея «эгалитарного» прогресса (всеобщего равенства и благоденствия), по убеждению Леонтьева, есть «выдумка нашего времени» – ложный продукт демократического разрушения старых европейских обществ. Горе, неравенство положений, обиды, жестокость «нравственно *полезны*». Благодаря им в людях проявляется милосердие, доброта, справедливость, самоотвержение. Поборов зло, человечество убило бы всякую мораль, в развитии которой таился главный источник подлинного христианского прогресса².

Возвращаясь к поставленному в середине 1870-х гг. Достоевским вопросу, «чем русский народ лучше и выше интеллигенции», Леонтьев дает на него весьма оригинальный ответ: тем, что в прогресс не верит. «Он (народ. – Г. М.), когда ему случается подумать о чем-нибудь другом, кроме хозяйства, податей и водки, – думает, что... “все от Бога!”». «Счастливы» то государство, где сильна еще вера во Христа и уважение к властям и где народ еще может терпеливо выносить «неравноправность» общественного строя³. Спасение России, по мнению Леонтьева, заключалось в свержении умственного ига Европы и в развитом восстановлении народных идеалов, «верных и самобытных, но загрубелых» и потому недостаточно ясных⁴.

Таким образом, общественная программа Леонтьева предлагала интеллигенции отказаться от своего прежнего умственного багажа, т.е. от идеи дальнейшей демократизации страны, и возвратиться на путь самобытного исторического развития («культурного русизма»).

К началу 1880-х в непонимании подлинных чаяний и стремлений своего народа народников не обвинял только ленивый. И все же отрыв от национальных корней это не такой тяжкий грех, чтобы требовать полного истребления в России радикальной интеллигенции, как волков в Англии. Другое дело убийства высокопоставленных чиновников, грабежи казенного имущества, а в финале трагедия на Екатерининском канале. Считать подобные

¹ Градовский А. Д. Задача русской молодежи // Сочинения. СПб., 2001. С. 480, 483. Данная статья появилась в «Голосе» 1 августа 1879 г.

² [Карнович Е. П.] О слиянии «интеллигенции» с народом // Отголоски. 1880. № 32. С. 502. См. также: Он же. «Интеллигенция» и народ в общественной нашей деятельности // Отголоски. 1880. № 33. С. 517; Он же. О слиянии общества с народом // Отголоски. 1881. № 2. С. 165–166.

³ Речь идет о статье К. Н. Леонтьева «Как надо понимать сближение с народом?». В 1881 г. она была переиздана в виде брошюры.

⁴ Под «интеллигенцией» в данном случае понимались представители образованного общества.

¹ Леонтьев К. Н. Как надо понимать сближение с народом? // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М., 1993. С. 63.

² Там же. С. 67, 68.

³ Там же. С. 67.

⁴ Там же.

факты служением народу отказывались даже сами народники, например, Л.Е. Оболенский, осудивший народоутольцев в статье «Первое марта 1881 года. Куда идти теперь?»¹.

Прямая связь убийства революционерами Александра-Освободителя с резкой вспышкой антиинтеллигентских настроений в верхах общества отмечалась уже современниками этих событий.

В июльском номере «Отечественных записок» за 1881 г. обозреватель внутренней жизни С. Н. Кривенко приводит любопытный диалог между неким статским советником и его племянником. Последний – сотрудник одной большой газеты высказался за введение в России абсолютной свободы печати, чтобы правительство могло услышать голос интеллигенции. В ответ последовало возражение дяди: «Интеллигенция страны! Ха-ха-ха! Вот эту то интеллигенцию-то выметут метлой и никто даже не заметит. И выметут, непременно выметут... потому что чаша нашего терпения переполнилась»². Даже если все это авторский вымысел, сам намек на грозящие либерально-демократической интеллигенции репрессии со стороны властей говорил читателям о многом.

Итак, появление в прессе в конце 1881 г. серии статей, направленных против представителей радикальной интеллигенции, необходимо рассматривать в контексте подготовки правительством Александра III коренного изменения прежнего политического курса: от общественных реформ к укреплению начал самодержавия. О том, что «Новое время», имевшее репутацию газеты «чего изволите», бросила интеллигенции не свой вызов, а явилось «подголоском» того, что выходило из правительственных сфер, спустя десять лет открыто напишет Шелгунов³.

Относительно полемики начала 1880-х гг. бытует мнение, что поход «Нового времени» против интеллигенции начался со статей А. С. Суворина⁴. Это замечание не совсем верно, т.к. затронутый им вопрос о существовании у интеллигенции особых (корыстных) интересов, во имя которых она якобы и вступила в борьбу с властью, был поставлен в той же газете еще в марте 1881 г. другим ее публицистом – В. П. Бурениным.

Статья «В. П.» «Цели и средства» посвящалась обоснованию тезиса о противоположности интересов интеллигенции и народа. «Наша интеллигенция, – писал Буренин, – превратилась, в сущности, в 3-е сословие», в буржуазию и чиновничество. Поэтому она требует парламента, обеспеченных законом прав и борьбы, с ними сопряженных. Народ (пахарь, лесовод, огородник и скотовод) хочет хлеба и мира, с которыми «сопряжены его произрастания». От либеральных преобразований он ничего не получит, кроме повышения податей. Вывод автора выдержан в лучших славянофильских традициях. России нужна не западная демократия, а «восстановление древней формы общения царя с народом». Нужно, чтобы народ имел возможность обращаться со своими нуждами к «царю-батюшке» напрямую¹.

Интересны возражения на статью «В. П.», сделанные в той же газете П. Ерошкиным. Прямое отождествление интеллигенции (лиц с известным умственным развитием) с буржуазией Ерошкин посчитал «по меньшей мере, рискованным». Есть, замечает он, интеллигенты, которые верят в целительную силу всего, что выработал Запад, и смотрят на народ как на «грубую темную массу, которую они призваны просветить и возвысить до себя». Но есть и другая интеллигенция, понимающая, что для обновления государственного строя России нужны не «бумажные гарантии», а приобщение интеллигенции к желаниям, понятиям и идеалам народа, как представителя истинных государственных и общественных начал и носителя той общественной правды, которую «тщетно искали и ищут гениальнейшие представители европейской мысли»².

Как видно, вопрос об интеллигенции вошел в моду отнюдь не благодаря Суворину. Но почему именно его перлы вызвали дружный хор возмущения в кругу либерально-демократической печати? Заслуга издателя «Нового времени» в том, что он сумел придать интересующему общество вопросу предельную степень полемической остроты.

Что следовало понимать под словом интеллигенция? – спрашивал Алексей Суворин своих читателей в одном из октябрьских выпусков газеты. Есть ли какие-нибудь точные критерии для этого понятия? «Наши соотечественники, помещики, купцы, фабри-

¹ Мысль. 1881. № 3.

² Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 15–16.

³ Н. Ш. Очерки русской жизни. С. 155.

⁴ Имеются в виду три статьи А. С. Суворина, опубликованные в газете «Новое время» в октябре – декабре 1881 г. (№ 1991, 2033 и 2063).

¹ В. П. [Буренин В. П.] Цели и средства. Интеллигенция и народ // Новое время. 1881. № 1809.

² Ерошкин П. Действительность и желания // Новое время. 1881. № 1822.

канты, заводчики, если они образованные люди и вместе с тем имеют кое-какие капиталы, интеллигенция ли они или буржуа? Меня, – пишет публицист, – этот вопрос очень интересует¹, ибо если Губонин – буржуазия, а Лермонтов – интеллигенция¹, то последней всего несколько десятков. Стоит ли тогда интеллигенции обособливаться в особую политическую группу и выдвигать претензии на руководство и управление страной?²

Суворин не скрывал, что в России слово «буржуазия» имело плохую репутацию. Все его «чурались» и именно по этой причине (по версии «Незнакомца») пытались заменить малопонятным словом «интеллигенция». Сам публицист, как бы вопреки общественному мнению, заявлял, – «я за буржуазию». Другим его откровением стало зачисление в «буржуазную армию» ряда известных писателей и общественных деятелей (Ю. Ф. Самарина, А. И. Кошелева, И. С. Аксакова, Е. Л. Маркова, М. М. Стасюлевича). Все это, по его убеждению, тоже буржуа, у всех стремления чисто буржуазные, и эта буржуазность «сказывается и теперь, когда столько хороших слов говорится по адресу народа и столько планов затевается для приведения его в более человеческое состояние». Интересно, что в «поэты буржуазии» попал глава «Отечественных записок» М. Е. Салтыков-Щедрин, а их ведущему литературному критику – Михайловскому в этом звании было отказано, т.к. он для буржуазии «скучен, претенциозен и неудобопонятен»³.

Стремление «Нового времени» скомпрометировать оппозиционную правительству интеллигенцию, связав ее воедино с буржуазией, современники окрестили «скифским нашествием» на интеллигенцию⁴. Одним из первых на «диверсию» Суворина откликнулся Михайловский. Его статьи из цикла «Записки современника»⁵ важны тем, что в них получила отражение социально-

этическая концепция русской интеллигенции, которой придерживалось большинство народников семидесятых годов – и легальных, и революционных.

Защиту интеллигенции Михайловский построил на опровержении главного аргумента Суворина – отсутствии интеллигенции на Западе, где она сливалась с буржуазией. Михайловский не отрицал, что по обстоятельствам своего исторического развития Европа не имела надобности в интеллигенции, подобно той, которая существует в России. Буржуазия выступала там как прогрессивная общественная сила, носительница высоких идеалов свободы и энергичной общественной деятельности. Однако теперь, замечает публицист, в Европе дела обстоят иначе. Добившись власти, буржуазия показала свою истинную сущность, заключающуюся в эксплуатации народного труда. Поэтому и там начинает формироваться новая интеллигенция, хотя и связанная с буржуазией своим происхождением и даже образом жизни, но стремящаяся к защите совершенно не буржуазных принципов¹.

Современной русской интеллигенции, по мнению Михайловского, «стыдно идти ногой в ногу с буржуазией», потому что ей известно то, чего в свое время не знала европейская интеллигенция. Более того, истинная русская интеллигенция и буржуазия – заклятые враги. Всякая интеллигенция была заинтересована в свободе мысли и слова, необходимых ей, как рыбе вода. Капитализм же развивался в России под крылом царского правительства и, следовательно, нуждался не в свободе, а, напротив, в привилегиях, регламентациях и субсидиях. Примечательно, что среди наиболее лютых противников свободы и гласности Михайловский называет представителей кулачества – господ Колупаевых и Разуваевых, которым присутствие в деревне интеллигентного человека мешало спокойно обирать народ².

В своих статьях Михайловский выступает категорическим противником смешения всех интеллигентных людей «в одну кучу» по признаку их образованности. По его убеждению, интеллигенция интеллигенции рознь. Была интеллигенция, находящаяся в вассальных отношениях с буржуазией (типичные ее представители – М. Н. Катков, В. П. Мещерский, И. С. Аксаков), и была

¹ Противопоставление Б. Б. Губонина (буржуазия) – М. Ю. Лермонтову (интеллигенция) взято из статьи Н. К. Михайловского в «Отечественных записках» (1881. № 10), в которой он критиковал отождествление интеллигенции и буржуазии А. С. Сувориным (Новое время. 1881. № 1991).

² *Незнакомец* [Суворин А. С.] Недельные очерки и картинки // Новое время. 1881. № 2033. С. 2.

³ Там же.

⁴ См.: Наши внутренние дела // Наблюдатель. 1884. № 4. С. 273.

⁵ Poleмику с А. С. Сувориным Н. К. Михайловский вел в № 10–12 «Отечественных записок» за 1881 г.

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 5. Стб. 539–542.

² Там же. Стб. 543, 545.

новая интеллигенция, которая в Европе являлась представительницей четвертого сословия, а в России всего рабочего народа. Более точное определение русской интеллигенции Михайловский так и не дал. Надо думать, вопрос находился тогда в стадии разработки. Но он сделал одно очень важное замечание об отсутствии у новой интеллигенции специальных экономических и политических интересов. Именно эта посылка стала основой народнического учения о бессословной (общественной) русской интеллигенции¹.

Одновременно с Михайловским свое отношение к проблеме интеллигенции высказал один из его близких друзей и единомышленников Шелгунов. Очередное «внутреннее обозрение» в журнале «Дело» он посвятил выяснению общественной миссии интеллигенции. Заслуги перед народом передовой русской печати (представлявшей для Шелгунова интеллигенцию в самом точном значении этого слова) оценивались публицистом исключительно высоко. «Этой умственной силе Россия обязана всеми своими умственными и общественными приобретениями». Именно интеллигенция вынесла на себе всю тяжесть разработки коренных вопросов русской жизни и создания нового общественного идеала. Понятно, что дальнейшее участие интеллигенции в решении общественных задач Шелгунов связывал с расширением свободы печати².

В ноябрьском номере «Отечественных записок» в поддержку Михайловского выступил Кривенко. Посетовав на то, что слово «интеллигенция», благодаря стараниям «неинтеллигентных именинников нынешнего сезона» (Суворина и К^о) становится каким-то бранным словом, Кривенко все же соглашается с тем, что вопросы: что такое интеллигенция и кого считать интеллигентом, какова ее роль в жизни общества и имеет ли она право на существование — далеко не ясны. Причины недоразумений и путаницы вокруг интеллигенции он видел в сложности и противоречивости этого нового явления русской жизни³.

По убеждению Кривенко, интеллигенции могло быть несколько типов и в каждом типе несколько степеней, и эта градация мало

зависела от наследственных причин и форм образования. Простой пахарь, если он много думал над жизнью, имел все права называться интеллигентным человеком. Интеллигенция, продолжал свою мысль публицист, не составляла какой-либо политической партии или экономического класса. Она находилась вне их или была «разбита рукою случая, природы или исторических условий» по всем ним. Однако это не мешало ей иметь некоторые общие интересы и желания, которые сводились не к политическим и экономическим привилегиям и господству, а к «свободе слова, мысли, совести и деятельности на общественную пользу»¹. Иными словами, русская интеллигенция стремилась к свободе как средству уничтожения всяких привилегий и достижения всеобщей социальной справедливости. Именно в этом, согласно Кривенко, состояло ее главное отличие от современной буржуазии.

Таким образом, для публицистов «Отечественных записок» и «Дела» истинная интеллигенция — это бессословная общественная группа, объединенная идеями социального прогресса, всеобщего блага и процветания. Альтруистические мотивы деятельности радикальной демократической интеллигенции, по убеждению ее идеологов, давали ей право претендовать на роль выразителя и защитника общенародных интересов, творца новых форм и этических идеалов, которые она собиралась «премировать» трудящимся классам.

Заметим, что в начале 80-х гг. XIX в. подобное понимание предназначения русской интеллигенции разделяли уже далеко не все легальные народники. Так, главный публицист журнала «Мысль» Оболенский доказывал, что социально-этический подход сужал понятие интеллигенции, исключая из нее миллионную армию «культурного пролетариата» (учителей, адвокатов, акушеров, ветеринаров, агрономов, статистиков). Настоящая интеллигенция, по словам Оболенского, это не только те, кто «совершают прогресс» и «великие дела», но и «люди мелкой, будничной работы ради куска хлеба для народа и хоть какой-нибудь грамоты», которые своим самоотверженным трудом готовят почву для более динамичного развития русской жизни².

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 5. Стб. 539.

² Н. Ш. [Шелгунов Н. В.] Внутреннее обозрение // Дело. 1881. № 10. С. 111, 112.

³ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 107.

¹ Там же. С. 108.

² Н. Н. [Оболенский Л. Е.] Литературные заметки // Мысль. 1881. № 1. С. 130–131.

Среди публикаций в духе Суворина выделяется также статья писателя Б. П. Онгирского «Интеллигенция, народ и буржуазия». В отличие от публицистов «Отечественных записок» и «Дела», Онгирский нисколько не сомневался, что антибуржуазность русской интеллигенции это миф, созданный Михайловским, Гольцевым и другими ее «панегириками». «Какое счастливое и загадочное существо эта интеллигенция – без желудка, без плоти и крови, вся сотканная из какой-то эфирной дымки. Не буржуазия и не народ – так кто же она, – спрашивает публицист, – вне этих двух и единственных в наше время форм реального существования?». Логика доказательства буржуазной сущности русской интеллигенции у Онгирского безупречная. Вся интеллигенция воспитывается, получает образование, а затем и работает не в народной, а в буржуазной среде. Все средства к жизни она получает из рук буржуазии и государства, т.е. существует за счет эксплуатации народа. И если «трудящиеся интеллигенты» говорят, что они живут своим трудом, то это только иллюзия. «Не будь вы интеллигентом, окруженным буржуазией, – заявлял публицист, – вы одним своим трудом не добыли бы себе и куска хлеба»¹.

Истинные причины антиинтеллигентской позиции Онгирского становятся понятными, когда он переходит к критике социально-политического учения либералов и демократов. Требование введения в стране парламента (т.е. осуществление формулы «все для народа посредством интеллигенции») публицист считает антинародным, потому что конституционными свободами воспользуется более просвещенная и ловкая буржуазия, которая быстро прибегнет к рукам все «мужицкое добро»².

Статья Онгирского вызвала резкое недовольство Михайловского, заявившего, что «теперь в России среди искренних и мыслящих друзей народа нет никого, кто стоял бы на такой точке зрения». Пикантность ситуации заключалась в том, что статья Онгирского, по «плачевному недосмотру» Шелгунова, была опубликована в радикально-демократическом «Деле»³.

С началом 1882 г. споры об интеллигенции вспыхнули с новой силой. Тон им задавали передовицы И. С. Аксакова в газете «Русь». С первых номеров она объявила русскую интеллигенцию «либеральничающей опричниной», «муштрующей народ по своему измышлению». Идеалы всей русской интеллигенции, по мнению Аксакова, сводились к захвату власти над народом в пользу третьего сословия или какой-либо одной радикально-демократической партии¹. При этом под словом «интеллигенция» Аксаков понимал то новый особый *класс* людей «либеральных» профессий, который открыто «объявляет войну всякому историческому преданию», то просвещенную бюрократию, мечтающую о том, чтобы ввести в стране новые формы общественной жизни, опираясь на принудительную власть².

Главным козырем славянофильской «Руси» стала критика «прискорбной розни» между русским народом и его образованным обществом (интеллигенцией) в жизненно важных понятиях, стремлениях и идеалах. Для ее преодоления Аксаков настоятельно рекомендовал интеллигенции покончить с петербургским периодом русской истории и вернуться «домой, к себе, к народу», соединившись с ним «в духе, в существенных началах его бытия». «Наш народ, – не устал повторять публицист, – не флюгер, не строительный материал, а крепкий, живой, самостоятельный организм», который может спасти не только Россию, но и русскую интеллигенцию³.

Основными оппонентами «Руси» в конце 1881 – начале 1882 гг. выступили известные либеральные публицисты В. А. Гольцев и К. Д. Кавелин.

Обвинения русской интеллигенции в том, что она является источником всех крамол и «чуть-чуть не врагом народа», ведущий публицист «Голоса» и «Русской мысли» Гольцев называл бессодержательными и опасными для будущего страны, потому что после 1861 г. именно интеллигенция была призвана к переустройству русской жизни на новых основаниях, положенных минувшим царствованием⁴. По поводу поднятого «Русью» вопроса

¹ З. [Онгирский Б. П.] Интеллигенция, народ и буржуазия // Дело. 1881. № 12. С. 2, 6–9.

² Там же. С. 7.

³ См.: Русанов Н. С. Из книги «На родине» // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 365.

¹ [Аксаков И. С.] Передовая // Русь. 1882. № 1, 3, 8, 11, 14, 39, 42.

² Там же. № 1. С. 2; № 2. С. 4.

³ Там же. № 3. С. 4; № 14. С. 3.

⁴ Ред. [Гольцев В. А.] По поводу передовой статьи в № 11 газеты «Русь» // Русская мысль. 1882. № 4. С. 194–196.

о розни между интеллигенцией и народом Гольцев еще в конце 1881 г. писал, что ее не существует, а есть только различие в мирозерцаниях, неизбежное в условиях полной неграмотности абсолютного большинства населения страны. Что касается развития в России научного образования, то оно не только не противоречило народному духу, но и способствовало лучшему сознанию интеллигенцией нужд, требований и стремлений народных масс¹.

Аналогичную позицию на страницах журнала «Вестник Европы» отстаивал Кавелин. «Пока мы, – пишет публицист, – с ожесточением спорим о народной правде и народном духе, которого никто еще не разгадал, прежний быт крестьянских масс, их мирозерцание и верования разлагаются...» и, как везде и всегда, в самом народе «наблюдается попытка заменить старинные основания жизни и воззрения другими, ближе подходящими к стремлениям и понятиям культурных слоев». Поэтому, касаясь вопроса о необходимости засыпать ту бездну, которая разделяет крестьянство и образованные классы, Кавелин указывал на наличие естественного, так сказать, общечеловеческого пути его разрешения. Это развитие в стране народного образования, благодаря которому «темная, стихийная» работа по коренному умственному и нравственному перевоспитанию народа к новой свободной жизни станет более сознательной и плодотворной².

Постоянные обвинения интеллигенции в том, что ее общественная деятельность и идеалы оказывались в противоречии с насущными интересами народных масс (явный намек на народо-вольцев), заставили представителей революционного подполья обозначить свою позицию не только в партийной, но и в легальной печати. В апреле 1882 г. в «Деле» появилась статья в защиту демократической интеллигенции, принадлежащая Тихомирову.

По утверждению одного из интеллектуальных ястребов «Народной воли», русская интеллигенция не имела ничего общего с каким-либо сословием. Поэтому у нее не было своекорыстных интересов. Ее интерес «весь в идее», которая заключалась в осуществлении общечеловеческой правды. По своему характеру интеллигенция – подвижник, «мирской радатель», который «предо-

храняет общество от нравственного разложения» и поддерживает его веру в идеалы. Касаясь взаимоотношений интеллигенции с народом, Тихомиров настаивал на том, что их нельзя противопоставлять друг другу как антагонистов. «Интерес народа» составляет «идеал правды». Это два названия одного и того же предмета. Интеллигенция, опираясь на поддержку народных масс, стремится найти и осуществить этот идеал, общий для всех народов, и тем самым реформировать русскую жизнь¹.

Статья Тихомирова фактически завершает обмен мнениями об интеллигенции между представителями ведущих течений русской общественной мысли начала 1880-х гг. Споры на этом, конечно, не прекратились, но с 1882 г. в печати уже начинают появляться статьи, авторы которых пытаются расставить точки «і» в одном из самых запутанных общественных вопросов пореформенной России.

Первую такую попытку в феврале 1882 г. предпринял сотрудник молодого народнического журнала «Устои» М. А. Протопопов. Затянутый Сувориным спор об интеллигенции он интерпретировал как спор не о словах только, а об общественных программах. «Интеллигенция есть совокупность всех критически мыслящих людей без различия партий» и оттого, пишет Протопопов, ее нельзя противопоставлять ни буржуазии, ни народу, как нельзя и отождествлять с борцами за народное благо, науку и права личности. Общее во всех интеллигентских партиях, в рядах которых состояли и Аксаковы, и Суворины, заключалось не в идеалах, резко различных между собой, а «в самом факте имения этих идеалов». По признанию Протопопова, противники превращения интеллигенции в «несчастного козлище отпущения всех грехов наших» допустили одну большую ошибку. Они взялись защищать интеллигенцию, давая ей самые лестные и в то же время сомнительные определения («мозг нации», «сердце России» и т.п.), когда нужно было «оборонить... передовые ее стремления»².

Похожую точку зрения на причины похода одних интеллигентных людей против других впоследствии высказали многие общественные деятели, но самая точная формулировка существа про-

¹ Ред. [Гольцев В. А.] Когда и почему возникла рознь в России между «командующими классами» и «народом» (Предисловие ред.) // Русская мысль. 1881. № 11. С. 303, 305.

² Кавелин К. Д. Крестьянский вопрос // Вестник Европы. 1881. № 11. С. 108.

¹ Кольцов И. [Тихомиров Л. А.] В защиту интеллигенции // Дело. 1882. № 4. С. 28, 29, 31.

² Морозов Н. [Протопопов М. А.] Медь звенящая (По поводу двух генеральских речей и нескольких обывательских статей) // Устои. 1882. № 2. С. 134–135.

блемы, пожалуй, принадлежит публицисту «Русского богатства» В. В. Бирюковичу. Всех спорящих об интеллигенции он разделил на две группы, из которых одна доказывала свое право на вмешательство в жизнь народа (во имя «общечеловеческих идеалов» и лучше понимаемых народных нужд), другая же такое право отрицала¹.

Несмотря на все старания, демократам и либералам так и не удалось отстоять свои претензии на роль эксперта по общественным вопросам. В августе 1882 г. правительство вводит «временные меры относительно периодической печати», поставившие ее в еще большую зависимость от администрации. Тогда же народническая публицистика отмечает начало процесса по «упразднению» интеллигенции «на всех пунктах» общественной деятельности. «Легальная русская интеллигенция, – писал в подпольной печати Кривенко, – побеждена и раздавлена» и ей теперь уготовлены «издевательства и мучительная смерть» (речь идет о политических репрессиях против сторонников радикальных общественных преобразований)². Чуть позже в журнале «Русский вестник» появилась известная статья А. Д. Пазухина с программой возрождения русского дворянства. Представителей передовой интеллигенции автор обвинит в стремлении подвергнуть страну всевозможным политическим экспериментам «с целью добиться для себя более прочного социального положения». На этом основании он предложит правительству наложить на элементы бессословной России крепкую узду³.

В то же время первая полемика об интеллигенции оказала важное влияние на формирование новых подходов к пониманию социальной природы этого феномена и его влияния на общественную жизнь пореформенной России.

В 70-е гг. XIX в. под интеллигенцией подразумевались в основном представители идейно-политических течений, т.е. люди с определенными идеями⁴. С начала 1880-х гг., наряду с социаль-

но-этическими критериями интеллигенции, получил развитие и социально-экономический подход, взятый впоследствии на вооружение русскими марксистами. Как писал народнический экономист В. П. Воронцов, интеллигенция – это особый обширный «класс лиц», профессионально занятых умственным трудом (учителя, врачи, писатели, юристы, инженеры, агрономы, офицеры, священники)¹. Включение в состав интеллигенции многотысячной армии работников мысли, в том числе земских служащих, во многом изменит лицо русской либерально-демократической оппозиции. Потому что в стесненных общественных условиях царствования Александра III выражением активной гражданской позиции будет признан не только открытый протест против политики правительства (с гусиным пером или бомбой в руках), но и добросовестное выполнение интеллигенцией своих непосредственных профессиональных обязанностей на ниве мирной культурно-просветительской работы.

Поскольку появление в России массовых интеллигентских профессий явилось следствием развития в стране капитализма, новый образованный слой очень быстро обнаружил тенденцию к расслоению на «интеллигентскую аристократию» и «умственный пролетариат». В конце XIX – начале XX в. факт неуклонного обуржуазивания русской интеллигенции признают даже те, кто в свое время критиковал за это Суворина². Но это не являлось доказательством ошибочности их прежней позиции. В 1870-е – начале 1880-х гг. под антибуржуазностью интеллигенции подразумевалось не ее происхождение и источники доходов (невольное участие городской интеллигенции в эксплуатации народного труда было трудно отрицать), а отстаиваемые ею идеи и интересы, т.е. вопрос об интеллигенции имел четко выраженный политический подтекст. В дальнейшем обсуждение данного вопроса перейдет в

ской интеллигенции и интеллигентофобия (конец XIX – начало XX века) // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 158–159.

¹ В. В. [Воронцов В. П.] От семидесятых годов к девятисотым: Сб. ст. СПб., 1907. С. 27, 40, 42, 155.

² В начале XX в. С. Н. Кривенко с грустью констатировал, что «в преобладающем своем большинстве наша интеллигенция – и по источникам существования, и по привычкам, и по образу жизни – ближе всего подходит к третьему сословию». См.: Кривенко С. Н. Газетное дело и газетные люди // Русская мысль. 1906. № 10. С. 13.

¹ В. Б-ць [Бирюкович В. В.] Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1887. № 9. С. 166.

² [Кривенко С. Н.] Новая эра // Литература партии «Народная воля». С. 189.

³ Пазухин А. Современное состояние России и сословный вопрос // Русский вестник. 1885. № 1. С. 56.

⁴ На рубеже 1870-1880-х гг. сторонники сохранения в стране монархического строя будут окончательно «отлучены» от интеллигенции, т.к. многие из них (М. Н. Катков, К. П. Победоносцев, В. П. Мещерский и др.) сами будут закоренелыми интеллигентофобами. См.: Колоницкий Б. И. Идентификация россий-

более практическую плоскость: что может сделать для народа демократическая интеллигенция при существующих в стране внешних условиях? Только в начале XX в., когда страну накроет мощная волна революционных потрясений, старые споры о социально-политической природе радикальной интеллигенции вспыхнут с новой силой и уже в значительно большем формате.

Резкое обострение разногласий между легальными народниками по вопросу об интеллигенции свидетельствовало о серьезном идейном кризисе, охватившем это идейное течение на рубеже 1870–1880-х гг. Главным итогом споров о том, какие идеалы должна исповедовать русская интеллигенция, чтобы стать подлинным духовным вождем своего народа, явился окончательный раскол народников-легалистов на две враждебные друг другу фракции.

Первая из них объединила сторонников народничества «Недели». Их «исповеданием веры» стали «Социологические очерки» И. И. Каблицы-Юзова. Позиция «неделистов» по отношению к практическим задачам демократической интеллигенции сводилась к старой народнической формуле «все для народа и через народ». Не случайно единомышленников Каблицы чаще всего называли «ортодоксальными» народниками. Только в отличие от народников 1870-х гг. восьмидесятники предлагали интеллигенции «опуститься» до народа, чтобы яснее сформулировать идеи, вытекающие из чувств и настроений массы, т.е. сосредоточиться на текущих нуждах народа – программе «будничного дня». Идейные противники правого народничества всегда подвергали эту тактику действий резкой критике, считая, что культурничество ведет к примирению с действительностью¹.

Политические радикалы «Отечественных записок» и «Дела», возглавляемые Н. К. Михайловским и Н. В. Шелгуновым, составили ядро «критического» народничества конца 1870-х – первой половины 1880-х гг. Их формула действий – «все для народа, но посредством лучшей части народа – интеллигенции» основывалась на признании неготовности масс вступить на путь самостоя-

тельных общественных преобразований. Взяв на себя роль руководителя и наставника народа, левые народники рассчитывали пробудить его сознание только после того, как для этого будут созданы благоприятные внешние условия. Под ними тогда понимались ограничение самодержавия и предоставление интеллигенции широких политических свобод.

На рубеже 1870–1880-х гг. начинает формироваться еще одно идейно-тактическое направление, попытавшееся занять промежуточную позицию между народниками «Недели» и «Отечественных записок». Речь идет об артельных народнических журналах «Русское богатство», «Слово» и «Устой». Программные установки этих изданий свидетельствуют о том, что они были органами «последовательных» народников. Свой посильный вклад в будущее процветание России С. Н. Кривенко, М. А. Протопопов, Н. Н. Златовратский, П. В. Засодимский, А. М. Скабичевский и другие артельщики видели в том, чтобы указать обществу те общие идеалы, к которым необходимо было стремиться при решении народного вопроса. Искать их народники предполагали не в лоне западноевропейской цивилизации, а в «тайниках» народного мирозерцания, выработавшегося на более прочных, «с точки зрения высшей справедливости и морали», основаниях¹. В то же время в вопросе о значении политической борьбы с самодержавием эти «последовательные» народники, по справедливому замечанию историка Козьмина, вынуждены были отойти от позиции правоверного народничества².

Разное понимание народниками-реформистами задач интеллигенции по отношению к народу предопределило существенные разногласия между ними и по вопросу о критериях истинной и ложной интеллигентности, равно как и в понимании того «что такое народ?». В данной главе намечены только самые общие подходы к их решению в контексте споров об интеллигенции в годы общественного подъема конца 1860-х – начала 1880-х гг. Для того, чтобы реконструировать народнические концепции интеллигенции в более полном объеме, необходимо проанализировать работы идеологов легального народничества, увидевшие свет в 80–90-е гг. XIX в.

¹ См.: [Аксаков И. С.] Передовая // Русь. 1882. № 3. С. 3; Нечто о «либералах» и «народниках» // Русская мысль. 1887. № 9. С. 198; Ларский И. На родине. Интеллигенция и культурная работа // Современный мир. 1908. № 2. С. 76–78; Дебогорий-Мокриевич Вл. От бунтарства к терроризму. М.; Л., 1930. Кн. 2. С. 52–53.

¹ [Кривенко С. Н.] Русская жизнь // Русское богатство. 1880. № 1. С. 87.

² См.: Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 430.

Глава вторая

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА И ДУХОВНЫЙ ОБЛИК ПЕРЕДОВОЙ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

*

Вопрос о *критериях* истинной интеллигентности можно назвать краеугольным камнем всего легально-народнического учения об интеллигенции. Какие качества русской демократической интеллигенции позволяли ее идеологам сделать вывод о появлении в России новой общественной силы (нового типа интеллигентного человека, неизвестного в Западной Европе) и ее праве претендовать на особую роль в судьбе страны? Имели ли эти выводы реальную почву или являлись продуктом мифотворчества народников, что, естественно, снижает их ценность в глазах историков интеллигенции? Для ответа на эти вопросы обратимся прежде всего к работам самих народников, многие из которых под таким углом зрения еще не рассматривались.

§ 1. Типология интеллигенции

Слово «интеллигенция» происходит от латинского *intelligens* – знающий, понимающий, разумный¹. В русский язык оно попало не позднее 30-х гг. XIX в. и первоначально использовалось как философский термин (умственная сила). Когда В. А. Жуковский писал о «гигантской интеллигенции» какого-либо человека, он имел в виду его способности к мыслительной деятельности. Но в таком значении понятие «интеллигенция» употреблялось примерно до начала 1870-х гг., когда под влиянием развития в стране общественного движения оно приобрело совершенно другое, социальное содержание². В пореформенной России под

¹ Подробнее о слове «интеллигенция» см.: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX вв. М.; Л., 1965. С. 144–149; *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997. С. 610–628.

² В настоящее время популярна версия о польском происхождении слова «интеллигенция». См., напр.: *Панфилов А. К.* О слове интеллигенция // Вопросы языкознания и русского языка. М., 1970. С. 362–373; *Виноградов В. В.* История

интеллигенцией начинают понимать *особую общественную силу*, которая заявляет о себе как о носительнице исторического, нравственного и иного самосознания общества, творце новых социальных форм и этических идеалов. Не случайно в крупных иностранных словарях (Оксфордском, американском Уэбстеровском, французском «Ларусс») указывается на русское происхождение слова «интеллигенция» и в его расшифровке акцент делается не на занятиях интеллигенцией умственным трудом, а на ее независимом мышлении и оппозиционности существующему в стране политическому режиму¹.

Кому принадлежала честь изобретения нового слова, точно неизвестно. Долгое время считалось, что П. Д. Боборыкину, о чем он публично заявил в 1904 г., сославшись на один из своих романов 1866 г.² Однако специальные исследования филологов и историков «отцовство» писателя не подтверждают. Установлено, что еще в 1863 г. об интеллигенции в собирательном смысле писал И. С. Аксаков³. Дальнейшее изучение этого вопроса, наверняка, откроет и другие имена, но это мало что изменит. Дело в том, что в 60-е гг. XIX в. новое значение термина «интеллигенция» еще не прижилось и те же Аксаков и Боборыкин применяли его в разных смыслах. Поэтому логичнее рассматривать кристаллизацию понятия «интеллигенция» как продукт коллективного творчества целой плеяды писателей и публицистов, в которую следует обязательно включить Н. В. Шелгунова, П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, С. Н. Кривенко, И. И. Каблицу и Л. Е. Оболенского.

В 70-е гг. XIX в. народничество превращается в массовое общественно-политическое движение. Для консолидации своих

слов. М., 1994. С. 228; *Бельчиков Ю. А.* К истории слов интеллигенция, интеллигент // Филологический сборник. М., 1995. С. 63. Критику этой точки зрения см.: *Успенский Б. А.* Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы междунар. конф. М.; Венеция, 1999. С. 7–8.

¹ См.: *Хорос В.* Драма интеллигенции // СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 199.

² *Боборыкин П. Д.* Русская интеллигенция // Русская мысль. 1904. № 12. С. 80.

³ *Катаев В. Б.* Боборыкин и Чехов (К истории понятия «интеллигенция» в русской литературе) // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999. С. 384, 386.

сил, разрозненных по многочисленным кружкам и группам, народникам необходимо было самоопределиваться: кто мы, что мы должны делать, кто наши друзья и враги. А всякая самоидентификация, в данном случае выработка общей программы действий, начинается с самоназвания.

Чем приглянулось слово «интеллигенция» Лаврову, Шелгунову, Оболенскому и некоторым другим публицистам, активно тиражировавшим его в своих статьях¹, однозначно сказать трудно. Многим народникам оно вначале не нравилось из-за своей растяжимости и неопределенности. Кривенко еще в 1881 г. сетовал на то, что к слову «интеллигенция» «мы не привыкли и... придаем (ему. – Г. М.) то политический, то экономический, то образовательный смысл...»². Публицисту из «Отечественных записок» вторил П. В. Засодимский: «мы избегали употреблять последнее слово, так как оно ныне толкуется вкривь и вкось, то смешиваясь с понятием о человеке грамотном, то – с понятием о человеке, носящем платье... немецкого покроя, то – с понятием о человеке, разъезжающем в каретах...»³.

Слово «интеллигенция», писал либеральный историк и публицист Е. П. Карнович, «...звуча громко, не представляет ничего ни выясненного, ни определенного. Это-то самое свойство и дает возможность играть таким словом как угодно, и применять его как кому заблагорассудится». Далее он заметил, что в переводе с латинского языка это слово означает только врожденные умственные способности человека и ему неизвестно, какой «плохой латинист» мог придать ему новый смысл. Но как бы то ни было, по мнению Карновича, «нам приходится принять слово “интеллигенция”... в том значении, какое придают ему у нас ныне, т.е. подразумевать под ним людей образованных более или менее в европейском духе...»⁴.

¹ См.: Языков Н. [Шелгунов Н. В.] Теперешний интеллигент // Дело. 1875. № 10; [Лавров П. Л.] Роль народа и роль интеллигенции // Вперед! 1876. № 34; Пясковский М. Л. Задачи русской интеллигенции // Русское обозрение. 1877. № 12/13; Оболенский Л. Е. К истории развития нашей интеллигенции // Свет. 1879. № 10.

² Кривенко С. Н. Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1911. Т. 2. С. 107.

³ Вологдин [Засодимский П. В.] Народолюбцы // Русское богатство. 1881. № 10. С. 50.

⁴ [Карнович Е. П.] О слиянии «интеллигенции» с народом // Отголоски. 1880. № 32. С. 499–500. «Неудачным» слово «интеллигенция» называли также

К началу 80-х гг. XIX в. слово «интеллигенция», как бы в пику трактовки его радикалами, все чаще начинает употребляться в качестве синонима «образованного общества». И хотя Шелгунов очень энергично доказывал, что «для интеллигента еще мало одного перевеса умственной деятельности над мускульной, а нужно еще известное содержание, известный цвет мысли»¹, в словаре В. И. Даля (издание 1881 г.) «интеллигенция» определялась как наиболее образованная и умственно развитая часть жителей². А «в эту яму, – по меткому замечанию М. А. Протопопова, – вали чего хочешь»: и писателей, и ученых, и помещиков, и чиновников³.

Тем не менее, представители демократического лагеря использовали для «отделения друзей и врагов» именно слово интеллигенция. Даже Михайловский (не очень большой любитель новых слов), в конце концов, признал его право гражданства. «Не Бог знает, конечно, какая находка это слово, но..., – замечает публицист, – нигде в Европе подобное слово не употребляется в смысле определения общественной силы... А если слово привилось, и еще вдобавок такое нескладное, неуклюжее слово, как “интеллигенция”, так значит оно соответствует какой-то настоятельной потребности... Должно быть, оно в самом деле нужно. И, конечно, нужно»⁴.

На наш взгляд, решающим оказались здесь два обстоятельства. Во-первых, слово «интеллигенция» носило действительно собирательный характер и могло заменить все встречавшиеся ранее самоназвания радикально настроенной части русского общества. Во-вторых, в нем не было ничего уничижительного, как, например, в словах «лишние люди», «нигилисты», или «отщепенцы». Наоборот, интеллигенты – это лучшие люди страны («мозг нации»⁵) – все

В. А. Гольцев и А. Н. Пыпин. См.: Гольцев В. Дневник общественной жизни и печати // Московский телеграф. 1881. 27 октября. № 297; В-н А. [Пыпин А. Н.] Теории народничества // Вестник Европы. 1892. № 10. С. 747–748.

¹ Языков Н. Теперешний интеллигент. С. 72.

² Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М., 1880–1882. Т. 2. С. 46.

³ Морозов Н. [Протопопов М. А.] Медь звенящая (По поводу двух генеральских речей и нескольких обывательских статей) // Устои. 1882. № 2. С. 129.

⁴ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб., 1906–1913. Т. 5. Стб. 508, 539, 540.

⁵ Известное выражение «интеллигенция – мозг нации» одним из первых употребил С. А. Венгеров в статье «Литературные заметки». См.: Устои. 1882. № 9–10. С. 89.

знающие и все понимающие и потому способные возглавить победоносное шествие своего народа по пути прогресса.

Учитывая расплывчатость слова «интеллигенция», прежде всего необходимо уточнить, в каких основных значениях оно употреблялось в легальной народнической литературе. Таких значений можно выделить как минимум два: общеупотребительное и более узкое, собственно народническое.

Интеллигенция в широком или общечеловеческом смысле – это наиболее образованная, просвещенная, умственно и нравственно развитая часть общества. Такое определение встречается у представителей всех народнических фракций. Например, Протопопов, защищая интеллигенцию от нападок консервативной печати, писал, что понимает под этим словом совокупность всех до известной степени образованных и критически мыслящих людей страны. Их политические пристрастия, как собственно и их нравственная позиция, пестрая как мозаика, принципиального значения не имели¹. Интеллигенция, – развивал ту же мысль Михайловский, – это не общественный класс, а «отвлеченный признак, объединяющий черты образованности и умственного труда в весьма различных общественных классах»². Самое краткое определение интеллигенции дал А. С. Пругавин – это «все образованные люди страны»³.

Состав интеллигенции, определяемой по формальным признакам, т.е. без учета ее национальной и классовой специфики, получался довольно пестрым и расплывчатым, как и у понятия «образованное и культурное общество». К ней относились не только представители творческих профессий (ученые, писатели, художники), но и «аристократия умственного труда» – помещики, чиновники, духовенство⁴. В 80-е гг. XIX века в народнической публицистике появляется термин «сельская» или «деревенская»

интеллигенция, к которой, наряду с низшим духовенством, учителями и фельдшерами, причислялись волостные писаря, становые и судебные приставы и даже деревенские кулаки, на том основании, что все они возвышались в культурном отношении над общей массой деревенского населения¹.

Нас в большей мере интересует понимание интеллигенции, как особой социальной группы, выделяемой теоретиками народничества из общей массы интеллигентных людей на основе определенных объективных и субъективных признаков. Точнее речь пойдет о двух типах народнической интеллигенции, которые вошли в историю русской общественности как «семидесятники» и «люди восьмидесятых годов».

По мнению ряда народнических теоретиков, интеллигенция как социальная группа возникла в незапамятные времена первоначально в виде касты жрецов и шаманов. По мере развития просвещения и усложнения социальной структуры общества интеллигенция разделялась по сословиям и классам, чтобы обслуживать их духовные потребности и выражать их общие интересы. Лишь в новое время, когда под влиянием капитализма границы между сословиями начинают размываться, наряду с традиционной «кастовой» интеллигенцией наблюдается тенденция к консолидации образованных людей в особую социальную группу. Как правило, это были представители «свободных профессий» (писатели, врачи, учителя, деятели искусства). В дальнейшем эта разночинная интеллигенция могла стать новым общественным классом – профессиональных работников умственного труда².

Первым из народников о такой перспективе для молодой русской интеллигенции задумался Каблиц-Юзов. Он, в частности, обратил внимание на то, что, хотя ее представители вышли не из одного корня, у них был один связующий элемент – забота об увеличении количества и значения знаний в обществе. «Знание, –

¹ Морозов Н. Медь звенящая. С. 128, 134.

² Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 7. Стб. 680.

³ Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. СПб., 1895. С. IX, XVI. См. также: Оболенский Л. Е. Народники и марксисты // Исторический вестник // 1899. Т. 76. №. 4. С. 222; Энгельгардт Н. Лженародничество // Книжки «Недели». 1896. № 11. С. 284; Ясинский И. И. Суд над интеллигенцией (По поводу сб. «Вехи») // Новое слово. 1909. № 8. С. 37.

⁴ См.: Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 1. С. 212, 367; Юзов [Каблиц И. И.] Будущность сословий // Русское богатство. 1885. № 1. С. 181–182.

¹ См.: [Каблиц И. И.] Интеллигенция и народ // Неделя. 1880. № 10. Стб. 309; Н. Д. Сельская интеллигенция // Неделя. 1888. № 33. Стб. 1048, 1051; Сумов Н. Ф. Деревенские разговоры. Из личных впечатлений // Книжки «Недели». 1893. № 9. С. 97, 100, 105; М. О. М. [Меньшиков М. О.] Отклики. (Фельетон) // Неделя. 1899. № 40. Стб. 1313; В. В. [Воронцов В. П.] Культурные силы деревни // Сын Отечества. 1899. 5 июля. № 178. С. 2.

² См.: [Каблиц И. И.] Интеллигенция и народ. Стб. 312; Кривенко С. Н. Физический труд как необходимый элемент образования. СПб., 1887. С. 275; В. В. [Воронцов В. П.] Наши направления. СПб., 1893. С. 25, 68.

пишет Каблиц, – дает им и хлеб, и общественную силу, а потому естественно, что они должны заботиться о знании, т.е. о науке». Развивая эту мысль, публицист пришел к выводу, что съезды врачей, учителей, статистиков и т.п., а также всякие ученые общества являются «первичными ячейками зарождающегося интеллигентного сословия»¹.

И все же большинство идеологов легального народничества рассчитывало взять развитие самосознания разночинной интеллигенции под свой контроль и направить его по особому, если так можно выразиться, бессловесному пути. Иными словами, они мечтали о формировании в России общенародной интеллигенции, опираясь на которую можно было начать подготовку к переустройству на новом социальном основании уже всей страны. «Отдельные классы, – писал С. Н. Южаков, – обыкновенно защищают свои классовые интересы; но из всех слоев выделяются сильные мыслью и богатые любовью единицы, которые видят дальше классовых интересов и лелеют идеалы общего прогресса, в конце концов, соответствующего интересам всех»². Правда, очень скоро с надеждами на изменение хода русской истории с помощью самоотверженных «единиц» пришлось расстаться и обратиться к разработке новой концепции интеллигенции, ориентированной на длительную созидательную работу непосредственно в народной среде.

Рассмотрим основные подходы к интерпретации природы русской интеллигенции и причины их эволюции в идеологии реформаторского народничества более подробно.

Первый подход – социально-этический. Такое название он получил, вероятно, потому, что его сторонники принадлежали к «этико-социологическому» (субъективному) направлению в отечественной социологии, отводившему личности и ее нравственным идеалам роль инициатора исторического прогресса. Теоретический фундамент под социально-этическую концепцию интеллигенции подвел Лавров своим учением о «критически мыслящих личностях», которых он противопоставил массам, привыкшим мыслить по определенному шаблону (т.е. в духе сложившейся культурной традиции). В легальном народничестве наи-

большой вклад в развитие и популяризацию данной концепции внесли Михайловский, Шелгунов и Кривенко.

Согласно социально-этическому подходу, интеллигенция – это совокупность лиц, объединенных общими идеалами и нравственными ценностями. Происхождение, образование и род занятий особого значения здесь не имели. Главный критерий для истинной интеллигенции, разумеется, с точки зрения народников, – служение народу и прогрессу. Вот несколько характерных их высказываний:

– «Интеллигенцию надобно понимать вне званий и сословий, вне размеров благосостояния и общественного положения. Интеллигенция среди всяких положений, званий и состояний исполняет всегда *одну и ту же* задачу. Она всегда – свет, и только то, что светит, или тот, кто светит, и будет исполнять интеллигентное дело, интеллигентную задачу» (Г. И. Успенский)¹;

– интеллигенция есть «собирательное название» междуклассовой группы; «...своих, особых, специальных интересов и задач эта новая интеллигенция... не имеет. Ее интересы отчасти (во всем, что касается свободы мысли и слова) совпадают с интересами всякой, в том числе и враждебной ей интеллигенции, а отчасти с интересами выдвинувшего ее общественного слоя» (Н. К. Михайловский)²;

– «интеллигенция... не составляет какой-нибудь отдельной политической силы или экономического класса, а стоит вне их или разбита рукою случая, природы и исторических условий, по всем ним, но... это, тем не менее, не мешает ей иметь общие признаки и некоторые общие интересы и желания. Общие интересы эти и желания сводятся у нее теперь не к политическим и экономическим привилегиям и господству..., а к свободе слова, к свободе мысли и деятельности на общественную пользу...» (С. Н. Кривенко)³;

– «...интеллигенция в истинном смысле этого слова – класс лиц, преданных идее, заботящихся только об истине, класс по существу бессловесный и потому способный правильно отнестись ко всякому предложению, объективно-критически разобрать каждую идею...» (В. П. Воронцов)⁴;

¹ Успенский Г. И. Из разговоров с приятелем. «Интеллигентный» человек // Успенский Г. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1957. Т. 5. С. 237.

² Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 5. Стб. 508, 540.

³ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 108.

⁴ В. В. [Воронцов В. П.] Из истории нашего общественного развития // Северный вестник. 1888. № 12. С. 135.

¹ Юзов. Будущность сословий. С. 180–182.

² Южаков С. Н. Из современной хроники // Русское богатство. 1895. № 2. С. 171.

Все эти определения интеллигенции, в конечном счете, сводятся к одной идее. Это идея *бессословности* русской интеллигенции, которую можно назвать ядром социально-этического подхода. Современные исследователи чаще всего трактуют бессословность как происхождение демократической интеллигенции из разных сословий общества. На самом деле народники, говоря о бессословности интеллигенции, хотели подчеркнуть, что по характеру исповедуемых идеалов она является не классовой, а *общественной* интеллигенцией. То есть акцент ставился на чистоте мотивов ее деятельности, на отсутствии у нее личных или, по меткому выражению Кривенко, «карманных» интересов, а не на социальном статусе, который по ряду параметров сближал ее с буржуазией.

В своих статьях в защиту передовой интеллигенции, вступившей в неравную схватку с самодержавно-бюрократическим строем, народнические публицисты стремились выделить как можно больше положительных черт ее духовного облика, которые могли вызвать сочувствие и поддержку в обществе. Попытаемся обобщить наиболее характерные из них в виде некоего собирательного портрета.

Итак, что, по мнению идеологов реформаторского народничества, определяло сознание и поведение передовой интеллигенции 1870-х – начала 1880-х гг.?

Первая черта – *идейность*. Она связана с особым типом мышления русской интеллигенции. По убеждению народников «Отечественных записок» и «Дела», настоящий интеллигент – не всякий, кто думает. «Надо знать, что думать, надо уметь думать...»¹. Интеллигент думает только в направлении *общей пользы*, имеет в виду общее совершенствование, благо всей Родины, всего человечества; мыслит *критически*, т.е. осознает необходимость отрицания существующего порядка, традиций, авторитетов во имя «духа времени», требующего удовлетворения «законных потребностей массы»; верит в *прогресс*, в возможность с помощью науки и просвещения регулировать и направлять экономическую жизнь общества в сторону социальной справедливости².

¹ Языков Н. Теперешний интеллигент. С. 71.

² См.: Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 5. Стб. 681; Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 104, 112; Алкандров [Скабичевский А. М.] Литература в жизни и жизнь в

Лучшую характеристику радикальной русской интеллигенции дал Л. Е. Оболенский, назвав ее (со ссылкой на автора «Исторических писем») партией, которая «совершает прогресс»¹. То же определение, но в более развернутой форме привел в воспоминаниях о Михайловском Н. С. Русанов. Обобщая высказывания своего кумира об интеллигенции начала 1880-х гг., он пишет, что «в сущности здесь разумеется не группа ученых мандаринов, измеряющих свою умственность количеством полученных дипломов, и даже не просто так называемые культурные люди, могущие членораздельно выражать аппетиты различных привилегированных классов, но то, все растущее по мере прогресса, ядро служителей убеждения... авангард русской прогрессивной армии»².

Вторая черта – *морализм*. Только настоящая интеллигенция может подняться над уровнем личных и групповых интересов и принести их в жертву идее всеобщего блага и процветания, руководствуясь своими нравственными убеждениями. По удачному определению писателя В. Г. Короленко, интеллигентность – это и есть умение заражаться чужими настроениями, интересами, нуждами³.

Моральный кодекс новой русской интеллигенции в интерпретации народнических теоретиков включал следующие нормы и принципы: это *народолюбие* как категорический императив, т.е. всеобщий нравственный закон; *совестливость* (обостренное чувство личной ответственности за положение дел в стране); комплекс *вины* перед народом, за счет «воловьей работы и кровавого пота» которого интеллигенция получила возможность развиваться и познавать, что есть истина и справедливость; *сострадание* ко всем «униженным и оскорбленным»; неприятие эгоизма, индивидуализма, карьеризма, стремления к наживе, внешнему успеху, как норм поведения, присущих, по мнению народников, капиталистическому миру⁴.

литературе (Письма к читателям) // Устои. 1882. № 1. С. 85; Южаков С. Н. Указ. соч. С. 171; Языков Н. Теперешний интеллигент. С. 72.

¹ N.N. [Оболенский Л. Е.] Литературные заметки. Одному журнальному органчику // Мысль. 1881. № 1. С. 131.

² Кудрин Н. Е. [Русанов Н. С.] Н. К. Михайловский как публицист-гражданин // Русское богатство. 1905. № 1. С. 164.

³ Короленко В. Г. Разговор с Толстым // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 152.

⁴ См.: Алексеев Л. [Паночини Л. А.] Почему вскипел бульон и почему теперь только мы обращаем на это свое внимание // Русское богатство. 1880. № 12.

Сведение всех этих нравственных правил вместе создает образ интеллигента – закоренелого *альтруиста*, который видит смысл своего существования в уплате нравственного долга народу. Мысль о том, что интеллигенция «постольку и существует, поскольку нужна народу, и *до тех пор* существует, пока в ней имеется необходимость, как в отдельной, дифференцированной силе...»¹, красной нитью проходит через всю легально-народническую публицистику 70–90-х гг. XIX в.

Еще одна отличительная черта общественной интеллигенции – это ее *поведенческая активность* (активная гражданская позиция). Она проявилась в таких характерных для народнической интеллигенции качествах как оппозиционность власти и существующему общественному строю; подвижничество (готовность принести себя в жертву ради высокой цели); мужество и стойкость в борьбе за реализацию поставленных целей².

Перечисленные качества, конечно, в большей степени были свойственны революционной интеллигенции 1870-х – начала 1880-х гг. Недаром за народничеством этого времени закрепились эпитеты «активное» и «действенное». Но, учитывая, что в народ вместе с революционерами ходили и мирные народники, можно предположить, что эта характеристика распространялась идеологами легального народничества и на них.

Интересно узнать, представители каких сословий, профессий и убеждений отвечали перечисленным выше субъективным критериям высшей интеллигентности? В народнической публицистике можно найти ответ и на этот вопрос.

Сторонники социально-этической концепции интеллигенции уверяли своих последователей, что наличие высшего образования (даже диплома доктора наук) еще не дает право считать себя интеллигентным человеком. Не являлись интеллигентами и представители консервативного лагеря (М. Н. Катков, И. С. Аксаков, А. С. Суворин), поскольку они находились в «вассальной» зави-

симости от власти и буржуазии. По той же причине от интеллигенции отлучались чиновники, военные и духовенство, служившие «антинародному» государству. Все они попадали под уничижительное словечко «псевдоинтеллигенция»¹. Зато, по признанию Кривенко, настоящими интеллигентами могли стать простые пахари, пастухи и рабочие, изучавшие «неписанную мудрость» и «много думавшие» над жизнью².

Сколько выходцев из простого народа превратилось в идейных народников (Желябовых и Халтуриных), точно неизвестно. Но ядро бессословной интеллигенции составляли явно не они, а представители свободных, преимущественно гуманитарных профессий. «Мы интеллигенция, – заявлял, например, Михайловский, потому что мы много знаем, обо многом размышляем, по профессии занимаемся наукой, искусством, публицистикой...»³. Безусловно, профессиональные навыки сделали из этих людей превосходных генераторов и распространителей в обществе новых идей, в том числе и народнических. В сословном отношении большая их часть принадлежала к привилегированным слоям общества, что, кстати, и было зафиксировано Михайловским в крылатом выражении «кающиеся дворяне». Что касается рядового состава новой интеллигенции, то ведущее положение здесь занимали недоучившиеся студенты-разночинцы, мечтавшие посвятить свою жизнь борьбе за свободу народа.

Таким образом, настоящая русская интеллигенция представлялась сторонникам социально-этического подхода в виде совершенно особой социальной группы дворянско-разночинского происхождения, отличающейся от остального населения критическим типом мышления, альтруистической моралью и высокой гражданской активностью⁴.

Сегодня, читая откровенные панегирики в адрес радикально-демократической интеллигенции, вышедшие из под пера Михайловского и его идейного окружения, невольно начинаешь думать: а была ли она так хороша в реальной жизни, или все, что цити-

С. 69–70; Кривенко С. Н. Физический труд... С. 266; Протопопов М. Глеб Успенский // Русская мысль. 1890. № 9. С. 94; В. В. Наши направления. С. 66–68, 209–212.

¹ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 281.

² Алексеев Л. Указ. соч. С. 70; Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 5. Стб. 540; Успенский Г. И. Указ. соч. Т. 5. С. 400; Н. Ш. [Шелгунов Н. В.] Очерки русской жизни // Русская мысль. 1889. № 2. С. 204.

¹ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 5. Стб. 509–510.

² Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 108.

³ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 5. Стб. 538.

⁴ Подробнее см.: Дворкин В. З. Концепция интеллигенции в социальной философии народничества // Философия и освободительное движение в России. Л., 1989. С. 131–139.

ровалось выше, – это очередной героический миф, созданный идеологами народничества и внедренный в массовое сознание?

Еще в начале XX в. небезызвестный Андреевич утверждал, что никакой особенной интеллигенции в пореформенной России вообще не существовало (по крайней мере, в 60–70-е гг. XIX в.), а была только радикальная молодежь и несколько писателей¹. И сейчас некоторые историки и публицисты по-прежнему убеждены, что в обсуждении проблемы народнической интеллигенции речь может идти скорее о феномене группового сознания, чем о реальных носителях нового мировоззрения и нравственности.

Нет нужды доказывать, что в общественном движении последней трети XIX в. были люди, преисполненные поистине религиозной веры в свой народ и готовые откликнуться на призыв Златовратского: «Ничего не жалеть для его блага – ни жизни, ни благополучия. Руби сук, на котором сидишь» (т.е. жертвуй ради народа всем, что имеешь)². Об идейности, оппозиционности и демократизме как имманентных качествах передовой русской интеллигенции свидетельствуют сотни воспоминаний, автобиографий и писем реальных участников событий тех лет, хотя и они требуют к себе критического отношения. Обращает на себя внимание другое.

Идейно-нравственные силы русской интеллигенции олицетворяли не только В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, П. А. Кропоткин, В. И. Засулич, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, чьи политические биографии вызывают, по крайней мере, уважение³. В ее рядах было немало экстремистов и даже авантюристов, исповадовавших принцип «цель оправдывает средства». Достаточно вспомнить об одиозной фигуре С. Г. Нечаева, наиболее ярко воплотившего теневую сторону интеллигентского радикализма⁴.

¹ Андреевич [Соловьев Е. А.] Опыт философии русской литературы. СПб., 1909. С. 247.

² Телешов Н. Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. М., 1966. С. 125.

³ Многие лучшие нравственные качества передовой интеллигенции воплотили в своей жизни легальные народники, например, С. Н. Кривенко. «Сереженька, – часто повторял хорошо знавший его Н. К. Михайловский, – это какой-то образ (икона. – Г. М.), сорвавшийся со стены». См.: Пименова Э. К. Дни минувшие. Воспоминания. Л.; М., 1929. С. 151.

⁴ См.: Минаков А. Ю. У истоков левого терроризма: С. Г. Нечаев и нечаевское дело // Власть и общественное движение в России имперского периода. Воронеж, 2005. С. 174.

Тот факт, что созданный в работах народнических теоретиков из «Отечественных записок» и «Дела» образ новой интеллигенции был лишен каких-либо принципиальных недостатков, имел под собой веские причины. В 70-е – начале 80-х гг. XIX в. народническое движение находилось на подъеме и перед его теоретиками стояла задача не критиковать радикальную молодежь (с этим успешно справлялись идейные противники народников), а предоставить ей *идеал* истинной интеллигенции как образец для подражания¹. Не случайно реконструированный нами собирательный портрет радикально-демократической интеллигенции получился слишком абстрактным, как и любая другая идеальная конструкция. Главное, что он оказался очень привлекательным для определенных кругов идейной молодежи². Каждому движению нужны свои герои и мученики, в которых верят и которым стремятся подражать.

Нельзя сказать, что все легальные народники относились к «людям семидесятых годов» только с пиететом. Сомнения в том, что России нужны именно «критически мыслящие личности», возникли у ряда народнических теоретиков (в основном из газеты «Неделя») сразу же после провала «хождения в народ». К началу 1880-х гг., в связи с ростом в стране революционного насилия и антиинтеллигентских настроений в народе и обществе, настороженное отношение к подполью правых народников сменилось резкой критикой мировоззрения и деятельности всей русской радикально-демократической интеллигенции.

Главными разоблачителями культа «героев» и «борцов за народное дело» стали Каблиц-Юзов и Оболенский. Позже критические замечания в адрес представителей «партии прогресса» звучат из уст Воронцова и Кривенко, не говоря уже о народниках

¹ Подробнее о значении мифов в формировании самосознания русской интеллигенции см.: Акоюн К. З. Соль земли? (интеллигенция как феномен русской культуры) // Человек. 1996. № 1. С. 43, 44; Кустарев А. Вебер и Россия, или приключение ткача в стране бичей и знахарей // Рубежи. 1997. № 5. С. 109; Живов В. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Новое литературное обозрение. 1999. № 3 (37). С. 37;

² По справедливому замечанию Мишеля Леруа, «качество мифа определяется не его правдоподобностью, не его соответствием реальной жизни (оно может быть совсем ничтожным); единственный критерий для оценки мифа – его эффективность». См.: Леруа М. Миф о иезуитах, от Беранже до Мишле. М., 2001. С. 417.

крайне правой ориентации. Попробуем суммировать отмеченные ими недостатки «идейной» интеллигенции.

Прежде всего, радикальная интеллигенция обладала слишком абстрактным мышлением. Ее внутренний мир был полон грез и фантастических планов (например, как исцелить человечество от всех общественных недугов) и совершенно оторван от реальной жизни, исторических связей и традиций. Еще одна слабость интеллигентской мысли – это ее несамостоятельность, проявившаяся в излишнем увлечении «непродуманными» западными теориями, обещавшими «все и сразу». В результате отечественная интеллигенция не умела понять потребностей, «ниже европейских требований», ее «заел» авторитет чужой мысли¹. Логическим следствием перечисленных недостатков было пренебрежение интеллигенцией вопросами текущего дня, «сегодняшней мелочной действительности», тысячами нитей связанной с первоочередными потребностями народных масс. Заботясь о счастье и процветании будущих поколений, она отрицала насущные средства помощи, которые, по словам Оболенского, «могли бы исцелить насущные недуги»².

Правые народники очень точно подметили причину неспособности интеллигенции 1870-х гг. оказать позитивное влияние на дальнейшее развитие страны. Это ее неукорененность в настоящем, отрыв от неотложных задач русской жизни, связанных с общим подъемом благосостояния и культуры народа. Революционная интеллигенция стремилась форсировать процесс политической и экономической демократизации страны, чтобы в кратчайшие сроки (долго ждать она не могла) пройти путь, который у народов Западной Европе занял не одну сотню лет. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ее гражданская скорбь оказалась бесплодной.

Новые практические задачи, которые хотели поставить перед демократической интеллигенцией идеологи «малых дел», требовали от них разработки и новой концепции самой интеллигенции. Дело в том, что переориентация на «тихую» и малозамет-

ную «культурную работу» противоречила мировоззрению русского радикала – убежденного сторонника «больших дел», совершаемых быстрыми (экстраординарными) средствами¹. Интеллигенцию, способную посвятить себя созидательному труду в деревне или земстве, нужно было воспитывать. Требовалось создать привлекательный образ простого, честного интеллигентного труженика – героя невидимого, тяжелого, будничного труда, который должен был открыть путь для подлинного расцвета народной жизни².

Вторую народническую концепцию интеллигенции условно можно назвать социально-экономической, потому что она основывалась на представлении об интеллигенции как о работниках умственного труда. Не всякого, конечно, а требующего специального образования – технического, медицинского, педагогического, юридического, художественного. Интеллигенция – это «обособленный умственный труд» (С. Н. Кривенко); «особый обширный профессиональный класс лиц» (В. П. Воронцов); «люди специального знания» (Я. В. Абрамов); «проповедники разного рода идей» (И. И. Каблиц). Во всех определениях профессиональное занятие умственным трудом признается в качестве главного условия принадлежности к интеллигенции.

Деление людей на работников мускульного (физического) труда и работников мысли, т.е. на «народ» и «не-народ», является одним из главных постулатов народнической доктрины. Однако социально-экономический подход к пониманию природы интеллигенции, впервые обоснованный еще в статьях Д. И. Писарева³, долгое время отвергался теоретиками инакомыслия, как не соответствующий ее основному предназначению – распространению в обществе новых идей. Восприятие интеллигента как «культурного работника» утвердилось в народнической литературе лишь в 80-е гг. XIX в.

¹ См.: Каблиц И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 46–48, 53–57, 70–72, 82.

² ...енск... [Оболенский Л. Е.] Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1884. № 4. С. 175, 176.

³ См.: В-в В. [Водовозов В. В.] Интеллигенция // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1911. Т. 19. Стб. 537; Павлова Н. Г. Формирование марксистской концепции интеллигенции в России: (историко-философский анализ): Дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1994. С. 28–29, 38–40.

¹ См.: П. Ч. [Червинский П. П.] Отчего безжизненна наша литература? // Неделя. 1875. № 44. Стб. 1429; [Оболенский Л. Е.] Причины наших страданий (Посвящается недовольным жизнью) // Мысль. 1880. № 10. С. 218; В. В. Из истории нашего общественного развития. С. 125; Меньшиков М. Две правды // Книжки «Недели». 1893. № 4. С. 211.

² [Оболенский Л. Е.] Причины наших страданий. С. 218.

К этому времени в жизни русского общества произойдут важные перемены. Во-первых, альтруизм, свойственный народнической интеллигенции семидесятых годов, практически сойдет на нет. Во-вторых, под влиянием реформ 1860–1870-х гг. и развития капитализма, увеличится общее количество в стране образованных людей. Наряду с гуманитарной интеллигенцией (писателями, учеными, врачами, учителями), которая раньше придавала окраску умственной жизни общества, вырастут кадры технической интеллигенции (инженеры, технологи, агрономы), более ориентированные на государственную службу¹. Сама жизнь раздвигала узкие рамки интеллигентности, отводимые ей теоретиками радикального народничества.

Идя навстречу этим изменениям, идеологи народничества 1880-х гг. включают в состав интеллигенции *всех* работников умственного труда, всех, по словам Каблицы, «руководителей народа во *всех* сферах его жизни», а именно: учителей, духовенство, военных, промышленников, сельских хозяев, торговцев и, наконец, чиновников и администраторов².

Однако подвижки во взглядах на интеллигенцию правых народников имели свои пределы, выйти за которые можно только расставшись с догматами народнической идеологии. Поэтому основным критерием истинной интеллигентности по-прежнему оставалось отношение к идее долга перед народом представителей образованных классов. «Настоящая» интеллигенция могла теперь не разделять всех народнических убеждений, но служить народу *по мере сил и возможностей* была обязана, как и прежде. С этой точки зрения социально-экономическая концепция интеллигенции была такой же идеологизированной как и социально-этическая.

Обозначим главные положения концепции трудовой интеллигенции. Условно их можно представить как ответы на три вопроса.

Первый вопрос: что интеллигентный человек умеет делать? Истинный интеллигент это не желторотый юнец, не успевший закончить своего образования, но уже возмнивший себя спаси-

телем отечества. Это хороший *профессионал* и деловой человек, т.к. он знает свое дело не только в теории, но и на практике. Второй вопрос: чем этот профессионал руководствуется в своей деятельности? Если жадой личного обогащения, то это делец-хапуга, а не интеллигент. У настоящей интеллигенции обязательно должно быть развито *чувство стыда* перед народом, на средства которого она получила свое образование, и желание вернуть ему свой долг, путем посильного служения народным нуждам, т.е. ей вовсе не чужды идеальные стремления и требования совести. И, наконец, третий вопрос: как «совестливый человек» зарабатывает себе на хлеб? Если путем прямой или косвенной эксплуатации чужого (народного) труда, то он бесчестный человек. Новое понимание интеллигентности предполагало добывание средств к жизни своим *собственным трудом*, работая прямо на народ¹.

Таким образом, наличие объективного критерия принадлежности к интеллигенции (умственный труд) не мешало народникам по-прежнему субъективно делить ее на «народную», т.е. заботившуюся о подъеме народного благосостояния и культуры, и «ненародную» – эксплуататоров (вольных или невольных) народного труда.

К «лучшим» представителям народной интеллигенции относились земцы, учителя и учительницы начальных школ, «захолустные» судьи, часть сельского духовенства, «читающая» интеллигенция из крестьянства и мещанства². В народнической литературе за ними закрепилось название «культурных одиночек». В разных видах и качествах приходили эти люди в деревню. Но, по словам Кривенко, врача Г. Таирова, сельских учителей Г. М. Орла и А. А. Штевен, устроителя артельных сыроварен Н. В. Верещагина, и многих других, им подобным, объединяло стремление нести в деревенскую тьму «свою душу и знания». Эти люди энер-

¹ См.: Юзов И. [Каблицы И. И.] Деревня и город // Русское богатство. 1883. № 1. С. 212; Созерцатель [Оболенский Л. Е.] Обо всем // Русское богатство. 1884. № 12. С. 707; Абрамов Я. Под столичным давлением // Неделя. 1886. № 26. Стб. 869; Д. Ж. [Лавровский К. В.] Сомнения относительно «своего труда» в деревне // Неделя. 1888. № 51. Стб. 1648.

² Абрамов Я. «Неделя» и П. А. и В. А. Гайдебуровы // Юг. 1894. № 117. С. 3. Более подробно вопрос о значении термина «народная» интеллигенция в народнической литературе будет рассмотрен в следующей главе.

¹ Подробнее см.: Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971.

² См.: [Каблицы И. И.] Роль интеллигенции // Неделя. 1884. № 8. Стб. 252. Ср.: [Воронцов В. П.] В семидесятых годах // В. В. [Воронцов В. П.] От семидесятых годов к девятистам: Сб. ст. СПб., 1907. С. 27.

гичны и деятельны, что особенно выделяло их на фоне «безразличной» и «пассивной» общественной среды. Они не герои, но стремились выполнить то, что при иных условиях «должно было бы делать все образованное общество»¹.

Значительно расширив границы интеллигенции как социальной группы, но, сохранив жесткие критерии «истинной» интеллигентности, народники «Недели» и «Русского богатства» 1880-х – первой половины 1890-х гг. вынуждены были постоянно указывать «культурным работникам» на издержки их воспитания и идейно-нравственной позиции. К ним чаще всего относились: пренебрежение к практическому труду, который многими представителями образованного общества считался чем-то унижительным; привычка «жить на чужой счет, есть, пить и веселиться», пользуясь в полной мере выгодами своего привилегированного экономического положения; стремление к «местам», «жалованию» и «службе»; преобладание эгоистического индивидуализма над духом общинности, любви и братства; «дефект совести» (забвение идеи долга народу и прочих идеальных стремлений, негативное отношение к мужику)².

В конечном итоге постепенное «обмещивание» отечественной интеллигенции, все больше попадавшей под власть капитала, заставит легальных народников признать ее вращение в структуре нарождающегося в России буржуазного общества, интересы и стремления которого, по убеждению всех русских радикалов, шли вразрез с интересами народных масс. Лишь некоторые группы работающей интеллигенции будут соприкасаться (по своему материальному положению и образу жизни) с четвертым сословием³. По этим причинам с 80-х гг. XIX в. народнические теоретики самое пристальное внимание будут уделять именно «культурному пролетариату», пытаясь доказать ему, что будущее трудо-

вой интеллигенции связано не с утверждением в стране капитализма, а с развитием «народного производства»¹.

Сравнивая между собой две народнические концепции русской интеллигенции, легко убедиться, что по вопросу об общественной природе этого феномена они были диаметрально противоположны. Одни легальные народники утверждали, что интеллигенция – это совершенно особая бессословная социальная группа, формирующаяся по идейно-нравственным признакам. Другие настаивали на социально-экономических критериях отбора, т.к. определяли интеллигенцию как новый интеллигентный класс-сословие, состоящий из профессиональных работников умственного труда.

Причины столь существенных разногласий обусловлены различиями в концепциях роли и места интеллигенции в предстоящих общественных преобразованиях страны, которые отстаивали представители левого и правого крыла легального народничества. Левые (Михайловский и его ближайшее окружение) рассматривали интеллигенцию в качестве главной руководящей и направляющей силы. Поэтому от «настоящей» интеллигенции требовались идейность и готовность к самопожертвованию во имя осуществления народнических идеалов. Правые (Каблиц и публицисты «Недели») отводили интеллигенции сугубо служебную роль – подготовку народа к предстоящим радикальным изменениям его традиционной культуры и быта. Сражаться и умирать ради светлого будущего здесь уже не требовалось. Достаточно было сознательно и честно выполнять какое-нибудь практически полезное для народа дело.

В настоящее время в литературе сосуществуют и социально-этическая, и социально-экономическая (социально-классовая) концепции интеллигенции. Причем большинство исследователей, как и народники более ста лет назад, по-прежнему спорят о том, какая из них описывает феномен русской интеллигенции с наибольшей исторической полнотой и достоверностью. На наш взгляд, противопоставление идейно-нравственных (субъективных) и социологических (объективных) критериев интеллиген-

¹ Кривенко С. Н. На распутье (Культурные скиты и культурные одиночки). СПб., 1895. С. 111, 112, 216, 233–236.

² См.: Оболенский Л. Интеллигентная неумелость // Русское богатство. 1887. № 11. С. 235; [Абрамов Я. В.] Безместная интеллигенция // Неделя. 1888. № 45. Стб. 1419; Д. Ж. [Лавровский К. В.] Практика «своего труда» в деревне // Неделя. 1888. № 21. Стб. 674–675; Меньшиков М. Без воли и совести // Книжки «Недели». 1893. № 1. С. 209.

³ Кривенко С. Н. Газетное дело и газетные люди // Русская мысль. 1906. № 10. С. 13.

¹ См.: [Воронцов В. П.] Капитализм и русская интеллигенция // В. В. От семидесятых годов к девятистам. С. 28, 54, 57; Юзов. Будущность сословий. С. 181–182; [Оболенский Л. Е.] Представляет ли собою интеллигенция общественный класс? // Новое слово. 1896. № 7. С. 111, 115.

ции как нечто исключаящее друг друга противоречит принципу историзма. В реальной жизни статус маргинальной социальной группы и общественная активность интеллигенции были взаимообусловлены. Следовательно, все народнические концепции интеллигенции надо рассматривать как различные формы отражения одного и того же исторического явления. Только тогда можно получить цельное представление о русской демократической интеллигенции, которая, несмотря на отсутствие внутреннего единства, имела общую идейную ориентацию, общий вектор развития разделяющих ее противоречий.

Идеологи легального народничества по идейно-тактическим соображениям разделяли феномен народнической интеллигенции по его различным типам, конструируя свои идеалы «героев» и «тружеников». И все равно они приходили к одному и тому же – к признанию служения народу в качестве самого надежного критерия истинной интеллигентности. Можно оспаривать или подтверждать их правоту в постановке данного вопроса, но изменить народническую точку зрения на интеллигенцию уже нельзя. Поэтому для нас гораздо важнее не критиковать их типологию передовой интеллигенции, а попытаться понять, почему составлявшие значительную ее часть русские народники самоопределялись через «народ» – еще один «загадочный» персонаж русской истории.

§ 2. «Народ» в самосознании отечественной интеллигенции

Что составляло доминанту общественного самосознания дореволюционной российской интеллигенции? Вопрос далеко не простой, т.к. она никогда не представляла из себя однородной массы. Если обратиться к мнению на этот счет идеологов реформаторского народничества, то это была идея жертвенного служения на благо народа. Ни в какой другой стране мира сочувствие к положению трудящихся масс, стремление войти в их жизнь, приобщить к своей духовной и политической жизни не сочетались с такой неистовой верой в народ (как в Бога) и готовностью пасть перед ним на колени. Даже если в реальной жизни людей, посвятивших себя возврату «неоплатного» долга народу было немного, в последней трети XIX в. тон и характер общественному движению задавали именно они.

Приведем несколько характерных высказываний на этот счет представителей легально-народнической мысли.

По свидетельству известного земского статистика Ф. А. Щербина, «интеллигенция считает народ и его благо тем божеством, на служение которому она должна посвятить все свои силы и способности». Народ – «альфа и омега всей литературы»¹. «Да, значительная степень демократизма в воззрениях всегда отличала нашу интеллигенцию и делает ей большую честь», – повторяет ту же мысль М. А. Протопопов. Народ в России со времен В. Г. Белинского – главная забота всякого серьезного общественного деятеля².

Самая же подробная характеристика особенностей демократизма отечественной интеллигенции принадлежит В. П. Воронцову. «Русская прогрессивная интеллигенция, – пишет публицист в специальном посвященном ей труде, – в отличие от западноевропейской (прошлого времени, когда народ еще не выступал в роли активного агента истории), характеризуется особым демократизмом воззрений, большим вниманием к нуждам народа и проявляющимся в ней стремлением отнестись к народной стихии как к основному началу нашего развития, стремлением искать центр тяжести или опорную точку развития не в привилегированных классах, а в массе трудящегося народа». По этой причине демократизм отечественной интеллигенции был «чище и последовательнее демократизма европейской буржуазной интеллигенции»³.

В современной литературе вопрос, как и почему у европейски образованного русского интеллигента возникло странное, на первый взгляд, желание сблизиться, а то и «слиться» с простым мужиком, лишь недавно вышедшим из крепостной зависимости, получил отражение в ряде книг и журнальных статей⁴. Но, как кон-

¹ Щербина Ф. Задачи русской общественной мысли // Русская мысль. 1881. № 3. С. 24, 27.

² Протопопов М. Воинствующее народничество // Русская мысль. 1893. № 10. С. 250; Он же. Глеб Успенский. № 10. С. 151.

³ В. В. Наши направления. С. 66; Он же. Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм // Неделя. 1894. № 47. Стб. 1505.

⁴ См.: Хазанов Б. Русская интеллигенция. История безответной любви // Погружение в трясину. М., 1991; Межуев В. Интеллигенция и демократия // Свободная мысль. 1992. № 16; Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994; Кантор В. К. Демократия как историческая проблема России // Вопросы

статировали в своей монографии Е. Г. Плимак и И. К. Пантин, причины широкого распространения в среде разночинной молодежи идеи народопоклонства прояснены не до конца¹.

Большинство исследователей, как в свое время веховцы, обвиняют радикальную интеллигенцию в ложном демократизме (культ простонародья, приписывание трудящимся массам таких качеств, которыми они никогда не обладали, абсолютизация идеи народного блага), т.е. в незнании народа и его подлинных нужд и стремлений. В конечном итоге любовь к простому народу (точнее к идее народа) интерпретируется как один из симптомов болезни русской интеллигенции, порожденной социальной и культурной отсталостью России. Очень точно природу идеализации масс определил В. Г. Хорос. По его словам, вера интеллигенции в народ исходила «не столько из объективных качеств и нужд самого крестьянства (хотя постепенно народники приходили к осознанию его социальных интересов), сколько из внутреннего, нравственного стремления интеллигента-разночинца найти опору своей жизнедеятельности». «Народ» играл роль того «икса», при подстановке которого все миропонимание народнической молодежи обретало стройность и законченность»².

Наблюдения и выводы историков при всей их справедливости отличаются некоторой односторонностью. Заключается она в том, что исследователи, стремясь к объективности, рассматривают проблему взаимоотношений интеллигенции с народом как бы извне, исходя из общего исторического контекста. А как объясняли «тягу к народу» (любимое выражение Воронцова) идеологи самой демократической интеллигенции и как изменялось отношение к «мужику» на протяжении второй половины XIX в.? Неужели народники все это время блуждали в потемках и разгадать «тайну» народа-сфинкса сумели лишь большевики и левые эсеры? Пока народниковеды этой стороной идейного наследия народников-реформистов специально не занимались.

философии. 1996. № 5; Соловьев В. Ю. Народ и демократическая интеллигенция // Власть. 2001. № 1; Хевеши М. А. Толпа, массы, политика: Историко-философский очерк. М., 2001. С. 73–89.

¹ Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революции (сравнительно-политический анализ). М., 2000. С. 206.

² Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России: 1783–1883. М., 1986. С. 238.

Говоря об интерпретации природы народолюбия русской интеллигенции теоретиками легального народничества, следует учитывать одно немаловажное обстоятельство. Как известно, в России после многочисленных покушений революционеров на Александра II и возникшей вследствие этого смуты слово интеллигенция в определенных кругах общества стало ругательным. На этой волне в консервативной печати получил широкое распространение старый славянофильский тезис об *антинародной* сущности интеллигенции, посмевшей посягнуть на дорогую каждому русскому человеку святыню. Поэтому когда народники в конце 1870-х – начале 1880-х гг. клялись в любви к народу, это больше походило на покаяние в грехах, чем на выражение логически выверенной системы доказательств. Например, Л. А. Паночини уверял читателей «Русского богатства», что «настоящая интеллигенция не может быть себялюбивой, не может не быть другом и радетелем народа». Русская интеллигенция любит народ и рвется его спасти. «Она отдавала за него жизнь. Этого никто не должен забывать. Да и как может интеллигенция не любить народа? Это, просто, невозможно. Мыслимы различные степени внимания к народу и его нуждам, случаи юношеского легкомыслия в важных делах..., но не индифферентизм к положению народа»¹.

Конечно, это крик души, эмоциональный всплеск. Но поставленный Паночини и другими публицистами начала 1880-х гг. вопрос, что двигало «чистыми девушками», которые «идеализировали народ, разбивали себе лоб перед его будущим величием», заставит народников задуматься о природе своего «народолюбия». «Нужно объяснить... (это уже Л. Е. Оболенский. – Г. М.) почему сотни, или хотя бы десятки... юношей стремятся работать *только для народа*, принадлежа к другим общественным классам?»².

Сочувствие и симпатии к народу проснулись в русском обществе довольно давно. Война 1812 г., патриотический настрой декабристов, идеализация образа простонародья русской литературой 1820–1830-х гг., жаркие споры о народности во второй четверти XIX в. – все это, так или иначе, способствовало зарождению у интеллигенции устойчивой «народостремительной» тен-

¹ Алексеев Л. Указ. соч. С. 61, 70.

² Оболенский Л. Е. Новый раскол в нашей интеллигенции // Русская мысль. 1895. № 8. С. 39.

денции. Но это только предыстория той пылкой и страстной любви к народу, которая неожиданно вспыхнет у молодежи в 1860–1870-е гг.

В поисках причин, заставивших дворянско-разночинную интеллигенцию подняться на защиту народных интересов, легальные народники стремились учитывать все основные факторы (от индивидуально-психологических до социально-исторических), влиявшие тогда на сознание и общий настрой представителей образованного общества.

На первое место в данном списке многие народники ставили нравственные чувства и побуждения интеллигенции, что должно было подчеркнуть бескорыстность ее действий. Защита народа, «народозаступничество», по словам Протопопова, «есть дело не столько политического расчета, сколько личного нравственного удовлетворения» интеллигенции¹. При этом громко говорящая общественная совесть и альтруистические инстинкты людей, вопреки теории Дарвина, возводились народническими публицистами в ранг самых могучих (хотя и субъективных) двигателей истории. Само возникновение народнического движения они связывали с сакраментальным вопросом «кающегося дворянина» 1860-х гг.: «как жить свято?»². Народничество, – писал М. О. Меншиков, – есть «воззвание к совести образованных людей, к законам вечно-го человеческого братства, равенства, вытекающего из братства и свободы»³.

Особое влияние на радикальную интеллигенцию оказывало сознание несправедливости, царящей в отношениях между людьми различного социального положения. «Социальная несправедливость, – вспоминает В. Г. Короленко, – была фактом, бьющим в глаза»⁴. Откроем любое народническое издание. Почти в каждой статье нарисована тяжелая картина горя и беспомощности трудящихся масс, положение которых будет усугубляться по мере

развития в стране капитализма. Народ, пишет Михайловский, «прямо или косвенно, поит, кормит, одевает и оберегает нас, сам в то же время оставаясь в нищете, в грязи, в невежестве». О том же заявляет Воронцов: «Крестьянство – несправедливо обделенный брат». Высшие классы стали культурными на средства, которые правительство выколачивало из народного кармана¹.

Если читать и думать об этом постоянно, если поверить в то, что истинный интеллигент не может оставаться равнодушным к боли и страданиям других людей, если убедить себя, что ты сам являешься невольной причиной этих страданий, то чувство долга, действительно, способно воодушевить на самоотверженную деятельность в пользу тех, кого народническая теория преподносит как главную жертву существующего в стране общественно-го строя. «Еще недавно, – вспоминал о начале 1890-х гг. А. С. Пругавин, – вся Россия была свидетельницей движения, возникновение которого обязано именно этой идее (долга перед народом. – Г. М.). Масса лиц различного общественного положения, различного возраста, воодушевленные этой идеей, шли в глухие села и деревни на борьбу с тяжелыми бедствиями, постигшими народ: голодом, холерой, тифом и т.д.»².

Глубокое чувство сострадания ко всем униженным и оскорбленным, безусловно, один из главных мотивов резкой активизации общественной деятельности пореформенной интеллигенции. Но это, как говорится, только одна сторона медали. Еще современники отмечали, что «нравственный мотив народничества затемнялся его теориями», суть которых – превращение масс в инструмент для реализации собственных общественных идеалов³.

Легальные народники никогда и не скрывали, что к сближению с народом русскую интеллигенцию подталкивали ее теории, заимствованные на Западе или выработанные самостоятельно. Отрицалось лишь желание использовать народ в своих интере-

¹ Протопопов М. Последовательный народник // Русская мысль. 1891. № 5. С. 117.

² См.: Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 2. Стб. 622; Николай-он [Даниельсон Н. Ф.] Теория трудовой стоимости и некоторые из ее критиков // Русское богатство. 1902. № 2. С. 65; Меншиков М. Народные заступники // Книжки «Недели». 1893. № 12. С. 254.

³ Там же. С. 251.

⁴ Короленко В. Г. История моего современника // Собр. соч.: В 8 т. М., 1953. Т. 7. С. 119.

¹ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 6. Стб. 393; В. В. [Воронцов В. П.] Критик народничества // Русское богатство. 1893. № 4. С. 10.

² Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции... С. XX.

³ См.: А. В. [Введенский А. И.] Несколько слов об идеалах русского народа // Дело. 1886. № 8. С. 49; Н. В. Народность и народничество // Вестник Европы. 1888. № 2. С. 859; В-н А. [Пытин А. Н.] Народники и народ // Вестник Европы. 1891. № 2. С. 695; Он же. Еще о теориях народничества // Вестник Европы. 1893. № 2. С. 760, 787, 788.

сах. Что побуждало интеллигенцию отдать долг народу? – спрашивал Кривенко на страницах «Отечественных записок», – не один «буржуазный сентиментализм». «Раз она выступает на гражданское поприще, она не может не принимать в соображение последних выводов экономической науки и человеческого знания вообще и не может не руководиться ими в своей деятельности»¹. Выделим из этих «последних выводов» наиболее важные для народников положения.

Тезис 1. Историю делает народ и чем ближе к современности, тем его роль становится более активной и сознательной. Без приобщения народа к «плодам» современной цивилизации новые преобразования не пустят глубокие корни, а человеческие отношения не сделаются более справедливыми². А вот и наиболее частое обоснование этого тезиса у народников: народ – это большинство населения страны (в сущности, само население) и «уже только в силу своей подавляющей численности является важнейшим фактором нашей жизни, которого благосостояние, развитие, прогресс есть благосостояние, развитие, прогресс всей страны. Отрицать этот факт – не мысль, не верование, не идеал, а именно *факт*, ясный, как день, твердый и устойчивый, как скала, могут теперь только “глупцы или негодяи”...»³. Можно добавить, что в XIX в. известной формулой «все для народа и через народ» руководствовалась в своих действиях не только народническая интеллигенция, но и вся европейская демократия.

Тезис 2. «Человек будущего в России – мужик». Легальные народники часто цитировали это известное положение А. И. Герцена, подтверждая свою веру в особое историческое призвание русского народа – «первому... осуществить в своей жизни идею братства и человечности»⁴. Заинтересованность крестьян в построении общества свободного труда (социализма) доказывалась

тем, что у них «чувства общинности, коллективизма управляют жизнью и творчество – массовое, коллективное». Особенно энергично эту идею в реформаторском народничестве проводил В. С. Пругавин. По его словам, «сильное своим земельным бытом и строем своей жизни, сознательно работающее во имя определенной, ясно выраженной в его учреждениях идеи, русское крестьянство является в настоящее время сословием, которому предстоит самая завидная будущность, самая широкая роль на арене мировой истории»¹. Сильнейший толчок прогрессу всего человечества после привлечения народных масс к активному участию в «деле общественной эволюции» пророчил также Воронцов².

Тезис 3. У русского народа и демократической интеллигенции, значительную часть которой составлял «умственный пролетариат», общие идеалы и интересы. Это означало, что «тип экономической и социальной организации крестьянства в значительной степени удовлетворяет идеальным представлениям интеллигенции о правде и справедливости»³. Писательница Х. Д. Алчевская в 1887 г. в одном из писем к Г. И. Успенскому делится с ним своими мыслями в отношении крестьянства: «Что касается народа, то нравственное сближение с ним дает в результате необычайный подъем духа. Как ошибаются те, которые считают его разлагающимся организмом – идеалы его так чисты и светлы, так сходятся с нашими, что трудно верить тому, не приблизившись к народу, не заглянувши в его душу»⁴. Здесь необходимо заметить, что сознание тождественности народных форм и западных идеалов в большей мере было присуще народникам 1870-х гг. В последующие десятилетия этот тезис заметно потускнел, а вместе с ним и вся народническая доктрина. К примеру, поздний Михайловский верил в общие интересы всех трудящихся, но сильно сомневался в полном или даже частичном совпадении конечных идеалов интеллигенции с коллективной мыслью и желаниями народных масс⁵. На этой почве произошел раскол между Михай-

¹ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 281.

² Кривенко С. Н. Физический труд... С. 270.

³ Протопопов М. Последовательный народник. С. 117–118; Он же. Глеб Успенский. № 10. С. 151. Слова «глупцы или негодяи...» – цитата из сочинений В. Г. Белинского.

⁴ Оболенский Л. Мораль и социальные взгляды Л. Толстого // Русское богатство. 1886. № 10. С. 195; Пругавин В. С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888. С. 273.

¹ Там же. С. 280.

² [Воронцов В. П.] Народничество Юзова и В. Пругавина // В. В. От семидесятих годов к девятисотым. С. 73.

³ Там же. С. 75.

⁴ Цит. по: Глеб Успенский: Материалы и исследования. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 299.

⁵ Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 7. Стб. 661–662.

ловским и умеренно правыми народниками, которые по-прежнему рассматривали крестьянство в качестве одного из главных «агентов» социального прогресса.

Нельзя не отметить, что, несмотря на преобладание в интерпретации демократизма русской интеллигенции причин субъективного характера (морально-нравственных и идейных), некоторые теоретики легального народничества все же пытались доказать, что тяготение русской интеллигенции к народу – это процесс не случайный, а закономерный, т.е. обусловленный социально-историческими условиями развития русского общества. Больше других об этом писали Оболенский и Воронцов.

Оболенский еще в начале 1880-х гг., опираясь на спенсеровскую теорию органического развития общества, указывал на то, что к ассимиляции с народом интеллигенцию подталкивает «не корысть, а мука оторванности от народа». Это «бессознательный протест разорванного организма». Нет прогресса одной интеллигенции (без народа). Такой прогресс есть «мечта, призрак, самообольщение»¹. Таким образом, главную причину готовности интеллигенции на жертвы во имя отвлеченной идеи народного блага Оболенский находит в неорганическом характере общественного развития России, в сохранении между интеллигенцией и народом глубокой социокультурной пропасти.

Поисками социологических корней народничества активно занимался Воронцов. Его, как и других народников, очень интересовали причины, заставившие представителей образованного общества принимать близко к сердцу интересы народа в ущерб своим привилегиям. Народолюбивый характер отечественной интеллигенции Воронцов связывал с особыми историческими условиями ее формирования и развития. Самодержавно-бюрократическое государство подавляло все общественные элементы, обращая их в простые средства для выполнения своих целей. Поэтому задачу осуществления назревших в стране преобразований взяла на себя не буржуазия, а так называемая общественная интеллигенция, окончательно сформировавшаяся в 60–70-е гг. XIX в. Став в оппозицию к власти, интеллигенция очень быстро осознала полное *бессилие* воплотить в жизнь свои высокие общественные идеалы,

не заинтересовав в них широкие трудящиеся массы. Такое понимание объективного содержания русского народничества позволило Воронцову утверждать, что «социализм» был всего лишь внешней оболочкой демократического движения, одним из мощных средств самоорганизации интеллигенции и народа вокруг главной задачи русской жизни, но никак не самоцелью¹.

Все перечисленные выше причины, побуждавшие интеллигенцию к сближению с народом, носят общий и потому несколько абстрактный характер. В реальной жизни любовь русской интеллигенции к народу никогда не оставалась постоянной величиной. И здесь были свои приливы и отливы, которые требовали объяснения.

В 1860-х – начале 1870-х гг. народ составлял центральный пункт мирозерцания интеллигенции, цель и средство предполагаемых ею общественных преобразований, *profession de foi* (исповедание веры) движения активного народничества². Интеллигенция, по словам Шелгунова, «точно забыла сама себя» и «кающийся дворянин» буквально понес себя «на заклание», т.е. на гибель, мучение³. Но уже с конца 1870-х гг. ситуация меняется. В обществе наблюдается упадок интереса к мужику. И идея народа как нового фактора общественного и государственного развития отходит в сторону, а на первый план выдвигаются политические задачи, в решении которых главная роль отводилась самой интеллигенции. А. М. Скабичевский очень эмоционально замечает по этому поводу: «Прежде чуть не молились на народ; теперь, подобно дикарям, секущим свой кумир, не оправдавший их упований, начали фыркать и смеяться при одном слове *народ* и разжаловали этот народ в толпу смердящих мужиков...»⁴.

Каковы же причины резкого поворота от веры в народ к пессимизму в отношении народа, доходящего до клеветы? «Куда девался этот самый народ, тот таинственный незнакомец, который составлял альфу и омегу всего русского мышления? Почему он, никогда еще не выступавший на практическую арену, быстро

¹ В. В. [Воронцов В. П.] «Корни» народничества семидесятых годов // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 167.

² Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 3. Стб. 738.

³ Н. Ш. Очерки русской жизни. 1889. № 11. С. 162.

⁴ Скабичевский А. М. Аскетические недуги в нашей современной интеллигенции // Русская мысль. 1900. № 10. С. 38–39.

¹ Созерцатель [Оболенский Л. Е.] Обо всем // Русское богатство. 1884. № 12. С. 707; Он же. Новый раскол в нашей интеллигенции. С. 4.

сошел и с арены теоретического мышления?»¹. Автор этих строк П. Ф. Николаев давал самый, на первый взгляд, простой ответ: из-за неудачи попыток «слиться» с народом.

«Хождение в народ» в середине 1870-х гг. открыло интеллигенции горькую истину: мужик ей не доверяет, как и всем господам, и видит в ее поступках только подвох и обман. Он, по признанию Протопопова, «ежеминутно готов утопить в ложке воды самого пламенного народолюбца и считает это не только нравственным, но и чуть ли и не богоугодным делом». «Если все это правда, – продолжает литературный критик, – то, скажите, неужели неестественно, что в нашей душе поднимается... некоторая горечь, что мы начинаем чувствовать себя оскорбленными... неправо, что в нас возмущается, наконец, чувство личного достоинства, та законная гордость, которая запрещает человеку *навязывать* свою любовь, свои услуги, свое участие?». Легко «обсахаривать», т.е. идеализировать народ как абстракт и мудрено «обсахаривать» его в живых, практических отношениях с ним².

На рубеже 70–80-х гг. XIX в. так могли рассуждать многие представители передовой интеллигенции, но далеко не все. Вот краткое, но очень верное замечание на этот счет другого народнического публициста Оболенского. Народ, пишет он, не подтвердил блестящих ожиданий радикально настроенной молодежи, а именно ее юной веры в способности русского мужика идти путем европейского развития. Кто же виноват в этом, как не сами народолюбцы, которые возвели народ в какую-то религию и в ужасе отшатнулись от горе-божка, когда действительная деревня предстала перед ними со всеми своими красами и безобразиями³.

Еще одна важная причина замены оптимистического взгляда на народ пессимистическим связывалась народниками с постепенным упадком прогрессивной столичной печати, которая всегда выполняла в жизни общества роль главной руководящей и направляющей силы. В обстановке всеобщей идейной растерянности и смуты, начавшейся с приходом к власти Александра III, многие передовые органы печати занялись ревизией «наследства

отцов», т.е. отказались рассматривать народные интересы в качестве основного критерия для постановки и решения общественных вопросов¹.

Наверное, лучшая характеристика этого процесса принадлежит известному литературоведу Д. Н. Овсянко-Куликовскому. В «Истории русской интеллигенции», он пишет, что, начиная с 1880-х гг., интеллигенция постепенно освобождается от влияния «трех китов народничества» – идей долга, вины и расплаты, которые были порождены сомнениями в востребованности (полезности для страны и всего народа) ее «непроизводительного» труда. В качестве иллюстрации «смены настроений» здесь приводится мнение писателя А. И. Эртеля, решительно протестовавшего против требования «вертеться в узкой сфере исключительно мужицких нужд и интересов»².

В отличие от народников «охлаждение» интеллигенции к народу Овсянко-Куликовский интерпретировал не как следствие интеллектуального упадка общества, а, наоборот, как его отрезвление, духовный рост, как преодоление юношеского максимализма и романтизма, свойственного интеллигенции предшествующих десятилетий³.

Что можно сказать об этом? Согласиться с Оболенским, заявившим в 1884 г., что народосочувствие интеллигенции – временная мода? Потомки прежних бар, привыкших заботиться о мужике, сохраняли некоторое время по наследству этот врожденный инстинкт, но он мало-помалу выродился и заменился свободными договорными отношениями⁴. Тогда возникает другой вопрос: является ли народолюбие доминантой самосознания русской интеллигенции или это очередной миф, созданный идеологами народничества? Народникам 80-х – 90-х гг. XIX в. было над чем задуматься.

¹ С. К. [Кривенко С. Н.] Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1892. № 3. С. 301, 312.

² Овсянко-Куликовский Д. Н. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1924. Т. 9. С. 114. В письме к М. Н. Чистову в августе 1881 г., которое цитировал Овсянко-Куликовский, А. И. Эртель добавляет, что его «гораздо более интересует участь интеллигенции и трагический характер ее отношений к народу, чем самый народ» со своим «обычным правом и бытовыми формами». См.: Письма А. И. Эртеля. М., 1909. С. 41.

³ Овсянко-Куликовский Д. Н. Указ. соч. С. 121–123.

⁴ ...енск... [Оболенский Л. Е.] Внутреннее обозрение. С. 172.

¹ Николаев П. Ф. Очерк развития социально-революционного движения в России // Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. С. 418.

² Протопопов М. Глеб Успенский. № 10. С. 152–153.

³ Созерцатель [Оболенский Л. Е.] Обо всем // Мысль. 1882. № 10. С. 185; Он же. Внутреннее обозрение. С. 172.

Утрата некоторых народнических иллюзий и *слепой* веры в светлое будущее русского народа еще не означало, что передовая интеллигенция махнула на него рукой. Затяжной идейный кризис, который переживала народническая интеллигенция в связи с неудачей движения 1870-х гг., свидетельствовал лишь о необходимости пересмотра прежнего идеализированного понимания «народа», и соответствующей тактики взаимодействий с ним интеллигенции. Именно это впоследствии попытались осуществить теоретики позднего народничества.

Что такое народ? Что нужно народу? Что может сделать для народа русская интеллигенция? Всю пореформенную эпоху эти вопросы не сходили со страниц периодической печати. Но что скрывалось под этим загадочным и таинственным словом? В начале 1890-х гг. С. А. Раппопорт заметил в «Очерках народной литературы», что слово народ, несмотря на частое употребление в последние 30–40 лет, не успело настолько выясниться, чтобы точно определить собой ту или иную часть нации. Однако ниже он замечает, что в литературе с начала 1870-х гг. вместо расплывчатого определения народа, в смысле чуть ли не всей нации от пахаря до сенатора, утвердилось понимание народа как представителей низших сословий (простонародье)¹. «Выражаясь кратко, – подтверждает правоту Раппопорта один из столпов народничества В. С. Пругавин, – народ – это крестьянство, рабочий класс – это пролетариат»².

По мнению современников, это узкое социальное значение слова «народ» пришло в Россию из Франции, где оно получило широкое распространение в годы Великой французской революции³.

Народники с самого начала взяли данное понимание народа на вооружение и построили на нем все свои общественные теории. Суть их сводилась к противопоставлению интересов «народа» (работники физического труда) и «не-народа» (все эксплуататоры народного труда). Чтобы устранить это главное противоречие в жизни современного общества, необходимо было лишить

«не-народ» его привилегированного положения, т.е. заставить всех людей трудиться не только умственно, но и физически. Главная идея будущей социальной революции заключалась, таким образом, в построении социально однородного общества.

Со временем выяснилось, что у логически стройной и ясной народнической доктрины имеется своя ахиллесова пята. Если народ это физически трудящиеся классы, то как тогда быть с народолюбивой интеллигенцией? Достоянна ли она права называться частью народа или ее участь – оставаться «отрезанным ломтем». Постоянно встречающееся в народнической литературе противопоставление умственного и физического труда рано или поздно должно было ударить и по самим легальным народникам, многие из которых профессионально занимались литературной деятельностью.

Приведем небольшой отрывок из письма профессора N. N. в редакцию «Русского богатства» с критикой основного постулата народнической доктрины. «Если Вы, – обращается автор к редактору журнала, – истинный демократ, то зачем Вы противопоставляете народ, как что-то вне Вас стоящее, интеллигенции, к которой себя причисляете. *Народа, как чего-то особого нет. Я – народ и Вы сами – народ* (курсив мой. – Г. М.). Все, что мы помыслим и сделаем не для себя, не для своего личного блага и блага касты своей, все это будет на пользу всего народа. К чему Вы драпируетесь в тогу “особенно народолюбивого” человека? Ведь это тоже вывеска, тоже громкое словцо, без которого можно обойтись. Не проглядывается ли у всех Вас народников стремление выставить себя особенно и нарочито великодушными и совершенными, и не является ли это стремление выражением своего рода тщеславия и самолюбия?». «Поэтому, – продолжал профессор, – я бы отбросил всякие вывески и клички, всякие знамена и девизы и стал бы служить на Вашем месте человечеству и своей родине просто и без фраз», сохраняя один девиз – «вперед»¹.

Итак, был ли русский народ чем-то особенным (массой с «известными стремлениями») или под народом следует понимать все население государства за вычетом его правительства? Для демократической интеллигенции ответ на данный вопрос опре-

¹ Ан-ский С. А. [Раппопорт С. А.] Очерки народной литературы // Русское богатство. 1892. № 7. С. 157; № 8. С. 174.

² Пругавин В. С. Что такое народ? – РГАЛИ. Ф. 412. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

³ «Интеллигенция» и народ в общественной нашей деятельности // Отголо-ски. 1880. № 33. С. 516; Герье В. И. Понятие о народе у Руссо // Русская мысль. 1882. № 5.

¹ [Оболенский Л. Е.] О народничестве (Ответ издателя на письмо профессора N. N.) // Русское богатство. 1884. № 1. С. 246.

делял всю стратегию ее самореализации: должна ли интеллигенция быть проводником исходящих из народа идей и желаний или ей принадлежит роль воспитателя, руководителя и вождя народных масс. Именно эта проблема соотношения роли народа и интеллигенции в предполагаемых общественных преобразованиях расколет легальное народничество на два непримиримых лагеря – «народников-славянофилов» и «народников-западников».

Идеологи крайне правого народничества (И. И. Каблиц-Юзов, В. С. Пругавин, М. О. Меньшиков) вынашивали идею умственно-го и нравственного превосходства народа над интеллигенцией. Народ «не косная, не пассивная, бессознательная масса», – писал в газете «Неделя» Н. А. Энгельгардт. Это живой, сложный организм, коллективный разум которого «постигает то и то видит, чего уединенному уму не увидеть и не постичь»¹.

Теоретическим обоснованием данного положения послужило старинное народническое учение об особом (самобытном) типе развития русского крестьянства, дополненное теорией о самостоятельности нравственного прогресса по отношению к развитию научных знаний и техники². По убеждению народников «Недели» и близких им по духу изданий, качества души, характера, свойства ума человека определяются не какими-то абстрактными знаниями («книжной ученостью»), а всем строем социальной жизни общества, его культурой и бытом. Русский народ столетиями жил в лоне русской общины, которая воспитала в нем такие возвышенные чувства, как человечность, самопожертвование, общительность, уживчивость. Вот почему в отличие от интеллигента простой мужик мог устраивать и совершенствовать свою жизнь, согласовывая (путем всевозможных компромиссов) общественные интересы с интересами индивидуальной свободы. «Разрушите этот строй, – писал В. С. Пругавин, – и от нашего народа повеет холодом расчета, индивидуализма и капитализма, который господствует теперь в Западной Европе»³.

¹ Энгельгардт Н. А. Лженародничество // Книжки «Недели». 1896. № 11. С. 283.

² Подобнее об особой роли нравственного прогресса в истории см.: *Созерцатель* [Оболенский Л. Е.] Обо всем. Недоразумения среди идейных писателей // Русское богатство. 1889. № 2. С. 255, 260–263.

³ Пругавин В. С. Русская земельная община... С. 280.

Если у народа есть душа и коллективный разум, то их, естественно, нельзя разрывать на части, симпатичные и несимпатичные русской интеллигенции. Поэтому для «славянофильствующих» народников идеальный путь сближения с народом и познания его правды – это духовное «опрощение», т.е. приобретение способности мыслить по-крестьянски. Например, Г. П. Сазонов в письме к редактору «Русской мысли» В. А. Гольцеву с гордостью сообщал: «Я по происхождению и духу крестьянин»¹. Однако для большинства русских интеллигентов, по признанию Ю. Н. Говорухи-Отрока, этой «жизни души» народа как бы не существовало. Образованная на европейский манер интеллигенция считала ее предрассудками и игнорировала, «ничего в ней не понимая» и не желая «дойти по нитке до сердцевины народной жизни»².

Характерной особенностью позиции правых народников являлось резкое противопоставление народа интеллигенции, вплоть до признания их антагонистами. Речь, разумеется, шла об интеллигенции в широком смысле этого слова, а именно о тех представителях образованного русского общества, которые использовали достижения современной цивилизации для личного обогащения за счет простого народа. Для обозначения всех тайных и явных «противников» народных интересов Оболенский ввел в оборот скандальные по своей сути термины «интеллигентская чернь», «полуинтеллигенция», «плесень цивилизации» и т.п.³

«Истинную» интеллигенцию (с точки зрения ортодоксального народничества) отличала вера в непогрешимость народного смысла, уважение к этому смыслу, вера в безошибочность жизненного строительства и творческие силы своего народа, в самоисцеляющую мощь его свободного духа и, наконец, смирение перед народом. Настоящий демократ, – любил повторять в своих статьях Каблиц-Юзов, – тот, кто не навязывает народу свое понимание его интересов, а служит удовлетворению того, что желает сам народ. Только мужик может указать общественную форму, которая будет приспособлена к его свойствам и потребно-

¹ Цит. по: Жвания Д. Д. Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 209.

² Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.] Литературные заметки: Либерализм и народничество // Московские ведомости. 1893. № 318.

³ [Оболенский Л. Е.] О народничестве. С. 254, 257.

стям¹. В 80-е гг. XIX в. это требование станет «гвоздем» программы всего правого народничества.

Против мистической веры в то, что «новое слово» в области социального творчества скажут безграмотные пахари, резко выступали теоретики «критического» народничества (Михайловский, Успенский, Короленко). Вот только одна цитата из статей А. М. Скабичевского. «Людам этим (народопоклонникам. – Г. М.), – пишет критик, – постоянно мерещится, что где-то там, в недрах народных масс, в самой глубине народной... таится некий клад, в виде особенного какого-то народного мирозерцания, народных идеалов, постижение которых и должно будто бы составлять задачу каждого нравоописателя народного быта». Вопреки этому мнению, Скабичевский полагал, что о народе русском и его потребностях надо судить не по «заветным идеалам», которые он якобы старательно скрывает от всех, кто носит европейское платье, а по его реальной жизни, порой весьма грубой и жестокой². В качестве образчика реального изучения народа и его требований Скабичевский называл художественно-публицистические очерки Успенского.

Многие современники считали Глеба Успенского лучшим знатоком пореформенного крестьянского быта. Так, С. А. Венгеров, описывая народническую беллетристику 1870–1880-х гг., выделяет в ней два течения – «идеализирующее» мужика и «пессимистическое». Во главе первого из них стоял Н. Н. Златовратский, в произведениях которого серенький мужичок сплошь да рядом превращался в эпического Микулу-Селяновича. Второе возглавлял Успенский – «решительный, – по мнению Венгерова, – противник перенесения всех народных невзгод вне мужика». В своих очерках народной жизни Успенский с глубокой душевной болью, но все же прямо и определенно показывал, что мужик груб, жесток, корыстолюбив, что опозитизированное идеализаторами народа общинное чувство часто переходит в мелочное желание не дать соседу воспользоваться самым крошечным лишним куском, что все будто бы вековые нравственные устои народной жизни мгновенно исчезают при столкновении с городской жизнью³.

Из идейного наследия Успенского особый интерес представляет теория «власти земли», объясняющая особенности народной жизни и мировоззрения не свойствами духа русского крестьянина, не его общинными идеалами, а объективными условиями земледельческого труда и быта.

О некоей не вполне сознательной, внутренней силе, которая сохранила русский народ и под игом монгольских орд, и под унижительным гнетом крепостного права, писал еще А. И. Герцен. Но раскрыть ее «тайну», по собственному признанию, смог только Глеб Успенский. Оказывается, что сила, которая сохраняет человека под кнутом и палкой, «получается... непосредственно от указаний и велений природы, с которою человек этот имеет дело непрестанно, благодаря тому, что живет особенным, разносторонним, умным и благородным трудом земледельческим». Жизнь в человеческом обществе, чрезмерно зависимом от природы, очень жестока, как и жизнь самой первобытной природы. Но, как пишет Успенский, «в этих жестокостях неизбежная правда: заедят непременно слабого, заедят *не зря*, а непременно вследствие множества неотвратимых резонов, – заедят, и все будут невинны...». «Тут все делается так, что даже нельзя себе представить, как могло бы делаться иначе при тех же условиях. Лжи, в смысле выдумки, хитрости, здесь нет, – не перехитришь ни земли, ни ветра, ни солнца, ни дождя, – а стало быть, нет ее и во всем жизненном обиходе. В этом отсутствии лжи, проникающем собою все, даже, по-видимому, жестокие явления народной жизни, и есть то наше русское счастье и есть основание той веры в себя, о которой говорит Герцен. У нас миллионные массы народа живут, не зная лжи в своих взаимных отношениях, – вот на чем держится наша вера»¹.

Успенский, несмотря на некоторую непоследовательность во взглядах², оказал очень серьезное влияние на формирование критического отношения интеллигенции к народу. Отныне хваленая «правда» народа-пахаря будет ассоциироваться у нее с суровой и безжалостной «зоологической», «лесной» правдой. Настоящий

¹ Юзов И. [Каблиц И. И.] Национализм, его приверженцы и враги // Русское богатство. 1882. № 7. С. 64.

² Скабичевский А. М. Сочинения: В 2 т. СПб., 1895. Т. 2. С. 309.

³ См.: Венгеров С. История русской литературы. Новейший период // Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 645.

¹ Успенский Г. И. Власть земли // Успенский Г. И. Собр. соч. Т. 5. С. 164–169.

² Критику теорий Г. И. Успенского, по ряду положений сближающих его с Ф. М. Достоевским и И. С. Аксаковым, см.: Мордовченко Н. И. М. Е. Салтыков-Щедрин – редактор Г. И. Успенского // Глеб Успенский: Материалы и исследования. С. 417–419.

демократ, по убеждению единомышленников Успенского, не мог потакать народным суевериям и предрассудкам. Он должен был воздействовать на сознание народа и пробуждать в нем новые потребности, т.е. поднимать его до собственного уровня культурного развития.

По этому поводу будет уместно привести замечание М. Е. Салтыкова-Щедрина, который хотя и не разделял всех убеждений теоретиков «критического» народничества, но в данном вопросе был с ними солидарен. «Русский мужик беден; – замечал он в “Письмах о провинции”, – но это еще не столько важно, как то, что он не сознает своей бедности. Приди он к этому сознанию, его дело было бы уже наполовину выиграно...»¹.

Весомый вклад в развитие народнического учения о народе внес Михайловский. В рассуждениях Червинского и Каблицы об общине и артели как «национальных особенностях» русского народа Михайловский увидел опасность его отождествления с нацией. Таким путем в рядах народа оказывались и городская буржуазия, и деревенское кулачество, которые являлись эксплуататорами народного труда. «Народ, – по словам Михайловского, – есть совокупность трудящихся классов общества». Труд – единственный объединяющий признак этой группы людей. Поэтому «педагоги, в качестве работников, суть также народ, как и плотники, химики, литераторы, пастухи», а также математики, чиновники, землевладельцы, солдаты. Все эти люди трудом зарабатывали свой хлеб². При таком подходе, который сам публицист назвал экономическим, «хозяйственный мужичек», живущий за счет труда своих односельчан, не мог считаться представителем народа. Зато его составной частью признавалась трудовая интеллигенция, причем частью наиболее развитой в умственном и нравственном отношении.

Почитая мужика как воплощение народного начала русской истории и идеала демократии, народники из окружения Михайловского специально подчеркивали, что они не имеют в виду действительного, реального мужика. «Исторический» мужик, «сильный чувством взаимности» создал, несмотря на все исто-

рические преграды и противодействия, свой мир, свое деревенское вече, в котором и «баба» имеет голос, и сохранил в своем мирском начале все основные инстинкты человеческого существования и ту «высшую правду и высшую справедливость», которую сам и назвал «божескою»¹. У обыкновенного мужика эта «божеская» правда тоже жива, но только в идее, о реализации которой он даже и не мечтает. Он привык жить сегодняшним днем, как жили его отцы, деды и прадеды. Вся его мудрость наследственная и охватывает всю сферу его практической жизни. Самому мужику здесь думать не о чем, – обо всем уже деревня передумала раньше и всему сложила свой порядок. Поэтому мужик не привык думать дальше своей полосы, избы и коровы, т.е. своего родного гнезда². Иными словами, реальный мужик не мог изменить свою жизнь без посторонней помощи. И эту помощь, по утверждению народников-прогрессистов, могла предоставить народу демократическая интеллигенция. Как писал Шелгунов, только она – «наша единственная лаборатория ума» и «творец нашего общественного сознания», со знанием дела могла взять на себя роль выразителя и защитника общенародных интересов³.

В конечном итоге разногласия между народническими фракциями в отношении «народа» и «истинного демократизма» носили тактический характер. Если в предстоящих преобразованиях решающая роль отводилась социальному творчеству народных масс, то их качества и способности всячески превозносились и идеализировались. Но стоило только предположить, что народ будет участвовать в реформах под руководством прогрессивной интеллигенции (наделенной соответствующей этой задаче властью), так в его физиономии обнаруживались тысячи изъянов и под идеализацию попадает сама интеллигенция. Может быть, подобные рассуждения слишком прямолинейны, но такая зависимость легко просматривается, если сравнивать не отдельные персоналии, а противоположные фракции с их обобщенными чертами.

Однако было нечто такое, что объединяло всю народническую интеллигенцию в один радикальный лагерь. Это общие социаль-

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 12 т. М., 1951. Т. 3. С. 299.

² Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 1. Стб. 828; Т. 6. Стб. 491; Т. 7. Стб. 673–675.

¹ Н. Ш. Очерки русской жизни. 1889. № 3. С. 196.

² Там же. 1887. № 3. С. 146–148.

³ Там же. 1889. № 3. С. 197.

ные идеалы, предполагавшие построение такого общества, в котором не будет угнетения человека человеком. А это значит, что все народники верили в возможность перехода патриархального русского крестьянства из стадии натурального хозяйства в высший социалистический строй.

В чем же причины твердой убежденности передовой интеллигенции в стихийном стремлении русского народа к социализму? С нашей точки зрения, ответ на этот вопрос требует выяснения рационального содержания народнических воззрений на народ и пути его социального освобождения.

Сегодня уже нет нужды доказывать ошибочность представлений о существовании у простого мужика особых социалистических инстинктов. На протяжении столетий крестьянство боролось за землю, разумное перераспределение ее между ним и помещиками, и волю, представления о которой основывались на идее мужицкой «монархии» без дурных чиновников и жадных феодалов¹. Смысл этой борьбы состоял в укреплении крестьянского хозяйства в рамках существующего строя, а не в его радикальном преобразовании, как утверждали теоретики народничества. Правда, при этом не следует забывать, что и революционное, и легальное народничество апеллировало главным образом к *потенциальным* возможностям масс, реализация которых зависела от определенных обстоятельств. Так, «социалистические наклонности» крестьянства могли полностью проявиться лишь при изменении экономических основ существующего строя².

Народники всячески превозносили положительное значение общины, как зародыша нового типа социального устройства. Но является ли это доказательством ирреального характера их представлений о формах народного быта? Если обратиться к материалам земской статистики крестьянских хозяйств за 90-е гг. XIX в., когда капитализм в России утвердился достаточно прочно, то обнаруживаются факты поистине парадоксальные. В процессе переделов земли и в эти годы одним из ведущих мотивов

оказывался крестьянский закон жизни миром¹. И как быть с тем, что общинная система владения землей, которую, с точки зрения народников, можно было искоренить только насильственным путем, успешно пережила и столыпинскую аграрную реформу, и Октябрьскую революцию, и была действительно ликвидирована лишь в ходе сталинской коллективизации начала 1930-х гг.²

Многие современные авторы отмечают, что марксисты слишком преувеличивали мелкобуржуазный характер русского крестьянства. В пореформенные десятилетия, в условиях проникновения в деревню капиталистических отношений в крестьянстве неизбежно происходило разрушение традиционных идей и представлений. И в его среде оживали частнособственнические инстинкты, на первый план выходили организационно-хозяйственные нужды, возникало желание стать зажиточнее и независимее. Но нельзя модернизировать этот процесс, т.к. кризис патриархального сознания крестьянства приобрел затяжной характер ввиду многочисленных пережитков крепостничества в экономических и политических отношениях³. Не случайно такой блестящий знаток сельской общины, как Б. Н. Митронов, высказал предположение, что одна из важнейших причин ограниченности реформ второй половины XIX – начала XX в. заключалась «в прочности устоев крестьянской семьи и общины», в противоречии этих реформ традиционному укладу народной жизни⁴.

Таким образом, причины народнической веры в грядущее социальное творчество русского народа нельзя объяснить одним только утопическим характером мышления радикальной интеллигенции (подходом к действительности по принципу долженствования, механическим сцеплением произвольно подобранных

¹ Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. М., 1892. Т. 1. С. 137–138.

² См.: Данилов В. П. Община у народов СССР в послеоктябрьский период // Народы Азии и Африки. 1973. № 3. С. 46; Митронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 450, 527.

³ Подробнее см.: Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 35.

⁴ Митронов Б. Н. Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении. М., 1989. С. 236–237.

¹ Гутнова Е. В. Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 61–62.

² Возможность социалистического развития русской общины при условии помощи пролетариата Запада не отрицали и основоположники марксизма. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 545–546; Т. 19. С. 401.

позитивных и негативных факторов и т.п.). Смысл идеализации народа русскими народниками состоит не в беспочвенной его мифологизации под влиянием заимствованных на Западе социалистических идеалов, а скорее в одностороннем преувеличении *реальных* черт, сторон, граней народного быта, сознания, истории. Экономическая и социально-политическая отсталость страны, недовольство разночинной интеллигенцией правительственным и административным произволом, ее оторванность от народа и затрудненный доступ к нему – вот что в конечном итоге обусловило появление в России радикальных теорий и их особый народнический оттенок.

Обобщая предложенные идеологами легального народничества ответы на вопрос «что такое интеллигенция?», необходимо отметить, что отношение к этому явлению пореформенной русской жизни было далеко не однозначным. Не случайно разработанные в народнической литературе два ее типа («идейная» и «трудовая» интеллигенция), имели различный социальный состав и идейно-нравственные характеристики. Сами народники воспринимали их как «тезис» семидесятников и «антитезис» людей восьмидесятых годов.

В то же время все народники-реформисты признавали в качестве главного критерия истинной интеллигентности деятельное служение народным массам (в различных его формах). Наличие единого подхода позволяет объединить социально-этическую и социально-экономическую концепции в общее учение о «народной» интеллигенции. Ядро этой интеллигенции (своеобразную народническую элиту) составляли ее идейные борцы, для которых служение народу стало смыслом существования; основной состав – представители массовых интеллигентских профессий (тип «среднего» интеллигента – практика). Именно так распределяли силы внутри народнической интеллигенции Оболенский, Воронцов, Кривенко и другие теоретики легального народничества, стремящиеся к консолидации всех его фракций.

Глава третья

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

*

Вопрос о том, являлась ли русская демократическая интеллигенция *специфическим* феноменом общественной жизни России XIX–XX вв. до сих пор вызывает у исследователей сомнения и споры. Противники признания этого факта, как правило, ссылаются на более позднее появление аналогичных общественных групп в странах второго эшелона капиталистического развития (Польша, Германия, Индия). Некоторые современные политологи и публицисты считают, что никакой особенной интеллигенции (имеются в виду выдающиеся интеллектуальные и нравственные качества, которыми наделяла ее русская литература) в дореволюционной России вообще не существовало¹.

Не вдаваясь в подробности этой полемики, заметим, что началась она еще в первые десятилетия после отмены крепостного права под влиянием развития в стране народнической идеологии. Именно народники, более полувека олицетворявшие собой авангард русского освободительного движения, первыми попытались обосновать наличие у демократической интеллигенции особой исторической миссии *ускорителя* социального прогресса в России. Право на такую роль теоретики народничества доказывали полным отсутствием у интеллигенции каких-либо корыстных классовых интересов, что, впрочем, не помешало консервативной печати начать на рубеже 70–80-х гг. XIX в. кампанию по дискредитации ее прогрессивных стремлений, ввиду их буржуазного характера. Дело в том, что в Европе нового времени задачи политической и экономической демократизации с успехом решались благодаря усилиям буржуазии. Перед интеллигенцией (интеллектуалами) передовых западноевропейских государств подобные задачи никогда не стояли, т.к. само появление там широ-

¹ См.: *Карпачев М. Д.* Истоки российской революции: легенды и реальность. М., 1990. С. 89; *Соколов К. Б.* Мифы об интеллигенции и историческая реальность // *Русская интеллигенция. История и судьба.* М., 1999; *Орлов С. Б.* Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // *Социальные исследования.* 2001. № 11.

кого слоя работников умственного труда было следствием развития промышленного капитализма.

Иными словами, во второй половине XIX в. вопрос о существовании в России особой «общенародной» интеллигенции был связан не столько с общественными идеалами и альтруистической моралью этой по своему уникальной социальной группы, сколько с ее правом на лидерство в социально-политическом реформировании страны.

§ 1. Причины появления «общественной» интеллигенции

Для более подробного обоснования специфической общественной роли русской интеллигенции многие теоретики легального народничества пытались связать появление у нее «идеальных стремлений» с особыми социально-историческими условиями образования и развития в России европейски образованного общества. Как писал Л. Е. Оболенский, интеллигенция «создавалась не одним днем; ...ее идеи и чувства – результаты исторической организации»¹. К сожалению, изучение народнического понимания генезиса российской интеллигенции до сих пор ограничивается двумя персоналиями – П. Л. Лавровым и Н. К. Михайловским. О вкладе в ее развитие таких теоретиков реформаторского народничества, как В. П. Воронцов, И. И. Каблиц-Юзов, С. Н. Кривенко, Я. В. Абрамов известно только в самых общих чертах².

¹ Л. О. [Оболенский Л. Е.] Оценка идей Достоевского // Мысль. 1881. № 4. С. 79.

² См.: Харламов В. И. Каблиц (Юзов) и проблема «народ и интеллигенция» в легальном народничестве на рубеже 70–80-х годов XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1980. № 4; Балуев Б. П. Либеральное народничество и Г. В. Плеханов. (Проблема интеллигенции) // Революционеры и либералы России. М., 1990; Павлова Н. Г., Главицкий М. Е. К вопросу о «народнических» традициях в марксистской концепции интеллигенции // Проблемы методологии истории интеллигенции: Поиск новых подходов. Иваново, 1995; Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997; Блохин В. В. Историческая концепция Николая Михайловского (к анализу мировоззрения российской народнической интеллигенции XIX века). М., 2001.

Анализируя народническую интерпретацию происхождения русской интеллигенции, прежде всего следует уточнить соотношение понятий «историческая» (традиционная) и «новая» интеллигенция. Первое из них используется народниками для характеристики сословно-классовой интеллигенции. Она появлялась на определенном этапе развития общества как следствие разделения умственного и физического труда и имела свои специфические культурно-просветительские функции. «Касты жрецов и древней аристократии, – пишет Кривенко, – были, разумеется, кроме всего прочего, и интеллигенцией»¹. В XIX в. интеллигенция – это уже особый слой образованных людей, профессионально занятых умственным трудом (врачей, учителей, писателей, инженеров, чиновников). По своему социальному происхождению историческая интеллигенция примыкала к господствующим сословиям (образованному меньшинству общества), пользовалась их привилегиями, обслуживала их культурные потребности, защищала их классовые интересы и, следовательно, «весьма часто действовала против интересов трудящихся масс»². Недаром многие народники характеризовали ее как «псевдоинтеллигенцию» или интеллигенцию по недоразумению.

Исторической интеллигенции теоретики легального народничества противопоставляли «новую» интеллигенцию, определяя ее как особую бессословную группу, объединенную этическими и социальными идеалами³. Эта передовая интеллигенция сумела преодолеть свою классовую ограниченность и стать представительницей интересов всего общества, т.е. «общественной» интеллигенцией в прямом смысле этого слова. В 1881 г. Михайлов-

¹ Кривенко С. Н. Физический труд как необходимый элемент образования. СПб., 1887. С. 275.

² См.: Юзов [Каблиц И. И.] Будущность сословий // Русское богатство. 1885. № 1. С. 181; [Оболенский Л. Е.] Представляет ли собою интеллигенция общественный класс? // Новое слово. 1896. № 7. С. 109–111; В. В. [Воронцов В. П.] «Милостивый критик» // Новое слово. 1896. № 7. С. 46; Он же. Капитализм и русская интеллигенция // В. В. [Воронцов В. П.] От семидесятих годов к девяностым: Сб. ст. СПб., 1907. С. 27–28, 56.

³ См.: Языков Н. [Шелгунов Н. В.] Теперешний интеллигент // Дело. 1875. № 10. С. 72; [Каблиц И. И.] Роль интеллигенции // Неделя. 1884. № 8. Стб. 254, 255; В. В. [Воронцов В. П.] Из истории нашего общественного развития // Северный вестник. 1888. № 12. С. 135; Михайловский Н. К. Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб., 1906–1913. Т. 5. Стб. 508, 509, 538–540.

ский в «Записках современника» упомянул о том, что нигде в Европе слово интеллигенция в значении «особой общественной силы» не употребляется. Но, по его же признанию, это вовсе не означало, что там нет и самой интеллигенции, которая, несмотря на буржуазное происхождение и образ жизни, «силою вещей влечется к защите совершенно не буржуазных принципов»¹.

Логическое противоречие в определении явления интеллигенции (сословно-классовая и в то же время внеклассовая общественная сила) теоретики легального народничества объясняли двойственностью ее положения в обществе. С одной стороны интеллигенция являлась представителем всего народа, а с другой – занималась обслуживанием интересов и потребностей привилегированных общественных классов. Если интеллигенция действовала сознательно (в соответствии со своими общечеловеческими идеалами), то, по словам Воронцова, она стремилась «обнять социальные явления с точки зрения общей, идеальной». Однако в силу недостаточности знаний о своем истинном предназначении, под влиянием личного интереса и среды интеллигенция гораздо чаще действовала бессознательно, т.е. подменяла стоящие перед ней идеальные задачи частными и классовыми². Впрочем, последнее обстоятельство не всегда мешало интеллигенции осуществлять свою социально-реформаторскую функцию. На примере Европы Воронцов делал вывод, что «сословная» интеллигенция обычно примыкала к самому сильному и передовому общественному классу, интересы которого в целом совпадали с интересами прогресса и основного населения страны³.

В более сложном положении оказывалась интеллигенция тех стран и народов, где класс, способный стать двигателем поступательного развития общества (имеются в виду влиятельные буржуазные слои), так и не сложился. Это обстоятельство должно было ускорить образование там общенародной интеллигенции. Социально-политическое развитие самодержавно-бюрократической России XVIII–XIX вв. проходило как раз по такому сценарию.

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 5. Стб. 539–540.

² В. В. [Воронцов В. П.] Критик народничества // Русское богатство. 1893. № 4. С. 11; Он же. Наши направления. СПб., 1893. С. 25.

³ Там же. С. 25, 58, 68, 69, 83.

Первые «интеллигенты», т.е. лица, выделяющиеся из народной массы своим духовным развитием, появились на Руси вместе с принятием христианства¹. Однако начало формирования русской интеллигенции как известного множества людей с европейским образованием большинство народников связывало с государственными реформами первой четверти XVIII в. Например, Н. В. Шелгунов, касаясь исторического прошлого интеллигенции, заметил, что «при Рюрике и Святославе мы (носители развитого личного начала. – Г. М.) были дружинниками, при Иване Грозном – опричниной, потом стали служилым сословием» и только с Петра I «превратились в интеллигенцию»².

Всесильное государство специально создало интеллигенцию как орудие европеизации России. А чтобы оно всегда было послушным, власть с самого начала изолировала интеллигенцию от народа и затем более ста лет приучала ее смотреть на «жалование» как на единственный источник надежного существования. Презрение к физическому труду и, соответственно к простому народу, за счет которого жила русская «аристократия умственного труда», составляли, по мнению легальных народников, ее главное и очень невыгодное отличие от буржуазной интеллигенции Западной Европы и Северной Америки³.

Почти весь XVIII в. интеллигенция и власть, по выражению Воронцова, «жили одной мыслью». Причем генератором новых общественных идей, дававшим направление развития всей русской жизни, выступало царское правительство. Удел интеллигенции состоял в удовлетворении текущих потребностей государственной машины в интеллектуальном труде. Первым ярким проявлением чистой интеллигентской мысли стала книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 г.), посвященная критике ужасов царящего в стране крепостного права. Примерно с этого времени, по мнению некоторых народников, в

¹ Каблиц И. И. Основы народничества. СПб., 1893. Ч. 2. С. 63.

² Н. Ш. [Шелгунов Н. В.] Очерки русской жизни // Русская мысль. 1888. № 10. С. 164. См. также: [Каблиц И. И.] Интеллигенция и народ // Неделя. 1880. № 10. Стб. 312.

³ См.: [Кривенко С. Н.] Сборник материалов об артелях в России. СПб., 1875. Вып. 3. С. 23; В. Б-чь [Бирюкович В. В.] Внутреннее обозрение // 1886. № 3. С. 216; [Абрамов Я. В.] Безместная интеллигенция // Неделя. 1888. № 45. Стб. 1419; Каблиц И. И. Основы народничества. СПб., 1888. Ч. 1. С. 332–335.

России начинает формироваться новый слой интеллигенции, стремящейся к *самостоятельному* разрешению проблем, затрагивающих интересы всего общества¹.

Отрицание старого общественного порядка во имя свободы, равенства и братства (лозунгов Великой французской революции) являлось для русской интеллигенции главным условием или, как писал Кривенко, «абсолютно необходимым элементом» ее внутреннего роста².

Эмансипацию интеллигенции от государства народники объясняли сочетанием целого ряда факторов. Большое влияние на развитие ее самосознания оказала политика просвещенного абсолютизма Екатерины II и Александра I. Прежде всего она способствовала зарождению в среде русского дворянства, освобожденного от обязательной службы и познавшего плоды западного просвещения, либеральных (антикрепостнических) настроений. Своеобразным финалом этой эпохи стало выступление цвета тогдашней интеллигенции – декабристов на Сенатской площади в Петербурге³.

В царствование Николая I духовный рост интеллигенции осуществлялся в основном через деятельность революционно-просветительских и философских кружков, кафедры учебных заведений и прогрессивную печать (журналы «Современник», «Отечественные записки», «Московский телеграф»)⁴. Усилия писателей и журналистов второй четверти XIX в. по консолидации передового русского общества вокруг идей отмены крепостного права легальные народники, будучи сами литераторами, оценивали исключительно высоко. Единственным их теоретиком, кто отрицал особую роль печати в образовании «общественной» интеллигенции, был Воронцов. По его убеждению, в дореформенной России

распространение передовых идей из-за полного отсутствия гласности осуществлялось в значительной мере частным образом: словесными беседами, перепиской и, в крайнем случае, при помощи рукописной литературы. Следствием такого развития интеллигенции стала излишняя теоретичность мысли, ее полная зависимость от западных идеологов и, соответственно, отвлеченность от «живых вопросов» русской жизни. Правда, при этом Воронцов признает, что абстрактность мысли – это «необходимый шаг на пути развития юной интеллигенции страны»¹.

Наиболее остро вопрос о самостоятельности мышления отечественной интеллигенции поставили «люди сороковых годов». Благодаря идейным исканиям В. Г. Белинского (первого настоящего интеллигента, по версии Шелгунова²), славянофилов и западников, и духовного отца русского народничества А. И. Герцена в мировоззрении интеллигенции происходят важные изменения. Неразборчивое, по словам Воронцова, увлечение западными теориями постепенно уступает место поискам национальной формулы прогресса, соответствующей условиям русской жизни³.

Окончательное обособление интеллигенции в особую социальную группу (осознающую себя как относительно самостоятельное целое) народнические теоретики связывали с реформами 60–70-х гг. XIX в., резко повысившими спрос на «высший труд». Благодаря реформам доступ к среднему и высшему образованию и через него к участию в общественной жизни получили выходцы из различных социальных групп (сыновья купцов, священнослужителей, личных дворян, мещан и крестьян). «Что случилось? – писал о поколении шестидесятников Михайловский, – разночинец пришел». «Явилось нечто, значительно изменившее характер литературы и имеющее будущее, пределы которой трудно даже предвидеть»⁴. Отсутствие у разночинцев твердой, так сказать, материальной опоры в других классах сразу же сделало эту среду чрезвычайно восприимчивой к социальным теориям, обещающим счастье и процветание всему человеческому роду⁵.

¹ См.: Алкандров [Скабичевский А. М.] Литература в жизни и жизнь в литературе // Устой. 1882. № 1. С. 91; В. В. [Воронцов В. П.] Народничество, как общественно-политическое направление, – его исторические корни // Политическая энциклопедия. СПб., 1907. Т. 2. Вып. 7. С. 1086.

² Кривенко С. Н. Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1911. Т. 2. С. 112.

³ [Воронцов В. П.] В семидесятых годах // В. В. От семидесятых годов к девятидесятым. С. 23.

⁴ См.: Шелгунов Н. В. Переходные характеры (Из прошлого и настоящего) // Русская мысль. 1888. № 3. С. 85; Д. Ж. [Лавровский К. В.] Сомнения относительно «своего труда» в деревне (Письмо деревенского жителя) // Неделя. 1888. № 51. Стб. 1643–1645; В. В. [Воронцов В. П.] Печать и мирозерцание общества // Путь-дорога: Сб. ст. СПб., 1893. С. 285.

¹ В. В. Из истории нашего общественного развития. С. 114, 118, 127, 141.

² Языков Н. Теперешний интеллигент. С. 72.

³ В. В. В семидесятых годах. С. 23; Он же. Из истории нашего общественного развития. С. 140, 142.

⁴ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 2. Стб. 623.

⁵ В. В. Критик народничества. С. 14, 18.

Интересную характеристику разночинцам дал популярный в 60-е гг. XIX в. публицист Н. В. Соколов. «Есть люди, покаявшиеся жить свободно. Вместо того, чтобы принять предложение, которое свет предлагал им, они хотели сами добиться смелостью и талантами того места, которое им нравилось... Пошлость рутинной *практической* жизни была им невыносима: они не могли долго терпеть ее, расходились с обществом и отрешались от него... Я называю их *«Отщепенцами»*. «Отщепенцы – спокойные безумцы, восторженные труженики, мужественные ученые, которые проедают свои гроши и проживают свою жизнь, отыскивая причины общественных зол и бедствий, проповедуя вечную республику, блаженное социальное устройство, личную свободу, гражданскую солидарность, экономическую правду»¹.

Из разночинцев, по мнению ряда народнических теоретиков, сформировалось первое поколение русской интеллигенции, открыто объявившее себя главным защитником интересов много-страдального русского народа².

Многие исследователи объясняют причины народолюбия интеллигенции ее разночинным происхождением³. Выходцы из низов общества, хорошо знакомые с нуждой и прочими тяготами жизни простонародья, разночинцы привили интеллигенции чувство долга перед народом и готовность прийти на помощь своим «меньшим братьям» из рабочего люда. При этом как-то забывается, что «народ», перед которым преклонялась демократическая интеллигенция 1860–1870-х гг., это прежде всего идея, собирательный образ, абстракт.

Прав был писатель Г. И. Успенский, трактовавший возникновение веры в мудрость и огромные творческие силы «таинственного незнакомца» (народа), как результат «заболевания мысли и

совести» русского образованного человека¹. Той же точки зрения придерживался Михайловский, пустивший в ход термин «кающиеся дворяне», и публицисты «Недели» Я. В. Абрамов и К. В. Лаврский. Кстати, у Лаврского есть очень точное понимание природы этой болезни. Это *заражение* идеями и теориями, которые заставляют людей думать в одном направлении и по заранее определенной схеме, шаблону, стандарту².

На том, что русская интеллигенция переросла преследование классовых интересов во многом благодаря своему исключительному нравственному развитию, очень энергично настаивал Воронцов. Кто живет нравственной жизнью, тот, по убеждению публициста, должен обязательно поступать так, а не иначе. Умственные и эстетические идеалы определяют деятельность настоящего интеллигента, куда ему идти, когда является к этому охота. Но только нравственным идеалам он подчиняется «всегда и везде» и очень часто наперекор своим желаниям³.

Описывая причины, вызвавшие к жизни феномен «общественной» интеллигенции, легальные народники не замыкались на чисто идеологических и нравственно-психологических (по сути субъективных) факторах его возникновения. Они пытались дать историко-социологическое обоснование недовольства радикальной интеллигенцией «характером нашего прогресса». Дальше всех продвинулся в этом вопросе все тот же Воронцов, посвятивший ему несколько специальных статей.

Исторические корни народничества Воронцов видел в противоречии между задачами государственного преобразования России (демократизацией экономической, политической и культурной жизни страны) и имеющимися для этого силами, которые можно было искать только в политически несамостоятельных привилегированных слоях общества. Для разрешения данного противоречия, по убеждению Воронцова, интеллигенция должна была вовлечь в начавшийся по воле правительства процесс модернизации страны широкие народные массы. Первые попытки сближения с народом народники предприняли в 60-е гг. XIX в.

¹ Соколов Н. В. Отщепенцы // Шестидесятники. М., 1984. С. 167.

² См.: [Каблиц И. И.] Интеллигенция и народ. Стб. 313; Н. Ш. Очерки русской жизни. С. 164; С. 585; Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 3. Стб. 771–772; Т. 7. Стб. 131–137. См. также: [Николаев П. Ф.] Периодические издания // Русская мысль. 1895. № 11.

³ См., напр.: Матковская И. Я. Проблемы развития прогрессивной этической мысли России (домарксистский период). М., 1990. С. 41; Матвеев Г. А. Об основных вехах эволюции понятия «интеллигенция» в отечественной общественной мысли // Интеллигенция России: уроки истории и современность: межвуз. сб. трудов. Иваново, 1996. С. 26.

¹ Подробнее см.: Волжский [Глинка А. С.] Глеб Успенский о заболевании личности русского человека // Русское богатство. 1904. № 1–2.

² Д. Ж. Указ. соч. Стб. 1646.

³ В. В. [Воронцов В. П.] Учение о нравственности Кавелина // Северный вестник. 1886. № 5. С. 5.

под непосредственным влиянием освободительных реформ Александра II. С этого времени народничество становится весомым фактором политической жизни страны¹.

В последние годы в исторической литературе вопрос о мотивах участия либерально-демократической интеллигенции в антиправительственном движении все чаще связывается с ее приниженным социальным статусом. Так, А. В. Ушаков на основе собранных им фактов о тяжелом экономическом и правовом положении народных учителей, врачей, актеров, студентов высших учебных заведений делает вполне логичный вывод о том, что именно неблагоприятные материальные условия жизни основной массы российской интеллигенции толкали ее в ряды оппозиции существующему в стране политическому строю. При этом он специально подчеркивает, что интеллигенцию (профессиональных работников умственного труда) можно считать не только социальным слоем, но и «классом капиталистического общества»².

В 1880–1890-е гг., когда численный рост интеллигенции, выходящей преимущественно из малоимущих слоев населения, превысит количество «доходных мест», многие владельцы «аттестатов легкохлебия», действительно, окажутся в положении «культурного пролетариата». Имущественное и социальное расслоение работников умственного труда – явление неизбежное в условиях утверждения в стране капитализма. Но вряд ли правомерно зачислять в ряды буржуазии представителей радикальной русской интеллигенции, которая сознательно стремилась занять в обществе особый социальный статус. Не случайно с дореволюционных времен за литераторами и общественно-политическими деятелями, включая «профессиональных» революционеров, закрепилось название разночинная (т.е. маргинальная) интеллигенция.

Среди народников тоже были теоретики, которые считали интеллигенцию новым «средним» классом, т.е. занимающим промежуточное положение между высшими слоями общества и простым народом. К примеру, Каблиц еще в середине 1880-х гг. высказал предположение о начале консолидации умственных ра-

ботников в интеллигентный класс или сословие¹. При этом он разделил всю интеллигенцию по ее нравственной сути на *альтруистическое* меньшинство и *эгоистическое* большинство, прямо обвиняя последнее в стремлении к господству над народом путем захвата политической власти².

И все же большинство народников искренне полагало, что борьба за свободу совести, слова, печати, собраний отвечает интересам всего народа, т.е. это были требования общедемократические, а не узкосословные (буржуазные). Стремление к материальному достатку и карьерному росту, отличавшее, по мнению народников, представителей «буржуазного общества», никогда не одобрялось нравственным кодексом русской радикально-демократической интеллигенции. Тем более в России уровень жизни среднего интеллигента всегда был выше уровня жизни среднего крестьянина. «Предоставьте русской интеллигенции свободу мысли и слова, – замечал по поводу ее обвинений в буржуазности Михайловский, – и, может быть, русская буржуазия не съест русского народа; наложите на уста интеллигенции печать молчания – и народ будет, наверное, съеден...»³.

Политические свободы нужны были идейной интеллигенции еще для того, чтобы приобрести в глазах народа и общества определенный вес и значение. Интеллигенция, писал Кривенко, «пасынок земли русской»⁴. Ее история – длинный мартиролог бесчисленных жертв и страданий. Правительство, чтобы ослабить влияние интеллигенции на общественную жизнь, всячески старалось дискредитировать ее в глазах народа, усилить его недоверие к лицам, «несущим обличие образованности»⁵. Социальный вакуум, зажатость между властью и народом как между

¹ Юзов. Будущность сословий. С. 181–182.

² [Каблиц И. И.] Роль интеллигенции. Стб. 254, 255; *Он же*. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 82, 83. «Буржуазность современной интеллигенции, – по убеждению Каблицы, – несомненный факт; предоставить ей неприкосновенное право на власть над обществом и народом – это значит дать буржуазное направление нашим складывающимся общественным формам». – Там же. С. 93.

³ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 5. Стб. 539, 543–544, 566.

⁴ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 278, 283, 313, 368.

⁵ [Кривенко С. Н.] К русскому обществу от русских революционеров. – РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 469. Л. 10, 11 об.

¹ В. В. Народничество, как общественно-политическое направление... С. 1087–1091; *Он же*. «Корни» народничества семидесятых годов // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 165–167.

² Ушаков А. В. Российская интеллигенция в конце XIX – начале XX в. // Преподавание истории в школе. 2000. № 1. С. 13, 14.

молотом и наковальней¹, бессилие сделать то, в чем передовая русская интеллигенция видела свое главное предназначение, – в этом, с точки зрения самих народников, заключался подлинный трагизм их положения².

Наделяя представителей «общественной» интеллигенции такими идеальными качествами как критическое мышление (сознание необходимости радикальных общественных преобразований), желание служить народу и бороться за его дело без всяких личных расчетов, могучее чувство сострадания ко всем униженным и оскорбленным, народнические публицисты никогда не скрывали, что в России и за ее пределами такой интеллигенции *пока* немного. «Деятельность ее, – как замечали «Отечественные записки», – только... начинается, но такова именно новая интеллигенция, которой предстоит сыграть историческую роль...»³.

Естественно, здесь возникает вопрос о дальнейшей судьбе бессословной русской интеллигенции. Сколько поколений насчитывает ее история и оправдались ли надежды народников на широкое распространение в обществе идеалистических настроений?

В 80–90-е гг. XIX в. публицисты «Русского богатства», «Недели», «Нового слова», «Сына отечества» с горечью констатировали, что «настоящих» интеллигентов, т.е. тех, кто признавал главным мотивом своей деятельности идеальные стремления (например, идею «расплаты» с народом), по-прежнему катастрофически мало. Зато буржуазная интеллигенция, поставляющая свои знания и талант на службу «сильным мира сего», росла в геометрической прогрессии⁴. Оказалось, что альтруизм, посто-

янно требующий от человека беспощадного самоограничения, это привилегия избранных натур. В большей степени он был свойственен поколению 1870-х гг., а затем по естественным причинам практически сошел на нет. Опираясь на данный факт, некоторые современные исследователи делают вывод, что никаких «следующих» поколений интеллигенции и не было. Все закончилось на семидесятниках или даже людьми шестидесятых годов, если понимать под интеллигенцией носителей контркультуры или новой культурной парадигмы, чуждой традиционному сознанию большинства населения страны¹.

В 1860-1870-е гг. интеллигенция – небольшая маргинальная группа, отождествляющая себя с творцами нового типа сознания и человеческих взаимоотношений. Как пытались показать в своих трудах теоретики легального народничества, появление еще в крепостнической России «критически мыслящих личностей» было не столько следствием внутренних процессов классового образования (многие народники эту связь категорически отрицали²), сколько результатом ее собственной духовно-интеллектуальной эволюции. Но в последние десятилетия XIX в. интеллигенция по ряду причин (рост числа специалистов с высшим образованием; разочарование в народе; ужесточение внешних условий общественной деятельности) начинает тяготиться своим социальным положением и пытается подстроиться под общий ход капиталистического развития страны. Косвенным подтверждением этого факта стало постепенное распространение в народнической литературе (примерно с конца 70-х гг. XIX в.) социально-экономических критериев интеллигенции.

В советской и постсоветской историографии относительно взглядов теоретиков реформаторского народничества на проблему генезиса отечественной интеллигенции высказывались неоднозначные, а порой и противоположные оценки. Во-первых, сами интеллигентоведы не могут точно определить, откуда вести ее родословную: с конца IX или с начала XVIII в., от Н. И. Новикова и А. Н. Радищева или от П. Я. Чаадаева и В. Г. Белинского, от декабристов или от народников? Еще сложнее выделить главные причины и механизмы ее формирования. Одни отстаивают кон-

¹ «Между молотом и наковальней» – заглавие романа Фридриха Шпильгагена (1868 г.). Ныне это крылатое выражение используется историками и публицистами для характеристики положения пореформенной русской интеллигенции.

² См.: *Оранский Н. [Златовратский Н. Н.] Народный вопрос в нашем обществе и литературе // Русское богатство. 1880. № 6. С. 5–6; Л. О. [Оболенский Л. Е.] Народники и г. Достоевский, бичующие либералов // Мысль. 1880. № 9. С. 82, 83; Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 5. Стб. 544, 546.*

³ По поводу внутренних вопросов // *Отечественные записки. 1882. № 10. С. 276.*

⁴ См.: *...енск... [Оболенский Л. Е.] Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1884. № 4. С. 172; [Абрамов Я. В.] Интеллигенция в деревне // Неделя. 1886. № 13. Стб. 446; С. К. [Кривенко С. Н.] По поводу внутренних вопросов // Новое слово. 1895. № 2. С. 201–203; П. С-ский [Соколовский П. А.] Общественная деятельность в провинции // *Сын Отечества. 1900. 19 апреля. № 106.**

¹ *Живов В. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 49.*

² См., напр.: *В. В. Капитализм и русская интеллигенция. С. 30, 43, 52, 54.*

цепцию «диффузного» происхождения интеллигенции (ее суть: всякая социальная группа создает свою интеллигенцию), другие доказывают искусственность ее появления в России, как детища императорской власти, которая вплоть до середины XIX в. оставалась главным субъектом модернизации страны. Наконец, третьи трактуют русскую интеллигенцию как продукт полнейшего дисбаланса социальной структуры России, как аутсайдеров, вынужденных отвечать на «вызов среды» резким повышением своей политической и гражданской активности¹.

Разногласия между исследователями во многом обусловлены различными подходами к пониманию общественной природы русской интеллигенции. Если историки придерживаются социологической трактовки этого феномена, то они, как правило, критикуют народников-субъективистов за преувеличение роли в истории социально-этического фактора. Попытки объяснить возникновение русской интеллигенции идейными и психологическими причинами, например, влиянием на молодежь учения о ее долге перед народом признаются ими теоретически несостоятельными².

Сторонники культурологического подхода видят слабость народнической мысли как раз в стремлении связать историю интеллигенции с историей определенной социальной группы, а именно, разночинцами. По мнению этих исследователей, интеллигенция, как часть образованного русского общества со своей особой маргинальной культурой возникла еще во второй четверти XIX в. из-за несоответствия между социальным статусом данной группы и той особой общественной роли (оппозиции к

существующему в России режиму), на которую она начинала претендовать¹.

В новейшей литературе получил широкое развитие еще один подход к изучению генезиса дореволюционной российской интеллигенции, который рассматривает этот процесс в контексте теории модернизации. Интеллигенция складывается в странах, где в силу неукорененности рыночных отношений и слабости национальной буржуазии роль главного агента социальной эмансипации и национальной интеграции берет на себя просвещенный класс разночинцев².

Нельзя сказать, что запаздывающим типом модернизации России можно объяснить все стороны феномена русской интеллигенции, например, стремление части народников («кающихся дворян») к «опрощению» и уподоблению простому народу. Однако именно данный подход снимает противоречие между идейным и социальным фактором в истории народнической интеллигенции, т.к. позволяет оценивать ее деятельность не как выражение интересов определенных классов и социальных групп (крестьянства, трудовой интеллигенции и т.д.), а как попытку выработать национальную модель постепенной эволюции большинства населения к условиям модернизации страны.

§ 2. Историческое предназначение новой интеллигенции

Все что идеологи легального народничества писали о передовой интеллигенции, в конечном счете, было призвано обосновать ее особую роль в общественной жизни страны. В ответ на требование консервативной печати об «упразднении интеллигенции» они пытались доказать, что она – самая ценная общественная

¹ Подробнее о проблеме генезиса российской интеллигенции см.: Самарцева Е. И. Российская интеллигенция до октября 1917 года (историографический очерк). Тула, 1998. С. 93–120; Пайпс Ричард. Россия при старом режиме. М., 1993. Гл. 10; Возилов В. В., Назаров Ю. Н. Философия интеллигенции: Разум как революционная сила истории. Иваново, 2002. С. 204–225.

² См.: Дворкин В. З. Концепция интеллигенции в социальной философии народничества // Философия и освободительное движение в России. Л., 1989. С. 133–139; Фирсов В. М. Социальная философия либерального народничества (Воронцов В. П., Даниельсон Н. Ф., Каблиц И. И., Южаков С. Н.): Дис. ... канд. филос. наук. М., 1984. С. 73–97; Алексеева Г. Д. Народничество в России в XX в. Идеинная эволюция. М., 1990. С. 198–199; Филиппов А. В. Либеральное народничество и российский марксизм (На материалах публицистики 80–90-х гг. XIX века): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992. С. 62–74.

¹ См.: Живов В. Указ. соч. С. 37–38; Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосмос в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 5–6, 23. Ср.: Хоскинг Джеффри. Россия: народ и империя. Смоленск, 2000. 274–278.

² См.: Интеллигенция и народ [Материалы круглого стола] // Философские науки. 1990. № 7. С. 50–53; Хорос В. Г. Драма интеллигенции // СССР: Демографический диагноз. М., 1990. С. 199; Герасимов И. Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 63, 64, 67; Зверев В. В. Реформаторское народничество... С. 22.

сила. «Не любим мы эту интеллигенцию, знаю я, – писал на страницах «Отечественных записок» С. Н. Кривенко, – но что же делать, если без нее нельзя жить, если она в истории играет теперь большую роль, чем все мечи и пушки, вместе взятые»¹.

Что же давало народникам такую уверенность? Ведь все их крупные акции, начиная с попытки увлечь за собой народ в середине 1870-х гг., неминуемо заканчивались провалами. Почему русские народники оказались «историческими неудачниками»? Правильно ли понимала демократическая интеллигенция 70–90-х гг. XIX в. свое общественное предназначение?

В исторической литературе мессианским настроениям народнической интеллигенции всегда уделялось большое внимание. Однако отношение к ним обычно было довольно скептическое. Считается, что народники сильно преувеличивали свою роль и значение в истории. Они добровольно взвалили на свои плечи заведомо *невыполнимую* задачу – изменить ход русской истории, спасти отечество и народ от «гибельного пути» капиталистического развития, на который страна вступила после отмены крепостного права. Взвалили и, естественно, надорвались.

Помимо обвинений в историческом волюнтаризме, народникам часто приписывают умаление решающей роли в истории народных масс. И хотя в последние годы эта тема по известным причинам отошла в тень, теория «героев» и толпы» Н. К. Михайловского по-прежнему рассматривается как чуть ли не главное доказательство народнического идеализма и субъективизма. А между тем в легальном народничестве были идеологи, которые считали интеллигенцию «бессильной» сделать что-нибудь для страны в одиночку, без опоры на поддержку народа. Некоторые из них, например, Каблиц-Юзов, если и употребляли выражение «великая миссия интеллигенции», то только в ироническом смысле².

Рассмотрим главные положения народнического учения о русской интеллигенции как факторе общественной эволюции. Действительно ли народники отводили решающую роль в истории одной только интеллигенции? Разумеется, нас интересуют в первую очередь идеологи реформаторского народничества.

Поскольку интеллигенция – субъективный (т.е. человеческий, личностный) фактор исторического процесса, прежде всего необходимо проанализировать представления народников о целях и движущих силах исторического процесса. Как соотносятся между собой личность и исторические законы? Возможно ли вообще вмешательство личности в историю? И если возможно, то существуют ли для него какие-то разумные пределы?

Целью общественного развития народники считали «прогресс человека». Их идеалом было всестороннее развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношениях, а не технический прогресс. Дело в том, что развитие производства всегда сопровождалось «разделением человека» и «усложнением общественных отношений», а это, по убеждению народников, препятствовало гармоничному развитию личности, улучшению общественных форм и приближению человека к «царству высшей культуры».

Для народнических теоретиков личность являлась не только целью, но и подлинным *творцом* истории. Ход общественного развития они ставили в прямую зависимость от энергии действующих лиц. «Человечество всегда шло вперед через борьбу идеально честной личности с жизнью за истину и цивилизацию»¹. Обоснованием этого принципиально важного для понимания сущности прогресса положения послужила субъективная социология народничества, у истоков которой стояли Лавров и Михайловский.

По убеждению народников, в истории общества все законы действуют не автоматически, а через человека. В этом их главное отличие от законов, которыми управляется физический и органический мир. Производство, обмен и распределение – это чисто человеческое дело. Поэтому человек здесь выступает не как какой-то служебный механизм или хозяйственный инвентарь, послушное орудие исторического процесса, но как «первая и главная сила» (в ряду условий и сил), направляющая общественную, а, следовательно, и экономическую жизнь².

¹ См.: Кривенко С. Н. Физический труд... С. 253, 295; Каблиц И. И. Основы народничества. Ч. 1. С. 23; Оболенский Л. Е. Народники и марксисты // Исторический вестник // 1899. Т. 76. № 4. С. 233.

² Кривенко С. По поводу культурных одиночек // Русское богатство. 1893. № 12. С. 187; Он же. К вопросу о нуждах народной промышленности // Русское богатство. 1894. № 10. С. 121, 122.

¹ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 193, 281.

² [Каблиц И. И.] Что такое народничество? // Неделя. 1880. № 31. Стб. 981–984; Он же. Пессимизм нашей интеллигенции // Неделя. 1880. № 42. Стб. 1335.

«Исторические законы падают не с неба», – писал Л. Е. Оболенский. Они обусловлены «живыми факторами»: знаниями, идеями, нравственными чувствами и психологией людей¹. При этом одни народники определяющей силой исторического развития считали рост научных знаний. Другие хотя и соглашались с тем, что роль интеллектуального фактора по мере развития человечества возрастает, но пока наука играет «подсобную» роль – главным фактором прогресса, по их мнению, оставались чувства, инстинкты и настроения². Общим для народников было то, что генезис и эволюцию форм государственного и народного быта они представляли как результат развития идей и чувств участвующих в их создании людей, а не способа производства.

Таким образом, личность, вооружившись, в первую очередь, знанием объективных законов, может установить над их действием свой контроль, т.е. вмешиваться в историю и координировать ее ход. Как писал Оболенский, если общество состоит из свободно мыслящих и сознательных личностей, оно может (если захочет) перескакивать через типичные стадии развития (включая капитализм) по своему произволу при условии «подготовленности элементов обществ к нравственным чувствам и привычкам, необходимым на следующей стадии»³.

Однако роль личности в истории не абсолютна. Известный публицист «Недели» Я. В. Абрамов написал по этому поводу специальную статью «Личность в истории», где доказывал, что «поворачивать колесо истории по своему произволу» (для осуществления желаемого идеала) она не может. Возможности личности всегда ограничены условиями времени и среды. Игнорирование их означало бы утрату связи с реальностью⁴. В то же время Абрамов восстает против марксистской теории, отрицающей, по его мнению, значение личных усилий в борьбе за прогресс с инертной

частью общества. Как и все народники, он был убежден, что, осознав действительные потребности своего времени и включившись в борьбу за их удовлетворение, личность может влиять на будущее. Потому что будущее начинается сегодня¹.

Особо следует отметить позицию легальных народников в отношении выдающихся личностей. Многие из них писали о недопустимости сведения истории к деятельности царей, полководцев, иерархов церкви, представителей науки, искусств, литературы. «Жизнь, – замечал по этому поводу Н. В. Шелгунов, – создают не титаны, а обыкновенные люди; историю творят массы обыкновенных людей»². С критикой точки зрения, будто человеческая история совершается *одной* интеллигенцией и даже отдельными личностями, особенно активно выступал Оболенский. По его убеждению, история «есть дело *всех* личностей данного общества, а не отдельных выдающихся личностей; она есть дело целого психологического агрегата, целой коллективной психологии и характера; отдельные же личности лишь потому и возвышаются или падают среди известного общества, что коллективный характер целого либо подымает их на поверхность, либо бросает в Лету». Причины, обобщает свою мысль публицист, «всегда в массе, в целом, т.е. в народе»³.

Здесь уместно вспомнить теорию «героев и толпы» Михайловского, разрабатываемую им с начала 1880-х гг. в связи с попытками практического разрешения народолюбцами проблемы «личность и массы». Цель его изысканий: определить, откуда берутся «герои» и почему они становятся «двигателями» масс. При этом *героем* он называет человека, увлекающего своим примером массу других людей «на хорошее или дурное», а *толпой* – массу индивидов, способную «увлекаться примером... высокоблагородным или низким...»⁴. Исследуя механизм взаимодей-

¹ [Оболенский Л. Е.] О нашей философии и народничестве // Русское богатство. 1883. № 3. С. 719.

² См.: [Каблиц И. И.] Ум и чувство как факторы прогресса // Неделя. 1878. № 7. Стб. 228; Созерцатель [Оболенский Л. Е.] Обо всем // Русское богатство. 1886. № 3. С. 239; В. В. Наши направления. С. 13, 46, 47; Меньшиков М. О. Совесть и знание // Русская мысль. 1895. № 7. С. 103.

³ Н. Н. [Оболенский Л. Е.] Что в обществах следует считать болезнями (Опыт введения в общественную патологию) // Мысль. 1880. № 7. С. 70, 72, 73.

⁴ См.: Абрамов Я. В. Личность в истории // Книжки «Недели». 1896. № 4. С. 6; № 5. С. 173.

¹ Там же. № 5. С. 174. Аналогичную позицию в народническом лагере занимали Л. Е. Оболенский, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко и мн. др. его теоретики. См.: Н. Н. [Оболенский Л. Е.] Что в обществах следует считать болезнями. С. 60; В. В. Из истории нашего общественного развития. С. 141; Кривенко С. Н. Физический труд... С. 222.

² Языков Н. [Шелгунов Н. В.] Идеализм всепримиряющей любви // Дело. 1874. № 12. С. 27.

³ [Оболенский Л. Е.] Наше направление // Мысль. 1882. № 12. С. 292, 293.

⁴ Михайловский Н. К. Герои и толпа. Избр. тр. по социологии: В 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 6.

ствия между ними, Михайловский приходит к убеждению, что героев создает сама толпа, точнее «та же среда, которая выдвигает и толпу, только концентрируя и воплощая в них (великих личностях. – Г. М.) разрозненно бродящие в толпе силы, чувства, инстинкты, мысли, желания»¹.

Интересен главный практический вывод публициста и социолога из его экскурсов в психологию массовых движений. «Кто хочет властвовать над людьми, заставить их подражать или повиноваться, тот должен поступать, как поступает магнетизер, делающий гипнотический опыт. Он должен произвести моментально столь сильное впечатление на людей, чтобы оно ими овладело всецело...»². Сам Михайловский находил ненормальным такое положение, когда массы бессознательно идут за своими вождями, когда все их действия носят сугубо подражательный характер. Но чтобы толпа превратилась в народ, требовалось развитие в каждом «человеке массы» независимого мышления, индивидуальности, активного творческого начала. В России необходимые для этого внешние условия пока еще отсутствовали³.

Итак, история делается живыми людьми. Энергичная личность может влиять на ход истории, выбирая один из возможных вариантов развития событий. Этот вывод существенно повышал социальный статус народнической интеллигенции, по крайней мере, в ее собственных глазах. С другой стороны, активное участие интеллигенции в борьбе за право стать у руля истории налагало на нее колоссальную ответственность за будущее страны. Понимали ли это легальные народники? Безусловно. Их требования общественных преобразований опирались на хорошо продуманную систему доводов. Перечислим некоторые из них.

Россия – отсталая страна, шествующая, по образному выражению Кривенко, «в хвосте европейской цивилизации». Ее народ беден, страдает от малоземелья и всевозможных платежей, прозябает в темноте и невежестве. Общество бесправно и незащищено перед произволом администрации и может только мечтать о тех буржуазных свободах, которыми пользовалось население Западной Европы. В стране сохраняется огромное количество феодальных пережитков в лице самодержавно-бюрократической

системы управления, помещичьего землевладения, подушной подати, паспортной системы и т.д. В целом картина русской жизни на страницах народнической печати получалась довольно мрачной и беспросветной. Светлые краски в ее изображении присутствовали только в виде редких белых пятен. Писатели, позволившие себе заговорить о реабилитации русской жизни, о каких-то «светлых явлениях» и «бодрящих впечатлениях», тут же подвергались публичной критике и осмеянию как, например, Абрамов во второй половине 1880-х гг.

Пореформенная Россия, только начинавшая освобождаться от застойных явлений крепостной эпохи, конечно, была далека от совершенства. Но чтобы не видеть за омрачающими ее бытие противоречиями ростки новой жизни, оживление промышленности, начало разрушения заскорузлости деревенского мира, развитие общественной самодеятельности, успехи народного просвещения и общий подъем культурной жизни страны? На то должна быть какая-то особая причина.

Если отбросить свойственную всем русским демократам XIX в. демагогию по поводу антинародности царского режима, якобы главного источника народных страданий, то остается только одна причина, которая могла побуждать народников ставить вопрос о коренном переустройстве России. Это их общественные идеалы социальной справедливости, свободы и равенства, с высоты которых современная русская жизнь и вправду казалась каким-то жалким прозябанием, недостойным высокого звания Человека. Она была достойна только смертного приговора.

Подход к действительности с точки зрения того, какой она должна быть в идеале, выдает в русских народниках типичных романтиков. Наверное, не случайно средний возраст участников народнического движения колебался в пределах от 21 до 25 лет¹. Учеба закончена, своей семьи и постоянной работы еще нет. Самое время для реализации грандиозных планов о том, как освободить свой народ от всех зол современного мира.

До Октябрьской революции передовую русскую интеллигенцию нередко сравнивали с Прометеем, подарившим людям лепе-

¹ Михайловский Н. К. Герои и толпа. Т. 2. С. 6.

² Там же. С. 91.

³ Там же. С. 67, 73, 85.

¹ Лурье Л. Я. Некоторые особенности возрастного состава участников освободительного движения в России (декабристы и революционеры-народники) // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1978. Вып. 7. С. 77.

стки божественного огня¹. Благородство помыслов народнической интеллигенции делает ей честь. Только стал ли занесенный ею в Россию огонь источником света и тепла? И почему вообще русский Прометей оказался социалистом?

Социализм в Европе нового времени был по своей природе учением антибуржуазным – болезненной реакцией на «дикий» (законодательно неурегулированный) капитализм эпохи первоначальной конкуренции. Один из парадоксов истории отечественной интеллигенции заключается в том, что социалистические идеи проникли в ее среду задолго до утверждения капитализма в России.

Попробуем обобщить основные причины неприятия народнической интеллигенцией капитализма, т.к. именно здесь следует искать первоисточник развития в ее среде мессианских идей и настроений.

Имея перед собой опыт Западной Европы и свой собственный (российский), народники считали капиталистический путь развития человечества тупиковым. Несмотря на значительные успехи в обобществлении производства и труда и общего повышения уровня жизни населения, капитализм не устранял главной, по их мнению, причины «торжествующего в жизни зла» (бедственного, угнетенного положения одних и, соответственно, благоденствия и процветания других). Этой причиной являлось несправедливое общественное разделение труда. Процитируем по этому поводу несколько отрывков из книги Кривенко «Физический труд как необходимый элемент образования».

Самым важным событием истории, оказавшим решающее влияние на ее ход, Кривенко считал разделение умственного и физического труда. На самых первых ступенях цивилизации между людьми произошло такое распределение занятий, при котором физический труд стал наследственным, прирожденным уделом одних, а умственный труд – уделом других. Никаких оснований – ни физиологических, ни биологических, ни социально-экономических для подобного распределения не было. «Человечество, – писал народнический публицист, – не руководствовалось при этом никакими соображениями, кроме расчетов узкого

своекорыстия тех, которые были сильнее, проворнее или хитрее других». Заняв привилегированное положение в обществе путем образования каст и сословий, поставив на свою службу государство, взяв под контроль его внутреннюю и внешнюю политику, эта тунеядствующая олигархия стала беспрепятственно эксплуатировать массы. Так образовалось два лагеря, две партии, два противника: люди, желающие жить собственным трудом, и люди, стремящиеся к жизни без труда¹.

История эта, продолжает Кривенко, повторялась почти каждым народом с незначительными изменениями. Патриции и плебеи, феодалы и города, гвельфы и гибеллины, фритредеры и протекционисты, крепостники и либералы – все они враждовали из-за одного и того же вопроса о благосостоянии. В итоге борьба за то, чтобы «с одной стороны, не только захватить продукты чужого труда, но и поставить представителей его в такую от себя зависимость, чтобы можно было их эксплуатировать, а с другой – не дать своего имущества и не стать в зависимость» – стала основным явлением истории, главным стимулом всех исторических событий. «Дарвиновский закон борьбы за существование проявился здесь (на первых ступенях цивилизации. – Г. М.) со всей своею естественною наготою и даже цинизмом, на который, кажется, способен только один человек из всего царства животных. Эксплуатация масс была обращена в целую систему..., которая, мало-помалу совершенствуясь, дошла, наконец, до того изумительного совершенства и деликатности, в каком мы ее встречаем в цивилизованной Европе нашего времени»².

Последствия односторонней деятельности человека, по мнению Кривенко, довольно печальны. Это хаос в экономике как следствие ее стихийного развития от кризиса к кризису³. Это жизнь, полная лишений для тех, кто вынужден был заниматься только физическим трудом и кормить значительную часть исключенного из непосредственного производства населения (например, в России из четырех человек главные полевые работы выполнял только один). Это начало физического вырождения и умственной деградации человечества, причем слабоумие и идио-

¹ Кривенко С. Н. Физический труд... С. 105, 106.

² Там же. С. 104, 106, 279.

³ См.: [Кривенко С. Н.] Экономические кризисы (По Макс Вирту) // Отечественные записки. 1878. № 6, 7.

¹ См., напр.: Литературное наследие Г. В. Плеханова: сб. 4. Борьба с народничеством. М., 1937. С. 94.

тизм особенно быстро распространялись среди подрастающего поколения. Это дурное нравственное состояние общества, моральный кодекс которого основывался на стремлении к богатству, общественному положению и власти, что вело к личному соперничеству и разладу общественной жизни¹.

Примерно такие же взгляды на последствия узкой специализации труда при капитализме развивали и другие теоретики легального народничества. Например, близкий друг Кривенко – Михайловский еще в своей первой крупной работе «Что такое прогресс?» доказывал, что дифференциация общественных функций ведет к разрушению естественной целостности личности. «Мускульная система у одних стала развиваться в ущерб нервной системе, а у других, наоборот»². В итоге человеческая личность обезличивается настолько, что превращается в «палец от ноги». Для преодоления крайностей разделения труда народники предлагали обобществить производство и обмен, и регулировать их обществом по заранее обдуманному плану, т.е. заменить товарное производство «производством более правильным», при котором «двигателями труда» будут не нужда, деньги и конкуренция, а природная потребность человека в труде и сочувствие его обществу благополучию³.

Еще одна причина категорического неприятия капитализма заключалась в специфических особенностях его развития уже непосредственно в России. По убеждению народнических теоретиков, русский капитализм в силу своей искусственности (принудительного насаждения сверху) не мог выполнить той прогрессивной роли (обобществления производства и труда), которую он сыграл в Европе⁴. Однако к этому выводу противники капитализма придут только в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. Два предыдущих десятилетия их протест против капитализма был скорее превентивной мерой, т.к. возможность его проникновения за границу крестьянского мира тогда еще считалась маловероятной. Не случайно одним из мотивов создания теории русского

социализма была забота о судьбах не только собственного народа, но и всего человечества.

Родоначальник русского социализма А. И. Герцен обратил свои взоры к крестьянской общине только после того, как окончательно разочаровался в социалистических перспективах Запада. В своих статьях «Россия», «Старый мир и Россия», «Революция в России», написанных в 1850-х гг. для европейского читателя, он стремился доказать «старым» и «дряхлым» западным народам, что именно Россия и славянский мир призваны омолодить историю человечества. Мещанская Европа «изживает свою бедную жизнь в сумерках тупоумия...»¹. «В России ничто не окаменело; все в ней находится в текучем состоянии, все к чему-то готовится...»². Готовилась она к социалистической революции, к которой, по мнению Герцена, русский народ был намного ближе европейцев, поскольку русский социализм шел «от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления...»³.

Оптимизм Герцена в отношении крестьянской общины как ячейки будущего социалистического строя в конце 1850-х гг. получил подробное экономическое обоснование в трудах Н. Г. Чернышевского («О поземельной собственности», «Критика философских предубеждений против общинного владения землей», «Суеверия и правила логики»). «Каждый земледелец должен быть землевладельцем». Таков для Чернышевского идеал земельной собственности. Преимущество общины он видел в возможности соединить в ней «выгоду земледельца с улучшением (обработки. – Г. М.) земли»⁴. Главный вывод Чернышевского: сохранив у поселян общинное владение землей, Россия могла избежать капитализма⁵. Интересно, что Карл Маркс считал Чернышевского великим ученым и специально выучил русский язык, чтобы познакомиться с его экономическими работами.

¹ Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966. Т. 6. С. 109.

² Герцен А. И. Старый мир и Россия // Там же. Т. 12. С. 185.

³ Герцен А. И. Порядок торжествует! // Там же. Т. 19. С. 193.

⁴ Чернышевский Н. Г. Критика философских предубеждений против общинного владения землей // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939–1953. Т. 5. С. 378.

⁵ Чернышевский Н. Г. Ответ на замечания г. провинциала // Там же. Т. 5. С. 152–153.

¹ Кривенко С. Н. Физический труд... С. 145, 159, 175, 213.

² Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 1. Стб. 32.

³ Кривенко С. Н. Физический труд... 222, 231.

⁴ В. В. [Воронцов В. П.] Судьбы капитализма в России. СПб., 1882. С. 4–5; Оболенский Л. Е. Новый раскол в нашей интеллигенции // Русская мысль. 1895. № 9. С. 11–12.

Для народников-реформистов учение об общинном социализме на долгие годы стало практическим руководством к действию. Конечно, у реального мужика было много недостатков (не развитость личности, косность мысли, строгая приверженность к традициям и обычаям), порожденных тем же общинным бытом. Но эта отсталость имела, по мнению, например, П. П. Червинского и В. П. Воронцова, одно очень важное преимущество в виде «передовой общественности», развитого чувства взаимопомощи и коллективизма¹.

Главную задачу русской жизни легальные народники по-прежнему видели в том, чтобы попытаться сохранить поземельную общину и развить ее в «высший тип»². Для этого, как писал Успенский, надо было «удержать мужика на крестьянской трудовой почве, расширив личный труд до размеров труда общественного». Причем, по мнению писателя, эта задача интеллигенции совпадала с «тайными, но не умевшими высказаться желаниями трудящихся людей»³.

Для обоснования данной программы теоретики легального народничества разработали ряд оригинальных теоретических схем, из которых выделяется учение Михайловского о «типах и степенях развития».

Тип общественного развития Михайловский соотносил со своим пониманием идеала прогресса, а степень – с эволюцией культуры и производительных сил. Общество может достичь высокой степени развития, но быть низким по типу и наоборот. Капитализм по степени развития выше патриархальной общины, но община была выше капитализма по типу развития, т.к. в ней труд разделяется не между людьми, а между органами человека. Для Михайловского капитализм – регресс, потому что он «нивелирует личность». По этой причине он предлагал сохранить общину как

тип развития, но дать этому типу возможность подняться на высшую ступень¹.

Еще в середине семидесятых годов народники воспринимали общину как своего рода «палладиум» России, на котором, по словам Червинского, следовало написать «сим победише»². Но уже к концу этого десятилетия под влиянием проникновения в деревню капитализма количество оптимистов начинает стремительно сокращаться. Ярким выражением новых настроений в народничестве служит статья Кривенко «Новые всходы на народной ниве» (1879 г.).

В этой статье публицист «Отечественных записок» дает общую характеристику внутреннего положения России, определяя его переломным и критическим. Главный признак нового времени – появление в стране ростков 3-го сословия. Отношение Кривенко к новому сословию, именуемому им «плутократией», «саранчой», «рыцарями наживы», крайне отрицательное. В его понимании буржуазия несла народу новое рабство и еще большее обнищание, ибо она не преследовала иных целей кроме личного обогащения за счет эксплуатации чужого труда. Используя потребность государства в развитии промышленного производства и бедность рабочих классов, энергичная «плутократия» стремилась изменить ход исторического процесса в свою пользу. Искусственно стимулируя выделение из народной среды «мироедов» (Колупаевых и Разуваевых), буржуазия добивалась начала массовой пролетаризации крестьянства. В результате крестьянское общество быстро раскалывалось на кулаков и батраков, на деревенскую буржуазию и пролетариат. Скрывать данные факты, по мнению Кривенко, означало потворствовать разрастанию этих «грустных явлений» до ужасающих размеров. Его главный вывод для многих прозвучал как откровение: «настоящая наша община еще не бог весть какая гарантия (от сельского пролетариата. – Г. М.)»³.

Признание начала разложения общины повергло народническую мысль в состояние затяжного идейного кризиса. Выходом из него стала не только политизация русского народничества, но

¹ П. Ч. [Червинский П. П.] Отчего безжизненна наша литература? // Неделя. 1875. № 44. Стб. 1432; [Воронцов В. П.] Народничество Юзова и В. Пругавина // В. В. От семидесятых годов к девятисотым. С. 77.

² См.: Каблиц И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 145, 146; Созерцатель [Оболенский Л. Е.] Обо всем // Русское богатство. 1884. № 12. С. 719; Пругавин В. С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888. С. 280, 293–295.

³ Успенский Г. И. «Трудовая жизнь» и «труженичество» (Литературные и общественные заметки) // Русская мысль. 1887. № 9. С. 6.

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 1. Стб. 60–61; Т. 3. Стб. 500, 501, 515; Т. 5. Стб. 761–762.

² П. Ч. Отчего безжизненна наша литература? Стб. 1427. См. также: Он же. Наша национальная особенность // Неделя. 1875. № 31. Стб. 1009.

³ [Кривенко С. Н.] Новые всходы на народной ниве // Народническая экономическая литература: Избр. произведения. М., 1958. С. 349, 356–360, 363.

и разработка, главным образом легальными народниками, новой антикапиталистической теории развития России. В исторической литературе обоснование этой теории обычно связывается с экономическими трудами «Дон-Кихота русской общины» В. П. Воронцова¹. Они укрепили веру русской интеллигенции в ее идеалы, в «общественный дух и артельные привычки» русского крестьянства, как залог более справедливого общественного устройства. Говоря словами Ричарда Уортмана, это был «умственный подвиг высшего класса». Два десятилетия разработанная Воронцовым теория «мертворожденности» русского капитализма служила «главной линией обороны народнической веры»².

Аргументы Воронцова в доказательство невозможности создания в России крупной капиталистической промышленности и необходимости развития народной (коллективной) формы производства достаточно подробно исследованы историками и экономистами. Это узость внешнего рынка для сбыта произведений крупной промышленности и постепенное сокращение рынка внутреннего, под влиянием пауперизации населения. «Неопровержимые успехи» капитализма в России Воронцов объяснял результатом его искусственного насаждения правительством и оценивал эту политику как близорукую³.

Впоследствии марксистские историки найдут против теории рынков «В. В.» и его единомышленника Н. Ф. Даниельсона немало контраргументов. Так, Ф. М. Сулова докажет, что в 1880-е гг. в экономике России действительно произошли спад производства и сокращение потребления промышленных товаров внутри страны, но все это носило временный характер⁴. В 1890-е гг. экономиче-

ский кризис сменился бурным промышленным подъемом, положившим начало «русскому экономическому чуду». Тем не менее, признать антикапиталистическую теорию народников полностью ошибочной тоже нельзя.

В 90-е гг. XX в. идеи Воронцова и Даниельсона о самобытном укладе российского хозяйства получили развитие в трудах ученых-экономистов, занятых разработкой современной теории реформирования страны. В. Т. Рязанов, подробно проанализировавший эволюцию теорий модернизации, включая появление незападных ее моделей, сделал следующий вывод. Цивилизационный подход, если его очистить от примитивной апологетики западной цивилизации, в значительной степени ориентирован на многовариантность общественно-экономического прогресса и предполагает учет культурной и национально-хозяйственной специфики стран, включившихся в процесс перехода от традиционного к современному (индустриальному) обществу¹. Главную заслугу народников Рязанов увидел в том, что именно они фактически первыми разработали систему научных взглядов и политических решений, которую можно обозначить как формирование стратегии российского пути в экономическом развитии.

Особо следует отметить, что народники не отрицали перспективы создания в России крупного промышленного производства. Суть народнического плана социально-экономической модернизации России, подробно обоснованного в статьях Воронцова и Даниельсона, состояла в развитии земледелия и промышленности путем постепенного утверждения социализированной (артельной, кооперативной, государственной) экономики. При этом они предлагали сделать ставку на расширение внутреннего рынка (т.е. рынка потребительских товаров и прежде всего агропродуктов). И только накопив ресурсы, оздоровив хозяйство и обеспечив тем самым начальную самоиндустриализацию, России следовало активно включаться в мировые хозяйственные связи. Иначе ей грозило превращение в сырьевой придаток развитых капиталистических стран².

¹ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 94–99.

² Подробнее см.: Рачков М. П. Политико-экономические прогнозы в истории России. Иркутск, 1993. С. 17–20; Зверев В. В. Реформаторское народничество... С. 253–254; Жвания Д. Д. Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–

¹ См.: «Судьбы капитализма в России» (СПб., 1882); «Очерки кустарной промышленности в России» (СПб., 1886); «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» (СПб., 1892); «Крестьянская община» (СПб., 1892). За последний труд Вольное экономическое общество наградило В. П. Воронцова престижной премией.

² Wortman R. The Crisis of Russian Populism. Cambridge, 1967. P. 160.

³ Подробнее см.: Расков Д. Е. В. П. Воронцов об экономическом развитии России // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 1997. Вып. 3. С. 110–113; Зверев В. В. Н. Ф. Даниельсон, В. П. Воронцов: капитализм и пореформенное развитие русской деревни (70-е – начало 90-х гг. XIX в.) // Отечественная история. 1998. № 1. С. 162–166.

⁴ Сулова Ф. М. Ф. Энгельс и социально-экономическая мысль России // Энгельс и проблемы истории: Сб. ст. М., 1970. С. 310–311.

Итак, капитализм пугал народников прежде всего тем, что целью общественного развития здесь признавалось всестороннее совершенствование производства, а не личности, что противоречило народнической формуле прогресса. Кроме того, капитализация России с самого начала приняла уродливые формы «кулацкого» (торгово-ростовщического) капитализма. Такой капитализм мог только разрушать самобытные формы народного производства, разоряя тем самым основное население страны. В созидательные возможности русского капитализма народники не верили и считали его не прогрессом, а регрессом.

Если русская буржуазия, целиком и полностью зависящая от самодержавия, не могла взять на себя решение задач перехода от аграрного общества к индустриальному (как это было в Западной Европе нового времени), то кто мог это сделать? Собственно никаких сомнений на этот счет у народников никогда и не было. Единственной силой в России, способной спасти отечество от «горестных путей западноевропейского экономического развития», они считали демократическую интеллигенцию¹. Она одна осознавала необходимость радикальных общественных преобразований и готова была взять на себя ответственность за судьбу страны. Сомнения касались вопроса, как она должна действовать, точнее, в чем должны состоять ее ближайшие практические задачи по отношению к народным массам.

В 70-е гг. XIX в. данные вопросы решались по схеме, предложенной идеологами революционного народничества. Суть ее состояла в следующем: массы пассивны, но способны прийти в движение под влиянием внешнего фактора, как это не раз случилось во время крестьянских восстаний. Будет ли это призыв к бунту или какие-то экстраординарные события (голод, стихийные бедствия и т.п.) принципиального значения не имело. Интеллигенция могла начать действия и без народа, отводя массам (до поры до времени) роль сторонних наблюдателей. Но всегда обязанность *почина* и *инициативы* переворота возлагалась на передовую интеллигенцию. Наиболее яркими сторонниками «теории

толчка» были народовольцы¹. Правда, некоторые идеологи революционного народничества, например, Лавров, выражали сомнения в возможности поднять народ на революцию таким «прямым» путем (без предварительного воздействия на народное сознание), но к концу 1870-х гг. они сдали свои позиции крайним радикалам.

В 80-90-е гг. XIX в. представления народнической интеллигенции о своих возможностях стали более адекватными русским условиям. Среди народников-реформистов все чаще раздавалась критика радикальной интеллигенции за преувеличение ее влияния на жизнь народа, за уподобление его человеческому материалу, который только под руками интеллигенции превращается в культурное общество. По признанию Златовратского, в 1860-е – 1870-е гг. самостоятельной роли интеллигенции в истории придавалось чрезмерно преувеличенное значение. Эти годы показали «как бессильна интеллигенция во всем, что еще не вошло в сознание народа или не стало еще его жгучей потребностью, которая должна быть удовлетворена во что бы то ни стало». Они заставили внимательнее присмотреться к действительности и только в ней черпать указания на тенденции будущего². О том, что русская интеллигенция для успеха своей исторической миссии должна была исходить не из законов истории, а из реальных потребностей народных масс, научившись жить их жизнью, писал и Воронцов³.

Усложнение представлений о механизме общественных преобразований существенно повлияло на понимание идеологами реформаторского народничества практических задач (функций) русской интеллигенции. Судя по их высказываниям в статьях и книгах 1880–1890-х гг., можно выделить три главные направления деятельности демократической интеллигенции.

Культурно-просветительская функция интеллигенции в общих чертах сводилась к умственному и нравственному воздействию на народ с целью приобщения его к благам просвещения

¹ См., напр.: Тихомиров Л. А. Желательная роль народных масс в революции // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 92; Заявление группы народников // Там же. С. 94.

² [Златовратский Н. Н.] Народничество // Настольный энциклопедический словарь Гранат. М., 1901. Т. 6. С. 27.

³ В. В. Наши направления. С. 48, 56.

90-е гг. XIX в. (В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 283–285; Рязанов В. Т. Указ. соч. С. 216–217.

¹ Южаков С. Н. Дневник журналиста // Русское богатство. 1896. № 12. С. 106–107.

и цивилизации, которыми пользовалась она сама. Простой народ неграмотен, полон суеверий и самых нелепых предрассудков, опутывающих его жизнь со всех сторон. Бороться против них можно было только одним оружием – знаниями. Поэтому педагогическая, воспитательная миссия признавалась всеми народниками как «святая и необходимая». Интеллигенция обязана была «явиться к народу и внести к нему яркий факел положительного знания и дух положительного мышления»¹. В то же время вопрос «чему учить народ?» каждая народническая фракция решала по-своему.

Часть народников под «просветлением» народного разума понимала сообщение трудящимся массам знаний, необходимых им для выживания в условиях развития в деревне «кулацкого» капитализма. Особенно настаивали на такой трактовке учительской миссии интеллигенции публицисты «Недели» и «Русского богатства» (при Кривенко и Оболенском). Например, в начале 1880-х гг. в «Русском богатстве» была помещена статья А. П. Мичурина под красноречивым названием «Какая польза от одной только грамотности?». По мнению автора, распространение народных школ, «дающих хотя бы и одну простую грамотность» и «чтения евангелия», может не только помочь поднять народную нравственность и материальное благосостояние, научить народ пользоваться своими правами и действительно самому управлять собой (в рамках крестьянского самоуправления). Польза от простой грамотности еще и «в ускорении процесса образования и выделения из народа идейных людей и лучшей части народа и ускорение чрез то общественного прогресса в России»².

Народнические публицисты Михайловский, Воронцов, Протопопов видели основную просветительскую задачу интеллигенции в распространении в народе гуманных и просветительских идей, способных пробудить в нем сознание недовольства своим положением и необходимости изменения традиционных устоев и внешних условий жизни. Все это было необходимо для включе-

ния народных масс в состав активных общественных сил, борющихся за создание нового мира¹.

Особую позицию по вопросу о народном просвещении занимал Каблиц-Юзов. По его убеждению, в 80-е гг. XIX в. главная задача интеллигенции состояла не столько в дальнейшем развитии народного сознания (эта работа была затруднена правительством), сколько в осуществлении того, что «уже создано давно и что давно уже ждет своего воплощения в жизнь», например, разрешение земельного вопроса. Этим Каблиц хотел сказать, что народу нужны не «вещатели истины», а практические помощники в его повседневной борьбе за существование².

Вторая функция – *социально-реформаторская* или обновляющая, как называли ее сами народники. Она была связана со стремлением демократической интеллигенции содействовать развитию страны по пути общественного прогресса. Такое содействие заключалось в отрицании (критике) старого феодально-крепостнического и нового буржуазного порядка; указании наиболее приемлемого для России общего направления или схемы общественной эволюции, а также форм быта, отвечающих новым потребностям страны; преодолении инертности общества, направлении его в «известную» сторону (путем формирования нового общественного самосознания) и руководстве им в случае проявления инициативы³. Образным выражением этой позиции народников служит сравнение интеллигенции с кормчим, стоящим у компаса (а не у руля) и указывающим куда плыть, а также с лоцманом, следящим за фарватером и выкрикивающим, где какая глубина и где находятся камни и мели⁴.

Особо следует выделить вопрос об интеллигенции как разработчике новых общественных идеалов и соответствующих им форм быта. Многие народники считали интеллигенцию чуть ли не единственной умственной силой, которой творится общественное и государственное сознание и, следовательно, главным

¹ См.: Алексеев Л. [Паночини Л. А.] Почему вскипел бульон и почему теперь только мы обращаем на это свое внимание // Русское богатство. 1880. № 12. С. 61; [Каблиц И. И.] Роль интеллигенции. Стб. 252, 254; Ан-ский С. А. [Ранпорт С. А.] Очерки народной литературы // Русское богатство. 1892. № 7. С. 154–155.

² Русское богатство. 1881. № 9. С. 30.

¹ См.: Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 3. Стб. 778, 780; Т. 5. Стб. 443, 444; В. В. Наши направления. С. 97, 98, 107, 196, 208; Протопопов М. Последовательный народник // Русская мысль. 1891. № 6. С. 105.

² [Каблиц И. И.] Пессимизм нашей интеллигенции. Стб. 1338–1339.

³ См.: В. В. Наши направления. С. 50, 58, 107–114; Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 112; Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 5. Стб. 515.

⁴ Н. Ш. Очерки русской жизни. 1889. № 11. С. 166.

орудием прогресса. Например, публицист «Дела» Шелгунов доказывал, что только интеллигенция «знает и видит все, и только она дает всему направление, ибо она есть созидательная сила и в этой роли – ее государственная функция»¹. «Народ, – развивает он свою мысль, – конечно, основная сила, но все бытовое и традиционно установившееся только тогда получает общественный и государственный смысл, когда оно возведено в сознание. Этой-то созидательной силой и является интеллигенция»². В качестве главного агента социальной эмансипации России признавали демократическую интеллигенцию и сотрудники «Отечественных записок».

Противоположную позицию по вопросу о соотношении роли в общественных преобразованиях интеллигенции и народа отстаивал Каблиц-Юзов, который, как известно, главным творцом новых форм общественной жизни признавал только «коллективную мысль» народных масс. Для ортодоксального народника мнение о том, что какая-нибудь маленькая группа людей может совершить «миссию общественной реформировки», являлось абсурдом. «Пора, – пишет Каблиц, – перестать верить в чудодейственную деятельность каких-то гигантов человеческого рода...». «Истинный... общественный прогресс бывает только там, где общественное дело двигает не одна интеллигенция, а весь народ». «Вне его мы нуль...»³. Поэтому настоящая (народная) интеллигенция должна была стремиться к избавлению народа от «вредного» влияния интеллигентов-бюрократов, действующих наперекор всем стремлениям и желаниям народных масс⁴.

С критикой насильственного насаждения нового общественного строя сообразного с идеалами и понятиями одной только интеллигенции часто выступал лучший друг Каблицы Оболенский. По его словам, Михайловский как один из наиболее авторитарных представителей прогрессивной русской интеллигенции «хотел бы явиться опекуном народным, навязывающим народу реформы по собственному усмотрению», тогда как направление

реформам должен дать сам народ. Задача интеллигенции (считающей себя народнической) – облечь мысли и желания народа в свои «разумные, просвещенные формы»¹.

О бессилии передовой русской интеллигенции в «социальном творчестве» писал в своих статьях другой идейный противник Михайловского – Воронцов. Он также исходил из того, что правильная теория грядущей действительности не может быть построена в кабинетах, т.е. абстрактно. Основы новых общественных форм закладываются самой жизнью. Теория лишь систематизирует и обобщает то, что создается коллективной деятельностью класса. Иначе говоря, «обоснователи» теории должны принадлежать к тому общественному слою, который «является активным агентом в фактически развивающемся процессе смены одной формы другою»².

Как видно, по вопросу о том, кто является подлинным творцом социального прогресса (интеллигенция или народ) у легальных народников существовали серьезные разногласия. Однако нельзя не заметить, что независимо от решения данного вопроса взаимоотношения внутри этого тандема строились по одной и той же схеме: активная сторона (интеллигенция) пытается воздействовать на пассивную сторону (народ), чтобы привести его в движение. Для этого используются три основных метода. Левое крыло народнической интеллигенции выступало за директивное управление массами; правое – за воздействие путем не принуждения, а убеждения, нравственного авторитета, подстраиваясь под понимание народом собственных потребностей и интересов; центристы – за развитие между интеллигенцией и народом партнерских отношений.

Третья функция интеллигенции – *коммуникативная* или объединительная. Ее содержание сводилось к посредничеству демократической интеллигенции между различными частями нации (со времен Петра I разделившейся на общество и народ) с целью налаживания между ними диалога и сотрудничества. Обоснованием этой задачи интеллигенции служили различные историко-социологические теории легальных народников. К примеру, Во-

¹ Неизданная записка Н. В. Шелгунова // Каторга и ссылка. 1929. № 7–8 (57–58). С. 165.

² Н. Ш. [Шелгунов Н. В.] Внутреннее обозрение // Дело. 1881. № 3. С. 120.

³ [Каблиц И. И.] Пессимизм нашей интеллигенции. Стб. 1335, 1338; Он же. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 145.

⁴ Там же. С. 128.

¹ Л. О. [Оболенский Л. Е.] Провинциальные критики. Литературные заметки // Мысль. 1881. № 3. С. 411.

² В. В. Наши направления. С. 102–103.

ронцов выделял в развитии общества три стадии: первобытную однородность; сословную разобщенность, связанную с развитием в обществе неравенства и соперничества между людьми; и, наконец, сближение всех общественных групп на основе развития кооперации и сотрудничества, в чем особая роль отводилась бессословной интеллигенции¹. Схожие по смыслу интерпретации общего направления развития человеческой истории разрабатывали Михайловский, Южаков, Каблиц-Юзов².

Разумеется, конкретные пути сближения народа и общества каждая народническая фракция видела по-своему. Здесь важно подчеркнуть, что в конечном итоге все должно было свестись к формуле, изложенной в 1881 г. Кривенко в журнале «Отечественные записки». «Интеллигенция и народ разделены еще теперь, но непременно соединятся в будущем. Народ должен быть и интеллигенцией, а интеллигенция и народом. Третьи лица этот союз или поглотит, или выбросит вон»³. То есть рано или поздно Россия должна была стать социально однородным обществом, без осуждаемого народниками разделения всего населения страны на работников умственного и физического труда.

В последнее время в исторической литературе по существу возрождается народническое определение интеллигенции как особой социально-духовной силы, не связанной непосредственно с интересами какого-либо сословия или класса⁴. Если следовать логике данного подхода, то мы должны будем признать наличие у нее специфической исторической задачи, которая не стояла перед интеллигенцией других европейских стран.

В новое время Западная Европа вступает в период модернизации, в ходе которой осуществлялся переход от сословной структуры

общества к классовой. Главной движущей силой этих процессов была молодая европейская буржуазия. В России «третье сословие» заявило о себе как о самостоятельной политической силе только в начале XX в. Поэтому в пореформенные годы роль *ведущей* (организующей и направляющей) силы социального прогресса попыталась взять на себя так называемая новая русская интеллигенция. В отличие от других социальных групп ее представители обладали всем необходимым (от идеологии до независимого материального положения) для того, чтобы позиционировать себя в качестве оппозиции существующему в стране политическому режиму.

Идеологи реформаторского народничества, выражавшие взгляды значительной части демократической интеллигенции, видели свое предназначение в разработке такого комплекса идей и представлений, который должен был содействовать образованию в народе самостоятельной общественной силы, способной к систематической борьбе за необходимые реформы. *Великая миссия* передовой русской интеллигенции, по мнению не только Михайловского и его ближайшего идейного окружения, но и теоретиков «Недели» и «Нового слова», состояла в создании условий для демократизации страны в ее специфическом народническом понимании. Все легальные народники надеялись ускорить ход социального прогресса в России путем приобщения к нему простого народа. Другой вопрос, почему народническая интеллигенция, несмотря на многочисленные попытки, так и не смогла стать духовным вождем народных масс?

§ 3. Идея образования «народной» интеллигенции

Разрабатывая общую концепцию демократизации России, русские народники прекрасно понимали невозможность утверждения ее в жизни без понимания и поддержки народа. Демократия (от греч. *demokratia* – народовластие) без народа – это лжедемократия. Не случайно главной практической задачей для всего народнического движения 60–90-х гг. XIX в. стало «наведение мостов» между передовой русской интеллигенцией и народом.

Решение данной задачи потребовало от народников поистине титанических усилий и больших жертв. Дело в том, что стремление к сближению было односторонним – от интеллигенции к на-

¹ В. В. Критик народничества. С. 9–10.

² Подробнее см.: История философии в СССР: В 5 т. М., 1968. Т. 3. С. 281–282, 290; Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л., 1978. С. 180–181, 186.

³ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 103.

⁴ См.: Смирнов Н. Н. Российская интеллигенция: к вопросу о дефинициях // Историк и революция. СПб., 1999. С. 50–51; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 2. С. 110; Романовский С. И. Нетерпение мысли или исторический портрет радикальной русской интеллигенции. СПб., 2000. С. 60; Барзилов С. И., Чернышов А. Г. Самоидентификация российской интеллигенции: Политсимволы и механизмы // Свободная мысль. 2001. № 12. С. 34–35.

роду. На практике это означало, что народники могли прийти до какого-то определенного пункта, дальше которого начиналась что-то очень похожее на полосу отчуждения. Ее обычно создают на своих границах государства, опасаясь внезапного нападения соседа. Сами народники чаще всего сравнивали разделяющее их с народом препятствие со стеной, рвом или плотиной, что, видимо, должно было подчеркнуть его искусственный характер. Но иногда попадались и очень выразительные аллегории, например, «безжизненная пустыня»¹.

После первой же неудачной попытки хождения в народ в 1874–1875 гг. размышления о путях преодоления «раскола» с народом приобретут для народников особый, можно сказать сакральный смысл и значение. И хотя их идейные противники признают противопоставление интеллигенции народу ахиллесовой пятой русского народничества², именно эта антитеза на долгие годы станет важнейшим мотивом для их практической деятельности, главным содержанием программы самореализации демократической интеллигенции.

Было время, когда о слиянии с народом мечтало целое поколение русской интеллигенции. Даже такой не идолопоклонник народа, как Н. К. Михайловский, вспоминал в 1876 г., как он мечтал «потонуть в сермяжной массе народа... со светочем истины и идеала в руках», полагая, что так должен быть уплачен его долг народу³.

К началу 1880-х гг. народническая интеллигенция, чтобы пробить разделяющую ее с народом «вековую стену недоверия», использовала, казалось, весь арсенал средств – от революционной агитации и пропаганды до организации школ, медицинских пунктов, ссудо-сберегательных касс и артельных сыроварен. И практически ничего не добились, кроме «апогея розни» (после убийства царя-освободителя) и почти полного разочарования в «мужике». Причем охлаждение к народу затронуло не только среду революционных народников, но и мирных легальных деятелей. Некоторые народники, в частности Иосиф Каблиц, объясняли это обстоятельство тем, что попытки интеллигенции «обла-

годетельствовать» мужика с помощью школ и кооперации привели только к усилению кулачества¹.

В данных условиях необходимо было объяснить причины трагического для демократической интеллигенции раскола с массами и указать новые возможности для их сближения. В 80–90-е гг. XIX в. за выполнение этой задачи взялись теоретики реформаторского народничества.

Опираясь на сочинения легальных народников, можно выделить как минимум три основные причины глубокой, по их представлениям, розни между передовой русской интеллигенцией и народом.

Первая причина – социально-историческая, связана с существованием в России жесткого деления общества на высшие (привилегированные) и низшие (податные) сословия без каких-либо значительных по численности промежуточных слоев. Интеллигенция, появившаяся, по мнению народников, в царствование Петра I для службы государству, изначально вошла в состав русского дворянства, т.е. воспитывалась, получала образование и средства к жизни и процветанию за счет эксплуатации народного труда. Неудивительно, замечает по данному поводу Каблиц, что простой народ до сих пор смешивает интеллигенцию с бюрократией и бывшими крепостниками-помещиками².

Сословная рознь, отягощенная пережитками крепостного права, стала для стремящейся к сближению с «лапотным миром» демократической интеллигенции настоящим камнем преткновения. Лучшей иллюстрацией этого факта являются воспоминания Н. М. Астырева о его службе в начале 1880-х гг. волостным писарем в одном из уездов Воронежской губернии. Три года он потратил на то, чтобы ближе узнать крестьян и завоевать их доверие. Но, странная вещь, замечает Астырев, – «хотя я жил в клетушке у заправского мужика, обедал и ужинал вместе с его семьей..., хотя я служил в мужицком присутствии, занимаясь исключительно мужицкими делами, но сам мужик был ко мне не ближе, чем в Петербурге, и волна народной жизни не касалась меня в своем беге»³.

¹ Н. Ш. Очерки русской жизни. 1889. № 9. С. 170.

² См.: Периодические издания // Русская мысль. 1892. № 5. С. 240; Соловьев Вл. Кто прозрел? (Письмо в редакцию) // Русская мысль. 1892. № 6. 212.

³ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 3. Стб. 730.

¹ См.: [Каблиц И. И.] Интеллигенция и народ. Стб. 310.

² Каблиц И. И. Основы народничества. Ч. 1. С. 333.

³ А-ревъ [Астырев Н. А.] В волостных писарях // Вестник Европы. 1885. № 7. С. 300.

Сам Астырев объяснил свою неудачу сохранением в народе многовекового убеждения, что сословие «сюртучников» – «особь статья» и «лапотники» – «тоже особь статья». Никаких общих интересов эти два «взаимоотталкивающих элемента» в данное время не имеют. Поэтому в каждом человеке, носящем партикулярное платье, мужик привык видеть врага, который думает только о том, чего бы сорвать с мужика¹.

Недоверие простого народа к представителям высших классов имело, по мнению народников, еще и глубокие социокультурные корни. Вместе с европейским образованием интеллигенция (в широком смысле этого слова) заимствовала чуждые простому народу образ жизни, мировоззрение, нравственные ценности, культурные привычки и традиции. В итоге русская интеллигенция и народ мыслили и говорили как бы на разных языках и потому утратили способность понимать друг друга². Наглядным проявлением такого разномыслия стал провал «хождения в народ». Пропагандисты («критически мыслящие личности») пытались убедить крестьян во внешних причинах их тягостного положения, тогда как сами мужики, воспитанные в традициях православия, привыкли винить во всех своих бедах, прежде всего, самих себя.

Рознь в культурном отношении народники считали более существенным препятствием к сближению с простонародьем, чем обоюдная сословная вражда. Но, как заметил М. А. Протопопов, это было зло неизбежное. Все более или менее окультуренные люди, а не только интеллигенция, не разделяют верований народа, не живут его обычаями, не говорят его языком, и ничего приискорбного в этом нет. «С этим делать нечего и делать незачем»³. Когда, добавляет И. И. Каблиц, интеллигенция выделится из остальных привилегированных сословий, когда наука и образование станут доступными всякому, стремящемуся к ним, тогда и недоверие народа к образованным классам исчезнет само собой⁴.

¹ А-ревъ. В волостных писарях. С. 303.

² О различии типов духовного содержания и развития русского народа и интеллигенции см.: Каблиц И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 107–108; Пругавин В. С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. С. 270–280.

³ Морозов Н. [Протопопов М. А.] Медь звенящая (По поводу двух генеральских речей и нескольких обывательских статей) // Устои. 1882. № 2. С. 136.

⁴ Каблиц И. И. Основы народничества. Ч. 1. С. 333.

Третья и для многих теоретиков народничества главная причина отсутствия связи с народом состояла в изолированной, замкнутой жизни русской интеллигенции, т.е. в крайне стесненных условиях для развития ее общественности. «Интеллигенция, – сетовал в 1882 г. С. Н. Кривенко, – очень часто не могла служить народу и отрывалась от него не самовольно, а по причинам хорошо известным... quasi-охранителям»¹. Правительство, опасаясь проникновения в народ «тлетворного» влияния интеллигенции, препятствовало самой скромной ее деятельности на народную пользу. На волостном уровне не имели своих представительств даже земские учреждения, несмотря на их многочисленные прошения об образовании всесословной волости, где крестьянское самоуправление объединялось бы с земским, общественным. Отсутствие в России свободы печати и легальных политических партий также свидетельствовало о враждебном или, по крайней мере, настороженном отношении властей к «передовому умственному меньшинству».

Разумеется, перекладывать всю ответственность за отчуждение народа от интеллигенции только на действие внешних факторов и условий, независимых от воли и влияния «передового меньшинства», не совсем справедливо. Поэтому и среди народников всегда находились те, кто доказывал вину в сложившемся положении самой интеллигенции. Особенно преуспел в этой критике Каблиц. Главный недостаток современной интеллигенции теоретик крайне правого народничества видел в ее эгоизме, в неуважении и презрении к простым людям, к их праву жить по своей воле. Интеллигенция не знает, что хочет народ (он для нее отвлеченная идея), а спросить о его нуждах считает ниже своего достоинства, т.к. мужик глуп, как дитя².

Каблицу вторил другой характерный представитель «восьмидесятников» Л. Е. Оболенский. Он также открыто обвинял интеллигенцию в отрыве от реальной жизни народа, его идей, чувств и стремлений. «Мы, – замечает он, – с нашими мечтами буквально висим в воздухе» или «улетели на Луну». Стремясь к удовлетворению одной из народных потребностей, интеллигенция игнори-

¹ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 196.

² [Каблиц И. И.] Юзов И. Деревня и город // Русское богатство. 1883. № 1. С. 206, 213; 309; Он же. Пессимизм нашей интеллигенции. Стб. 336.

ровала другие, используя при этом средства, «противные симпатиям и верованиям народа». Действуя подобным образом, интеллигенция «всегда будет только увеличивать его неудовольствие на себя и непроходимую рознь»¹.

Относительная неудача общественного движения 1860–1870-х гг. заставила новое поколение народников основательно пересмотреть идейное наследие своих предшественников. Даже бывший публицист «Отечественных записок» В. П. Воронцов вынужден был признать, что узкие рамки общественной жизни, запрет на обсуждение в легальной печати некоторых идей и на свободное общение с народом привели к развитию в среде интеллигенции «непродуманных» течений общественной мысли, обещавших наивной молодежи простые и, главное, быстрые решения самых запутанных вопросов русской жизни². Иными словами, в ограничении доступа к народу во многом был виноват образ мыслей радикальной интеллигенции.

В понимании причин раскола интеллигенции с народом в легальном народничестве существовали и определенные разногласия. Во многом они были связаны с различными подходами к разработке конкретных путей преодоления отрыва от народных масс.

Представители правого крыла И. И. Каблиц, М. О. Меньшиков, Н. А. Энгельгардт исходили из существования у интеллигенции и народа антагонистических интересов, продиктованных их принадлежностью к различным общественным классам. Интеллигенция относилась к привилегированным сословиям, народ – к податным. Для мужика смысл интеллигентного труда сводился к «наживанию денег деньгами». Поэтому интеллигент – это барин, а не труженик – производитель материальных благ³. Для сближения с народом, по убеждению публицистов «Недели», ин-

теллигенция должна была стать в понимании своего общественного положения на позицию мужика, т.е. перестать эксплуатировать его труд. Тогда мужик перестанет видеть в интеллигенте «холодного бюрократа», коверкающего народную жизнь в своих корыстных интересах¹.

Совершенно противоположной точки зрения на истинные причины розни между народом и представителями образованного русского общества придерживались представители «критического» народничества. Демократическую интеллигенцию они считали составной частью многомиллионного народа, потому что она служила интересам народного труда, а не капитала. «Мы чужие ему, как и все так называемые цивилизованные люди, – с горечью констатировал этот факт Михайловский, – но мы не враги его, ибо сердце и разум наш с ним»². Истоки розни с народом публицисты «Отечественных записок» и «Русского богатства» 1890-х гг. стремились искать вне интеллигенции (в исторических, социально-политических, культурных и прочих «внешних» факторах).

Рассматривая интеллигенцию и народ как два родственных социальных организма, временно разорванных «слепым» ходом исторического процесса, легальные народники левой ориентации, в отличие от близких им по духу семидесятников, не спешили «сшивать» их между собой. Интеллигенция и народ в реалиях второй половины XIX в. – это город и деревня, два противоположных полюса пореформенной русской жизни, которые, по образному выражению Н. В. Шелгунова, не сливаются между собой как масло и вода³. Вопрос заключался в том, чтобы установить между ними равновесие, заполнить разделяющий их пространство каким-то промежуточным слоем. По убеждению Шелгунова, создать его должна была сама деревня, но не в виде нового «мещанского сословия». Для этого деревне вместо «идеалов богатства и власти кулака» необходимы были новые общественные идеалы, для воспитания которых требовалось «возможно

¹ *Созерцатель* [Оболенский Л. Е.] Обо всем // Русское богатство. 1883. № 9. С. 179.

² В. В. Печать и мирозерцание общества. С. 283. См. также: ...енск... [Оболенский Л. Е.] Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1884. № 3. С. 712–713.

³ По этому поводу можно привести забавный эпизод, произошедший с С. Н. Кривенко. Находясь в сибирской ссылке, публицист охотно занимался физическим трудом (столярничал, косил траву), чем вызвал лестное для себя замечание одного из ссыльных крестьян о том, что он совсем не похож на настоящего барина, ничего не умеющего делать руками. См.: *Перелешин Д. А.* Воспоминания народовольца // Звезда. 1973. № 11. С. 126–127.

¹ См.: Каблиц И. И. Основы народничества. Ч. 1. С. 332, 333; Энгельгардт Н. А. Критика русского самосознания // Книжки «Недели». 1896. № 3. С. 239; Меньшиков М. О. Совесть и знание. С. 94–95. Ср.: Оболенский Л. Интеллигентная неумелость // Русское богатство. 1887. № 11. С. 235.

² Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 5. Стб. 538.

³ Н. Ш. Очерки русской жизни. 1888. № 9. С. 165.

просторное развитие всех наших умственных и... производительных сил». Когда работа русского ума будет «в условиях полной успешности», тогда, – продолжал свою мысль Шелгунов, – интеллигенции не потребуется идти в деревню. Сама деревня пойдет навстречу интеллигенции и заполнит разделяющую их пустоту. «Иной дороги, – по словам публициста, – для нас в природе не проложено»¹.

Идея создания в крестьянской среде особого слоя из лиц, способных противостоять влиянию новых деревенских нуворишей – кулаков и в то же время послужить посредником в сближении деревни с интеллигенцией, возникла в народнической литературе еще в 70-е гг. XIX в. Само положение этого слоя между народом и интеллигенцией подсказало его название – «народная интеллигенция»².

В народнической литературе словосочетание «народная интеллигенция» точного значения не имело. Чаще всего под ним понимали интеллигенцию, созданную самим народом для удовлетворения его духовных потребностей. Считалось, что искатели правды и справедливости были в народе всегда, но особенно много их стало появляться после церковного раскола середины XVII в. Во второй половине XIX в. численность раскольников-интеллигентов, по подсчетам народников, колебалась в пределах от 1 до 13–14 миллионов человек³.

Второе значение интересующего нас понятия более широкое – это интеллигенция, которая, хотя и принадлежала к привилегированным классам, тем не менее, стремилась служить только народу. Данное значение близко по смыслу к современным почетным званиям народного учителя, художника, артиста.

Нередко народники давали народной интеллигенции свои собственные определения. Так, Протопопов, понимал под словом «народная» «простых работников мысли» – интеллигентскую демократию, в отличие от умственной аристократии – представи-

телей высокооплачиваемых интеллигентских профессий. «Народный» в данном контексте – синоним ее демократизма.

Существуют ли принципиальные различия между узким и широким значениями термина «народная интеллигенция»? Какая вообще разница – осталась ли интеллигенция в народе или в настоящий момент находится в обособленном от него положении? Главное, что она ему служит. На самом деле, по убеждению народников, право на высокое звание «народная интеллигенция» давала далеко не всякая служба.

Со второй четверти XIX в. у русской интеллигенции наметились две стратегические линии самореализации: стать народной, т.е. проникнуться мыслями и чувствами народа, быть выразителями его духовных стремлений и понимания задач русской жизни (принцип славянофилов) или служить народу, исходя из собственного понимания народных интересов и мало сообразуясь с его мнениями на этот счет (принцип западников).

В реформаторском народничестве получили развитие оба эти принципа. Рассмотрим их эволюцию, начиная от первых упоминаний термина «народная интеллигенция» в народнической литературе.

Сам термин «народная интеллигенция» возник в эпоху отмены крепостного права как антитеза «ненародной» дворянской интеллигенции. Уже в 1863 г. известный славянофил И. С. Аксаков в газете «День» задался вопросом о том, может ли образованное русское общество быть названо «действительным выражением *народного* самосознания, деятельностью живых сил, выделяемых из себя народом, *народною* интеллигенцией в высшем значении этого слова?». По мнению автора, «притязаний на эту связь с народом, кажется, наше общество теперь даже и не имеет»¹.

В 1874 г. идею «народной интеллигенции» в значении «интеллигентных работников физического труда, соединивших традиции народа с выработанною (революционной интеллигенцией. – Г. М.) мыслью» пытался утилизировать П. Л. Лавров. Настоящая революция, – доказывал он своим последователям, – наступает тогда, когда в среде масс вырабатывается интеллигенция, способная дать народному движению организацию. Тогда общественная интеллигенция может сойти со сцены, отдав народное

¹ Н. Ш. Очерки русской жизни. 1888. № 9. С. 169, 170; № 10. С. 164–165.

² В литературе вопрос о народной интеллигенции в идеологии русского легального народничества специально не изучался. Есть лишь отдельные упоминания о его постановке в трудах В. П. Воронцова. См.: История философии в СССР. Т. 3. С. 291; Фирсов В. М. Указ. соч. С. 88; Зверев В. В. Реформаторское народничество... С. 205.

³ [Каблиц И. И.] Что такое народничество? Стб. 983.

¹ [Аксаков И. С.] Передовая // День. 1863. № 1. С. 3.

дело в руки самого народа или точнее представителям «интеллигентного революционного крестьянства». В то же время Лавров прекрасно понимал, что условия, существующие для русского народа, не позволят «в довольно скором времени» выработаться в его среде революционной интеллигенции собственными силами. Поэтому, в конечном счете, он склонялся к тому, что проповедь «рабочего социализма» должна быть внесена в массы «инициаторами, вышедшими из класса, воспользовавшегося годами развития мысли»¹.

В 1876 г. на страницах газеты Лаврова «Вперед!» со статьей «По вопросу об условиях революции в России» выступил тогда еще молодой публицист Воронцов. Он попытался объяснить революционной партии причины того трагического положения, в которое она попала после неудачного «хождения в народ». По мнению автора, «суть революции заключается не во внешнем волнении, а в известном умственном настроении». До сих пор все крестьянские восстания (в том числе под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева) совершались во имя царской власти, т.е. были «консервативны по духу». Поэтому успех социальной революции возможен лишь после «умственной перестройки организации массы» и образования из нее самостоятельной общественной силы. Для этого Воронцов призывал радикальную молодежь «налесть преимущественно на общественно-экономическое мирозерцание народа», используя для развития критической мысли крестьянства его экономическую необеспеченность².

Касаясь вопроса о том, кто положит начало умственному перевоспитанию масс, Воронцов выразил сомнение, что эта задача может быть возложена исключительно на «партию интеллигентов». «Народ, – замечает публицист, – имеет религиозные, космологические, общественные и другие понятия, радикально противоположные взглядам интеллигенции». Передовое меньшинство выработало свое мирозерцание критическим отношением к традициям, светским и религиозным авторитетам, которые по-прежнему сохраняли силу над сознанием русского крестьянства. Чтобы устранить это коренное различие, народу необходима соб-

ственная интеллигенция, стоявшая по своему развитию «в уровень с веком». «К этому, – по убеждению Воронцова, – и должна стремиться наша интеллигентская социально-революционная партия; идеалом ее должно быть *самоуничтожение*»¹.

Во второй половине 1870-х гг. идея создания народной интеллигенции из подпольной печати проникает на страницы художественной публицистики. Одним из первых народнических писателей к этой теме обратился Н. Н. Златовратский. Его повести и рассказы («Золотые сердца», «Авраам», «Деревенский король Лир») из жизни деревенских искателей правды и защитников интересов крестьянского мира были наполнены верой в их творческую мощь и умение приспособить старые исторические формы (общину) к новым потребностям времени². Правда, народная интеллигенция развивалась путем только «непосредственного жизненного опыта и непосредственного чувства». Поэтому, для того чтобы она справилась со своей исторической задачей, интеллигенция образованных классов должна была помочь ей избавиться от тьмы суеверий и предрассудков, опутавшей жизнь простого народа³.

Важную лепту в становление народнической концепции народной интеллигенции внесла революционная печать (газеты «Набат», «Община», «Земля и воля», «Народная воля»). Когда в конце 1870-х гг. в связи с террористической деятельностью народников идейные противники радикальной интеллигенции начали обвинять ее в антинародности, на это надо было как-то реагировать. Трудно сказать, кому первому пришла в голову мысль, что интеллигентное меньшинство – это «1/5 часть русского народа, изъятая от телесных наказаний»⁴. Но «надежное» обоснование ей дали идеологи так называемого политического течения в народничестве.

¹ Там же. С. 21–24.

² См.: *Кранихфельд В. Н. Н. Златовратский* // Современный мир. 1912. № 1. С. 321; *Михайлова С. Б. Н. Н. Златовратский в литературно-общественном движении 70–80-х годов XIX в.: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. С. 164–165; Буш В. В. Очерки литературного народничества 70–80-х гг. М.; Л., 1931. С. 49.*

³ *Златовратский Н. Н. К вопросу о народе* (Заметка о том, как надо писать для народа книги). – РО ИРЛИ. Ф. 111. Д. 17. Л. 1; *Он же. «Кредо»* [о народничестве] – РО ИРЛИ. Ф. 111. Д. 30. Л. 1–1 об.

⁴ [Клеменц Д. А.] Письмо чистосердечного россиянина // Земля и воля. 1878. № 2. С. 8.

¹ *Лавров П. Л. Избр. соч. на социально-политические темы: В 8 т. М., 1934–1935. Т. 3. С. 158–162.*

² Статья В. П. Воронцова цит. по: В. В. В семидесятых годах. С. 9, 11–13, 25.

П. Н. Ткачев еще в 1876 г., протестуя против исключения революционной партии из числа народа, доказывал, что значительный ее процент составляют разночинцы, т.е. люди, вышедшие из «эксплуатируемых, разоренных и задавленных классов общества», включая крестьянство и мещанство. Революционное меньшинство отличается от народных масс прежде всего своим умственным и нравственным развитием. Что касается их интересов, то, по мнению этого идеолога революционного народничества, они полностью совпадали и, следовательно, революция, производимая радикальной интеллигенцией, это народная революция¹.

Прямые наследники идей Ткачева – народовольцы пошли еще дальше. Они снимают проблему противостояния интеллигенции народу как противоречащую их главному идейно-тактическому принципу: «все для народа, но посредством интеллигенции». В 1881–1882 гг. теоретик «Народной воли» Л. А. Тихомиров будет убеждать своих сторонников в том, что интеллигенция – это слой народа, его лучшие, наиболее развитые и сознательные силы. Это «соль земли» русской, потому что в интеллигенцию уходят лучшие соки народа. Народный интерес для нее не отвлеченная формула, а источник «жгучей боли и личной радости». Упоминает Тихомиров и раскольников, т.е. народную интеллигенцию, оставшуюся в народе. Сравнивая нравственный облик народного подвижника и современного искателя истины из «интеллигенции», он приходит к выводу не только об их полном сходстве, но и о существовании в русской жизни «сильных и глубоких причин», порождающих эти близкие друг другу типы русского интеллигентного человека².

Поскольку все попытки семидесятников привить простому народу свое интеллигентское понимание правды русской жизни серьезных успехов не имели, новое поколение народников должно было задуматься над поиском новых способов «слияния» интеллигенции с народом. Важные изменения происходят и в понимании того, какой должна быть истинная «народная интеллигенция». По этому вопросу идеологи легального народни-

чества раскололись на два лагеря. Каблиц, Оболенский и публицисты «Недели» отстаивали принцип «фактического служения желаниям народа»¹. «Западническая» фракция в народничестве, представленная публицистами «Отечественных записок», продолжала развивать народовольческое понимание принципа народности интеллигенции.

Для бывшего бунтаря Каблица-Юзова задача превращения русской интеллигенции из революционно-бюрократической в народную стала отправной точкой для обоснования идеологии «правоверного» народничества 1880–1890-х гг. Ее возникновение многие исследователи интерпретируют как начало «окрестьянивания» русского народничества.

Причины резкой эволюции Каблица вправо близко знавшие его люди объясняли обращением публициста к истории и современному положению раскола. Знакомство с «русскими диссидентами» убедило Каблица, что в народе есть своя собственная интеллигенция, что в нем живут и не умерли еще начала древней русской свободы совести и даже гражданской свободы². Это открытие заставило народника пересмотреть задачи деятельности народнической интеллигенции в деревне. Отныне они должны были состоять не в том, чтобы переделать мужика по своему образу и подобию, а в защите его права жить по своей воле, даже если при этом народ будет хуже есть, пить, одеваться³.

Если лучшая часть интеллигенции действительно желала блага своему народу, то, по словам Каблица, она должна была научиться смотреть на задачи общественной жизни народной массы *глазами мужика*. Не мудрствовать над ним по западным образцам, как это делала интеллигенция, зараженная язвой бюрократизма, а помочь устроиться так, как он хочет. Русский народ имел полное право жить по «собственному произволу», руководствуясь своим мнением. Ведь лучше его никто не знал, что ему нужно. Можно было не разделять народных верований и предрассудков, но нельзя не признавать существование у него своей собственной «внутренней» правды, которая помогла ему вы-

¹ Ткачев П. Н. Революция и государство // Избр. соч. на социально-политические темы: В 7 т. М., 1932–1935. Т. 3. С. 248–249.

² [Тихомиров Л. А.] С чего начать преобразование? // Литература партии «Народная воля». С. 133; Он же. В защиту интеллигенции // Дело. 1882. № 4. С. 17, 21, 29, 30.

¹ [Каблиц И. И.] Что такое народничество? Стб. 986.

² См.: Оболенский Л. Е. Литературные воспоминания и характеристики // Исторический вестник. 1902. № 3. С. 887. См. также: Меньшиков М. Народные заступники // Книжки «Недели». 1893. № 12. С. 260.

³ Каблиц И. И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 106.

жить в течение многих сотен лет. Приобщиться к этой правде жизни, понять ее сокровенный смысл – такова ближайшая задача истинных народников, желающих подлинного сближения с народом¹.

Интеллигенция, писал соратник Каблицы – Оболенский, есть «кристаллизованный труд народа», т.е. она создана самими народными массами. Поэтому естественный идеал всякой интеллигенции – служить народу в качестве проводников экономического, умственного и нравственного совершенствования, что бы он сам был в силах справиться со своими экономическими и моральными болезнями и нуждами². По убеждению Оболенского, если интеллигенция правильно понимает это свое основное предназначение, то она имеет право на высокое звание «народной интеллигенции». Если интеллигенция сознательно действует против народных интересов, то это не настоящая интеллигенция, а «плесень цивилизации», «интеллигентская чернь»³. В подтверждение своей позиции Оболенский ссылался на публикуемые в его журнале «Русское богатство» обзоры земской жизни, где доказывалось, что русское крестьянство начинает узнавать и любить эту новую, т.е. «народную» интеллигенцию⁴.

Позицию журнала «Отечественные записки» в начале 1880-х гг. лучше всего отражают обозрения русской жизни его ведущего публициста Кривенко. Защищая радикальную народническую интеллигенцию от нападок со стороны «Нового времени» и «Недели», Кривенко настаивал на том, что раскол интеллигенции с народом – это печальное недоразумение, связанное с общими условиями русской жизни. Новая демократическая интеллигенция никогда от народа себя не отделяла и считала своим долгом устроить его благосостояние и правовой порядок в соответствии

с народным мировоззрением и «высшим идеалом общежития». В пику публицистам «Недели», считающим, что интеллигенция должна разделить с народом его бремя (т.е. опроститься), Кривенко вопрос о подобном слиянии оставляет открытым. При этом он намекает на то, что обособленное положение интеллигенции может быть даже выгодно народу, если оно будет использовано для борьбы за изменение общественных условий, от которых страдают и интеллигенция, и народ¹.

В 1882 г. свое отношение к «народной интеллигенции» изложил еще один активный сотрудник «Отечественных записок» – известный народнический беллетрист Г. И. Успенский. По его словам, тип народного интеллигентного человека существовал в народе во все времена и всегда делом помогал слабым и беспомощным выстоять против слишком жестокого напора «зоологической правды». Но после реформ 1860–1870-х гг. значительная часть народной интеллигенции перешла на службу к «хищникам». Теперь, с горечью замечает писатель, тип «мирского работника» в силу своей малочисленности и полной беспомощности в умственном развитии перестал оказывать на жизнь деревни сколько-нибудь заметное влияние и нуждается в поддержке интеллигенции, принадлежащей к образованным слоям русского общества².

Во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XIX в. вопрос о практической помощи интеллигенции деревне поднимался в статьях Я. В. Абрамова и К. В. Лаврского. «Конечно, – писал Абрамов, – рано или поздно из среды самого народа народится нужная ему интеллигенция, как она народилась на Западе», но «когда-то это будет» и «неужели же теперешняя интеллигенция, ожидая этого события, будет сидеть сложа руки» и «киснуть в канцелярии»³. Сам публицист очень много поработал над созданием привлекательного образа «рабочей интеллигенции» (учителя, врача, земца и пр.), порвавшей со своим буржуазным прошлым и добывающей средства к жизни не за счет эксплуатации народа, а своим собственным трудом. Кроме того, Абрамову принадлежит

¹ Каблицы И. И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 38, 41–42, 106, 128, 133, 145; *Он же*. Современная русская жизнь и ее задачи // Мысль. 1881. № 1. С. 116–117.

² N. N. [Оболенский Л. Е.] Народ и интеллигенция // Мысль. 1881. № 4. С. 102, 103; *Он же*. Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1884. № 4. С. 173–176.

³ [Оболенский Л. Е.] О народничестве // Русское богатство. 1884. № 1. С. 258; *Он же*. Обо всем // Русское богатство. 1884. № 12. С. 706. Ср.: [Каблицы И. И.] Что такое народничество? Стб. 984, 986.

⁴ См.: [Максимов Е. Д.] Макс Евгений. Земский обзор // Русское богатство. 1884. № 11. С. 419–420.

¹ Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 112, 113, 193.

² Успенский Г. И. Власть земли. Народная интеллигенция // Успенский Г. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 5. С. 125–126. *Он же*. Из разговоров с приятелями. «Интеллигентный» человек // Там же. С. 240.

³ Абрамов Я. В. Тяготение к земле // Неделя. 1891. № 16. Стб. 502.

идея создания в деревне профессиональных училищ для подготовки кадров интеллигентных специалистов из народа¹.

В 1890-е гг. в связи с началом общего кризиса народнической идеологии идея пожертвовать собой ради развития в народе собственной интеллигенции постепенно теряет власть над умами образованной молодежи. Многие народнические публицисты увидели в этом охлаждении общества к мужику и народному вопросу свидетельство «потускнения» общественного сознания» и «замутнения» общественной совести. Но были и такие, кто считал этот процесс вполне нормальным, связывая его с ростом интеллигенции и вступление в ее ряды людей совершенно обыкновенных способностей, умственного и нравственного развития. У русской интеллигенции появились свои собственные личные мотивы и интересы, которых она перестала стесняться. Теперь с этим фактом надо было считаться и отводить ему соответствующее место в своих общественных теориях и программах.

Одним из народнических публицистов и литературных критиков, идущих в ногу со временем, был Протопопов. Эволюцию общественных настроений за последние тридцать лет он представил в виде трех фазисов одного поступательного процесса. «Наши отцы действовали во имя развившегося сознания, мы – в силу проснувшейся совести; наши дети будут действовать, кроме того, ради собственного интереса». Разница тут не только в побуждениях к деятельности, но и в самой этой деятельности. «Наши отцы поняли несправедливость; мы устыдились ее; наши дети поймут и *осознательно* почувствуют, что всякая крупная несправедливость есть, в то же время, и крупная невыгода». Мотивы разные, но дело делалось и делается одно².

Истинная народная интеллигенция, развивал свою позицию Протопопов, состоящая не из подвижников и не из угодников, а из простых работников мысли, явится тогда, когда народ «силою стихийного исторического процесса» произведет ее из собственных недр. «Люди этой интеллигенции будут не только учителями и представителями народной массы, но и детьми ее, не Прометеем, сходящими с культурных высот с похищенным огнем знания и разума, а простыми соседями... для которых как аук-

нется, так и откликнется». Только когда интеллигенция будет работать по собственному интересу, тогда, пишет Протопопов, можно будет сказать, что у народа есть своя интеллигенция. Этой интеллигенции, в появление которой верил публицист, «народ не обидит, и не даст в обиду»¹.

Одну из последних попыток доказать важность и своевременность создания опосредующего звена между привилегированной интеллигенцией и народом предпринимает Воронцов. В своих статьях в журналах «Русское богатство» и «Новое слово» он будет снова и снова повторять старые истины о том, что демократическая интеллигенция не может быть естественными представителями народа, т.к. она плохо знает, что думает этот самый народ о своих нуждах и средствах их удовлетворения. Поэтому освобождение народа – дело его собственных рук и для организации этого дела нужны просветители и вожди, вышедшие из недр народной жизни. Только так, по убеждению Воронцова, исчезли бы преграды для привлечения масс к общественной самодеятельности, служащей «залогом непрерывного движения страны по пути прогресса»².

Все писавшие о народной интеллигенции народники придавали ей очень важную посредническую миссию в деле сближения двух самостоятельных рукавов русского освободительного движения – интеллигентского и народного. Но уже по относительно небольшому, можно сказать, эпизодическому числу упоминаний термина «народная интеллигенция» в народнической публицистике видно, что эта проблема решалась в основном в общетеоретическом плане. Не случайно никто из авторов даже не стремился дать точное определение используемого ими понятия. Этого не требовалось, поскольку никакой полемики по вопросу, кого можно, а кого нельзя причислять к «народной интеллигенции», среди народников не велось.

Еще один вывод. Несмотря на то, что интеллигенция из образованного общества и собственно народная интеллигенция ставились как бы на одну доску (и та, и другая отвечали главному народническому критерию интеллигентности – бескорыстному

¹ Там же. С. 50.

² В. В. Наши направления. С. 98; *Он же*. Производительные классы и интеллигенция в России // В. В. От семидесятых годов к девятисотым. С. 69, 70, 95, 98, 107, 111, 136–137.

¹ Абрамов Я. Замечательный деятель // Неделя. 1893. № 8. Стб. 253.

² Протопопов М. Глеб Успенский // Русская мысль. 1890. № 9. С. 51

служению идеи общенародного блага), практически все народнические публицисты отмечали крайнюю малочисленность и малограмотность своих «младших братьев». Отсюда легко предположить, что в ближайшей перспективе никакой серьезной поддержки народникам в деле организации народных масс их собственная интеллигенция оказать не могла. Именно по этой причине в последней трети XIX в. концепт «народная интеллигенция», первоначально обозначающий «интеллигенцию из народа», постепенно наполняется новым содержанием – «интеллигенция для народа». Таким путем теоретики легального народничества пытались заместить отсутствующий пока «новый фактор» русской истории.

Тем не менее, общая тенденция социально-политического развития страны заключалась в возрастании общественной роли «рабочей» (крестьянской и пролетарской) интеллигенции, особенно после революции 1905 г., положившей начало политическому пробуждению масс. Недаром на рубеже XIX–XX вв. практической разработкой идеи народной интеллигенции займются и русские марксисты, и неонародники.

Глава четвертая

ПРОБЛЕМА КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ в 1880-е – середине 1890-х годов

*

После разгрома правительством «Народной воли» и закрытия демократических журналов «Отечественные записки» и «Дело» наиболее активная и сознательная часть русского общества оказалась в состоянии затяжного идейного кризиса. Надежды на быстрый прорыв России в царство «высшей культуры», воодушевлявшие русскую интеллигенцию 1860–1870-х гг. на героизм и самопожертвование, оказались горькой иллюзией. В обществе происходит переоценка прежних идейных ориентиров и нравственных норм в сторону их постепенного буржуазного перерождения. Началась «эпоха разброда и искания новых идеалов», как окрестил 80–90-е гг. XIX в. С. А. Венгеров¹. Интеллигенция разделилась на множество фракций, враждебных друг другу и парализующих одна другую, благодаря чему, по словам В. П. Воронцова, «истинно культурная часть общества» не могла иметь и тени того влияния, каким обладала интеллигенция эпохи реформ².

Особенно болезненно переживали современники восьмидесятые годы. Наиболее мрачная характеристика того времени принадлежит одному из «умственных вождей» предшествующего десятилетия Н. К. Михайловскому. Он, в частности, отмечал, что «...понижился уровень знаний, критической мысли, энергии, восприимчивости, потускнели идеалы, выступили разочарования. Образовалась некая пустота, в которой иные превосходно устроились: кто, не мудрствуя лукаво, в винт засел, а кто метафизикой и мистицизмом занялся, кто чистым искусством, кто чистой наукой, изыскивая для пикантной приправы что-нибудь “новое”»³. Даже И. И. Каблиц, чьи идеи пользовались наибольшим сочувствием в обществе именно в первой половине 1880-х

¹ Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 648.

² В. В. [Воронцов В. П.] Наши направления. СПб., 1893. С. 104.

³ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб., 1906–1913. Т. 7. Стб. 756.

гг., и тот соглашался с тем, что в эти годы общественная мысль опустилась до состояния полного хаоса¹.

Поскольку прежние «учителя жизни» за немногим исключением находились кто в тюрьме, кто в ссылке, а кто и в крайней растерянности², на общественную арену выходят народники-восьмидесятники. Это И. И. Каблиц, Л. Е. Оболенский, Я. В. Абрамов, В. В. Бирюкович, К. В. Лаврский, В. С. Пругавин и другие сотрудники газеты «Неделя» и журнала «Русское богатство» (до его перехода в начале 1890-х гг. в руки Кривенко и Михайловского).

§ 1. Идеологи «Недели» о задачах нового «хождения в народ»

Центральное место в доктрине легального народничества 1880-х гг. заняла теория «малых дел». Она была призвана реабилитировать русскую действительность, убедить интеллигенцию в необходимости и возможности посильного служения народу через профессию, т.е. в качестве простого учителя, врача, агронома и т.п. Не случайно идеи народников-культурников наибольшее распространение получили в среде провинциальной и особенно земской интеллигенции.

В том, что задачу обоснования и разработки новой практической программы демократической интеллигенции применительно к условиям политической реакции и общественного застоя взяли на себя теоретики «Недели», не было ничего странного. Еще в середине 1870-х гг. с призывом идти в народ для удовлетворения его неотложных нужд к интеллигентной молодежи обращался сотрудник этой газеты П. П. Червинский. Но тогда «новое слово» правого народничества сочувствия и поддержки в обществе не получило. Второй раз вопрос о необходимости сближения либералов и народников «на практической почве» был поставлен «Неделей» на рубеже 1870–1880-х гг. И опять

политизированная интеллигенция приняла это предложение в штыки¹.

Однако рост «издержек» политической борьбы и ее печальный для передового русского общества финал – изменение правительственного курса при новом императоре Александре III – объективно сработали на новую линию «Недели», заставив замолчать ее главных идейных противников. По крайней мере, когда в 1884 г. газета заявила, что не стремится играть активной политической роли и ставит на первый план разработку «культурных задач русской жизни», которые «не зависят ни от каких режимов, а, напротив, сами, в конце концов, управляют ими», никаких серьезных возражений на этот неприкрытый аполитизм уже не последовало².

В исторической литературе утвердилось мнение, что пионером «теории малых дел» был Я. В. Абрамов, выдвинувший и обосновавший ее в газете «Неделя» в середине 1880-х гг. (саму теорию иногда называют «абрамовщиной»)³. В действительности Абрамов не автор, а талантливый ее популяризатор, разработавший практическую программу мирной культурнической деятельности интеллигенции в деревне. Репутацию главного теоретика «малых дел» Абрамову создал Н. В. Шелгунов, активно популяризовавший с ним во второй половине 1880-х гг.

Сам Абрамов указывал на то, что вопрос о судьбе трудящейся интеллигенции за год до него поставил другой народнический публицист – «В. В.» (В. П. Воронцов)⁴. В феврале 1884 г. в «Отечественных записках» он опубликовал статью «Капитализм и русская интеллигенция», посвященную тяжелому положению лиц интеллигентских профессий, обрекаемых капитализмом на безработицу и нищету. По убеждению Воронцова, их материаль-

¹ П. Ч. [Червинский П. П.] На что надеяться? (По поводу «новых веяний») // Неделя. 1880. № 50. Стб. 1651–1653.

² Передовая // Неделя. 1884. № 43. Подробнее см.: Бялый Г. А. В. М. Гаршин и литературная борьба 80-х годов. М.; Л., 1937. С. 100–101.

³ Слобожанин М. [Максимов Е. Д.] К вопросу о культурной работе в ее историческом развитии // Жизнь для всех. 1909. № 12. Стб. 49–51; Твардовская В. А. «Малых дел теория» // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. Стб. 980; Новак С. Я. Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 81; Балуев Б. П. «Малых дел» теория // Отечественная история: Энциклопедия. М., 2000. Т. 3. С. 465.

⁴ Неделя. 1885. № 32. 11 августа. Стб. 1122–1123.

¹ Каблиц И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 147.

² Напр., Н. Н. Златовратский буквально бегал от молодежи, донимавшей его вопросом: что же нам делать? См.: Кранихфельд В. Н. Н. Златовратский // Современный мир. 1912. № 1. С. 317.

ное обеспечение всецело зависело от роста благосостояния народа и его запросов на высший труд¹. Но еще до Воронцова над идеей служения народу путем удовлетворения его насущных потребностей активно работал Каблиц-Юзов.

Известный исследователь общественно-политических взглядов Каблиц В. И. Харламов прямо назвал его «ведущим создателем» теории «малых дел»². При этом он уточнил, что Каблиц только заложил фундамент популярной теории, т.к. во второй половине 1870-х – начале 1880-х гг. над ее социологическим, политическим и экономическим обоснованием одновременно с публицистами «Недели» работали сотрудники других народнических изданий (В. С. Пругавин, Г. П. Сазонов, С. Я. Капустин, С. Н. Южак)³. Отдельные положения теории «малых дел» историки находят у А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и даже П. Л. Лаврова⁴.

Каковы основные доводы Каблиц-Юзова в пользу «малых дел»? Почему русскому народу нужны были не «вещатели истины и пророки», а практические труженики?

Основа теории «малых дел» – аполитизм, т.е. уклонение от постановки задач политических преобразований страны (как преждевременных) в пользу экономических. Многие исследователи понимают данную теорию как полный отказ от реформ («больших дел»), но это не совсем верная ее интерпретация. Хотя Каблиц и писал, что «наше время по-преимуществу экономическое» и «политика, по крайней мере, внутренняя, отодвинута в отдаленный уголок, где и покоится в прохладе», это вовсе не означало, что он отрицал необходимость общественно-политических преобразований страны⁵.

Интеллигенция, по словам Каблиц, не должна была ставить на первый план экономические или политические формы. «Они

равно необходимы и поддерживают друг друга»¹. Проблема в том, что политические свободы в России были пока недостижимы. Надежды на то, что их даст власть или завоеует интеллигенция, оказались напрасными. Кроме того, простой народ больше всего нуждался в разрешении земельного вопроса. Свобода без земли (экономической независимости), по убеждению Каблиц, мужику не нужна². По этим причинам народнический идеолог сделал главным пунктом своей программы экономическое обеспечение народа.

Второй довод Каблиц в пользу первоочередного решения земельного вопроса связан со старинным народническим догматом о крестьянской общине как залоге самобытного развития России. Аграрный переворот должен был укрепить общину как орган народного самоуправления и тем самым способствовать привлечению трудящихся масс к участию в общественной жизни страны³.

Народников «Недели» не случайно называют ортодоксальными. Принцип «все для народа и только через народ» для них священен и неприкосновенен. Все попытки облагодетельствовать массы путем различных социальных экспериментов, включая введение в стране свободных представительных учреждений, Каблиц воспринимал как грубое насилие, нарушение священного права народа жить по своей воле. Особое его недовольство вызвали стремления радикалов приучить крестьян к «общественным запашкам», от которых они шарахались как черт от лада. Именно этот пункт их программы дал Каблицу повод обвинять своих идейных противников в склонности к бюрократическому способу разрешения проблемы взаимоотношений интеллигенции с народом⁴.

Самым слабым местом в теории «малых дел» считается отсутствие в ней требований ограничения самодержавия. Поскольку у нас нет оснований подозревать Каблиц в симпатиях к царской

¹ В. В. [Воронцов В. П.] От семидесятых годов к девятисотым: Сб. ст. СПб., 1907. С. 47, 57.

² Харламов В. И. Теория «малых дел» Юзова в оценке читателей-современников // Из истории общественно-политической мысли России XIX в. М., 1990. С. 111–112.

³ Там же. С. 100.

⁴ См.: Козьмин Б. П. От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». Очерки по истории народничества. М., 1933. С. 156; Жвания Д. Д. Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 73.

⁵ И. Ю. [Каблиц И. И.] Экономические веяния современности // Русское богатство. 1885. № 2. С. 409.

¹ Юзов И. [Каблиц И. И.] Современная русская жизнь и ее задачи // Мысль. 1881. № 1. С. 117.

² И. Ю. [Каблиц И. И.] По внутренним вопросам // Русское богатство. 1883. № 7. С. 190.

³ Юзов И. [Каблиц И. И.] Национализм, его приверженцы и враги // Русское богатство. 1882. № 7. С. 64–66.

⁴ Каблиц И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 43, 106.

власти, которую он в свое время хотел «извести» при помощи динамита, попробуем найти этому другое объяснение.

По убеждению Каблиц, русский мужик считал своими главными врагами бюрократию, якобы мешавшую царю творить для него добро, и радикальную интеллигенцию, которая убила Александра II – освободителя крестьян от крепостного права. Даже если народ ошибался в своей вере в «царя-батюшку», разумно ли было его в этом разубеждать? Не лучше ли попытаться использовать эту веру для обуздания влияния на крестьянскую жизнь более опасных врагов (бюрократии и буржуазии)?¹ На наш взгляд, апелляция Каблиц к государству с требованием экономической поддержки и юридической защиты общины была продиктована сугубо практическими соображениями и вовсе не являлась свидетельством его политического оппортунизма.

Каблиц-Юзов сотрудничал в «Неделе» до 1885 г. К тому времени крайний догматизм, проявившийся в нападках на передовую интеллигенцию, как на чуть ли не главный источник всех народных несчастий, закрепил за ним репутацию аутсайдера русского народничества, совершенно чуждого как левому, так и правому его крылу². Чтобы избежать лишней критики в адрес газеты, Каблиц был отправлен в отставку, а место ведущего публициста «Недели» занял молодой и талантливый писатель Я. В. Абрамов.

Абрамов родился в Ставрополе-Кавказском в мещанской семье. После завершения обучения в Кавказской духовной семинарии (1877 г.) он два года учительствовал в станице Петровской. В 1878–1879 гг. учился в петербургской Медико-хирургической академии, из которой был отчислен по болезни. В конце 1880 г. Абрамов становится активным сотрудником «Отечественных записок», «Дела», «Слова», «Устоев». Начиная свою литературную деятельность как автор очерков и рассказов из народной жизни. Особенно бывшего семинариста интересовало положение современных раскольников и сектантов³.

¹ Каблиц И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 106, 117; *Он же*. Основы народничества. СПб., 1888. Ч. 1. С. 324–327.

² Во второй половине 1880-х гг. И. И. Каблиц-Юзов сближается с В. В. Розановым, Н. П. Аксаковым и др. неославянофилами. См.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989–1999. Т. 2. С. 430.

³ Зверев В. В. Абрамов Яков Васильевич (1858–1906) // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 7.

В 1885 г. Абрамов неожиданно переходит в газету «Неделя» и переключается на социально-экономическую тематику. Причины прихода молодого писателя в самый ортодоксальный народнический орган печати следует искать, как это ни странно, в его связях с революционным подпольем. Еще в 1880 г., когда Абрамов находился в Ставрополе, полиция арестовывала его за хранение нелегальной литературы. В Петербурге в 1883–1885 гг. Абрамов был связан с народовольцами, которые пытались привлечь «сектанта» (его прозвище в среде партийцев) к сотрудничеству в «Вестнике “Народной воли”». Правда, ни на какие уговоры Абрамов тогда не поддавался. Он был убежден, что политический террор как метод борьбы отжил свой век и успех социализма в опоре на народные массы.

Есть версия, впервые высказанная Б. И. Николаевским еще в начале 1930-х гг., что развернутым изложением взглядов Абрамова стала брошюра «Опыт обоснования программы народников», изданная одной из подпольных народнических групп в 1884 г.¹ Брошюра интересна тем, что в ней подробно обосновываются как раз те новые задачи русской интеллигенции, которые Абрамов с середины 1880-х гг. открыто пропагандировал в газете «Неделя»². Что же это были за задачи?

Программа начиналась с резкой критики народовольцев за их отрыв от народа. Радикальные преобразования признавались осуществимыми лишь путем сочетания аграрного и политического переворота, причем последний должен был являться ответом на народное движение, а не самостоятельным актом³. Этим исходным принципом определялись главные задачи народников в деревне: 1) просвещение народного сознания; 2) систематическая организация масс; 3) формирование в народной среде сознательных элементов (крестьянской интеллигенции), готовых возглавить народное движение⁴.

¹ Иванов Б. [Николаевский Б. И.] Н. Л. Сергиевский как историк «Партии русских социал-демократов» (1884–1887 гг.) // Каторга и ссылка. 1931. № 1. С. 113–114. Лично Я. В. Абрамовым был написан раздел об отношении народников к сектантам.

² Интересно, что с той же целью (развивать идеи народнического подполья в легальной печати) в 1878 г. в «Неделю» пришел И. И. Каблиц-Юзов.

³ Опыт обоснования программы народников // Народническая экономическая литература: Избр. произведения. М., 1958. С. 610.

⁴ Там же. С. 610, 621, 623.

Подготовка коренного социального переворота включала целый ряд «ближайших паллиативов» (решение проблемы крестьянского малоземелья, отмена выкупных платежей, податная реформа и т.д.). Все эти меры, по мнению составителей «Опыта...», должны были принести народу немалую долю пользы: укрепить экономическое положение крестьянства, придать ему больше силы и самостоятельности и, наконец, повысить уровень его требований вплоть до признания необходимости окончательного перехода всей земли в его руки. Правило революционеров-разрушителей «чем хуже, тем лучше» решительно отвергалось как не выдерживающее критики¹.

Касаясь вопроса о политических задачах народников, авторы программы отмечали, что масса народа «совершенно чужда всякого политического интереса и понимания» и ее политическое воспитание не может быть предметом активной деятельности. Поэтому задача коренного изменения политического строя снималась с повестки дня. Отношение к конституции в программе было «пассивное и выжидательное». Политические свободы могли облегчить работу демократической интеллигенции в народе. Но, с другой стороны, конституция предоставляла дворянству и сельской буржуазии «все шансы» составить ядро в будущем самоуправлении и «принести вред в виде разрушения общины и свободной циркуляции земель»².

Главная роль в осуществлении новой народнической программы впервые отводилась «интеллигентному пролетариату» или безработным специалистам. По мнению ее составителей, сама сила вещей толкала эту наиболее демократичную часть современной интеллигенции на путь солидарности с народом. Но чтобы привлечь ее к движению, одних общих фраз и «идеалов чувств» было уже недостаточно. Интеллигенция нуждалась в живых «идеалах деятельности» и практических примерах их осуществимости в народной среде. Только тогда можно было вдохнуть в движение новую веру в возможность деятельности среди народа, ибо в ней «сущность социализма, начало и конец лучших идеалов человечества»³.

Как видно, данная программа имела много общего с тем, что писал на страницах «Недели» предшественник Абрамова – Каблиц-Юзов. Но у нее было и одно существенное отличие, проливающее свет на дальнейшую эволюцию идеологии «малых дел». Это идея привлечения к практической деятельности в деревне «культурного пролетариата».

Первые статьи Абрамова в «Неделе» («Правда ли, что нет дела?», «Еще о наших специалистах», «Стоит ли работать в деревне?») появились летом 1885 г. Их цель заключалась в том, чтобы убедить интеллигентных специалистов в необходимости перенести свою деятельность из культурных центров в провинцию. В качестве повода для такой постановки вопроса стали жалобы городской интеллигенции на безработицу и необеспеченность ее материального положения. По мнению Абрамова, во всем этом в значительной мере была виновата сама интеллигенция, которая боялась выйти из привычной колеи на новый путь. «У нас или все герои, или тряпки. Но пора бы народиться **среднему типу человека** (выделено мной. – Г. М.), способному на простое, честное дело. Нужда в таком человеке великая и будущее принадлежит ему»¹.

На призыв «Недели» идти в народ на «культурную работу» тут же появились оживленные отклики читателей, благо общее количество подписчиков газеты в середине 1880-х гг. составляло 8 тыс. человек и за десять лет эта цифра возросла почти вдвое². Из опубликованных редакцией писем приведем одно из наиболее характерных. «В вашей газете, – обращался к редактору бывший воспитанник московской консерватории С. А. Кирьяков, – я прочел воззвания к труду в провинции, в деревне. Вполне соглашусь, что столицы и губернские города переполнены предлагающими свои услуги всякого рода, так что многие остаются без дела, не имея возможности быть победителями в борьбе за кусок хлеба...». Далее он сообщал о своем желании переселиться в деревню в качестве учителя рисования и игры на фортепьяно, искренне полагая, что станет там «драгоценностью для родителей и

¹ Опыт обоснования программы народников. С. 621, 622.

² Там же. С. 624–627.

³ Там же. С. 617, 627, 630.

¹ [Абрамов Я. В.] Стоит ли работать в деревне? // Неделя 1885. № 41. Стб. 1412.

² Зверев В. В. «Неделя» // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. С. 334.

воспитателей, желающих дать (детям. — Г. М.) серьезное, законченное художественное образование...»¹.

Более сдержанной была реакция на статьи «Недели» о «лишних людях» других периодических изданий. В частности, коллеги Абрамова указывали на то, что в деревне для интеллигенции нет необходимых условий и работа там будет носить характер мученичества, добровольной каторги. Высказывалось также мнение, что она там погибнет с голоду². Даже Н. А. Астырев, убедившийся на своем личном опыте, что если образованные люди пойдут в деревню на должность писаря, то в крестьянской жизни произойдет огромный переворот, тут же скептически замечал: но как дать возможность интеллигенции стать в непосредственное общение с сельским населением? Пока это, к сожалению, «несбыточная вещь»³.

В ответ на эти возражения Абрамов пишет новые статьи, пытаясь доказать, что «внешние условия» — удобный термин для объяснения бездеятельности всех тех, кто предпочитает сидеть сложа руки, вместо того, чтобы работать⁴. Для человека с «тепличным» (буржуазным) воспитанием идти в деревню на свой страх и риск очень тяжело. Но не стоило преувеличивать ожидавшие его там трудности. Много тысяч в деревне не заработать, но «в любом случае, — по заверению публициста «Недели», — ваше положение будет выше теперешнего, которого вы достигаете перепиской, уроками и даже извозным промыслом»⁵.

Еще один аргумент Абрамова — это важное практическое значение предлагаемой народником социально-экономическая программы деятельности интеллигенции в деревне. Во-первых, она включала систему неотложных мер по ограждению народа от

разлагающего влияния новых капиталистических порядков. Это финансовая помощь крестьянам для покупки и аренды земли, организация сбыта сельскохозяйственной продукции, улучшение культуры ведения крестьянского хозяйства, распространение агрономических знаний и т.п. Во-вторых, целенаправленная программа борьбы с народной бедностью и невежеством (двух главных препятствий на пути дальнейшего развития русского народа) должна была создать предпосылки для того, чтобы вылечить деревню и от остальных ее застарелых недугов. Для этого Абрамов настоятельно рекомендовал интеллигенции заняться созданием в народной среде сети кооперативных, медицинских и культурно-просветительских учреждений¹.

Пропагандируемая Абрамовым программа «малых дел» была проста и понятна. Но для ее выполнения требовалось одно важное условие, а именно: участие в этой работе многих и многих тысяч людей и соответственно координация их деятельности, финансовая и моральная поддержка². Поэтому Абрамов предлагал интеллигенции универсальную для пореформенной России форму объединения общественных сил, уже реально существующую и положительно зарекомендовавшую себя на практике. Это система земских учреждений — всесословных органов местного самоуправления, где на вполне легальной почве могли сблизиться представители различных слоев русского общества и народа. «Правильная организация местного самоуправления, — писал публицист, — могла бы значительно облегчить передвижение интеллигентных сил из центров в глушь и сделать их труд более плодотворным. Благодаря этому органы местной власти станут своеобразным форпостом, где будут концентрироваться необходимые силы для борьбы... с представителями своекорыстия и личных интересов»³.

¹ Кирьяков С. А. Письмо к редактору // Неделя. 1886. № 7. Стб. 270–271.

² См. обзор отзывов: [Абрамов Я. В.] Еще о наших специалистах // Неделя. 1885. № 38.

³ А-ревъ [Астырев Н. А.] В волостных писарях // Вестник Европы. 1885. № 8. С. 522.

⁴ [Абрамов Я. В.] «Внешние условия» и частный почин // Неделя. 1886. № 18. Стб. 601–602, 603.

⁵ [Абрамов Я. В.] Еще ответ на возражение // Неделя. 1885. № 48. Стб. 1676; Он же. Преувеличенные обвинения // Неделя. 1885. № 49. Стб. 1716; Он же. Маленькие деятели // Неделя. 1886. № 6. Стб. 204; Он же. Интеллигенция в деревне // Неделя. 1886. № 13. Стб. 445–446. Примечательно, что сам Абрамов «ради культурной работы» в 1890 г. уехал из столицы на свою родину в г. Ставрополь. См.: Абрамов Я. Геройство и безделие // Неделя. 1894. № 37. Стб. 1179.

¹ [Абрамов Я. В.] Наш капитализм // Неделя. 1886. № 47. Стб. 1547; Он же. Народнохозяйственный подъем // Неделя. 1888. № 10. Стб. 326–327; Он же. Тяготение к земле // Неделя. 1891. № 16. Стб. 500–502.

² Хотя Я. В. Абрамов горячо защищал значение частной инициативы в решении общественных вопросов, тем не менее, он не мог не признать, что филантропия и подвижничество — удел немногих единиц. См.: Абрамов Я. Переселения и частная инициатива (Письмо с Северного Кавказа) // Путь-дорога. СПб., 1893. С. 370.

³ [Абрамов Я. В.] Самоуправление и интеллигенция // Неделя. 1885. № 40. Стб. 1379.

С момента своего возникновения земские учреждения стали убежищем идейной интеллигенции, желавшей служить не царю, а народу. Однако в «героические» 70-е гг. XIX в. деятельность местного самоуправления (во многом под влиянием революционной пропаганды) считалась мизерной и бесплодной, т.к. она не могла избавить трудящиеся массы от «общих» причин их страданий. Лишь полное разочарование в идее быстрого и радикального решения проблемы народа заставило значительную часть интеллигенции отказаться от социального утопизма и перейти к вопросу об организации помощи миллионам крестьян в их повседневной борьбе за существование¹.

В 1888–1889 гг. Абрамов пишет о деятельности земства серию очерков, впоследствии переизданных в виде книги «Что сделало земство и что оно делает» (1889). В ней он попытался выработать «правильную» точку зрения для оценки общих результатов земской работы.

Согласно взглядам главного теоретика «Недели», земские учреждения воплощали все лучшее, что было сделано на местах в результате реформ 1860–1870-х гг. В тех губерниях, где были введены земства, их благотворное влияние сказалось на всех сторонах жизни народа. Наиболее важными областями деятельности земств публицист считал их заботу о народном здравии, образовании и об экономическом положении населения. В книге содержится большая выборка сведений о земских программах и практических мероприятиях (в указанных областях), собранных публицистом на основе изучения журналов земских собраний, докладов земских управ, протоколов съездов земских врачей и материалов земской статистики.

Свой обзор деятельности русского земства Абрамов посвятил разоблачению убеждения, будто земство «ничего не может сделать». Для этого он попытался сопоставить предъявляемые к земству требования с его реальными возможностями. Например, в главе «Земство и народное здравие» публицист пишет, что многие врачи считают лечение простого народа «наполнением бочек Данаид»: сколько не лечи, а народ все-таки будет болеть. Сам Абрамов находил этот взгляд совершенно абсурд-

ным. Земские врачи, действительно, не могли устранить главных причин народных болезней, т.к. для этого требовалось изменение всего экономического и бытового положения населения, что не входило в задачи земской медицины. Но они могли организовать рациональное лечение населения, которое уменьшало смертность и дарило людям способность работать. Отрицать эту действительную задачу земской медицины, по словам Абрамова, было также нелепо, как отказывать в лечении раненым на войне до тех пор, пока она не закончится¹.

Абрамов писал не только о достоинствах земства как «истинно народной формы самоуправления», но и о многих его недостатках, связанных с организацией и составом земских учреждений. В то же время практическую деятельность земства народнический публицист оценивал исключительно высоко. Благодаря настойчивости земцев население деревни получило доступ к начальному образованию, были снижены выкупные платежи, ликвидирована подушная подать, предприняты меры по устройству быта кустарей и крестьян-переселенцев².

Во второй половине 1880-х гг. поднятый Абрамовым вопрос о новых задачах деятельности интеллигенции в деревне получил развитие в статьях других публицистов «Недели»³. Правда, их содержание не всегда соответствовало тому пониманию значения «малых дел», которое вкладывал в них Абрамов. Вокруг публикаций одного из сотрудников газеты – К. В. Лаврского развернулась настоящая война между «Неделей» и «Русской мыслью».

Известный в свое время публицист Лаврский был человеком с непростой судьбой. Сын священника, во время обучения в Казанском университете он сблизился с шестидесятниками. Сочувствие революционным идеям стоило ему нескольких лет каторжных работ. В 70-е гг. XIX в. Лаврский – чиновник Контрольной палаты и по совместительству корреспондент «Недели». В 1884 г., вдохновленный «Письмами из деревни» А. Н. Эн-

¹ Абрамов Я. В. Что сделало земство и что оно делает (Обзор деятельности русского земства). СПб., 1889. С. 66–67.

² Там же. С. 170, 251.

³ См.: Як. Б. Интеллигенция в деревне // Неделя. 1886. № 7; Р. Д. [Дистерло Р. А.] Новое литературное поколение // Неделя. 1888. № 15; Е. Ч. Мнимый переизбыток интеллигенции // Неделя. 1886. № 40; Оторванность от жизни // Неделя. 1888. № 47.

¹ Подробнее о деятельности интеллигенции в земстве см.: Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986.

гельгардта, он поселяется на своем хуторе в Свияжском уезде Казанской губернии, сделавшись сельским хозяином¹. В 1885–1886 гг. Лаврский публикует в «Неделе» под псевдонимом «Д. Ж.» ряд статей, где доказывает необходимость для интеллигенции жить своим трудом, став интеллигентными земледельцами².

Недовольство передовой печати вызвали практические советы, как следует вести себя в деревне, которые Лаврский в изобилии раздавал читателям³. Чтобы не оказаться в положении «чудак-барина»⁴, он, например, рекомендовал интеллигенции держаться подальше от мужика, который будет пытаться ее «объегорить» и «одурачить». Их взаимоотношения должны были стать только *деловыми*, а не «сердечными», для чего интеллигенту предлагалось сделаться «управляющим, арендатором, приказчиком, торговцем, ремесленником, мельником, содержателем перевоза и т.п.»⁵. Как заметил по поводу статей Лаврского Г. И. Успенский, получалось, что рано или поздно деревенский интеллигент (выработавший в себе, по совету «Д. Ж.», определенный запас «бессердечия») должен был сам научиться обманывать мужика, как это делал обычный деревенский кулак⁶.

Больше всех возмущался статьями «Деревенского жителя» бывший шестидесятник Н. В. Шелгунов. В одном из своих «Очер-

ков русской жизни» он подверг «деловое» мышление «Д. Ж.» подробному анатомическому разбору, признав его «атавизмом мысли», «шествием назад». По убеждению Шелгунова, призыв перестать быть интеллигентом и «засесть в деревенских лавках» не мог поднять уровень экономического благосостояния народа. Для решения данной задачи вначале необходимо было сравнивать потребности деревни и городской интеллигенции, что в свою очередь требовало развитие народного мышления и народного самоуправления¹.

Хотя редакция «Недели» попыталась отмежеваться от статей «Д. Ж.», сославшись на несовпадение изложенных в ней идей с позицией газеты, кое-что общее между ними было. И Лаврский, и Абрамов понимали общественное развитие как движение снизу вверх, от личности к обществу. Отстаиваемая ими теория «малых дел» должна была убедить интеллигенцию в возможности для отдельных нравственно развитых личностей бороться с общественным злом при данных общественных условиях. Позиция Шелгунова была диаметрально противоположной. Он считал, что мир спасут «хорошие учреждения», а не «хорошие люди»². Поэтому с критики «Д. Ж.» Шелгунов переключается на статьи Абрамова.

Формально полемика Шелгуновым с Абрамовым началась в 1888 г. с вопроса о значении в русской жизни так называемых «светлых явлений» (примерах проявления общественной и частной инициативы в решении различных вопросов повседневной народной жизни). С точки зрения Абрамова, популяризация подобных явлений была лучшим средством указания положительных путей, на которые «нужно выходить людям, стремящимся к улучшению мрачной действительности». Кстати, в статье «Мрачные и светлые явления» он очень больно ужалил Шелгунова, сравнив его с гробокопателем, который видит в русской жизни одни только ужасы и «смрадную пучину»³.

Неприятие Шелгуновым общественной программы «Недели» тоже имело свои резоны. Выделим основные причины его крити-

¹ Рогалина В. А. Лаврский Константин Викторович (1844 – после 1920) // Русские писатели. 1800–1917. Т. 3. С. 268–269.

² [Лаврский К. В.] Почвенные вопросы // Неделя. 1885. № 17, 20, 25, 30; Он же. К чему способна интеллигенция? // Неделя. 1887. № 7, 9; Он же. Практика «своего труда» в деревне // Неделя. 1888. № 18, 19, 21, 28; Он же. Сомнения относительно «своего труда» в деревне (Письмо деревенского жителя) // Неделя. 1888. № 51.

³ Сам К. В. Лаврский был уверен, что его статьи попали в «большое место» интеллигенции и имели значительный успех, о котором он в то время даже не подозревал. См.: Лаврский К. В. Автобиография. – РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Д. 96. Л. 20.

⁴ «Чудак-барин» – герой одноименного очерка Г. И. Успенского (из цикла «Непорванные связи»). В основе сюжета реальная история, М. П. Ребиндером. Увлечшись народническими идеями, он случившаяся с бароном поселился на одной из мыз в Новгородской губернии, мечтая основать сельскохозяйственную артель. Однако, не будучи рачительным хозяином, новоявленный народник быстро разорился не без помощи местных крестьян. См.: Успенский Г. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 4. С. 591 (прим.).

⁵ Д. Ж. [Лаврский К. В.] Практика «своего труда» в деревне. № 18, 19.

⁶ См.: Глеб Успенский: Материалы и исследования. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 322.

¹ Н. Ш. [Шелгунов Н. В.] Очерки русской жизни // Русская мысль. 1887. №. 4. С. 117, 119; 1888. № 9. С. 167, 170.

² Там же. 1888. № 9. С. 155.

³ [Абрамов Я. В.] Мрачные и светлые явления // Неделя. 1888. № 29. Стб. 903, 904.

ки теории «малых дел». Разумеется, позиция Абрамова и других «неделистов» излагается здесь со слов Шелгунова.

Первая причина заключалась в отказе «Недели» от борьбы за изменение существующих общественных условий. У Абрамова общественное служение «не идет дальше деятельности учителя, врача, агронома», поскольку он уверен, что общественно-полезная деятельность «всегда возможна». Это, по выражению Шелгунова, «умственный дальтонизм», т.к. при отсутствии государственной поддержки работать в народе могут только энтузиасты-одиночки и их деятельность всегда будет носить микроскопический характер. Вторая причина – враждебное отношение «Недели» к идейности (критическому отношению к действительности), создание культа людей средних, исполнительских способностей («маленьких деятелей»). По Шелгунову, узкий практицизм – главный источник «нашего общественного бессилия» в решении больших задач, стоящих перед русской жизнью. И еще одна причина – это стремление публицистов «Недели» убедить интеллигенцию «жить своим хлебом». Шелгунов однозначно интерпретирует его как призыв к самоуничтожению общественной интеллигенции, для которой смысл существования – в служении общественным идеалам¹.

По убеждению Шелгунова, «энергия общественного поведения» создается только идейным движением мысли, а не возбуждением единоличного чувства и личной нравственности. «Наш разброд, – доказывал публицист, – происходит не от того, что у нас не доставало личной доброжелательности или личной энергии..., наш разброд происходит только оттого, что нашими личными чувствами и личной энергией не управляют точные понятия и определенные общественные идеи»². Иначе говоря, проблема заключалась не в «малых делах» как таковых, а в том, какие общественно-политические идеалы их освещают. Проповедуют ли они «мещанское счастье» (чего не мог принять Шелгунов) или, наоборот, заставляют интеллигенцию думать в направлении общественного блага³.

¹ Н. Ш. [Шелгунов Н. В.] Указ. соч. 1889. № 2. С. 204–205; 1889. №. 11. С. 156, 160, 171; 1890. № 1. С. 186, 190–191.

² Там же. 1888. № 11. С. 177–178.

³ Там же. 1889. № 2. С. 197, 203; 1891. № 4. С. 186–188.

С еще более резкими высказываниями в адрес «Недели» выступал друг и единомышленник Шелгунова – Н. К. Михайловский. Теорию «светлых явлений» Абрамова он называл «школой общественного разврата», а поколение восьмидесятников в целом – «тусклым туманным пятном», потому что «оно не чувствует ненависти и презрения к обыденной человеческой жизни, не признает обязанности быть героем, не верит в возможность идеальных людей (курсив мой. – Г. М.)». Михайловский прямо обвинял публицистов «Недели» в том, что своей реабилитацией действительности они только «вторят течению реакции против идеалов недавнего прошлого», ничего нового и положительного этим идеалам не противопоставляя. «Трудное время пройдет; волна реакции отхлынет, и я, – пишет публицист, – не поздравляю тех раков, которые останутся на мели». Вообще, по мнению Михайловского, Шелгунов сделал большую ошибку, уделив такому «мизерному» явлению как «неделизм» столько внимания¹.

Шелгунов и Михайловский выражали отношение к «малым делам» представителей левого фланга народничества. По понятным причинам в их оценках преобладал, говоря современным языком, черный пиар. Поэтому для полноты картины приведем мнения другой стороны. Тем более что на рубеже 1880–1890-х гг. силы сторонников развития общественной самопомощи значительно возросли, а их аргументация в защиту «частного почина» стала еще более продуманной и взвешенной.

Для начала обратимся к отклику на полемику «Недели» с «Русской мыслью» другого идеолога восьмидесятых годов Л. Е. Оболенского. Суть спора он определил так. Что необходимо для выработки «гражданской личности», как главного двигателя прогресса: наличие учреждений или развитие у личности нравственно-общественных чувств и потребностей? Для Оболенского данный спор есть плод недоразумения, потому что «учреждения даются, берутся, создаются только личностями». «Герои гражданственности» зарождались среди самых темных эпох и обращали их в светлые. Поэтому правильная постановка вопроса, по мнению Оболенского, сводилась к выяснению того, что оказывает на развитие личности большее влияние – знания или чувства².

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 6. Стб. 771–773.

² Созерцатель [Оболенский Л. Е.] Обо всем. Недоразумения среди идейных писателей // Русское богатство. 1889. № 2. С. 254, 255, 256.

Сам Оболенский мыслил на этот счет довольно категорично. Знание, пишет он, «есть слепое, хотя и могучее орудие, как в руках добрых, так и в руках злых». Поэтому победа «благих» идей над «злыми» заключалась не в самом знании, а в «нравственной гальванизации» общества. Вера в то, что общественное сознание возбуждается одними знаниями и они одни могут изменить руководящие идеи общества, а с ними и внешние условия, – «страшная ошибка»¹. Таким образом, Оболенский поддержал позицию «Недели» с ее ставкой на личную инициативу интеллигенции.

В конце 1880-х гг. с приглашением «встать в ряды народа» к демократической интеллигенции обращались не только публицисты «Недели» и «Русского богатства». Та же идея красной нитью проходила через статьи «Русского дела», «Северного вестника», «Русской мысли», посвященные вопросам народного просвещения и улучшения различных сторон народного быта². Среди многочисленных публикаций на эти темы выделяется труд А. С. Пругавина «Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения» (1890).

Пругавин принадлежал к поколению «кающихся дворян» 1870-х гг. За участие в деятельности московских революционных кружков он был выслан на свою родину в Архангельскую губернию, где увлекся изучением старообрядчества. В 1880-е гг. Пругавин публикует на эту тему несколько статей, но цензурные гонения заставляют его переключиться на культурно-просветительскую тематику³.

Книга Пругавина интересна тем, что в ней впервые в народной литературе обобщаются практические попытки представителей трудовой интеллигенции содействовать делу народного образования путем создания вольных крестьянских школ,

¹ *Созерцатель*. Обо всем. 1889. № 2. С. 260.

² См.: Другой студент. О лириках людях (голос из молодой интеллигенции) // Русское дело. 1886. № 34–35; Пругавин Виктор. К вопросу об общественных запашках // Северный вестник. 1887. № 1; Каблуков Н. О значении профессионального образования при экономических условиях России // Русская мысль. 1888. № 12; Щепотьева Ел. Умственные запросы народа и их удовлетворение // Русская мысль. 1889. № 4. См. также: Мичурин А. В защиту книги «Что читать народу?». Тифлис, 1887; Пытин А. А. Одна из задач русской интеллигенции. Псков, 1887.

³ Автобиография Александра Степановича Пругавина (1850–1920). – РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 2998. Л. 1–4.

организацией публичных народных чтений, открытием народных библиотек и читален и т.п. Автор признает, что это движение развивалось бы лучше, если встретило больше доверия со стороны правительства. В то же время, ссылаясь на опыт более развитых европейских стран, он пишет, что «задачи народного просвещения и воспитания так велики, что, как бы много не делало государство в этой области, частной инициативе здесь всегда найдется обширное поле для деятельности»¹.

Заявление Пругавина о необходимости самого широкого личного участия интеллигенции в решении проблем народного просвещения вызвала полемику с ним со стороны видного литературоведа и публициста «Вестника Европы» А. Н. Пыпина. В сочинении Пругавина он увидел попытку переложить обязанности государства на плечи интеллигенции, что могло свести дело народного образования к простой благотворительности². И все же большинство отзывов на оба издания книги носили сочувственный характер³.

В 1891 г. в «Северном вестнике» в защиту тех, кто занимался так называемыми «маленькими делами», выступил еще один семидесятник – С. Н. Кривенко. На его аргументах следует остановиться подробнее, потому что они выводили проблему соединения в общественном движении идейности и практичности на новый уровень ее понимания.

Смысл позиции Кривенко прост. Только человек, ранее занимавшийся пусть маленьким, но действительно полезным делом «для бедного и темного русского народа», сможет стать настоящим деятельным земцем и дойти до сознания зависимости успеха любого общественно значимого вопроса от масштаба и глубины его постановки⁴. В данном случае «малое дело» представлялось первой ступенью к «делу большому», его необходимой составной частью, а не противопоставлялось ему в виде че-

¹ Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд. СПб., 1895. С. 401, 490.

² Пытин А. Народная грамотность // Вестник Европы. 1891. № 1. С. 257, 265, 279.

³ См., напр.: А. П. Литературное обозрение // Вестник Европы. 1890. № 12; Критика и публицистика // Русская мысль. 1895. № 9; Глинский Б. Б. Народная грамотность // Исторический вестник. 1895. Т. 59. № 2.

⁴ [Кривенко С. Н.] Из провинциальной печати // Северный вестник. 1891. № 1. С. 41, 50.

го-то независимого и самодовлеющего, как у сторонников теории «малых дел».

Конкретное приложение данный подход получил в конце 1891 г., когда вследствие засухи и неурожая начался голод в Поволжье. Высказывая свои соображения о мерах помощи голодающим, Кривенко настаивал на открытии доступа к народу частных лиц. Размер их благотворительности был невелик, но своим нравственным примером единицы могли пробудить инициативу более широких слоев общества и тем самым стимулировать принятие правительством мер, действительно необходимых для прекращения народного бедствия¹. Иначе говоря, пропаганда «малых дел» являлась для Кривенко практическим средством развития самодеятельности общества, которому больше угрожала не опасность увлечься полумерами, а полное бездействие.

Полемика 1880–1890-х гг. о «малых» и «больших» делах дала впоследствии обильную пищу для дискуссий среди исследователей народнической мысли. Для марксистских историков теория «малых дел» («неделизм») – важное свидетельство идейного кризиса народничества, отказа от идей революционного преобразования общества и начала его либерального перерождения. Поэтому преодоление влияния этой теории марксистами долгое время преподносилось как важный шаг вперед в развитии общественной мысли². Современные исследователи, как правило, стремятся уйти от идеологических оценок идейных исканий правого народничества, находя в них не только слабости, но и несомненные достоинства.

Капитализм подрывал благосостояние народа, безжалостно разрушая хваленые народниками общинные устои. Все это заставляло новое поколение идеологов интеллигенции по крайней мере на время забыть о широких общественных задачах, связанных с устранением коренных причин народных болезней и задуматься о необходимости оказания деревни неотложной культурной помощи в ее повседневной борьбе за выживание. В исто-

рической литературе этот поначалу тихий и малозаметный процесс по перемещению трудовой интеллигенции из столиц в провинцию, видимо, с легкой руки В. И. Харламова, получил громкое название «второго хождения в народ»¹.

Переориентация значительной части народнической интеллигенции на идеологию «незаметного служения» впервые сделала ее живой силой общественного строительства. Деятельность земских учреждений и «культурных одиночек», несмотря на их ограниченные возможности, способствовала развитию инициативы и самодеятельности пореформенного русского общества, что, в сущности, и явилось главным источником экономических и культурных успехов, достигнутых Россией в конце XIX – начале XX в.²

В то же время учение о том, что все великие социальные вопросы можно разрешить сознательным и честным исполнением своих профессиональных обязанностей, стало еще одним мифом народнической интеллигенции. Историки не случайно обращают внимание на то, как преднамеренный уход наиболее здравомыслящей части интеллигенции из политики в сферу хозяйственных дел лишил прогрессивную общественность возможности противодействовать экстремистам справа и слева, которые, в конце концов, ввергли страну в водоворот трех российских революций³.

Однако нелепо возлагать все ответственность за кровавые события начала XX в. на Каблицу, Абрамова и их единомышленни-

¹ Харламов В. И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России: Сб. ст. М., 1990. С. 177, 180; Балуев Б. П. Споры в конце XIX века о роли интеллигенции в исторических судьбах России // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 316–317; Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 273; Жвания Д. Д. Указ. соч. С. 82; Новак С. Я. Указ. соч. С. 84; Касторнов С. Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ: Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. С. 247.

² Овсянко-Куликовский Д. Н. Собр. соч. М., 1924. Т. 9. С. 75, 92, 122, 134, 173; Колеров М. Дитя несвободы. Рождение и смерть интеллигенции // Знание – сила. 1992. № 2. С. 109.

³ См.: Оболонский А. В. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994. С. 183–185; Зверев В. В. Эволюция народничества: «теория малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 93.

¹ [Кривенко С. Н.] Из провинциальной печати. № 10. С. 64.

² См.: Неведомский М. [Миклашевский М. П.] 80-е и 90-е годы в нашей литературе // История России в XIX веке. СПб., 1911. Т. 9. С. 19, 21, 23; Есин Б. И. Н. В. Шелгунов. М., 1977. С. 55–57; Канаева Т. М. Газета «Неделя» в общественном движении пореформенной России (1875–1893): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1981. С. 14.

ков, которые как раз и пытались противодействовать распространению в обществе идеи политического насилия как «локомотива истории». В стремлении доказать необходимость приобщения народа к общечеловеческой культуре как важнейшего условия практической цивилизации России и состоит главное значение общественной деятельности теоретиков «малых дел».

§ 2. «Синтетическое народничество» «Мысли» и «Русского богатства» 1880-х – начала 1890-х годов

Русский философ, социолог, литературный критик и публицист народнического направления Л. Е. Оболенский¹, к сожалению, давно уже принадлежит к числу полузабытых отечественных мыслителей XIX в. Даже историкам народничества он больше известен как редактор научно-популярных журналов «Мысль» и «Русское богатство». Общественные взгляды одного из видных теоретиков народничества 1880-х гг. никем серьезно не изучались, т.к. в литературе за ним закрепилась репутация крайне правого мыслителя в духе известного «интеллигентофоба» Каблицы.

На самом деле еще с конца 1870-х гг. Оболенский вынашивал идею создания особого, «синтетического» течения в народничестве, призванного примирить крайности «поборника народа» И. И. Каблицы и «поборника интеллигенции» Н. К. Михайловского. И хотя попытка дать научное обоснование новой тактике сближения интеллигенции с народом (на основе «научной теории счастья») была воспринята другими идеологами легального народничества, образно говоря, в штыки, публицистические статьи Оболенского, на наш взгляд, внесли свою лепту в развитие русской общественной мысли.

Оболенский родился в городе Малоархангельское Орловской губернии в довольно зажиточной дворянской семье. Окончив в начале 1860-х гг. Орловскую гимназию, юноша примерно год посещал лекции по химии, физике и физиологии в Медико-хирургической академии. В 1862 г. он стал вольнослушателем юридического факультета Московского университета, но учился, по

собственному признанию, не особенно прилежно. Сблизившись с ишутинцами, Оболенский «слушал лекции (и сам проповедовал) в кружках, возникших в то время в Москве»¹. Тем не менее, пребывание в стенах крупнейших учебных центров России оказало заметное влияние на формирование мировоззрения будущего теоретика «научного народничества».

Осенью 1865 г., желая лучше узнать жизнь простого народа, Оболенский поступает на службу секретарем Козельской земской управы Калужской губернии. Вместе с А. К. Маликовым он организует кружок молодежи с целью сближения с рабочими Людиновского завода². Но в апреле 1866 г. его неожиданно арестовывают по делу Дм. Каракозова. В Петропавловской крепости Оболенский сознался в тайных планах ишутинцев освободить Н. Г. Чернышевского³. Спустя полгода Оболенского выслали из столицы под надзор полиции в Костромскую губернию, а в 1870 г. по его личной просьбе перевели в г. Орел. Здесь он получил возможность заниматься адвокатской практикой при Орловском окружном суде. В годы ссылки будущий журналист, восполняя пробелы своего образования, увлекся изучением политической экономии, социологии и философии. Тогда же в «Орловском вестнике» появились первые статьи Оболенского по общественным вопросам.

В 1878 г. Оболенский получает разрешения на постоянное жительство в Петербурге, где началось его сотрудничество в журнале известного зоолога Н. П. Вагнера «Свет». С первых же статей Оболенский зарекомендовал себя ярким проповедником «культурных начал на основах мирной социальной эволюции», т.е. выразителем культурнической тенденции в народничестве⁴.

Культурническое течение зародилось еще в 1860-е гг. вместе с первыми попытками создания интеллигентских артелей и общин. Их участники пытались на собственном опыте доказать преимуще-

¹ Автобиография Л. Е. Оболенского. — РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 2646. Л. 6 об.

² Дмитриев Г. М. Движение революционного народничества в Центрально-Черноземных губерниях России в первой половине 70-х гг. XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1971. С. 181.

³ Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е гг. XIX в.). М., 1965. С. 235.

⁴ Б. Г. [Глинский Б. Б.] Памяти Л. Е. Оболенского // Исторический вестник. 1906. № 11. С. 627.

¹ Книгин И. А. Леонид Егорович Оболенский (1845–1906) // Русские писатели. 1800–1917. Т. 4. С. 376–378.

щества свободного коллективного труда. Очарованный романом Чернышевского «Что делать?», Оболенский был одним из участников этих социальных экспериментов¹.

Важным толчком для дальнейшего развития народнической мысли послужила неудачная практика «хождения в народ», обнаружившая, что мужик не хотел сближения с интеллигенцией не просто потому, что видел в ней своих вчерашних господ. Он не принимал самой идеологии народничества, отвергавшей его традиционные православно-монархические идеалы. Не случайно во второй половине 1870-х гг. с критикой надежд на быстрое осуществление идеалов интеллигенции выступают народники «Недели» во главе с Каблицем.

После возвращения из ссылки Оболенский становится близким другом Каблица. В конце 1870-х гг. они вместе посещали литературные собрания, устраиваемые редакцией журнала «Слово»². Сам Оболенский расскажет впоследствии о том глубоком впечатлении, которое произвела на него первая большая работа Каблица «Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане» (1881). После знакомства с этой книгой Оболенский признал, что интеллигенции необходимо прислушиваться к голосу самого народа и серьезно считаться с этим голосом, не навязывая народу того, что «не в его духе» или национальном характере³.

Свои взгляды на народ и интеллигенцию Оболенский впервые изложил в 1879 г. в статье «К истории развития нашей интеллигенции». Это развитие представлялось народнику как движение от «платонического сочувствия народу, изукрашенного всеми радугами незнания, и метафизического отношения к народу» к осознанию необходимости научного изучения его мысли и жизни. По мнению автора, народ сам знает, что ему нужно, но не умеет этого выразить. Задача интеллигенции: облечь его мысли и желаний в соответствующие идеи, «в форму литературную, поэтическую, беллетристическую, публицистическую и законодательную». Однако большинство интеллигенции не понимает своего истинного предназначения, пытаясь навязать народу свои

вкусы, потребности и желания. «От этого-то, – заключает публицист, – наша интеллигенция... вечно смешивает интересы народа с интересами и стремлениями других классов»¹.

В 1880 г. Вагнер добивается разрешения на издание журнала «Мысль» и сдает его в аренду Оболенскому. Последний пригласил в новое издание ряд популярных литераторов и ученых (поэт С. Я. Надсон, писатель К. С. Баранцевич, физиолог И. Р. Тарханов, философ Н. Я. Грот, астроном С. П. Глазенап, врач и публицист В. О. Португалов)². Время от времени в журнале печатался Каблиц-Юзов.

Став во главе «Мысли» (1880–1882), Оболенский, несмотря на идейную и личную близость к Юзову, попытался превратить свой журнал в орган всей народолюбивой интеллигенции. По его убеждению, установление истины требовало согласия голосов всех «здоровых и здравых» общественных партий, ибо каждая партия есть «кусочек, неотъемлемый орган целого, живого общественного тела»³. Поэтому «мы, – писал Оболенский в статье «Наше направление», – всегда провозглашали... чувства положительные, созидательные, творческие: любовь, альтруизм», «в наших идеях – стремление к синтезу, к отысканию даже в мнении противников доли истины, а в мнении единоверцев – ошибок и заблуждений». «Мы были и остаемся *синтетиками*; объединителями всего здорового и полезного для страны и народа, какой бы партии ни принадлежало это хорошее»⁴.

Идейной почвой для консолидации интеллигентских фракций (от крайних радикалов до умеренных либералов), по убеждению Оболенского, могла послужить теория «органического» развития общества, усиленно пропагандируемая им с конца 1870-х гг.⁵ В обобщенном виде она сводится к трем ключевым положениям:

¹ Свет. 1879. № 10. С. 213, 214.

² Книгин И. А. Леонид Егорович Оболенский – литературный критик. Саратов, 1992. С. 13.

³ Л. О. [Оболенский Л. Е.] Оценка идей Достоевского // Мысль. 1881. № 4. С. 83.

⁴ Мысль. 1882. № 12. С. 299.

⁵ Подробнее об органической школе в социологии, созданной известным английским ученым Г. Спенсером, см.: Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л., 1978. С. 101–106.

¹ Оболенский Л. Е. Литературные воспоминания и характеристики // Исторический вестник. 1902. № 1. С. 129–130.

² Ясинский И. Роман моей жизни. М.: Л., 1926. С. 131, 133.

³ Л. Е. Оболенский Литературные воспоминания и характеристики. 1902. № 3. С. 887.

общественное развитие должно исключать насильственные скачки прогресса или регресса, которые порождают болезни социального организма; для утверждения новых общественных форм необходимы соответствующие нравственные и культурные предпосылки, т.к. всякая общественная форма коренится в идеях, привычках и чувствах людей; главным условием культурных успехов является саморазвитие и самодеятельность основного населения страны, активное участие народа и общества в гражданской жизни страны¹.

На страницах «Мысли» Оболенский чуть ли не первым из русских социальных радикалов задался вопросом: как убедить интеллигенцию в возможности утверждения высших общественных форм из частных их улучшений, осуществляемых силами самого общества? «Мы, – пишет Оболенский, – как нация, чересчур отставшая от других, поняли, когда проснулись, необходимость только усиленной прогрессивной работы, чтобы скорее догнать других. От этого мы и забыли другую сторону дела: статическую» (повседневные потребности общественного организма в питании, образовании и т.п., без чего невозможно его существование). «Идеалы и прогресс – вещи прекрасные», но возможны ли они в голодном обществе?² Было время, когда прогрессивная литература, желая пробудить дремавшие силы общества, смеялась над маленькими делами, называя их паллиативами. В итоге у нас «каждая мошка считает себя призванной вершить одни только великие дела!». Однако большинство общества состоит не из героев, а из обыкновенных средних людей, которым эти великие дела не по плечу. Поэтому отрицание «маленьких идеальчиков» привело не к признанию «больших» идеалов, а к совершенному отрицанию всяких. «Помилуйте, как же! Работать теперь, при существующем порядке... В этих словах, – замечает Оболенский, – все: и холопская лень, и холопская трусость, и холопские отговорки!». А все потому, что «мы белоручки, потому что мы ничего не умеем делать, потому что нам все далось даром: и наше образование, и наше общественное положение, и наши средства к жизни. Мы, как истинные лакеи, не

будем работать черную работу: на это есть пониже нас, а мы состоим при господах – идеалах!»¹.

Доказывая необходимость более внимательного отношения интеллигенции к насущным потребностям народа, Оболенский призвал в союзники Ф. М. Достоевского, как представителя «партии русского народа». Этого писателя Оболенский считал большим народником, чем даже главный защитник «истинного народничества» Каблиц-Юзов. Рассмотрев статью своего товарища «Что такое народничество?» (Неделя. 1880. № 31), публицист пришел к выводу, что Каблиц, подобно либералам, судил о желаниях народа «с точки зрения идеала самой интеллигенции», т.е. выбирая из них симпатичные для себя и совершенно игнорируя большинство других идей и стремлений народа².

Народничество Достоевского, по Оболенскому, было не такое как у остальных народников. Великий писатель призывал интеллигенцию любить не теоретический народ, а живой и конкретный. «Нельзя служить одной какой-нибудь стороне жизни народа, а в то же время прать противу основных начал народной психики в их *целом*, которые суть факт, его же не перескочишь, факт, заявляемый ежедневно народом, но перед которым интеллигенция привыкла только вопиять да ужасаться...»³.

Превознося Достоевского как «выразителя простого православного люда», Оболенский в то же время никак не мог согласиться с его желанием совершенно «подавить» интеллигенцию и ее живые насущные потребности. По мнению народнического публициста, «необходимо, чтобы ни интеллигенция не преобладала, ни народ, а чтобы они уравнивали друг друга» – вот формула, на которой могла бы сойтись вся русская интеллигенция⁴.

Попытки Оболенского синтезировать «поборников интеллигенции» и «поборников народа» на основе эволюционной теории развития общества продолжались и в «Русском богатстве» (1883–1891). Право на его издание он приобрел в конце 1882 г. у С. Н. Ба-

¹ *N. N.* Возможно ли работать только для прогресса. С. 242–243; *Он же.* Обзор руководящих идей нашей печати в 1881 году // Мысль. 1882. № 2. С. 288.

² *Л. О.* [Оболенский *Л. Е.*] Народники и г. Достоевский, бичующие либералов // Мысль. 1880. № 9. С. 87–88, 90–91.

³ *Л. О.* Оценка идей Достоевского. С. 85.

⁴ Там же. С. 83–84.

¹ [Оболенский *Л. Е.*] Наше направление // Мысль. 1882. № 12. С. 299–300.

² *N. N.* [Оболенский *Л. Е.*] Возможно ли работать только для прогресса // Мысль. 1880. № 12. С. 245.

жиной. Оболенский постарался придать журналу научный характер, публикуя в нем статьи по философии, эстетике и социологии. Подписчиками нового издания стали бывшие читатели «Мысли», представлявшие средние круги российской интеллигенции¹.

Обладея исключительной работоспособностью, Оболенский один редактировал свой журнал. При этом он плодотворно трудился и над собственными научными и художественно-публицистическими произведениями, поместив за девять лет выпуска журнала более 300 публикаций². Среди сотрудников «Русского богатства» появилось много новых имен. Это публицист В. В. Бирюкович (он вместе с Оболенским составлял обозрения внутренней жизни страны), писатели Н. Н. Златовратский, Л. Н. Толстой, С. Н. Терпигорев, А. К. Шеллер-Михайлов, М. К. Цебрикова, философ А. А. Козлов, историк Н. И. Кареев, юрист И. М. Тютрюмов, врач П. Ф. Лесгафт, гистолог А. М. Никольский. Регулярно печатались переводы научных трудов Г. Спенсера, А. Фуллье, Ж. Реклю, Э. Тайлора, Ф. Гальтона.

Представляя интеллигенцию и народ как различные органы одного и того же тела, Оболенский стремился разработать такую общественную программу, в которой их потребности и нужды были бы согласованы между собой. Руководствуясь этой задачей, он призывал интеллигенцию забыть свои планы опекунов над народом. Деревне были необходимы не благодетели, а простые оплачиваемые работники, хорошо знающие свою специальность. Их первейшая обязанность – вооружить мужика «культурными средствами» борьбы за существование (образование, новейшая техника, интенсивное хозяйство). Такие люди, уверял своих читателей публицист, стали бы «героями расцвета народной жизни», первыми пионерами, которые засыпят пропасть непонимания между «миром мысли» и «миром земледельческого труда». Больше от интеллигенции ничего не требовалось, т.к. если она все это выполнит, то «высшая культура придет само собой»³.

В целом идейные поиски Оболенского не выходили за рамки идеологии «малых дел». Не случайно желанным гостем в «Русском богатстве» был Каблиц. Из десятка статей «рьяного народ-

ника», в которых он, по собственному признанию, стремился помочь народу выйти из его бедственного положения¹, выделим отзыв на переиздание писем А. Н. Энгельгардта «Из деревни» (1882).

Описав отношение Энгельгардта к деревне, Каблиц приходит к выводу, что его можно считать народником, смотрящим на мужика не с высоты «мнимого интеллигентского величия», а с уважением к человеческой личности, стремящейся жить по своему разумению. В то же время он, по мнению Каблицы, разошелся с крестьянством по вопросу о главной причине народной бедности. Энгельгардт видел ее в разъединенности хозяйственной жизни общины, предлагая крестьянам заводить общее хозяйство. Каблиц же доказывал, что в ближайшем будущем ни образование, ни «интеллигентные деревни» не сделают мужика способным к работе сообща. Заставить его вводить общинную запашку могла только крайняя нужда. Поэтому единственным выходом из нынешнего состояния народа являлся тот, что указывал сам мужик. Это увеличение размера его земельного надела².

Важной вехой в истории «Русского богатства» стала публикация в марте 1885 г. «Писем к старым друзьям» Златовратского. Их появление писатель объяснил попыткой разобраться в причинах ужасной болезни под названием «разобщенность и одиночество», которая охватила передовое русское общество.

По наблюдению Златовратского, рост общественного сознания в России определялся двадцатилетиями. Как раз к началу 1880-х гг. закончился дорогой для него период «увлечения мужичком» и идеалами его трудовой общины. Ожидалось, что вскоре будут подведены итоги пройденного пути, чтобы «смело, уверенно и сознательно двинуться вперед». Но «увы! – пишет Златовратский, – ничего подобного еще нет». Разочаровавшись в старых идеалах, общество утратило сознание преемственности между поколениями, что и повергло его в состояние апатии и безнадежности. Тем не менее, писатель завершает свое письмо на оптимистической ноте. «Чувствуется, что назрело время иного отношения к “старым идеалам”, иных приемов в проведении их в жизнь»; что в

¹ Книгин И. А. Леонид Егорович Оболенский – литературный критик. С. 14.

² Там же. С. 17.

³ ...енск... [Оболенский Л. Е.] Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1884. № 4. С. 172–176.

¹ Юзов И. [Каблиц И. И.] Ценность жизни // Русское богатство. 1887. № 12. С. 118.

² Юзов И. [Каблиц И. И.] Деревня и город // Русское богатство. 1883. № 1. С. 207, 209, 212.

прежнем – платоническом отношении к народу разгадка многих неудач прошлого и «прострации» в настоящем¹.

Златовратский выражался довольно витиевато, но читателям «Русского богатства» было понятно, что речь шла о возрождении идеи долга интеллигенции перед народом на почве практического служения его идеалам. Как раз в это время в Москве вокруг писателя образовался народнический кружок. На субботках у Златовратского собирались В. П. Воронцов, В. С. Пругавин, С. Н. Южаков, писатели К. М. Станюкович и Д. Н. Мамин-Сибиряк. В 1885–1886 гг. участники кружка организовали съезд, на котором были выработаны основные тезисы программы «народников-самобытников». Их «кредо» заключалась в признании служения идеалам народа, а не его интересам (на чем настаивали сторонники принципа «все для народа, но не при посредстве его»), ибо «идеалами определяются интересы, а не наоборот». В том, что народные идеалы существуют и жизнь деревни нельзя сводить к «зоологической правде», никто из окружения Златовратского не сомневался².

Содержащаяся в открытом письме Златовратского оценка состояния русского общества была близка и Оболенскому. Об этом, в частности, свидетельствует его критический этюд «Идеалы современной жизни и литературы», напечатанный в «Русском богатстве» в конце 1885 г.

Оболенский высоко оценивал роль в общественной жизни разумно-сознательных целей. Упразднить в обществе идеалы и думать, что от этого будет спокойнее, по словам публициста, все равно, что сбросить с телеги кучера и воображать, что от этого будет лучше. Однако Оболенский вынужден был признать, что в данное время объединение нескольких групп под одним идеалом – это утопия, т.к. борьба между ними обострилась. Конкретно он имел в виду спор о задачах русской жизни, который вели представители народнического и либерального направлений 60–70-х гг. XIX в.³

¹ Златовратский Н. Вопросы времени (Письма к старым друзьям). Письмо первое // Русское богатство. 1885. № 3. С. 664, 667, 671.

² Златовратский Н. Н. «Кредо» [о народничестве] – РО ИРЛИ. Ф. 111. Д. 30. Л. 3, 4 об. Подробнее см.: Сакулин П. Народничество Н. Н. Златовратского // Голос минувшего. 1913. № 1. С. 127–130.

³ Оболенский Л. Идеалы современной жизни и литературы. (Критический этюд) // Русское богатство. 1885. № 10. С. 154, 156.

Наличие в обществе двух противоположных воззрений Оболенский считал одним из главных законов развития человеческой мысли. В 1880-е гг., по свидетельству публициста, ожидалось, что тезис и антитезис примирятся в синтезе, соединяющем те доли истины, которые содержались у поклонников народа и защитников интеллигенции. Но случилось нечто совершенно особое. Крайности не соединились, т.к. для этого требовался «посторонний» связующий элемент. Оболенский назвал его «новым» морально-этическим народничеством, которое ставило во главу угла не народ и не интеллигенцию, а человеческую личность. Почва для его появления содержалась в статьях о прогрессе Михайловского и социологических этюдах Каблицы-Юзова. Но, по словам Оболенского, оба они остановились на половине пути к перемене общественного мирозерцания, поскольку их идеалы жизни были идеалами среды (общественного устройства), а не идеалами личности¹.

В первой половине 1880-х гг. разработкой этической почвы для нового общественного идеала активно занимались издания Оболенского, но потерпели неудачу. Причины ее сам публицист объяснял засильем школы Михайловского – главного «апостола» прогрессивной интеллигенции того времени.

О своем несогласии с идейной позицией Михайловского Оболенский заявлял много раз еще до закрытия «Отечественных записок». Например, в одной из статей в журнале «Мысль» народнический теоретик обвинил «кумира молодежи» и его «подручных» в том, что они «то и дело дают пинки народничеству» (Достоевскому, сотрудникам «Руси» и «Недели»), а «Отечественные записки» в целом в измене народу, который не подтвердил возлагаемых на него интеллигенцией надежд².

О подлинных мотивах полемики Оболенского против своего товарища по народническому лагерю, которого он в молодые годы любил и почитал, как и вся радикально настроенная молодежь, существуют разные точки зрения. Так, Б. Б. Глинский в статье «Памяти Л. Е. Оболенского» заметил, что покойный был от природы человеком очень самолюбивым. Однако по ряду причин он не мог иметь большого успеха в широких кругах читателей и оставался как бы на втором месте в журналистике, засло-

¹ Там же. С. 162; № 11. С. 194–196.

² Созерцатель [Оболенский Л. Е.] Обо всем // Мысль. 1882. № 10–11. С. 185.

ненный публицистом-социологом, шествовавшим под обаятельным для массы знаменем, на котором было написано: «не эволюция, а революция». Отсюда, пишет Глинский, «общественная уязвленность и неудовлетворенность» Оболенского¹. Но наряду с личными мотивами для критических выступлений Оболенского, несомненно, были и серьезные идейные соображения, связанные с негативной оценкой личности Михайловского и его роли в русском общественном движении 1870–1880-х гг.

Обратимся к письмам Оболенского, в которых редактор «Русского богатства» прямо обвинял главного «корифея либерализма» в личной ответственности за апатичное, бездеятельное состояние русского общества, погрузившегося в хаос и «бросающегося от тоски из одного омута в другой». «Вы, – писал он Михайловскому в марте 1885 г., – были героями дня, любимцами толпы, министрами положения и... всякое слово против Вас и Ваших друзей казалось нарушением самого либерального кодекса, преступлением против самой истины и прогресса... Вы буквально давили нас, давили мнение, идею, а не разбирали их и не опровергали. Вы действовали авторитетом, силой своей популярности, а не доводами. Чем же это отличается от обыкновенной цензуры?» Вы, продолжал Оболенский, отняли у читателей «свободу мыслить, выслушав и противную сторону. А ведь это уже деспотизм, это злоупотребление той властью, которою Вас облекла публика». «...Вы возложили все надежды на внешнюю перестройку общества из того же гнилого материала и сами запутались в сети этой ложной (по-моему) теории, сами подпали влиянию «положения», сами увлеклись властью, сами злоупотребили ей, заразившись чувствами монархов, которые в каждом критике видят не только личного, но и государственного врага»².

Весьма примечательно, что, получив в свой адрес столь серьезные обвинения, Михайловский их просто проигнорировал. «Я был сердечно тронут искренностью Вашего письма и очень Вам за него благодарен», – читаем мы его ответ. Но для серьезной полемики по существу обозначенных Оболенским разногласий одной искренности оказалось мало: «...чтобы спор приносил

пользу, нужно спорить печатно»¹. Иными словами, Михайловский предлагал своему оппоненту вынести накопившиеся обиды на суд широкой публики. Нетрудно догадаться, чью сторону поддерживали бы многочисленные поклонники бывшего редактора «Отечественных записок», если бы Оболенский принял это предложение.

Во второй половине 1880-х гг. Михайловский переживал далеко не лучший период в своей жизни. После закрытия «Отечественных записок» он оказался не у дел, пока в ноябре 1885 г. не перешел в «Северный вестник». В этом журнале сотрудничало много народников (В. П. Воронцов, С. Н. Южаков, Я. В. Абрамов, А. М. Скабичевский, С. Н. Кривенко). Они даже мечтали превратить его в новые «Отечественные записки»². Но из-за постоянных разногласий с издательницей А. М. Евреиновой, не жаловавшей народников, Михайловский чувствовал себя в «Северном вестнике» очень неуютно³.

О шаткости положения Михайловского в новом журнале говорят публикации здесь статей его идейных противников. Например, в начале 1887 г. в «Северном вестнике» появилась статья В. С. Пругавина⁴. В ней один из столпов правого народничества доказывал необходимость уважения мнений народа и призывал «культурных людей» отказаться от всякого навязывания крестьянству каких-либо форм и распорядков в его хозяйственной жизни. «Задача интеллигенции, – писал Пругавин, – должна состоять в том, чтобы дать народу благоприятные условия для полного и мирного удовлетворения и осуществления тех запросов, тех нужд, материальных и духовных, которые исторически... развились и назрели в бытовой жизни крестьянства»⁵.

Каблиц в письме к Оболенскому с удовлетворением констатировал, что если редакция «Северного вестника» решилась напечатать статью Пругавина рядом с «глупыми глумлениями» Михайловского над «мнениями народа», то, следовательно, народ-

¹ Б. Г. Памяти Л. Е. Оболенского. С. 631.

² РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 493. Л. 9–10, 12.

¹ Там же. Оп. 3. Д. 11. Л. 8–8 об.

² Николенко-Гильченко В. Воспоминания о Н. К. Михайловском // Заветы. 1913. № 1. С. 9.

³ В письме к С. Н. Кривенко Н. К. Михайловский в сердцах назвал Евреинову дурой и очень сожалел, что не ушел из ее журнала раньше. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 94. Л. 11 об.

⁴ Пругавин Виктор Степанович (1858–1896) – публицист, земский статистик.

⁵ Пругавин Виктор. Указ. соч. С. 87.

ничество успело вторгнуться в «самую цитадель *враждебного лагеря* (курсив мой. – Г. М.)». Теперь «они», писал Каблиц, могли только враждовать с выразителями народнических воззрений, но не с самими воззрениями. «Удивляться этому нечего и мы оба, вероятно, в глубине души веровали в свое дело и в его будущность больше, нежели в самих себя. Народничество – стихийная сила, а мы только его первые представители»¹.

Фраза Каблиц о «решимости» редакции «Северного вестника» связана с опубликованным в журнале в конце 1886 г. письмом В. И. Яковенко к Михайловскому, где ему в очередной раз навязывалась полемика о «мнениях» и «интересах» народа². Интересны комментарии к этому письму историка-марксиста Д. Б. Рязанова. Он пишет, что к тому времени Михайловский уже успел разочароваться в народе как движущей силе исторического прогресса, но все еще боялся высказаться решительно, что мнения народа для радикальной интеллигенции не важны. Собственно в этом его и уличал Яковенко, а редакция «Северного вестника» не упустила случая, чтобы «поставить Михайловского на место»³.

Во второй половине 1880-х гг., окончательно убедившись в неготовности интеллигенции к объединению под одним общим идеалом, Оболенский все больше эволюционирует вправо и становится одним из яростных защитников морально-этических исканий Л. Н. Толстого. Отныне издатель «Русского богатства» будет развивать свои народнические идеи в «толстовском» духе, делая упор на умственное и нравственное самосовершенствование личности, как главное условие всех позитивных общественных изменений⁴. Толстой в свою очередь тоже стремился под-

держать самый близкий ему в идейном отношении журнал, публикуя в нем свои рассказы.

В 1886–1887 гг. возник новый конфликт между Оболенским и Михайловским, который из личной переписки выплеснулся в печать. Поводом послужила одна из статей Оболенского о критиках идей Толстого. В их число попал и Михайловский¹. Обнаружив в этой статье одну незначительную ошибку, «властитель дум» потребовал от автора публичных извинений².

В ответном письме Оболенский в довольно резкой форме обвинил Михайловского в нападках на «свободное слово»³. После такого «выговора» Михайловский решает «наказать» своего задиристого критика, сравнив в своем «Дневнике читателя» взгляды Оболенского на общественный прогресс и задачи интеллигенции с «сапогами всмятку»⁴.

Оскорбленный Оболенский поместил в «Русском богатстве» «Два слова г. Михайловскому», где впервые печатно коснулся некоторых личных качеств этого писателя и общественного деятеля. «...Мы, – замечает публицист, – вовсе не хотим отрицать в г. Михайловском таланта и добрых намерений: его губит только чересчур большая самоуверенность и вытекающая отсюда небрежность, нежелание серьезно поработать и задуматься над чем-нибудь, а в то же время – мелочное, придирчивое самолюбие, когда ему укажут его ошибку, и высокомерно-презрительное отношение к другим, не исключая таких людей, как Спенсер, Толстой, Достоевский и т.д.»⁵.

Данный эпизод, несмотря на его частный характер, служит прекрасной иллюстрацией того, как разногласия по вопросу о тактике общественных преобразований страны влияли на личные отношения между идеологами народничества. К сожалению, предвзятое отношение к своим оппонентам (даже если они принадлежали к представителям демократической интеллигенции) мешало легаль-

¹ РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 395. Л. 3.

² Яковенко В. Письмо к Н. К. Михайловскому // Северный вестник. 1886. № 11. С. 214–216. Ответ Михайловского см.: Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 7. Стб. 459–478.

³ Д. Б. Рязанов Очерки по истории марксизма. М., 1923. С. 450–451. Ср.: Андреевич [Соловьев Е. А.] Опыт философии русской литературы. СПб., 1909. С. 246–247.

⁴ Отношение Л. Е. Оболенского к учению Л. Н. Толстого о непротивлении злу насилем изменится только во второй половине 1890-х гг. В письме к С. Н. Кривенко от 18 ноября 1896 г. публицист признается: «я убедился всей моей жизнью, что непротивление только разжигает произвол...». – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 163. Л. 6 об.

¹ См.: Оболенский Л. Русская мыслебоязнь и критики Толстого // Русское богатство. 1886. № 8. С. 117–168.

² РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 3. Д. 11. Л. 1.

³ По мнению Л. Е. Оболенского, если бы у Н. К. Михайловского была власть, то он, непременно, закрыл бы «Русское богатство». – Там же. Оп. 1. Д. 493. Л. 23–26 об.

⁴ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 10. Стб. 191–192.

⁵ Русское богатство. 1886. № 12. С. 195–196.

ным народникам найти пути к компромиссу не меньше, чем внешние препятствия для консолидации народнического движения.

Взяв на вооружение теорию самоусовершенствования личности как новый ключ к сближению общества с народом, журнал Оболенского (в унисон с «Неделей») начинает активную пропаганду нового похода интеллигенции в деревню. В качестве примера приведем статью доктора медицины Н. Я. Пяковского, где доказывалось положительное влияние физического труда на здоровье интеллигенции.

Обратившись к идее А. Н. Энгельгардта о значении «интеллигентных деревень», Пяковский рисует идиллическую картину добывания интеллигенцией «хлеба насущного» собственным трудом. «Профессора, прокуроры садятся на землю, гордятся своими мозолями! Неоценимый граф Толстой на старости лет не постыдился надеть рабочую блузу. Разве это не знамение времени? Сама современная жизнь, порождающая уже у нас в России умственный пролетариат, заставит и заставляет уже этих ученых нищих взяться за плуг, топор и косу. Вот почему я, – пишет профессор, – так горячо мечтаю об этом радостном будущем»¹. Далее он в радужных красках рисует картину «бегства» городской молодежи в деревню и последовавшего за этим превращения пустыни в богатые поля и благоухающие сады, а самой интеллигенции в новое поколение великих ученых. Блажен, кто верует!

Как бы в подтверждение правильности позиции народнических публицистов, в «Русском богатстве» печатаются многочисленные письма и дневники непосредственных участников культурнического движения².

Современники идеологов правого народничества часто указывали близость их взглядов на задачи русской интеллигенции со славянофильской трактовкой проблемы «народ и общество»³.

¹ Пяковский Н. Условия долговечной и счастливой жизни // Русское богатство. 1887. № 5–6. С. 21.

² См.: Егоров Я. Что я передумал в деревне // Русское богатство. 1886. № 10; Кившенко Н. Д. Дневник сельской учительницы // Русское богатство. 1887. № 7–12; Универсалист. Как я учился пахать и косить [Письма к издателю] // Русское богатство. 1888. № 8; Васильев П. Нужны люди [Письма к издателю] // Русское богатство. 1888. № 8; Яковлев Г. Умственная жизнь одной деревни (К вопросу о деревенской культуре) [Письма к издателю] // Русское богатство. 1889. № 9.

³ См., напр.: Киевский студент [Пономарев С. И.]. Славянофильство и народничество (Письмо к редактору «Русского дела») // Русское дело. 1886. № 16;

Для того, чтобы лучше оттенить принципиальные различия между ними, рассмотрим отношение к этому вопросу одного из поздних славянофилов – И. И. Фуделя.

Религиозный публицист Фудель приобрел известность в 1888 г. после публикации им брошюры с резкой критикой образованного общества за его отрыв от трудящихся классов. «Наша интеллигенция, – писал Фудель, – привыкла “служить”, т.е. работать на определенном месте с определенным вознаграждением – не зная никакого риска работы... В этом отношении мы еще баричи, “крепостники” интеллигентного труда... Мы все желаем быть бюрократией, т.е. частями государственного механизма...»¹. Главная причина этой «гнусной» болезни русского общества, по мнению Фуделя, состояла в той системе нравственного воспитания, которая с детства отрывала человека интеллигенции от родной почвы (народа) и делала его барином, воспитанным на понятиях «чуждой» западной культуры, в духе религиозного скептицизма². Поэтому обновление русской жизни Фудель связывал с обретением привычки «мыслить по-русски», т.е. «смотреть на мир с точки зрения русского народа». «Наша самостоятельная жизнь начинается там, где начинается служение народу на началах его жизни и духа»³. Этот вывод Фудель заимствовал у К. Д. Кавелина и Л. Н. Толстого.

В своей брошюре Фудель обращается не только к современной молодежи, но и к той части образованного русского общества, которая понимала необходимость преодоления своего разрыва с народом. Речь идет об идеологах правого крыла легального народничества Каблице и Оболенском. В 1880-е гг. народническая «Неделя» и «Русское богатство» тоже призывали образованную молодежь идти в деревню, чтобы избавить народ от ужасающей нищеты и невежества. Однако Фудель называет эти призывы лженародническими, злоупотреблением именем народа, его желаниями и надеждами в угоду своей излюбленной социальной доктрины.

Z*** [Шаранов С. Ф.] Отчего народники чуждаются славянофилов? (Ответ г. Киевскому студенту) // Русское дело. 1886. № 17.

¹ Н. Н. [Фудель И. И.] Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. М., 1888. С. 52–54.

² Там же. С. 60–61.

³ Там же. С. 90.

По утверждению Каблицы-Юзова, истинные народники – это те, кто подняли знамя удовлетворения народных нужд средствами, указанными народной мыслью¹. Но каким путем, спрашивает Фудель, они узнали, о чем думает и чего хочет русский народ? Об этом Каблицы и Оболенский предусмотрительно молчали, т.к. практическая программа народников была выработана «по последнему научному рецепту Запада». Видя, что общинные порядки русского крестьянства близко подходят под их собственный идеал общественного прогресса, они примкнули к народу и теперь пытались выдать свое стремление к изменению существующего экономического строя за неотложное желание самих народных масс. «Ну, предположите хоть на минуту, – пишет Фудель, – что весь узел современной народной жизни, а отсюда и нашей общественной – заключается не в экономическом вопросе, а в духовно-нравственном, религиозном вопросе; предположите это, говорю я, и вы ясно увидите, что народническое направление теряет тогда под собою всякую почву, а стало быть, и всякое значение»².

Таким образом, Фудель оставлял народолюбивой русской молодежи только один путь служения народу – путь «православного народничества», путь «развития личности в разуме Христовом». Только на этой православной почве, по мысли публициста, было возможно подлинное слияние интеллигенции с народом³.

В 1891 г. Оболенский был вынужден продать обремененное долгами «Русское богатство» другому народническому публицисту – Кривенко, а фактически своему главному антагонисту – Михайловскому. После фиаско с «Богатством» Оболенский откажется от издательской деятельности, в то же время продолжая выступать со статьями в столичных и провинциальных органах печати либерально-демократической ориентации.

Оболенский был один из первых идеологов легального народничества 1880-х гг., кто осознал самоценность мирной культурной деятельности, т.е. значение для русской интеллигенции личного служения общественным потребностям путем добросовестного выполнения своих профессиональных обязанностей. Однако по причине слабости в России традиций культуртрегерства эти и

другие его идеи в свое время не получили должного понимания и поддержки. Стремление публициста к примирению правых и левых народников, народников и либералов, а в 90-е гг. XIX в. – народников и марксистов, увы, вызывали у современников лишь снисходительную улыбку.

§ 3. Попытки реформирования народничества в «Русском богатстве» первой половины 1890-х годов

К началу 1890-х гг. в русском легальном народничестве по-прежнему сохраняли силу два основные идейно-тактические направления. Это «культурники» (сторонников неотложных социальных преобразований в интересах простого народа) и «политики», доказывающие, что первоочередная задача интеллигенции – завоевание политических свобод.

Практические задачи деятельности интеллигенции на пользу народа требовали смягчения разделяющих ее разногласий. На этой почве примерно с конца 70-х гг. XIX в. между правым и левым флангами реформаторского народничества начинает складываться еще одно идейно-тактическое направление, обнаружившее стремление к консолидации всех конструктивно мыслящих сил в интересах подъема общего уровня жизни народа, приобщения его к просвещению и цивилизации. В дореволюционной литературе это течение получило название «практического» или «созидательного» народничества¹.

Следует заметить, что сторонники данного направления (В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко, П. В. Засодимский, А. М. Скабичевский, Н. М. Астырев) были ближе к правому крылу легального народничества, чем к левому. Задачи культурной работы интеллигенции в деревне заметно преобладали в их программе общественных преобразований над задачами политическими. Поэтому их, как правило, относят к одной команде с И. И. Каблицей-Юзовым и В. С. Пругавиным.

¹ Каблицы И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 41–42.

² N. N. Письма о современной молодежи... С. 109.

³ Там же. С. 157.

¹ См., напр.: В-н А. [Пытин А. Н.] Теории народничества // Вестник Европы. 1892. № 10. С. 709–710, 745–746; Слобожанин М. [Максимов Е. Д.] Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко (К истории созидательного народничества) // Минувшие годы. 1908. № 1.

Главным теоретиком умеренно правого течения легальной народнической мысли был Воронцов. Его звезда возшла на небосклоне русской литературы на рубеже 1870–1880-х гг., когда началось постоянное сотрудничество бывшего земского врача в «Отечественных записках». Кстати, утвердиться в этом новом качестве ему помог никто иной, как Н. К. Михайловский¹.

Все энциклопедические словари представляют Воронцова как выдающегося русского экономиста, социолога и публициста, посвятившего свои главные труды выяснению вопроса об общих условиях развития капитализма в России и его негативном влиянии на состояние народного хозяйства. О других сторонах общественной деятельности «В. В.» и, в частности, о его непосредственном участии в народническом движении 1870–1890-х гг. известно очень мало². Причина тому – крайняя скудость сохранившихся «насчет» Воронцова мемуарной литературы и архивных материалов. Например, до сих пор не обнаружен его личный архив, где могла содержаться переписка Воронцова с выдающимися общественными деятелями того времени С. Н. Кривенко, Н. К. Михайловским, Н. Ф. Даниельсоном, А. Н. Пыпиным, Л. З. Слонимским, К. К. Арсеньевым и, возможно, с членами семьи К. Маркса.

Воронцов изначально занимал в народническом лагере особую позицию. Он был одним из тех немногих теоретиков реформаторского народничества, кто обосновывал необходимость развития политического сознания народа на почве борьбы за улучшение его экономического и правового положения, т.е. пытался увязать «политику» и «экономику», свободолюбивые устремления прогрессивной интеллигенции и непосредственные нужды народных масс. Не случайно в 80-е гг. XIX в. «В. В.» был близок и к публицистам «Северного вестника»³, представлявшим запад-

ническую ветвь русского народничества, и к народникам-самобытникам.

В середине 1880-х гг. Воронцов на несколько лет переселяется в Москву, где более тесно сближается с кружком Н. Н. Златовратского. В 1888 г. Златовратский и Воронцов для пропаганды своих взглядов задумали выпускать научно-литературный журнал «Эпоха», пригласив в него Н. К. Михайловского, Г. И. Успенского, В. Г. Короленко, С. Н. Кривенко, А. П. Чехова, А. И. Эртеля и некоторых других известных литераторов¹. Летом того же года Воронцов ездил в Сумы к своим знакомым, чтобы раздобыть средства на издание нового журнала. Находящийся там Чехов писал в полушутливой манере А. Н. Плещееву: «К Линтваревым приехал полубог Воронцов – очень вумная политико-экономическая фигура с гиппократовским выражением лица, вечно молчащая и думающая о спасении России»².

Первый и единственный номер народнической «Эпохи» вышел в конце октября 1888 г. Еще до его появления Златовратский и Воронцов в газете «Русские ведомости» (за 17 октября) известили всех, кого они привлекли к сотрудничеству, что выходят из редакции журнала из-за разногласий с издателем А. П. Калачевским³.

Во второй половине 1880-х гг. статьи Воронцова охотно печатали самые известные либеральные журналы того времени – «Русская мысль» В. А. Гольцева и «Вестник Европы» К. К. Арсеньева. По свидетельству В. В. Бартенева, в обстановке правительственных репрессий никакой розни между народниками и либералами тогда не замечалось. На совместных вечеринках они «благодушно» спорили о «сравнительной желательности» в России политических и экономических реформ. На одном из таких собраний у юриста М. И. Свешникова в самом конце 1880-х гг., либерал Арсеньев отстаивал приоритет введения в стране конституции, а оппонировавший ему Воронцов утверждал, что в России нет почвы для борьбы за политические свободы из-за слабости

¹ Емельянов Н. П. «Отечественные записки» // Очерки по истории русской журналистики и критики (вторая половина XIX в.). Л., 1965. Т. 2. С. 282.

² См.: Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. М., 1929. Т. 2. Вып. 1. Стб. 230–231; Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 3. Стб. 711; Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 457–458. См. также: Зверев В. В. Н. Ф. Даниельсон, В. П. Воронцов: Два портрета на фоне русского капитализма. М., 1997. С. 15.

³ Сотрудничество В. П. Воронцова в «Северном вестнике» продолжалось до 1891 г.

¹ О подчинении журнала «Эпоха» строжайшему цензурному наблюдению. – ГАРФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 84. Д. 366. Л. 15 (Список сотрудников); Письмо Воронцова В. П. Михайловскому Н. К. 1888 г. – РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 134. Л. 3.

² Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. М., 1956. Т. 11. С. 240–241.

³ Подробнее см.: Дергачев И. А. К истории журнала «Эпоха» (1888 г.) // Вопросы журналистики. Свердловск, 1968. Вып. 2. С. 157–164.

русской буржуазии и образованного общества¹. Позднее он назовет ошибочным утверждение, что улучшение политических форм выгодно только привилегированным классам. Свобода сама по себе – фактор, благоприятствующий развитию общества. Но «при отсутствии материального обеспечения на одной стороне и при наличии экономической силы на другой, – свобода рядом с благотворными влияниями будет иметь результаты и прямо противоположные»².

К насильственному свержению самодержавия Воронцов никогда не призывал. Многие критики народников-реформистов, особенно первые русские марксисты, объясняли их отказ от конфронтации с властью надеждами на изменение правительственной политики в отношении крестьянства. С легкой руки Г. В. Плеханова Воронцов удостоился клейма «сторонника абсолютизма» и «злейшего реакционера»³. На самом деле со студенческих лет Воронцов принимал непосредственное участие в русском освободительном движении, цель которого, по его словам, состояла в демократизации экономического и политического строя России⁴.

Говоря о преобразовательной миссии государства, Воронцов однозначно не имел в виду российский полицейский государственный строй, гнилость которого в полной мере проявилась в начале века⁵. Чтобы стать народным, существующий в России политический режим должен был внутренне переродиться. Главная проблема, по мысли Воронцова, заключалась в том, что против идеи народовластия выступал сам народ, который в силу своей социокультурной неразвитости не представлял себе русского государства без «батюшки-царя».

В общественно-литературной деятельности Воронцова наибольший интерес представляет первая половина 1890-х гг., когда в стране начинается новый общественный подъем. Именно в это

время Воронцов попытался осуществить реформу народничества с тем, чтобы привести его программу и тактику в соответствие с новыми запросами русской жизни.

В январе 1892 г. Кривенко с помощью Воронцова и других близких к ним по взглядам людей приобретает у Л. Е. Оболенского журнал «Русское богатство». Цель нового периодического издания состояла в объединении всех течений народнической мысли, не имевших своего органа со времени прекращения «Дела» и «Отечественных записок». До этого народники пытались обосноваться в «Северном вестнике», но после перехода в апреле 1891 г. издательских прав к Л. Я. Гуревич они были вытеснены оттуда символистами.

Главными теоретиками «Русского богатства» изначально выступали Кривенко и Воронцов. Первый из них, помимо выполнения редакторских обязанностей, на протяжении 1892 г. вел в журнале раздел «Хроника внутренней жизни». Основной проблемой обзоров Кривенко стал «вопрос о мужике», силой обстоятельств (голод в деревне 1891/92 гг.) выдвинувшийся в центр общественного внимания. Причины страшной народной беды Кривенко связывал не только с общим упадком крестьянского хозяйства, но и с утратой передовым обществом способности к согласованным действиям на благо многострадающего русского народа. Весомую долю ответственности за упадок общественной самодеятельности народнический публицист возлагал на столичную печать, которая «предала забвению» идею служения народным интересам, лишив общество руководящих принципов и общего плана деятельности. Верность идейному наследию 1860–1870-х гг., если верить Кривенко, продолжало хранить только народническое направление, за что и подвергалось яростным нападкам со стороны тех, кто стремился к ревизии «наследства отцов»¹.

Одним из таких «ревизионистов» Кривенко называл В. С. Соловьева. Выдающийся русский философ, действительно, не сочувствовал народничеству. В его понимании специфической чертой данного течения было отрицание самостоятельного значения образованного класса и вытекающее отсюда требование уподоб-

¹ В. Б-ъ [Бартенев В. В.] Воспоминания петербуржца о второй половине 80-х годов // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 175.

² В. В. [Воронцов В. П.] Что делается в общине? // Северный вестник. 1889. № 9. С. 8; Он же. Критик народничества // Русское богатство. 1893. № 4. С. 17–18.

³ Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. Л., 1939. С. 194.

⁴ В. В. От семидесятых годов к девятистому. С. 189, 194–195, 231–232.

⁵ Зверев В. В. Н. Ф. Даниельсон, В. П. Воронцов. С. 116.

¹ С. К. [Кривенко С. Н.] Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1892. № 3. С. 301, 305, 312.

ления народу. Стремление народников «жить как мужики», в отрыве от привычных умственных занятий, Соловьев считал не только ложным, но и греховным (как «идолопоклонничество»). Опрошение интеллигенции лишало народ возможности приобщения к достижениям общечеловеческой культуры, закрепляя его бедственное положение¹.

Защищая народничество, Кривенко, прежде всего, попытался отделить от него толстовцев², которым «до народа никакого дела нет» и Иосифа Юзова, также не являющегося его воплощением. По убеждению Кривенко, народничество – это большое умственное течение, раздробившееся на несколько групп и оттенков. Одни народники стремились улучшить народное хозяйство, другие занимались вопросами народного просвещения, здравоохранения, защитой юридических прав крестьян, третьи шли в народ, чтобы просто «жить к нему поближе и делать все, что могут» и т.д.³ Вот почему приписывание народникам отрицания культуры, непонимания значения хозяйственных улучшений народного быта, преувеличение тяготения части интеллигенции к «опрошению» (поспешно сводимому к хождению в лаптях) оценивались Кривенко как впадение в крайность⁴.

Ответом на поставленный Кривенко вопрос, «на чем обществу сойтись и в каком направлении действовать», стала серия статей Воронцова «Попытки обоснования народничества»⁵. В этой работе он взял на себя смелость объяснить происхождение и дать теоретическое обоснование основных принципов практической политики народничества, сложившихся за последние 20 лет его истории. Таких принципов «нового народничества» Воронцов выделяет три: «народные интересы, как цель; формы, вырабатывае-

мые коллективной мыслью народа или другие, соответствующие его желаниям, как средство; и самодеятельность населения, как рычаг общественной эволюции». Практическое осуществление этих «благих пожеланий» русского народничества, по убеждению Воронцова, требовало «умственного подъема массы», который он и определял в качестве главной задачи переживаемого момента¹.

Таким образом, под народничеством Воронцов понимал временное движение среди интеллигенции, которое имело смысл лишь до тех пор, пока привилегированное общество являлось главным фактором общественной эволюции России, а его интеллигенция – «авангардом прогрессивного движения». Но оно должно было потерять смысл своего существования после того, как народные массы приобщаться к сознательному участию в прогрессивном развитии страны².

Воронцов специально замечает, что «наша характеристика народничества относится, так сказать, к **среднему** (выделено мной. – Г. М.) его течению». Автора «Основ народничества» Каблице-Юзова он характеризует как «крайнего представителя» народнической мысли, учение которого требует поправок и дополнений. Воронцов, в частности, критикует недооценку Каблицем роли в поступательном развитии общества науки и знания³.

Свое отношение к левому флангу народничества Воронцов нигде открыто не выражает. О Михайловском, который тогда еще не входил в редакцию «Русского богатства», он упоминает вскользь в связи с письмом К. Маркса в редакцию «Отечественных записок». Но стремление нового «реформатора» народничества отмежеваться от представителей политического радикализма обнаруживается, когда он пишет о русских либералах. По мнению Воронцова, эта часть интеллигенции «не поняла существеннейшего смысла реформы (1861 г. – Г. М.), заключающегося в устранении пут, связывавших самодеятельность народа; не заметила той перемены в чувствах и мирозерцании массы, которая превращает прежнего раба в свободного гражданина, ищущего не опеки, а свободного развития... Ей кажется, что ничего этого в мужике еще нет, что крестьянин продолжает оставаться взрос-

¹ Соловьев Вл. Идолы и идеалы // Вестник Европы. 1891. № 3. С. 370; Он же. Народная беда и общественная помощь // Вестник Европы. 1891. № 10. С. 785; Он же. Кто прозрел? (Письмо в редакцию) // Русская мысль. 1892. № 6. С. 210.

² Толстовцы – участники социально-философского и нравственно-религиозного движения, возникшего в России в 80-е гг. XIX в. на основе учения Л. Н. Толстого. Они проповедовали «всеобщую любовь», непротавление злу насилием и нравственное самосовершенствование как средство преобразования общества; создавали земледельческие общины, отказывались от уплаты податей и военной службы.

³ С. К. Хроника внутренней жизни. 1892. № 6. С. 60.

⁴ Там же.

⁵ См.: Русское богатство. 1892. № 2, 3, 6, 10, 11.

¹ Цит. по: В. В. Наши направления. С. 7.

² Там же.

³ Цит. по: [Воронцов В. П.] Народничество Юзова и В. Пругавина // В. В. От семидесятых годов к девятистам. С. 64, 75–76.

лым ребенком, которого нужно оберегать, учить, водить на помочах, но который неспособен к самостоятельному шагу...; она решается, как в эпоху рабства народа, все бремя прогресса держать на своих плечах»¹. Из рассуждений Воронцова читатель, видимо, должен был сделать вывод, что идею активного сближения интеллигенции с народом с целью превращения последнего в главную движущую силу социального прогресса отстаивали только народники «Русского богатства».

Предпринятая Воронцовым попытка разобраться, что представляет собой современное народничество, вызвала в обществе большой резонанс. На него нападали и справа (Л. А. Тихомиров²), и слева (Г. В. Плеханов³).

Более взвешенной и конструктивной оказалась либеральная критика. Она признала предложенную Воронцовым формулировку народничества свободной от крайностей его предшественников⁴.

Одним из наиболее ярых оппонентов «В. В.» оказался А. Н. Пыпин, который единолично написал в опровержение теорий народничества чуть ли не больше, чем все народники в свою защиту. Особое неудовольствие вызвало у него критическое отношение Воронцова к либеральной программе преобразований политических форм, якобы отвечающей интересам одних привилегированных классов. В данном случае, указывает Пыпин, «народническая теория забывает одно, что именно политические формы, т.е. известные гражданские установления, дают возможность той общественной самодеятельности, которая сближает общество с народом и в которой интеллигенция может работать для народа»⁵. Полемика с Пыпиным Воронцов посвятил специальную статью в апрельском номере журнала⁶. Больше публиковаться в «Богатстве» ему не пришлось.

¹ В. В. Наши направления. С. 95.

² Тихомиров Л. Что такое народничество // Русское обозрение. 1892. № 12.

³ Волгин А. [Плеханов Г. В.] Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.). Критический этюд. СПб., 1896.

⁴ См.: В-н А. [Пыпин А. Н.] Теории народничества // Вестник Европы. 1892. № 10; Он же. Еще о теориях народничества // Вестник Европы. 1893. № 2; Гольцев В. А. Еще о народничестве (По поводу двух новых книг) // Русская мысль. 1893. № 10; Волынский А. Л. Народничество и либерализм // Северный вестник. 1894. № 2.

⁵ См.: В-н А. Теории народничества. С. 740–741, 749.

⁶ В. В. Критик народничества. 1893. № 4. С. 1.

В ноябре 1892 г., уступая усердным приглашениям Кривенко, в редакцию «Русского богатства» входит его лучший друг Михайловский. Интересно, что покупку необеспеченного средства и к тому же подцензурного журнала он считал «большой глупостью» и даже год спустя все еще не верил в его будущий успех¹. «Я временно работаю в нем и потому не порываю с «Русской мыслью», – сообщает Михайловский одной своей знакомой, – «Сереженька» (Кривенко) просил меня об этом. Он убежден, что появление моих статей в декабре и январе создаст подписку, а то дела журнала очень плохи»². Благодаря Михайловскому «Русское богатство» действительно пошло в гору и превратилось в один из наиболее влиятельных и распространенных органов печати, почетного продолжателя традиций «Отечественных записок».

В середине 1890-х гг. Михайловский находился в апогее своей популярности. Радикальная интеллигенция считала его одним из последних хранителей идейного наследия А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. Став фактически главным редактором «Русского богатства», Михайловский приступает к выравниванию идейной линии журнала. Легко догадаться, кто из сотрудников меньше всего подходил к новому общественно-политическому направлению «Русского богатства».

Кампания по выдворению Воронцова из журнала началась в феврале 1893 г. после публичного отказа Михайловского от чести называться «народником». Свое решение он объяснил тем, что это слово «слишком захватано и в него нередко вкладывается смысл, с которым мы имеем мало общего»³. «Мы» – это прежде всего Н. К. Михайловский, Г. И. Успенский и В. Г. Короленко. Кстати, последний из них больше всех убеждал Михайловского, что «лучше отступить от клички, чем нести ответственность за благоглупости правого крыла народничества»⁴.

Предоставив Воронцову возможность свести его «старые сче-ты» с критиком из «Вестника Европы», Михайловский в том же апрельском номере журнала заявил, что редакция «Русского бо-

¹ Засодимский П. В. Из воспоминаний. М., 1908. С. 398.

² Пименова Э. К. Дни минувшие. Воспоминания. Л.; М., 1929. С. 154.

³ Михайловский Н. Русское отражение французского символизма // Русское богатство. 1893. № 2. С. 62.

⁴ Письмо В. Г. Короленко к А. В. Пешехонову от 1 сентября 1904 г. // Короленко С. В. Книга об отце. Ижевск, 1968. С. 17.

гатства» считает весь полемический эпизод, связанный с теорией народничества «В. В.», исчерпанным. Как бы подводя итоги этой полемики, Михайловский заметил, что ни «В.В.», ни «А. В-н» (Пыпин) так и не продвинулись вперед в вопросе о народничестве. Для этого нужны не защита и не опровержение разных народнических теорий, а «что-то другое»¹.

После лишения Воронцова права отстаивать свою доктрину на страницах «Русского богатства», редакция, очевидно, посчитала вопрос о его участии в журнале закрытым. Однако сам Воронцов рассуждал иначе. В «Богатстве» у него остались «товарищи по направлению», которые развивали такие же идеи.

В 1892 г. С. А. Ан-ский (Раппопорт)² в «Очерках народной литературы» так же как Воронцов доказывал, что народу в первую очередь нужен был помощник-просветитель, который «осветил бы ему светом знания его собственные коренные устои и все внешние условия теперешней жизни»³.

В течение 1893 г. журнал опубликовал серию статей Кривенко в защиту деятельности в деревне «культурных одиночек». Эту тему Кривенко затронул не случайно. Собранный им материал о попытках культурных людей «сесть на землю», о подвижнической деятельности в деревне «независимых» (от властей) агрономов, медиков и педагогов, свидетельствовал о том, что культурно-просветительское движение в провинции превращалось в осязаемый фактор общественной жизни страны.

Кривенко явно симпатизировал общественной деятельности «трудовой» интеллигенции, призывая и остальных «одобрять каждую активную попытку к добру». В то же время он признавал, что по сравнению с масштабами действительных потребностей народа труд «культурных одиночек» имел незначительные результаты. Причины этого Кривенко видел как в отсутствии материальной и нравственной поддержки подвижнической деятельности интеллигенции со стороны государства и общества, так и в их собственной малочисленности и разрозненности, слабых связях с земством и другими местными учреждениями, спо-

собными хоть как-то координировать и поддерживать эту «полезную и возвышенную деятельность»¹.

Таким образом, идею сплочения демократической интеллигенции вокруг задачи «умственного подъема» народа (как первого шага по пути его превращения в активного участника русского освободительного движения) разделяли и другие соратники «Русского богатства». Все это позволило Воронцову считать позицию редакции журнала следствием неприязненного отношения к нему Михайловского. Руководствуясь данными соображениями, Воронцов оставлял за собой право требовать продолжения своего участия в «Русском богатстве».

Свое несогласие с «критическим народничеством» Михайловского Воронцов выражает в статье «Печать и мирозерцание общества», опубликованной в сборнике «Путь-дорога» (1893). В ней публицист стремился доказать, что печать как «центральная интеллектуальная лаборатория страны» могла выполнять свои прогрессивные функции и при ограниченной свободе слова. В соответствии со своей любимой идеей о прямой зависимости условий общественной деятельности от уровня развития самостоятельности общества Воронцов приходит к выводу о том, что главная задача печати – «способствовать устранению общественной апатии путем возбуждения активной работы мысли интеллигентного человека». Для этого руководители русской журналистики должны были иметь не программу «чаяний и надежд», оправдывавшую бездеятельность общества, а программу практической деятельности интеллигенции, которая «при данных условиях возможна и необходима». А между тем, продолжает Воронцов, во главе прогрессивной русской печати по-прежнему находятся «старые силы», «представители приподнятого состояния мысли и духа недавнего прошлого» (явный намек на Михайловского), которые, несмотря на изменение настроения общества, отказываются от пересмотра оснований прежних практических формул, потерпевших *fiasco*².

Затронутые Воронцовым вопросы о ближайших задачах печати, конечно, не могли не вызвать полемики с ним со стороны

¹ Михайловский Н. Литература и жизнь // Русское богатство. 1893. № 4. С. 124. См. также С. 32 (прим. редакции).

² Раппопорт Семен Акимович (1863–1920) – народнический беллетрист и публицист. С 1894 по 1900 г. – личный секретарь П. Л. Лаврова.

³ Русское богатство. 1892. № 7. С. 154.

¹ См. отд. изд.: Кривенко С. Н. На распутье (Культурные скиты и культурные одиночки). СПб., 1895. С. 123, 144–145, 152, 165, 175, 217.

² В. В. [Воронцов В. П.] Печать и мирозерцание общества // Путь-дорога. С. 280, 285, 291.

Михайловского, известного к тому времени критика «новых слов» правого народничества (Червинского, Каблицы-Юзова, Лаврского). Характеристике взглядов «В. В.» он посвятил специальную статью в своем октябрьском обзоре «Литература и жизнь» (1893 г.).

Михайловский аттестовал Воронцова как «одностороннего и очень путаного мыслителя», совершенно не компетентного в неэкономических вопросах, разбираемых в «Наших направлениях» и статье «Печать и мирозерцание общества». По мнению Михайловского, формула «нового народничества» поставила Воронцова в один ряд с Каблицем-Юзовым. Оба «правовверных» идеолога народничества преклонялись перед коллективной мыслью и желаниями народа, идеализировали выработанные им общественные формы (общину и артель) и не доверяли русской интеллигенции роли учителя трудящихся масс. Еще одну серьезную ошибку Воронцова он увидел в том, что свой экономический тезис (о невозможности полноценного развития капитализма в России) тот возвел в ранг социологической доктрины, отрицающей значение борьбы за политические свободы, будто бы выгодные только буржуазии¹. Прямо о необходимости свержения самодержавия Михайловский, разумеется, написать не мог, но его позиция хорошо известна по другим источникам, например, по воспоминаниям П. П. Перцова. «В том-то и беда, – говорил ему Михайловский в одной из частных бесед, – что эта идея далеко не пользуется таким признанием, как в свое время идея освобождения крестьян. Многие сомневаются и даже отвергают ее.... Поэтому мы так и слабы»².

Свое несогласие с позицией Михайловского Воронцов выразил в статье «Ответ моим критикам», обвинив своего оппонента в приписывании ему взглядов, на самом деле нигде не высказываемых³. Она изначально предназначалась для «Русского богатства», но увидела свет только в 1907 г.

По убеждению Воронцова, господствующее положение в народничестве политического направления являлось одним из признаков ослабления русской интеллигенции, отказавшейся от идеи «хождения в народ», но так и не сумевшей достигнуть своих целей без его (народа) непосредственной помощи и участия. Опираясь на данный факт, Воронцов настаивал на пересмотре прежних практических формул народников-политиков и призвал интеллигенцию к новому (культурно-просветительскому) походу в деревню¹.

По свидетельству Михайловского, на представленной Воронцовым рукописи он написал: «лично я не имею ничего против напечатания статьи, но полагаю, что в интересах как «Русского богатства», так и самого Воронцова, этого делать не следует». Спор с автором «Наших направлений» мог стать бесконечным, учитывая, что с критикой его книги выступили М. А. Протопопов (новый сотрудник «Русского богатства»), Л. З. Слонимский и некоторые другие публицисты². В итоге Воронцову было предложено опубликовать свой ответ Михайловскому в другом печатном органе.

В июне 1894 г. Воронцов посылает в Редакционный комитет «Русского богатства» официальное заявление с просьбой объяснить ему мотивы отказа в праве самозащиты на страницах журнала, деятельным сотрудником которого он был до прихода в редакцию Михайловского. Сам он видел причину в составе редакции, члены которой злоупотребляют своими правами³. Справедливости ради подчеркнем, что решение по заявлению Воронцова принималось коллегиально. Очередное заседание Редакционного комитета состоялось в октябре 1894 г. Большинство голосов (против одного – Кривенко) комитет признал публикацию статьи «Ответ моим критикам» неудобным для журнала, поскольку полемика Воронцова с Пыпиным «уже обнаружила существенное отклонение его мировоззрения от направления журнала»⁴.

¹ См.: Михайловский Н. К. О народничестве г-на В. В. // Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 7. Стб. 650, 654, 660–661, 673, 679–682.

² Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М.; Л., 1933. С. 81.

³ Заявление В. П. Воронцова в Редакционный комитет журнала «Русское богатство». 17 июня 1894 г. – РО ИРЛИ. Ф. 266. Оп. 1. Д. 10. Л. 62 об.

¹ [Воронцов В. П.] Кризис идей 1870-х гг. // В. В. От семидесятых годов к девятидесятым. С. 89, 91, 95.

² Автограф Н. К. Михайловского по поводу заявления В. П. Воронцова. Б/д. – РО ИРЛИ. Ф. 266. Оп. 1. Д. 10. Л. 64–64 об.

³ РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 274. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 1–2 об.

Постановление комитета о разрыве редакции с Воронцовым имело далеко идущие последствия. Прежде всего, оно до предела обострило отношения Кривенко с Михайловским, которых полтора десятка лет связывала тесная и даже трогательная мужская дружба. «Я удивляюсь твоему решению относительно статьи В. В.», – писал Кривенко Михайловскому в конце 1893 г. Это он посоветовал другу «хоть для приличия» отдать статью, ставшую для «Русского богатства» яблоком раздора, на обсуждение Редакционного комитета¹. Но дальнейшее развитие внутриредакционных разногласий привело к полному и окончательному разрыву между этими двумя народническими теоретиками.

Последнее совместное заседание редакции «Русского богатства», после которого Кривенко и его единомышленники вышли из журнала, произошло в начале декабря 1894 г. Непосредственный участник событий известный беллетрист-народник П. В. Засодимский, спустя много лет, вспоминал, что «оно оставило отвратительное впечатление». Так, на его вопрос к собравшемуся «цвету интеллигенции», известны ли причины, по которым Сергей Николаевич (Кривенко. – Г. М.) уходит из «Русского богатства», чей-то голос за всех ответил: «Конечно, известны!» «Некоторые из пайщиков, перед этим “возмущавшиеся”, промолчали, – и лишили меня возможности говорить». Кривенко тоже промолчал. Он обещал Засодимскому когда-нибудь объяснить свое отношение к «Русскому богатству», но обманул его. «Вынудили уйти человека, – заключает писатель, – и только»².

По другим сведениям, «цвет интеллигенции» обвинял Кривенко в поддержке им Воронцова, лишённого редакцией права печататься в журнале, и в его благосклонном отношении к пропаганде теории «малых дел» Я. В. Абрамовым³. Имели место здесь и так называемые привходящие обстоятельства. Кривенко плохо ладил с А. И. Иванчиным-Писаревым и В. Г. Короленко,

недовольными тем, как он справляется со своими редакторскими обязанностями¹.

И все же главную роль в расколе «Русского богатства» сыграли более веские причины, чем личные симпатии-антипатии. Речь идет о постепенном обострении идейных разногласий между его ведущими сотрудниками. Об их содержании Михайловский в общих чертах сообщал в одном из писем Н. С. Рusanову. «Отщепившиеся сотрудники слишком уж гнули, кто в сторону «маленьких дел» и «светлых явлений», кто в сторону народничества на подкладке экономического материализма, т.е. с фырканьем по адресу политики (у нас это так складывается, хотя не у всех, конечно)»². Это и был наиболее острый пункт разногласий между умеренно правыми народниками, по-прежнему отстаивающими принцип «все для народа и посредством народа», и политизированной фракцией «Русского богатства», отрицающей возможность осуществления второй части этого принципа на почве существующих политико-правовых порядков³.

После голода 1891/92 гг. в окружении Михайловского окончательно укрепляется убеждение, что программа преобразований страны, базирующаяся на экономическом укреплении общины как очага альтруизма и залога быстрого прорыва русского народа в царство высшей культуры, отвергается самим ходом пореформенного развития России⁴. Необходимо было, писал Михайловский, отказаться от «горделивого самообмана», что коллективная

¹ Максимов Е. Д. Выписки, заметки... к работе о С. Н. Кривенко. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 11. Л. 41 об.; Письмо Иванчина-Писарева А. И. Короленко В. Г. от 25 января 1894 г. – ОР РГБ. Ф. 135. К. 24. Д. 26. Л. 4.

² ОР РГБ. Ф. 358. К. 412. Д. 4. Л. 25–25 об.

³ Протестуя против «крайне узких» формул народничества, предложенных И. И. Каблицем и В. П. Воронцовым, собственного его определения Н. К. Михайловский так и не дал. Видимо, в 1890-е гг. он и вправду перестал считать себя представителем народнического направления.

⁴ «Полумистические представления о каком-то особенном народном “укладе”, где богатый или средний член общины охотно и сознательно берет на себя бремя своего неимущего собрата, – увы! – только фикция, – обобщил свои наблюдения В. Г. Короленко, работавший в голодающих деревнях в начале 1890-х гг. Факт состоит в том, что и в общине кипит уже разлад и антагонизм интересов, что теперь это явление проступает с особенной яркостью, что с ним надо считаться». – Короленко В. Г. В голодный год. Наблюдения и заметки из дневника // Короленко В. Г. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т. 5. С. 118.

¹ РО ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 355. Л. 5.

² Засодимский П. В. Письмо С. Е. Усовой. 14 февраля 1909 г. – РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2 об.

³ В одном из писем к Н. К. Михайловскому С. Н. Кривенко прямо писал о том, что является убежденным сторонником активной деятельности, хотя бы и «маленькой», т.к. она гораздо лучше бездействия, порождающего в обществе апатию и равнодушие к положению народа. – РО ИРЛИ. Ф. 266. Оп. 3. Д. 310. Л. 1.

мысль простого народа совпадала с социальными идеалами демократической интеллигенции, и ее насущная задача сводилась к развитию общественной самостоятельности трудящихся масс, на чем настаивал «В. В.»¹.

В действительности, многие защитники идеи органической культурной работы не отрицали необходимость политической демократизации страны. Только в отличие от Михайловского они не верили, что «скороспелая» политическая реформа, вырванная у правительства радикальной интеллигенцией, это самый короткий путь к превращению полицейского государства в правовое. Однако нельзя не признать, что в обстановке возрастания политической активности русского общества идея затяжной работы в народных массах (над подъемом ее материального и культурного уровня жизни) находила все меньшую поддержку в кругах передовой молодежи. В 90-е гг. XIX в., окончательно утратив веру в социалистические задатки общины, радикальная интеллигенция вынашивала планы ликвидации устаревшей государственной системы путем политического поворота. Не случайно редактируемые Воронцовым и Кривенко журнал «Новое слово» и газета «Сын отечества» быстро прекратили существование, а обновленное «Русское богатство», меняя названия, пережило все три российские революции и было закрыто большевиками в 1918 г.

Глава пятая

ЛЕГАЛЬНЫЕ НАРОДНИКИ В ПЕРИОД ОБЩЕСТВЕННОГО ПОДЪЕМА конца XIX – начала XX веков

*

Во второй половине 1890-х гг. русское легальное народничество пребывало в состоянии затяжного идейного и организационного кризиса. Наиболее ярким его проявлением стал раскол в журнале «Русское богатство» между сторонниками и противниками идеологии «малых дел» и отказ от народничества самого авторитетного представителя этого направления – Н. К. Михайловского. В обновленном составе «Русского богатства» найдут приют будущие неонародники В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, В. М. Чернов, которые потом назовут Михайловского своим учителем¹.

Если Михайловский и его единомышленники больше не народники, то кто тогда составлял этот лагерь?

На право быть выразителями «истинного» народничества по-прежнему претендовали публицисты газеты «Неделя». Но к концу 1890-х гг. из народников с именем в ней остался один Я. В. Абрамов. Остальные теоретики «Недели» хотя и блистали талантами, как, например, М. О. Меньшиков и Н. А. Энгельгардт, являлись скорее временными попутчиками народнического движения. После закрытия «Недели» в 1901 г. они перейдут в лагерь консерваторов-монархистов. По этим причинам в литературе рубежа двух веков народничество олицетворяли идеологи «Нового слова» и «Сына Отечества» В. П. Воронцов и С. Н. Кривенко. Данный факт в 1898 г. зафиксировал С. А. Венгеров в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, с чем впоследствии согласились авторы статей о народничестве других справочных изданий.

¹ Об идеологах неонародничества см.: *Алексеева Г. Д.* Народничество в России в XX в. (Идейная эволюция). М., 1990; *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. Гл. 3. «Михайловский и его литературная семья»; *Протасова О. Л.* Политическая и общественная деятельность А. В. Пешехонова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; *Гусев К. В.* В. М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999.

¹ Михайловский Н. К. О народничестве г-на В. В. Стб. 676–677.

§ 1. Культурническая трактовка проблемы интеллигенции публицистами «Нового слова» и «Сына отечества»

Выдвижению В. П. Воронцова и С. Н. Кривенко в число главных теоретиков позднего народничества во многом способствовали их попытки преодолеть крайности народничества И. И. Каблицы-Юзова и «критического» народничества Н. К. Михайловского. Затянутая центристами реформа заключалась в возрождении народнических идей 1870-х гг., а именно тактики прямого сближения интеллигенции с народом, но уже не с целью антиправительственной агитации и пропаганды, а на основе «культурнического» народничества. Эта позиция, изложенная Воронцовым и Кривенко в книгах «Наши направления» (1893) и «На распутье» (1895), несмотря на резкую критику их оппонентами из либерального и марксистского лагеря, в целом встретила сочувственное отношение в обществе.

После раскола в «Русском богатстве» «отщепеншиеся» сотрудники во главе с Кривенко летом 1895 г. перешли в журнал «Новое слово», специально приобретенный для них издательницей О. Н. Поповой. С самого начала этот журнал задумывался как издание единомышленников. Общие устремления сотрудников вместе с определенностью их мирозерцания и «чуткостью к жизни» Кривенко считал важнейшими условиями успеха своего нового детища¹. В «Новое слово» были приглашены многие видные представители «старого» народничества (В. П. Воронцов, Я. В. Абрамов, Л. Е. Оболенский, Н. Н. Златовратский, Н. О. Пружанский и др.). Из новых лиц отметим Е. Д. Максимова² – будущего теоретика и историка русского культуртрегерства.

Программа журнала «Новое слово», вопреки его названию, состояла в пропаганде давно известных народнических воззрений и лозунгов, считавшихся другими органами печати устаревшими. Основное место занимало в ней напоминание обществу о его долге перед народом. Понятие о нем народники считали во

многом утраченным вследствие «духовной конверсии» современной интеллигенции, стремящейся «к самодовлеющим интересам собственного культурного существования»¹.

Важнейший тактический лозунг «Нового слова» – опора на действительность (экономическую, политическую, культурную)². Исходя из существующих общественных условий, все задачи интеллигенции сводились к подъему экономического и культурного уровня жизни деревни. В реализации программы упор по-прежнему делался на развитие общественной самостоятельности и частной инициативы. Не случайно в статьях сотрудников журнала так много места уделялось деятельности земских и крестьянских учреждений и различных кооперативных союзов (общин, товариществ, артелей).

Отстаивая традиционные для классического народничества идеи и ценности, «Новое слово» взяло на себя груз ответственности за прежние «грехи» народничества. С первых номеров журнал оказался втянутым в полемику с представителями всех главных направлений общественной мысли (от охранителей до марксистов). Но и внутри «Нового слова» отношения между «идейными писателями» складывались не совсем так, как планировал Кривенко. По воспоминаниям одного из постоянных сотрудников журнала В. А. Поссе, его редакционные совещания «производили... впечатление чего-то унылого..., казалось, что здесь хоронят умершую идею народничества с его верой в особые пути русского народа, пути, ведущие к социализму, минуя капитализм, с его верой в русскую общину и русскую артель, как ячейки социалистического строя. Поругивали марксистов, но поругивали вяло. Оживленное поругивали друг друга». Например, «не в меру плодовые» сотрудники Оболенский и Воронцов постоянно наседали на Кривенко, требуя помещать в журнале массу обязательного с их точки зрения материала³.

Народническое «Новое слово» продержалось менее двух лет, до тех пор, пока у Поповой опустел кошелек и она перепродала

¹ Там же. 1895. № 3. С. 204, 206; 1896. № 4. С. 177–178.

² См.: В. В. [Воронцов В. П.] Очерки современных направлений. Экономический материализм на русской почве // Новое слово. 1895. № 3. С. 70

³ Поссе В. А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864–1917). М.; Л., 1929. С. 114.

¹ С. К. [Кривенко С. Н.] По поводу внутренних вопросов // Новое слово. 1895. № 2. С. 188.

² Максимов Евгений Дмитриевич (1858–1927) – народнический публицист, земский статистик, деятель кооперативного движения.

журнал марксистам¹. С марта 1897 г. все его бывшие сотрудники перешли в газету «Сын Отечества»². Здесь Кривенко и Воронцов в последний раз попытались собрать воедино все имеющиеся в наличии народнические силы. К числу прежних сотрудников добавились К. С. Баранцевич, К. Н. Левин, А. М. Хирьяков. Но, как верно подметил С. Н. Южаков, закон исторической дифференциации действовал неотвратимо, углубляя разногласия между вчерашними соратниками³. Удержать их вместе не мог даже принцип посильного служения практическим нуждам народа, составляющий одну из основ идейной позиции газеты. Так, весной 1898 г. из-за внутриредакционных разногласий из газеты ушел заведующий ее внутренним отделом Я. В. Абрамов. В письме к Кривенко публицист обвинил его в «тайном покровительстве» тем, кто «систематически выживал» Абрамова из газеты⁴. Главной причиной удаления Абрамова из «Сына Отечества», видимо, стала его узко-народническая точка зрения на задачи интеллигенции, вызывавшая недовольство Воронцова и Максимова⁵.

Продолжая линию «Нового слова», сотрудники «Сына Отечества» пытались убедить общество в том, что развитие его самостоятельности есть одно из важнейших условий кардинальных изменений существующих порядков. Наиболее полное изложение позиции газеты по этой проблеме дал Кривенко (как ведущий обозреватель внутренней жизни страны) в статье «К характеристике нашего времени»⁶.

¹ В действительности положение «Нового слова» было не так уж плохо. Через 1,5 года журнал имел 3 тысячи подписчиков и по самым скромным прогнозам еще через год-два мог обойтись без дополнительных финансовых вливаний. См.: *Гофштеттер И.* Рубль и мысль (На темы дня) // Жизнь. 1897. Т. 7. № 19. С. 105, 106, 109.

² «Сын Отечества» принадлежал товариществу «Паллизен Мерк и компания». Последнее было совершенно чуждо газетно-издательской сфере. Оно хотело вернуть деньги, которые задолжал ему прежний издатель, и поэтому предоставило народникам полную свободу во внутренних делах.

³ *Южаков С. Н.* Из современной хроники // Русское богатство. 1895. № 2. С. 166.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 20. Л. 10–13.

⁵ См.: *Слободжанин М.* [Максимов Е. Д.] Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко // Минувшие годы. 1908. № 5/6. С. 294–295.

⁶ Сын Отечества. 1897. № 233.

«Еще 35–40 лет назад, – пишет Кривенко, – в жизни и литературе вопросы общие преобладали над частными и личными» и общественные деятели стремились высоко держать знамя общественного служения. Теперь, по мнению публициста, положение значительно изменилось. Печать перестала касаться «коренных» вопросов. В обществе «толки о своих делах: отсрочках платежей в банке, курсе бумаг, местах и окладах». Земское и городское самоуправление, где «сосредотачивается общественная жизнь», все чаще недосчитывалось гласных в заседаниях. Одним словом, действуют «случайные люди», а «наиболее живые» (способные отрешиться от личных интересов) либо совсем удаляются от дел, либо начинают заниматься в одиночку каким-нибудь маленьким «душеспасительным» делом: устраивают ночлежные и работные дома, приюты, ясли, пожарные дружины, воскресные чтения и т.п.

Кривенко, как и многие народнические публицисты, признает, что в России отсутствовали условия для развития «правильной» и свободной общественной жизни, а потому и традиции культуртрегерства (борьбы за культуру) пока еще не сложились. В этих условиях «маленькое дело» было «во сто крат лучше большого безделья и пустословия» И все-таки, замечает Кривенко, оно оставалось маленьким и пользу приносило ограниченную. Чтобы произвести большую работу, таких культурных работников должно быть очень много и они должны «одинаково функционировать», т.е. действовать в направлении «широкой общей цели». В 90-е гг. XIX в. число таких людей заметно возросло, но их деятельность по-прежнему оставалась крайне разбросанной.

Каков же итоговый вывод Кривенко? Увы, он был лишен оригинальности: «на передовой интеллигенции лежит прямая обязанность употреблять все силы, чтобы изменить это, хотя бы ради одного только поднятия достоинства самого общества».

В конце мая 1900 г. после неожиданного финансового краха издательской фирмы редакция «Сына Отечества» известила своих читателей о прекращении выхода газеты. Вскоре она была продана с аукциона вместе с остальным имуществом обанкротившегося предприятия. Товарищи пытались убедить Кривенко перекупить неплохо зарекомендовавшую себя газету, чтобы издавать ее самим, но после трех непрерывных неудач у него уже не оставалось ни средств, ни сил, ни даже желания.

Для того чтобы лучше разобраться во взглядах теоретиков умеренно правого народничества на задачи «культурной работы», их следует сравнить с позицией «Русского богатства» и «Недели».

После ухода в конце 1894 г. из «Русского богатства» сторонников «народничества Воронцова», Михайловский ввел в его редакцию В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненского. В итоге журнал очень быстро стал радикальным. В 1895 г. Михайловский и известный юрист В. Д. Спасович составили на имя Николая II петицию «об изменении действующих законов о печати», под которой подписалось более сотни человек. Известные писатели и общественные деятели просили молодого царя о «принятии русской литературы под сень закона» (ограждения ее от произвола светской и духовной цензуры)¹. Но, как известно, все мечтания о новых реформах оказались «бессмысленными».

В 1897–1899 гг. за неблагонадежным «Русским богатством» был установлен особый надзор. Департамент полиции не без оснований подозревал его сотрудников в связях с политическими эмигрантами и подпольной революционной прессой. Но, несмотря на негативное отношение властей, дела журнала шли успешно. К 1904 г. его тираж составил более 12 тыс. экземпляров, что было недоступно многим популярным изданиям того времени².

В январе 1895 г. позицию «Русского богатства» по отношению к вышедшим из него народникам изложил видный публицист и социолог С. Н. Южаков³. По его словам, современное народничество – это очень узкая общественная доктрина, потому что ее сторонники (конкретно упоминаются Воронцов и Кривенко), во-первых, смотрят на деревенские вопросы как на самые важные в исторической жизни России, а, во-вторых, даже в сфере деревенской жизни придают исключительное большое значение экономике национальной жизни. Крайне умеренной представлялась Южакову и народническая программа спасения крестьянского хозяйства от капитализма на почве существующих общественных порядков. Провозглашая свое «новое слово»: *«погибай все, лишь бы*

спасти экономические устои самостоятельного народного хозяйства», народники, по мнению Южакова, не видят или не желают видеть других сторон исторической действительности, демонстрируя своего рода «исторический дальтонизм». Под другими сторонами русской жизни, от которых народники «укрываются» за малыми делами и маленькими вопросами, Южаков понимал борьбу за «идеалы справедливости, свободы и просвещения», т.е. за радикальное изменение существующего в России политического строя¹.

Поскольку яблоком раздора между главными народническими фракциями по-прежнему оставалась теория «малых дел», в октябрьском номере «Русского богатства» по этому вопросу появилась специальная статья П. Н. Обнинского. Поводом для нее послужила одна из публикаций писателя Р. И. Сементковского². Однако адресована она была ко всем, кто прямо или косвенно выступал на стороне Абрамова.

Обнинский поставил под сомнение утверждение Сементковского о том, что маленькие дела могут дать великие результаты, если только делать их «сознательно, честно и дружно». Малые дела, – писал публицист, – несомненно, ведут к великим результатам, но лишь там, где созданы *«великие условия»* для их «полного, беспрепятственного и благодатного развития». К сожалению, изменение общественных условия не под силу «маленьким людям» и «незаметным героям» и потому большая часть их по-человечески симпатичных и благородных начинаний глохнет и терпит крушение³. Вывод критика однозначен: «малые дела» ни в коем случае *«нельзя ставить образцом, панацеей»*; еще менее можно строить на них этическую теорию (мещанского счастья. – Г. М.), делать обобщающие поучения и с пренебрежением отзываться о широких задачах и возвышенных целях». «Вырастает занесенное ветром зерно и на каменной ограде, особенно когда она начинает от ветхости разваливаться, но отсюда еще далеко до предложения разводить посевы не на земле, а на камне, обещая будущие обильные урожаи»⁴.

¹ Петиция литераторов Николаю II в 1895 г. // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 237–240.

² Балуев Б. П. Указ. соч. С. 139.

³ Подробнее см.: Гросул В. Я. Южаков Сергей Николаевич (1849–1910) // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2005. С. 633–634.

¹ Южаков С. Н. Из современной хроники. С. 176, 177.

² Сементковский Р. Шестидесятые годы и современная беллетристика // Исторический вестник. 1892. № 4.

³ Обнинский П. Н. Из области современной этики. «Маленькие дела» // Русское богатство. 1895. № 10. С. 23, 25.

⁴ Там же. С. 27.

Автору не откажешь в логике и оригинальности мышления, но все же один из его аргументов звучит весьма сомнительно. В конце своей статьи Обнинский призывает «большие корабли» не выходить в житейское море и «ждать погоды», чтобы не попасть на мель и совсем не потонуть. Впоследствии защитники «малых дел» расценят призыв «сиди у моря, жди погоды» как оправдание общественной неподвижности и безделья.

Что касается Михайловского, то он в память о прежней дружбе с Кривенко в открытую полемику с его изданиями не вступал. Уже после продажи народнического журнала марксистам в небольшой заметке «О новых словах и “Новом слове”» он обмолвился, что народники, ограничив народолюбие деревней, фактически отказались от духовного наследия отцов, отстаивавших интересы всех трудящихся классов России. Начало отказу от наследия и провозглашению «нового слова» еще в 1870-е гг. положили П. П. Червинский, И. И. Каблиц и П. А. Гайдебуров, заявившие, что интеллигенции необходимо «слиться» с народными массами. Затем последовал новый отказ под предводительством Я. В. Абрамова и Р. А. Дистерло во имя «светлых явлений», «малых дел» и уважения к действительности. В том же ключе оценивалась Михайловским деятельность современных представителей народничества¹.

Итак, народники-политики обвиняли народников-культурников в отступлении от идейного наследия 1860-х гг., в сужении стоящих перед демократической интеллигенцией задач до «микроскопических размеров» и даже в примирении с действительностью.

Нетрудно предположить, что сами культурники все подозрения в отступничестве категорически отрицали, переадресуя их своим оппонентам. По этому поводу Воронцов опубликовал открытое письмо в редакцию «Нового слова». Недовольство публициста вызвала упомянутая выше статья Южакова, переизданная во втором томе его «Социологических этюдов» (1896).

Письмо Воронцова интересно подробным анализом причин разногласий между «Русским богатством» и «Новым словом». Прежде всего, Воронцов относил оба издания к одному демократическому лагерю, перед которым стояли общие задачи, связан-

ные с радикальными преобразованиями всех сторон общественной жизни. По его словам, с 70-х гг. XIX в. существенным пунктом, разделяющим «народников» и «политиков», был вопрос о последовательности изменения социальных и политических форм общественного быта. Сам Воронцов считал его второстепенным, т.к., с одной стороны, «ничто не мешает изменяться им одновременно, а с другой, – может ли кто-нибудь утверждать, что эти течения сами по себе в силах изменить какую-нибудь из них». Действительные разногласия, по убеждению публициста, касались вопроса о том, на какую среду должно быть «преимущественно» направлено просветительское воздействие интеллигенции (на город или деревню) и что должно составлять ее главную (но не единственную) задачу по отношению к культурному обществу: «подчеркивание давно ему известных недостатков общественного строения или возбуждение в нем критического отношения к самому себе и к своей пассивности?»¹.

Относительно критики народничества 1890-х гг. Воронцов заметил, что в последнее время его «не лягает только ленивый», причем каждый рисует такую его физиономию, какая всего удобнее для нападения. На самом деле, по заверению публициста, современное народничество, как и в семидесятые годы, определяло свое мирозерцание двумя словами – «русский народ» и считало, что долг народу будет уплачен лишь после того, как интеллигенция передаст ему светоч знания и просветительские идеи. «Мы думаем, – писал Воронцов, – что такая задача не утратила своего значения и в настоящее время...»².

Сделав задачу просвещения масс основой своей общественной программы, народники «Нового слова» вовсе не утверждали, что она совершенно новая, впервые заявленная в русском обществе. Новым в ней было только то, что «по условиям переживаемого момента», эта задача признавалась «одной из важнейших», и что «известное направление» брало на себя «возможное, при данных условиях, ее осуществление»³.

¹ [Воронцов В. П.] «Этико-социологи». Письмо в редакцию «Нового слова» // В. В. [Воронцов В. П.] От семидесятых годов к девятистам: Сб. ст. СПб., 1907. С. 112.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 109, 110, 111.

¹ Михайловский Н. К. Литература и жизнь // Русское богатство. 1897. № 10. С. 171, 178–179.

Последние пятнадцать лет Воронцов характеризует как время спячки общества, когда старое знамя было обесцвечено и «мы так привыкли оставаться в области слов и не переходить на почву дела, что совершенно утратили идею солидарности, не видим осязательной от нее пользы и... готовы всякое неясное... выражение воображаемого противника истолковать таким образом, чтобы обратить последнего в своего антагониста». Поэтому обвинение народников в отказе от идеалов справедливости, просвещения, свободы Воронцов объяснил нежеланием их оппонентов из «Русского богатства» перейти к диалогу и совместной деятельности на практической почве¹.

Еще более неприязненные отношения установились у народников «Нового слова» и «Сына Отечества» с газетой «Неделя». Дело в том, что в 90-е гг. XIX в. тон в «Неделе» начинают задавать публицисты не прогрессивного, а скорее консервативного лагеря, такие как фактический заведующий редакцией газеты правоверный толстовец М. О. Меньшиков². Поэтому с ее страниц все чаще зазвучали призывы к переселению интеллигенции в деревню и «опрощению», имевшие с идеями первых теоретиков «малых дел» лишь внешнее сходство.

О резкой эволюции «Недели» вправо свидетельствует идейная позиция Н. А. Энгельгардта³, пытавшегося соединить свои консервативно-монархические воззрения с народничеством. В статье «Лженародничество», направленной против «консервативного либерализма» «Нового слова», он прямо пишет о том, что «корифеи критики 60-х годов для нас уже история», а не «руководители современности». «Сочинения их – памятники литературные». «Мы... признаем правду Киреевского, К. и И. Аксаковых, Хомякова, Достоевского». Правда эта состояла в том, что «сила и мудрость только в массе народной», а не в отдельной личности. Образованный человек мог служить народу многими службами (учить, лечить, сообщать технические усовершенствования), но смысл своей жизни он «почерпает... не в себе, не в городах, не в книгах, а в толпе народной... у всех этих безграмотных паха-

рей». «Слейтесь с народной толпой, – призывал Энгельгардт своих читателей, – уразумейте смысл ее жизни и растолкуйте потом этот смысл ей самой в живом слове»¹. В чем состоит этот «истинный» смысл народной жизни он, к сожалению, так и не раскрыл, видимо, полагая, что это уже сделали славянофилы и Ф. М. Достоевский.

Поводом для полемики между Кривенко, писавшим для «Нового слова» обозрения «По поводу внутренних вопросов», и Энгельгардтом послужили призывы «Недели» убрать с пьедестала «ложных героев» 1860–1870-х гг. (Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Салтыкова, Шелгунова, Михайловского). По словам Энгельгардта, их ошибки, увлечения, недостатки «ясны для всякого» и теперь все надо было начинать с другого конца: с преобразования самого человека, его миропонимания, ощущений, изменения недружелюбных отношений к злу и насилию на любовь и т.п. Кривенко, напротив, доказывал, что «философский камень», отысканный «Неделей» (теория Толстого о непротivлении злу насилием), не нов. «С этого конца уже не раз люди начинали и не получали искомых результатов»².

Вообще эта полемика с самого начала приняла характер грубой словесной перепалки и нет смысла останавливаться на ней подробно. Отметим только, что, оправдываясь перед упреком в непонимании значения оживления философской мысли в России, Кривенко попытался доказать, что пока видит перед собой одну «философскую абракадабру» и не согласен с тем, что Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев и Ф. М. Достоевский «заткнули европейскую философию за пояс»³.

В исторической литературе ведущих публицистов «Нового слова» и «Сына Отечества» обычно ставят в один ряд с идеологами «Недели». В пользу этой точки зрения свидетельствует тот факт, что после ухода Абрамова из «Сына Отечества» пропаганда в этой газете «малых дел» продолжалась, как и раньше⁴. Однако

¹ Энгельгардт Н. А. Лженародничество // Книжки «Недели». 1896. № 11. С. 282, 293, 294.

² С. К. По поводу внутренних вопросов. 1896. № 1. С. 210, 211, 216; № 12. С. 240–247.

³ С. К. [Кривенко С. Н.] Обо всем (лжелитература) // Новое слово. 1896. № 2. С. 241, 244, 249.

⁴ Мур. Малые и большие дела // Сын Отечества. 1900. 1 мая. № 118.

¹ [Воронцов В. П.] «Этико-социологи». С. 112, 113.

² Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918) – публицист и литературный критик «Недели» 1880-х – 1890-х гг., с 1901 г. сотрудник «Нового времени».

³ Энгельгардт Николай Александрович (1867–1942) – публицист, историк литературы, видный деятель монархического движения до 1907 г.

более подробное исследование взглядов теоретиков «созидательного» народничества показывает, что в понимании роли интеллигенции в общественном прогрессе и трактовке ее практических задач у них были существенные отличия от «неделистов».

Воронцов и Кривенко, как представители *среднего* течения в легальном народничестве, сознательно стремились не разделять идейность и жизненную практику, внутренние и внешние условия развития общества, частные меры и общие. Если Л. Е. Оболенский и А. И. Фаресов¹ спорили по поводу статей Кривенко о деятельности «культурных одиночек» в деревне: стоило ли интеллигенции начинать с личного самосовершенствования или сначала следовало добиться смены «общего режима»², то сам публицист доказывал ошибочность избрания какого-либо одного способа выполнения задач настоящей цивилизации. «Люди, идущие от частного к общему, – по убеждению Кривенко, – нисколько не мешают людям, идущим от общего к частному». Наоборот, разъединение практиков, занятых конкретным делом, и теоретиков, стремящихся к постановке широких общественных задач, – «двойная трата сил»³. Той же позиции придерживался и Воронцов.

Тактические разногласия между центристами и крайне правыми народниками настолько очевидны, что в специальной литературе представителей умеренного народничества все чаще называют не «малоделами», а «народниками-культурниками».

Понятие «культурная работа» гораздо шире понятия «малые дела». Хотя термин «культурничество»⁴ до сих пор употребляется как синоним теории «малых дел», в действительности далеко не все культурники были «неделистами». Для подтверждения этого факта разберем народническую теорию «культурной работы» более подробно.

¹ Фаресов Анатолий Иванович (1852–1928) – беллетрист-народник и публицист, сотрудник «Исторического вестника».

² Оболенский Л. Е. Личное совершенствование и изменение общественных форм // Русская мысль. 1893. № 7. С. 77, 94–95; Фаресов А. И. Интеллигенция в деревне // Исторический вестник. 1895. Т. 61. № 9. С. 761.

³ Кривенко С. По поводу культурных одиночек // Русское богатство. 1893. № 12. С. 173, 174.

⁴ Понятие «культурничество» в значении культурно-просветительской работы в массах в отрыве от политики в середине 1890-х гг. ввели в литературу русские марксисты.

Обоснованием определяющего значения культурно-просветительской деятельности интеллигенции для дальнейшего развития страны, включая обновление ее политического и экономического строя, в 70-е – 90-е гг. XIX в. занимались практически все легально-народнические теоретики и публицисты. Почвой для широкого распространения в обществе культурнических идей послужило разочарование интеллигенции в возможности создать сразу внешние условия, необходимые для человеческого счастья, минуя кропотливую работу над удовлетворением текущих хозяйственных потребностей. Широкие законодательные реформы, замечал по этому поводу публицист «Исторического вестника» Сементковский, как бы гуманны и либеральны они ни были, сами по себе еще ни к чему не приведут, если не будут идти рука об руку с главным источником культурных успехов – сознательной деятельностью общества и народа в области своего благосостояния¹.

Цель культурной работы состояла в подъеме умственного и нравственного уровня простого народа, в развитии его общественной и хозяйственной самостоятельности и инициативы. Всех теоретиков культурничества объединяло стремление освободить народ из-под опеки привилегированных классов, сделать его главной силой общественного развития, подлинным хозяином своей жизни. Но сплотиться вокруг общей цели народники-культурники так и не смогли из-за существенных разногласий в тактике подготовки социокультурного переворота.

Сотрудничавшие в газете «Неделя» теоретики «малых дел», (Каблиц, Абрамов, Лаврский), доказывали, что основное предназначение русской интеллигенции в удовлетворении текущих потребностей народа мирными средствами (работа в земстве и разного рода благотворительных обществах, частная практика). Деревне были нужны учителя, врачи, ветеринары, адвокаты, агрономы, писари, хорошо знавшие свою специальность и не боявшиеся серой, будничной работы. Никакого героизма тут не требовалось, ибо, как писал Абрамов, главным препятствием к успешной культурной деятельности в народе являлись не стеснительные внешние условия, а отсутствие у провинциальной ин-

¹ Сементковский Р. Культура и подвижничество // Исторический вестник. 1895. № 6. С. 790.

теллигенции навыков правильной организации и ведения дела и обязательной для его успеха веры в собственные силы¹.

Суть теории «малых дел» – убеждение, что *количество* (постепенный рост народного благосостояния и культуры) рано или поздно без всякого насилия и борьбы перерастет в *качество* (утверждение нового общественного строя, основанного на принципах демократии и социальной справедливости, т.е. социализма). Разумеется, так далеко заглядывали не все сторонники «малых дел», а только создатели рассматриваемой теории.

Представители другой народнической фракции (Воронцов, Кривенко, Максимов), в том виде, как она сложилась к середине 1890-х гг., напротив, доказывали большое значение для успешной общественной деятельности широких демократических идеалов. Потеря идеи общего блага изолировала культурных работников друг от друга, превращая их деятельность в «заплатывание худого кафтана», который будет пороться в других местах². Всецело поддерживая земство и «культурных одиночек» в их борьбе за просвещение народа и повышение его благосостояния, они не придавали этим общекультурным мероприятиям самодовлеющего значения. Культурная работа рассматривалась как лучшее вспомогательное средство к общей работе по обновлению социального и политического строя России и как лучший способ подготовки масс к осуществлению тактической формулы народничества – «все для народа и только через народ»³.

Культурная работа включала два уровня: мероприятия, охватывающие экономическую, правовую и духовную жизнь народа и направленные на поднятие сознательности населения и увеличение его благосостояния (эта работа была рассчитана на людей «обычной меры» и не выходила за рамки «малых дел»); и высшую ступень для деятелей уже проникнутых стремлением к проведению в жизнь отдельных начал будущего строя.

Существенный вклад в развитие идеи культурной работы «высшего порядка» внес Кривенко. Он был одним из первых народнических идеологов, кто стал доказывать необходимость

культурных предпосылок для проведения в стране социалистических преобразований. По мнению Кривенко, новый общественный строй должен был подготавливаться в недрах старого путем постепенного утверждения в обществе экономической солидарности, сочувствия к общему благу, общественного самоуправления и т.д. Для этой цели он настоятельно рекомендовал интеллигенции заведение образцовых сельскохозяйственных и промышленных артелей и земледельческих общин. Со временем успехи, достигнутые в ходе этих социальных экспериментов передовой интеллигенции, должны были послужить примером для остального населения страны¹.

Некоторые современные авторы не без оснований доказывают, что только с обращением к «малым делам» и «культурничеству» значительная часть интеллигенции превратилась в живую силу общественного строительства². «Трудно поверить, – пишет М. А. Колеров, – что лишь желание исподволь подготовить социальный переворот держало врачей, учителей, статистиков в нищих деревнях»³. И все же именно это желание одухотворяло главных идеологов культурнического народничества 1890-х гг. При всех заявлениях о праве народа на жизнь по собственной воле они, как и большинство социалистов-народников, хотели помочь ему сделать «правильный» выбор.

Одним из первых об этом изъясне народнической идеологии писал Л. А. Тихомиров. Обращаясь к упомянутому спору «лучшей части» русской интеллигенции о путях преобразования России, основную ее ошибку он увидел не в выборе способа действия – «сверху» или «снизу», а в самом стремлении «пересоздать» нацию по своему (якобы общечеловеческому, а в действительности узкоклассовому) типу. «Такая задача, – по убеждению Тихомирова, – есть по существу абсурд». Желание навязать народу свое понимание жизни несло бы гибель России, но «к счастью, – это предприятие невозможно, а потому в истории нашей является другое зло – значительно меньшее: бесплодная гибель из-

¹ Кривенко С. Н. На распутье. СПб., 1895. С. 4.

² См.: Костиков В. Закон иллюзий. Заметки о русской интеллигенции // Совершенно секретно. 1990. № 4; Ротенфельд Ю. А. Философия братства или философия вражды? // Философские науки. 1991. № 3.

³ Колеров М. Дитя несвободы. Рождение и смерть интеллигенции // Знание-сила. 1992. № 2. С. 109.

¹ [Абрамов Я. В.] Геройство и безделие // Неделя. 1894. № 37. Стб. 1180, 1181.

² Кривенко С. По поводу культурных одиночек. С. 174.

³ Слобожанин М. На культурной работе. Очерки и воспоминания. СПб., 1907. С. 8.

вестной доли образованных сил в ложных и вредных для страны попытках»¹.

Если интеллигенция не хотела оставаться «источником пертурбаций» в жизни страны, то она должна была послушаться Тихомирова и стать «слоевой» частью нации. Не объединяться в особое сословие, чтобы направлять невежественные массы к неведомым целям, а жить в *каждом* социальном слое в тесной связи с его духовными и материальными интересами. Истинное же назначение образованного класса – освещать жизнь, опыт, интересы всех социальных слоев и способствовать приведению их к единству. По мнению Тихомирова, это и означало «примкнуть к России», честно служа ее (а не своим) целям и задачам².

В 1895 г. к критике передовой русской интеллигенции обратился еще один сотрудник «Русского обозрения» И. И. Фудель. Его внимание привлекла на шумевшая тогда «школьная история» (заккрытие духовным ведомством школ грамотности А. А. Штевен в Арзамасском уезде по причине их антицерковного характера). В просветительской деятельности сельской учительницы Фудель нашел прекрасный образец устарелого интеллигентского отношения к мужику и народному вопросу. В соответствии с ним интеллигенция была *обязана* делиться с мужиком своими знаниями. В 1870-х гг., продолжал Фудель, теория долга народу была очень популярна, но опыт жизни и здравый смысл «заставил лучших народников (имелись в виду Ф. М. Достоевский и И. С. Аксаков. – Г. М.) сознаться, что надо нам самим учиться у народа, а не его учить»³. Стремление идейной интеллигенции «*переделать народ на свой лад* и вытравить из народа то, что мешает этой переделке» Фудель, подобно Тихомирову, назвал одной из причин многих пагубных явлений в русской жизни⁴.

Призывы консерваторов «вернуться домой, к народу» и употребить свои силы и знания на укрепление исторических основ

¹ Тихомиров Л. Что делать нашей «интеллигенции»? // Русское обозрение. 1895. № 10. С. 874; Он же. К вопросу об интеллигенции // Он же. Критика демократии. М., 1997. С. 595.

² Тихомиров Л. Что делать нашей «интеллигенции»? С. 878–879; Он же. К вопросу об интеллигенции. С. 584, 594; Он же. Новогодние думы // Он же. Критика демократии. С. 622.

³ Фудель И. Поучительная история. (К школьному вопросу) // Русское обозрение. 1895. № 10. С. 756.

⁴ Там же. С. 764.

русской цивилизации (надклассовой монархии, как подлинного выразителя воли народа и истинного христианства в лице русской православной церкви) народническая интеллигенция, по понятным причинам, попросту игнорировала. За исключением, разве что, ее крайне правого крыла. Народников-культурников второй половины 1890-х гг. гораздо больше волновали периодические выговоры со стороны редакции «Русской мысли».

Надо признать, что либеральная критика практически всегда носила сочувственный характер, т.к. для русских либералов (таких как К. Д. Кавелин, В. А. Гольцев, А. Н. Пыпин) народники – это «заблудшие» товарищи по прогрессивному лагерю.

Главной ошибкой народников «Русская мысль» считала отрицание возможности развития в России капитализма. В связи с этой ошибкой, как указывал анонимный обозреватель периодической печати¹, находились и другие. Это требование сохранения устоев народной жизни и отрицательное отношение к «надстройкам» над ними по европейскому образцу, т.к. они послужили бы только на пользу буржуазии. Предполагалось, что народ «отсидится» от капитализма в общинах и артелях. «Суровая действительность доказала, что в народничестве недоставало политического такта. Оно повинно и в том, что несправедливо относилось к интеллигенции, утверждая, что она должна учиться у народа». «Суд истории, – по словам автора цитируемой статьи, – еще не наступил для народничества», но эти заблуждения имели «неблагоприятные последствия для нашего общественного развития», которому кроме национальных особенностей, необходимы были и общеевропейские основы культуры и общественной жизни².

Приводя жалобы «Нового слова» на игнорирование интеллигенцией своих обязанностей перед «младшим братом», тот же обозреватель из «Русской мысли» заметил, что эти утверждения в корне ошибочны, т.к. культурное общество, «когда ему делается возможным вздохнуть хоть крошечку посвободнее», всегда становится на точку зрения общенародных интересов. Народники же избегают постановки вопроса о возможной роли интеллигенции в будущей эволюции России на

¹ Предположительно П. Ф. Николаев.

² Внутреннее обозрение (Отголоски юбилея Н. Н. Златовратского) // Русская мысль. 1897. № 12. С. 191–192.

«единственную правильную» почву обсуждения внешних условий деятельности. «А ведь в этом, – завершает свою мысль публицист, – все и дело», в вопросе, разделяющем народников и не-народников¹.

Здесь уместно привести ответную реакцию автора внутренних обозрений «Нового слова». Отвечая на обвинение «Русской мысли» в непонимании значения политических условий общественной деятельности, Кривенко недоуменно восклицал: «Почтенный московский журнал... полагает, что такая точка зрения мною “намеренно” игнорируется или даже совсем недоступна... Я был бы очень благодарен за это указание..., но (оно. – Г. М.) ...никаких новых для меня горизонтов не открывает и ничего нового не говорит». Далее публицист еще раз объяснил причины своих критических высказываний в адрес интеллигенции. Это ее разобщенность и «уклонение» от служения народным интересам (в их народнической интерпретации). Интересно, что для обоснования правильности своей позиции он ссылаясь на «лучших наших писателей» (Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова, Н. А. Добролюбова, Н. А. Демерта, Г. З. Елисеева, Л. Н. Толстого), которые руководствовались в своей деятельности пословицей «коли сам плох, так не даст Бог» и потому всегда апеллировали не к губернаторам, а к тому же обществу и печати².

На исходе XIX столетия наиболее острая полемика по общему признанию завязалась у легальных народников с марксистами. Здесь спорщики бились, можно сказать, на уничтожение, нередко переходя с теорий и фактов на личные оскорбления³. Главный предмет их спора (нужно ли «вываривать» русского мужика в фабричном котле) изучен достаточно хорошо. Поэтому сразу перейдем к вопросу о том, как оценивали марксисты культурническую трактовку проблемы интеллигенции.

¹ Библиографический отдел // Русская мысль. 1896. № 3. С. 130, 144–145.

² С. К. По поводу внутренних вопросов. 1896. № 8. С. 223–224, 226.

³ В. М. Чернов в своих воспоминаниях описывает «идейное столкновение» между В. П. Воронцовым и молодым В. И. Лениным на одном из конспиративных собраний молодежи в Москве в январе 1894 г. Эта стычка возникла случайно (спорщики даже не знали друг друга) и очень быстро переросла в беспорядочный диалог, который «пришлось прервать, т.к. он все более принимал личный характер и терял интерес для собравшихся». См.: Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. М., 1993. С. 72.

Русские марксисты (как и народники) делились на умеренных и радикалов. Вот почему их высказывания носили порой прямо противоположный характер.

Революционные марксисты доказывали, что при сохранении основ существующего строя культурная работа – это «самокастрирование» интеллигенции. Она была «бесплодна, как песок в пустыне» и вела только к примирению с действительностью¹. «Иногда, – замечал, например, Г. В. Плеханов, – им (народным учителям. – Г. М.) удастся преподавать своим слушателям некоторые элементарные сведения по естествознанию, истории и географии, но они не дерзнут затронуть перед ними важнейший вопрос народного образования, не решаются указать на царя и на царских опричников, как на сильнейшее теперь препятствие этому образованию»². Зло культурничества, с точки зрения Ленина и Плеханова, заключалось в том, что оно отвлекало демократическую интеллигенцию от борьбы за радикальные социально-политические преобразования России. Недаром культурники, как и сторонники «малых дел», попали у них в разряд идеологов кулачества и отъявленных реакционеров³.

«Мирные» марксисты, в частности, А. Н. Потресов, напротив, утверждали, что культурничество – это широкое течение, охватившее интеллигенцию после голода 1891/92 гг. Оно дало «начатки политического воспитания масс культурных работников». При таком подходе культурничество нельзя было противопоставлять политике, как это делал Абрамов и публицисты «Недели», и путать культурную работу с «отрыжкой реакции» 1880-х гг. – культом «малых дел»⁴.

Тем не менее, все русские марксисты считали, что народническая интеллигенция совершила серьезную ошибку, сделав ставку на крестьянство – консервативный класс разлагающегося феодального общества. Для марксистов настоящий народ – это проле-

¹ Воровский В. В. Лишние люди // Воровский В. В. Литературно-критические статьи. М., 1956. С. 118, 124.

² Плеханов Г. В. Еще раз социализм и политическая борьба // Плеханов Г. В. Соч.: В 24 т. М.; Пгр., 1923–1927. Т. 12. С. 94–95.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 1. С. 250, 264, 452; Плеханов Г. В. Наши разногласия. Часть вторая // Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 4. М., 1937. С. 64.

⁴ Потресов А. Н. Что случилось? // Потресов А. Н. Этюды о русской интеллигенции: Сб. ст. СПб., 1906. С. 172.

тариат. Ему, а не «ветхозаветному» крестьянству, отводили они решающую роль в дальнейшем развитии России. Иными словами, народники и марксисты разошлись по главному для демократической интеллигенции вопросу: где находится центр русской жизни (в деревне или в городе) и соответственно, что делать интеллигенции: заниматься организацией крестьянства или пролетариата.

Одним из самых активных критиков легального народничества второй половины 90-х гг. был А. И. Богданович. В течение 1893 г. он вел в «Русском богатстве» хронику внутренней жизни, но затем перешел на марксистские позиции. В своих статьях в «Мире божьем» Богданович постоянно изобличал народников в идеализации деревни (общины) и в создании мифа о народе-богоносце. Игнорирование фактов разложения крестьянского мира, по словам Богдановича, «завело народническую публицистику в непролазные дебри самобытного духа, привело к отказу от завоеваний цивилизованного Запада в области общественной жизни, во имя сохранения устоев... и создало, в конце концов, тот ложный круг, из которого не может выбиться народническая мысль»¹.

Марксисты пытались убедить демократическую интеллигенцию в наличии особых исторических законов, «против которых не попрешь». Причем по этим законам выходило, что на мужика с его псевдосоциалистическими инстинктами следовало махнуть рукой. Народники же оставляли за собой право вмешательства в ход истории с целью устройства лучших человеческих отношений. С их точки зрения, марксистское понимание исторического процесса обезличивало интеллигенцию и народ низводя их до степени шашек, которыми играли «господин капитал и госпожа индустрия» и прочие, не подлежащие воздействию экономические факторы. Они обвиняли марксистов в том, что их учение делало живого человека заложником экономической схемы, по которой ему надлежало «быть строительным материалом, заполнить скорее исторический ров и образовать собою гать, по которой перейдут будущие, не существующие еще поколения в лучшую жизнь»².

¹ А. Б. [Богданович А. И.] Критические заметки // Мир божий. 1897. № 6. С. 1–10; 1898. № 3. С. 5–6.

² С. К. По поводу внутренних вопросов. 1896. № 12. С. 231, 233–234, 236–237.

Не менее острые разногласия разгорелись и вокруг марксистской теории борьбы классов как «локомотива истории». Марксисты из всех сил старались вытеснить из сознания радикальной интеллигенции остатки народнического учения об особой роли в развитии общества морально-этических факторов. Идея неоплатного долга перед народом отменялась как пережиток «крепостнического сознания» передовой дворянской интеллигенции¹. По словам Плеханова, народники смотрели на народ сверху вниз. Рабочая интеллигенция «неспособна относиться по-барски к людям физического труда уже в силу того убеждения, что историческое дело этих людей может быть сделано только ими самими. Она видит в них не детей, которых надо воспитывать, не несчастных, которых надо облагодетельствовать, а товарищей, с которыми надо идти рядом». Только так, по убеждению первого русского марксиста, могла исчезнуть пропасть, издавна разделявшая людей мысли и людей физического труда. Потому что теперь эти люди «сами становятся интеллигентными, чем прекращается неизбежная в свое время... монополия интеллигентности»².

Легальные народники идею разжигания в народе социального сепаратизма, инстинктов классовой борьбы и насилия категорически отвергали. В стране, где долгое время существовало систематическое угнетение личности, где человек привык быть господином или рабом, не было гарантий, что политический переворот не приведет к власти более деспотичное правительство, чем при царе³.

С другой стороны, постоянные заявления русских марксистов о том, что они хотят привлечь к социальным преобразованиям трудящиеся массы, делали их в глазах многих легальных народников союзниками в борьбе за победу демократии в России. В 1897 г. Лондонский фонд Вольной русской прессы выпустил

¹ А. Б. [Богданович А. И.] Критические заметки. 1895. № 3. С. 228; Плеханов Г. В. О социальной демократии в России // Плеханов Г. В. Соч. Т. 9. С. 8, 14.

² Плеханов Г. В. Наумов Н. И. // Там же. Т. 10. С. 131.

³ См.: Кривенко С. Н. Физический труд как необходимый элемент образования. СПб., 1887. С. 269, 272; Оболенский Л. Е. Народники и марксисты // Исторический вестник. 1899. Т. 76. № 4. С. 233–234; [Воронцов В. П.] Производительные классы и интеллигенция в России // В. В. От семидесятых годов к девятидесятым. С. 135–137.

брошюру Воронцова «Доктринеры материализма и русская действительность». В ней наряду с критическими замечаниями в адрес «русских учеников» Карла Маркса выражалась мысль о том, что постановка марксистами задачи «осуществления социализма пролетариатом», по сути дела, означала возрождение идеи организации народа, впервые высказанной народниками 1870-х гг.¹ На этой почве Воронцов, Оболенский и некоторые другие народники готовы были протянуть марксистам руку примирения. Однако марксисты связывать себя с отживающим свой век движением не пожелали². В целом спор между идеологами «крестьянского» и «пролетарского» социализма напоминал разговор двух глухих, который закончился ничем.

В 1901 г. своеобразный итог походу марксистов против народников подвел Богданович – один из тех, кто пять лет назад призывал «стряхнуть с себя гнет обветшалых идей народничества, культурничества, проповеди малых дел»³. Поводом послужило второе издание книги Кривенко «На распутье».

В своем отзыве Богданович задается вопросом: какой интерес может иметь книга, написанная почти десяток лет назад? Оказывается, исключительно исторический. «Читая теперь эту историю, – признается Богданович, – испытываешь своеобразное чувство печали, словно слушая рассказ о *хороших покойниках* (курсив мой. – Г. М.), которые делали свое хорошее небольшое дело и ушли, оставив добрую память. Есть, правда, в конце и “полемиические красоты”, ядовитые некогда стрелы по адресу “псевдо-марксистов”, но... все это кажется таким далеким и чу-

ждым современности, что и яд весь выдохся, и стрелы заржавели». Некогда русская интеллигенция верила в то, что истинное призвание культурного человека в деревне. По мнению Богдановича, жизнь убедила ее в бесплодности самых энергичных попыток поднять культуру народа без соответствующего изменения «общего направления государственной и общественной работы». И, как пророчествовал рецензент, призывы старого народника последовать примеру подвижников на народной ниве «навряд ли найдут широкий отклик в обществе»¹.

Увы, в этих грустных для народников словах было много истины. В эпоху пробуждения политического сознания масс представители классического народничества, так и не создавшие собственной партии, теряют бывшее влияние на умы русской интеллигенции и уступают место неонародникам – эсерам и энесам.

Впрочем, поражение не всегда является следствием ошибок. Движение легального народничества распалось совсем не потому, что доводы его идеологов были разбиты жизнью. Жизнь как раз подтвердила правильность главного народнического принципа общественных преобразований страны: все для народа и *через* народ. Отступив от него в годы третьей русской революции, большевики «добились» того, чего так боялись многие народники-культурники – торжества демократии без свободы.

§ 2. Народники-реформисты о революции 1905–1907 годов и новых задачах демократической интеллигенции

В начале нового века, лишившись возможности консолидированного влияния на общество через собственные органы печати, легальное народничество, как направление общественной мысли, прекращает свое существование. Окончательно распался круг писателей и публицистов, определявших в конце XIX в. лицо русского народничества. Как писал по этому поводу марксистский журнал «Мир божий», народническая доктрина, отводившая деревне место центра русской жизни, «опровергнута на всех пунктах». Верность наследию А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского сохраняли лишь старики, которые никли один за другим.

¹ А. Б. [Богданович А. И.] Критические заметки. 1901. № 9. С. 5, 7.

¹ Цит. по: [Воронцов В. П.] Идеи Нео-марксизма и русская действительность // В. В. От семидесятых годов к девятисотым. С. 114.

² В действительности, как показывают работы современных исследователей, русские марксисты под влиянием «отечественной специфики» доработали и воспроизвели на практике многие теоретические положения народнической доктрины. Так, идея ведущей роли интеллигенции в общественных преобразованиях страны была трансформирована марксистами в идею партии, а идея передачи власти всему народу заменена идеей диктатуры пролетариата. Подробнее см.: Колеров М. Народническое наследие и русский марксизм: 1890-е годы // История мировой культуры: традиции, инновации, контакты. М., 1990. С. 66–67; Агаев С. Л. «Маркс был соединен со Стенькой Разиным» (Об истоках большевизма) // Политические исследования. 1992. № 4. С. 165, 166; Жукоцкий В. Д. Народнические корни ленинизма: «хитрость разума» или «ирония истории»? // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 52, 64.

³ [Богданович А. И.] Насущный вопрос. Лондон, 1895. С. 30.

Молодое поколение инстинктивно обходило «остатки народничества», нашедшие приют в некоторых органах печати, «чувствуя, что живой источник здесь иссяк»¹.

У всех общественных движений есть свои вожди, которые порой против своей воли становятся их символом, живой легендой. Молодежь почитает своих властителей дум как богов, им отдают должное идейные и политические противники, не говоря уже о соратниках по партии. В истории русского легального народничества таким вождем и непревзойденным авторитетом, главным хранителем идей 1860–1870-х гг. был Н. К. Михайловский. В 1900 г. по случаю 40-летнего юбилея его литературной деятельности более 20 тыс. корреспондентов прислали кумиру нескольких поколений русской интеллигенции поздравительные телеграммы и письма².

В январе 1904 г. Михайловский скоропостижно умирает. Проводить его в последний путь придут около пяти тысяч петербуржцев. Такого скопления людей столица не видела со времени похорон Н. В. Шелгунова. Многие современники восприняли кончину Михайловского – «последнего истинного» русского народника, как своеобразную точку в истории и самого классического народничества. С Михайловского все начиналось, им же все и закончилось.

Что касается других теоретиков легального народничества 70–90-х гг. XIX в., то после прекращения выхода «Сына Отечества» и «Недели» о них уже мало кто вспоминал. Известно лишь, что главный вдохновитель и организатор литературных предприятий народников – С. Н. Кривенко по состоянию здоровья отходит от активной журналистской деятельности. Я. В. Абрамов резко эволюционирует влево, публикуя в газете «Приазовский край» литературно-критические и публицистические статьи антиправительственного содержания³. Постоянно стесненный в средствах

Л. Е. Оболенский становится ведущим сотрудником, а потом и редактором либеральной газеты «Приднестровский край», выходящей в Екатеринославле.

Особо следует сказать о судьбе В. П. Воронцова, которого «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона в свое время назвал главным теоретиком современного народничества. Лишившись собственного угла, Воронцов, как и его прежние товарищи по перу, вынужден был искать пристанища в других печатных изданиях. В 1901 г. по иронии судьбы он становится постоянным сотрудником «Вестника Европы» (где по-прежнему печатался А. Н. Пыпин), а с 1908 г., по протекции К. К. Арсеньева, редактором библиографического отдела этого журнала. В воспоминаниях издателя «Архива русской революции» И. В. Гессена, в начале XX в. некогда знаменитый автор книги «Судьбы капитализма в России» предстал перед ним уже не задорным и смелым борцом, дерзкой рукой прокладывающим самобытные пути, а скромным молчаливым бесцветным человеком с «невыразительным плоским лицом». «Казалось, – пишет мемуарист, – что он сам находится под гнетом наступившего уже крушения своей прельстительной конструкции»¹. Тем не менее, Департамент полиции до 1903 г. причислял Воронцова к «радикально-оппозиционной группе» и вел за ним негласное наблюдение².

В исторической литературе взгляды теперь уже бывших идеологов легального народничества на стремительное развитие общественно-политической и экономической жизни страны в начале XX в. специально не изучались. А между тем многие из последних могики народничества пережили первую народную революцию, а кое-кто и 1917 г. И не просто пережили, а продолжали делиться своими впечатлениями с читателями. Изменилось ли понимание народниками-реформистами задач передовой интеллигенции в условиях политического пробуждения масс? Как они интерпретировали причины поражения революции 1905 г.? Выяснение этих вопросов, на наш взгляд, поможет глубже понять и оценить позиции народников в 80–90-е гг. XIX в., когда не все свои взгляды они могли выражать открыто.

¹ А. Б. [Богданович А. И.] Критические заметки. 1898. № 3. С. 6.

² Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосмос в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 23.

³ По свидетельству жандармерии, накануне революции 1905–1907 гг. Абрамов – «человек прямо-таки вредный для политического спокойствия (Ставропольской. – Г. М.) губернии». См.: Новак С. Я. Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 82.

¹ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции: В 22 т. М., 1993. Т. 22. С. 43–44.

² О лекаре В. П. Воронцове. – ГАРФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 92. Д. 208. Л. 2–2 об.; Оп. 230. Д. 363. Л. 1–2.

Центральное событие начала XX в. – первая российская революция для многих общественных деятелей, включая марксистов, началась неожиданно, а точнее преждевременно. Поэтому противники революции сразу же аттестовали ее как детище русской интеллигенции, которая стремилась к ней на протяжении всей пореформенной эпохи. Так проблема интеллигенции (после двадцатилетнего перерыва) вновь оказалась в центре общественного внимания.

Предтечей очередной дискуссии об интеллигенции послужили статьи марксистов, опубликованные в легальной печати в начале 900-х гг. П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, В. В. Воровский, Н. Н. Иорданский выступили с критикой социально-этической концепции интеллигенции народников и либералов, вкладывавших в это слово сугубо идеологический смысл (служение определенным идеям и нравственным ценностям)¹. «"Интеллигенция" – это люди, "сердце и разум" которых "с народом". В наше время, – по словам А. С. Изгоева, – никто, конечно, не подпишется под этим определением, насквозь пропитанным первородным грехом Михайловского, его субъективным методом»². Действительно, субъективный подход (в начале XX в. его по-прежнему отстаивали П. Н. Милуков, П. Д. Боборыкин, Н. А. Рубакин, Р. В. Иванов-Разумник³) отличался крайней узостью. Он исключал из состава интеллигенции всех противников идеи социального прогресса и просто образованных людей, далеких от политики.

Отстаиваемый марксистами социально-экономический подход расширял границы понятия «интеллигенция» до максимально возможных размеров. Интеллигенция – это все работники умственного труда, получившие специальное образование

(представители свободных профессий, чиновники, банкиры, священники)¹.

Зачем марксистам потребовалось растворять интеллигенцию в образованных классах общества? Ответ дает тот же Изгоев: «Такая группа ни практического, ни теоретического значения не имеет. Это просто цивилизованные люди»². Народники 1870-х гг., например, сторонники П. Н. Ткачева утверждали, что интеллигенция – это особая сверхклассовая сила, способная к созданию новых социальных и духовных форм без привлечения других общественных сил. Марксисты стремились развенчать теорию «всесилия» интеллигенции, чтобы утвердить свое учение о пролетариате, как новой движущей силе общественного прогресса. Кстати, одним из доводов в ее защиту стала угроза превращения «бессословной» интеллигенции в новую бюрократию, о чем И. И. Каблиц предупреждал еще в начале 1880-х гг.³.

Таким образом, по убеждению марксистов, сознательная интеллигенция должна была оставить свои абстрактные идеи и ценности (служение народу, как некой цельной массе, и вечным общечеловеческим идеалам) и перейти на службу к самому передовому общественному классу – пролетариату для организации его борьбы с капиталом⁴.

Объективно марксистский (социологический) подход к определению природы отечественной интеллигенции отражал реальные изменения в ее составе. Под влиянием развития в стране капитализма постепенно увеличивался спрос на работников массовых интеллектуальных профессий, для которых главное значение имел уровень образования, а не особые морально-этические качества.

¹ Изгоев А. С. Указ. соч. С. 75.

² Там же.

³ Из литературы начала XX в. по проблеме превращения интеллигенции в бюрократию см.: Изгоев А. С. Указ. соч. С. 93; Фриче В. Сверхклассовая интеллигенция (Историческая справка по поводу модной темы) // Образование. 1904. № 12. С. 94, 102.

⁴ Споры об интеллигенции продолжались и дальше. См.: Веселовский Б. Идеиные течения современного народничества // Образование. 1907. № 1; Лозинский Е. Что же такое, наконец, интеллигенция? СПб., 1907; Петрищев А. Противотеченцы // Русское богатство. 1907. № 8; Иорданский Н. Вопросы текущей жизни. Кризис интеллигенции // Современный мир. 1908. № 2; Зайцев Д. Марксизм и махаевщина (К вопросу об интеллигенции) // Образование. 1908. № 3.

¹ См.: Струве П. На разные темы // Мир божий. 1901. № 6; Туган-Барановский М. И. Что такое общественный класс // Мир божий. 1904. № 1; Адамович Ю. [Воровский В. В.] Представляет ли интеллигенция общественный класс? // Правда. 1904. № 5; Иорданский Н. Еще о народничестве и марксизме (Ответ г. Пешехонову) // Образование. 1904. № 10. С. 72–73.

² Изгоев А. С. Интеллигенция как социальная группа // Образование. 1904. № 1. С. 75.

³ См.: Милуков П. Н. Из истории русской интеллигенции. М., 1903. С. 80; Боборыкин П. Д. Русская интеллигенция // Русская мысль. 1904. № 12. С. 80–81, 85, 87; Рубакин Н. А. Чистая публика и интеллигенция из народа. 2-е изд. СПб., 1906. С. 4, 7; Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. СПб., 1907. Т. 1. С. 10.

Легальные народники в полемике об интеллигенции 1901–1904 гг. участия не принимали. Все, что они могли сказать, в свое время уже было произнесено. Да и подходящая трибуна для ответа на критику народнической точки зрения на интеллигенцию отсутствовала. Другое дело революция 1905 г. Начавшись в столицах, она в скором времени докатилась и до провинции, проникнув в самую толщу народной жизни. Пройти мимо происходящих в стране и народном сознании радикальных изменений, так долго ожидаемых русской демократической интеллигенции, народники не могли.

Некоторым из представителей народнической интеллигенции 1870–1880-х гг. довелось лично участвовать в бурных событиях революционного времени. Например, Абрамов и Кривенко занялись организацией работы местного самоуправления на Кавказе. Абрамов даже пытался баллотироваться в депутаты I Государственной думы, как независимый кандидат, но ставропольские крестьяне его не поддержали¹. Однако основная масса народнических писателей, многим из которых было за пятьдесят, предпочитала служить народу с пером в руках. В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, С. Н. Южаков откликнулись на подъем крестьянского движения специальными статьями, пытаясь заглянуть в будущее многомиллионного мужицкого царства.

Не менее остро волновала народников судьба рабочего класса. Н. Н. Златовратский, потрясенный расстрелом демонстрантов на Дворцовой площади 9 января 1905 г., очень сочувственно отнесся к начавшемуся в столице вооруженному восстанию. У входа в его квартиру на Малой Бронной был создан перевязочный пункт для оказания первой помощи раненым с баррикад. Чутко вслушиваясь в гул нарастающего пролетарского движения, писатель-народник напишет свои страстные «Три легенды», пытаясь в христианско-мистическом духе осмыслить историческую роль молодого российского пролетариата².

Отношение народников-реформистов к первой русской революции не было однозначным. С одной стороны, она пробуждала

в них самые радужные надежды на грядущее обновление русской жизни, с другой, пугала резкими вспышками насилия в народе и обществе, непрерывной чередой грабежей, погромов и убийств мирных граждан, грозящих погрузить страну во «тьму египетскую»¹. Но независимо от своих личных переживаний все бывшие идеологи легального народничества считали начавшуюся революцию явлением неизбежным, поскольку к ней Россию подталкивала суровая историческая необходимость.

Среди вызвавших революцию причин народники прежде всего отмечали неспособность властей удовлетворять растущие потребности страны, включая обеспечение ее внешнеполитической безопасности (речь шла о позорном поражении России в русско-японской войне)². По их мнению, необходимость в радикальных преобразованиях государственного строя России назрела давно, еще во времена Великих реформ Александра II. Все прошедшие 40 лет бюрократия только «коверкала» русскую жизнь, в конце концов, доведя ее до состояния полного хаоса³.

Вторая причина была связана с неудовлетворенностью народа своим материальным положением. Крестьянская реформа, по мнению народников, принесла ему только формальное освобождение, т.к. предоставленные крестьянам наделы не давали возможности самостоятельного развития их хозяйства (без аренды помещичьей земли). Разорению и обнищанию крестьянства в пореформенные годы во многом способствовала фискальная политика правительства, проводимая в интересах дворянства и нарождающейся буржуазии. В начале XX в. царское правительство

¹ Е. Д. Максимов в письме к С. Н. Кривенко от 24 февраля 1905 г. сообщал: «В С.-Петербурге – кавардак, анархия (забастовка)», «ученики одной школы сожгли ее и ограбили учителей», другие «жгут помещичьи экономии». «Улица с хулиганами заполнила прессу». – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 145. Л. 11, 12 об. О том же писал сам Кривенко в неопубликованной статье «Хулиганы и хулиганство» (По поводу событий 9 января). – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–4.

² См.: Николай-он [Даниельсон Н. Ф.] Наше общественное пробуждение с социально-экономической точки зрения. Беглые заметки // Русское богатство. 1905. № 7. С. 5, 14, 15, 21; [Воронцов В. П.] Политическое и социальное течения в русском обществе // В. В. От семидесятих годов к девятистому. С. 166, 167; Оболенский Л. Е. Что я пережил в провинции в дни смуты // Исторический вестник. 1906. № 5. С. 449; Кривенко С. Н. Нечто о русском разуме и национальном стыде. – РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 4. Л. 4, 9.

³ Кривенко С. Крестьянское дело и канцелярское творчество // Русская мысль. 1905. № 6. С. 125–126.

¹ Новак С. Я. Указ. соч. С. 82. Из бывших легальных народников депутатом I Думы стал, видимо, один К. В. Лаврский (как представитель «трудовой группы»).

² Семенкин К. Г. Н. Н. Златовратский. Очерк жизни и творчества. Ярославль, 1976. С. 118.

вообще отказалось от поддержки общины, взяв курс на ее постепенное разрушение. Для народников столыпинская аграрная реформа означала окончательное крушение иллюзии о надклассовости русского самодержавия¹.

Конечной целью начавшейся в стране революции была демократизация политического и экономического строя в интересах основного населения страны. В этом у Даниельсона, Воронцова, Южакова и других народников не было ни малейшего сомнения. По крайней мере, термин «буржуазная» революция отсутствовал в их лексиконе. С самого начала она воспринималась ими как движение народных масс – крестьян, рабочих и передовой русской интеллигенции².

По подсчетам исследователей в 1905–1907 гг. в стране произошло около 20 тысяч крестьянских волнений³. Такого размаха народного движения Россия не видела со времен пугачевщины. Уже для современников этих событий было очевидно, что участие крестьян в революции, призванной решить вопрос о земле, не могло пройти бесследно для политического воспитания народа. В либерально-демократической печати открыто высказывалась мысль о начале глубокого перелома в отношении народа к царю, о возможности превращения крестьянства в самостоятельную общественную силу, от которой будет зависеть направление и ход дальнейшего развития страны.

Точный учет уровня развития у населения деревни политического сознания был, конечно, невозможен. Поэтому вопрос о том, что именно крестьянству предстоит сыграть решающую роль в борьбе с отжившим самодержавно-бюрократическим режимом, по-прежнему оставался открытым. В этой связи становится понятным, почему народники так внимательно следили за крестьянским движением 1905–1907 гг. Только подробно проанализировав его характер и причины, можно было делать прогнозы на будущее.

¹ Кривенко С. Крестьянское дело и канцелярское творчество. № 9. С. 5–7; [Воронцов В. П.] Русская революция и крестьяне // В. В. От семидесятых годов к девятисотым. С. 203.

² Там же. С. 201; Даниельсон Н. Ф. Указ. соч. С. 15, 17; Южаков С. Н. Год 1905 // Современность. 1906. № 1. С. 65–67.

³ См.: Анфимов А. М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 66.

Из народнических публицистов наиболее обстоятельное исследование данных вопросов принадлежало Воронцову. По его мнению, изложенному в письме к Н. А. Рубакину, «очередные важные шаги в нашей истории могут быть сделаны лишь при участии народных масс и на основании изучения объективной обстановки, предугадывая особенную восприимчивость масс в восприятии прогрессивности освободительной идеи»¹.

Свои наблюдения за изменениями в народном мировоззрении Воронцов черпал из сообщений газетных корреспондентов, а также в анкетах Вольного экономического общества, которые были изданы в 1908 г.² К каким же выводам приходит народник после знакомства с этими материалами?

Прежде всего, Воронцов обращает внимание на то, чем крестьянское движение начала XX в. отличалось от предшествующих народных выступлений. Во-первых, «в новейшем крестьянском движении не встречается ни самозванца или его полковников, ни манифестов, призывающих к восстанию, ни предварительной победы царя-благодетеля над правительственными войсками – словом, ничего составляющего характерную черту пугачевщины». Свободное крестьянство, заключает Воронцов, оказалось менее щепетильным в оправдании права восстать, чем его крепостные предки. Вторая его особенность – «бледность» знамени царской власти, которое так ярко окрашивало крестьянскую войну 1773–1775 гг. и более мелкие волнения крепостных³.

Действительно, в анкетах Вольного экономического общества, на которые постоянно ссылался Воронцов, очень мало упоминаний о том, что жечь и грабить помещиков им разрешили «Царь и Дума». В большинстве случаев крестьяне громили помещичьи имения, захватывали во временное пользование частновладельческие земли, смещали неугодных должностных лиц, не платили податей, устраивали забастовки и стачки не по приказу внешней силы, а по собственному побуждению, в зависимости от своего понимания целесообразности той или иной меры. Они, по заключению Воронцова, действовали как самостоя-

¹ ОР РГБ. Ф. 358. К. 216. Д. 20. Л. 14.

² См.: Аграрное движение в России в 1905–06 гг.: В 2 ч. СПб., 1908.

³ В. В. [Воронцов В. П.] Крестьянское движение в 1905–6 гг. // Вестник Европы. 1909. № 5. С. 316.

тельная политическая сила, как класс, защищающий свои собственные интересы¹.

Еще одной характерной чертой народного движения явилось резкое увеличение контактов крестьян с интеллигенцией. Теряя надежду на помощь высшей государственной власти, народ стал более внимательно прислушиваться к советам «партийных людей» и «студентов», готовых работать в пользу его интересов. Воронцов оценивал этот факт как главный положительный результат новейшего этапа русского освободительного движения, как начало заполнения пропасти, разделявшей интеллигенцию и народ. «Рушились, — пишет публицист, — психологические преграды, мешавшие объединенной, организованной борьбе за благосостояние народа и за культурное преуспеяние страны...»².

Констатируя начало изменений в политической ориентации крестьянства, народники, конечно, не могли не затронуть вопрос, какие именно исторические факторы способствовали пробуждению политического самосознания народа. На первое место они ставили реформы Александра II, которые не только завершили крепостнический период русской истории, но и призвали крестьянина к активному участию в общественной службе (земство, суд, воинская повинность), подняв тем самым его чувство личного и общественного достоинства. Благоприятную почву для развития политической психологии масс создало постепенное разрушение патриархальной замкнутости деревенского мира. Знакомство мужика с городской жизнью, проникновение в деревню книг и газет расширяло круг его представлений о государстве и о положении в нем крестьянского сословия³.

Определенное значение для расширения политического кругозора народных масс имела просветительская деятельность демократической интеллигенции. Однако, по мнению народников, она не могла оказать на них значительное влияние, т.к. не имела сис-

тематического и планомерного характера. Своим политическим развитием народ обязан не интеллигенции, за 40 лет так и не сумевшей привить ему даже элементарных представлений о политической жизни и механизме политических преобразований, а названным выше общим условиям культурного развития страны¹.

На эволюцию политического мировоззрения крестьян большое (если не решающее) влияние оказали отрицательные факторы. Прежде всего, это ухудшение экономического положения крестьянского хозяйства, которое стало главной причиной народных волнений после отмены крепостного права. «Реформа 1861 г., — по словам Воронцова, — казалась, устранила самые основания крестьянских восстаний, уничтожив то установление, с которым — активно или пассивно — крестьянство боролось во все время его существования». Позже выяснилось, что крепостнические отношения были ликвидированы только наполовину. Получив личную свободу, крестьянин лишался лучшей части своего прежнего надела и был вынужден арендовать отрезанную у него землю на самых невыгодных условиях. Причем по требованию помещика арендная плата осуществлялась трудом на его поле (как прежде на барщине). С ростом населения хозяйственная зависимость от бывших владельцев увеличивалась все больше (особенно в черноземных губерниях) и «в конце концов, крестьянин почувствовал себя в такой кабале, что, как и его крепостной предок, готов был на всякие средства для своего освобождения»².

Почти полвека после объявления «воли» крестьянство надеялось добиться прирезки к своим наделам помещичьей земли при помощи царя. Правительство, пытавшееся с конца 1880-х гг. восстановить пошатнувшуюся административную власть дворянства (в лице земских начальников), обмануло эти надежды. В 1905 г. терпение народа лопнуло, «зависть и злоба» по отношению к помещикам выплеснулись наружу. Революционные выступления рабочих в столицах крестьянство восприняло как сигнал к изменению сложившихся в деревне порядков традиционными «собственными средствами», т.е. путем «вытравливания»

¹ В. В. Крестьянское движение в 1905–6 гг. С. 318–319. В данном случае В. П. Воронцов явно преувеличивал уровень политической сознательности крестьянства, что он сам признает впоследствии.

² Там же. С. 325, 328, 333, 337; В. В. [Воронцов В. П.] Из деревенских наблюдений // Вестник Европы. 1913. № 12. С. 343–346.

³ См.: [Воронцов В. П.] Образование новой политической силы // В. В. От семидесятых годов к девятисотым. С. 195–197; Южаков С. Н. Крестьянский вопрос // Русское богатство. 1905. № 3. С. 149, 151, 153–154; Даниельсон Н. Ф. Указ. соч. С. 8–9.

¹ В. В. [Воронцов В. П.] Крестьянские волнения 1905–06 гг. // Современник. 1911. № 5. С. 234.

² В. В. Крестьянское движение в 1905–6 гг. С. 312; Он же. Русская революция и крестьяне. С. 205.

господ из имений (в надежде, что они туда не вернутся и вся земля перейдет к мужику). Однако стихийное народное движение потерпело новое поражение, еще раз доказав, что самовольный захват земли бесцелен, если крестьяне не будут добиваться закрепления ее за собой законодательно¹.

Неутешительные итоги последней «крестьянской войны» наглядно свидетельствовали, что наметившаяся тенденция к ослаблению монархических иллюзий – это только первый шаг по пути превращения народа в сознательную политическую силу. Для прохождения следующих классов политического образования народу, по убеждению народников, нужен был постоянный наставник и учитель в лице передовой интеллигенции.

Революция поставила на повестку дня вопрос о преобразовании полицейского государства в правовое, заставив бывших идеологов легального народничества пересмотреть свое понимание ближайших задач русской интеллигенции. Отныне резкая критика незаконных и засилья царской администрации как главного источника всех бед в стране становится лейтмотивом статей Воронцова, Кривенко и других умеренных народников. Однако сама стратегия устранения «прогнившего» режима осталась прежней. Решение насущной задачи обновления политического строя, как и 30 лет назад, связывалось ими с выходом на историческую арену русского крестьянства и его включением в освободительное движение.

События 1905–1907 гг. еще раз убедили народников, что судьба политической свободы в России и сама возможность осуществления истинно-демократического строя, минуя либерально-буржуазный политический строй, напрямую зависела от скорейшего разрешения аграрного вопроса². Только соединив борьбу за свободу с требованием наделения крестьян землей можно было надеяться на превращение масс из потенциальной политической силы в реальную. Для этого надо было убедить народ в том, что аграрный вопрос не мог быть разрешен на местах путем частных сделок. Это важнейший политический вопрос и он должен был

решаться в центре, для чего крестьянству необходимо объединиться в свою собственную партию и выработать единую программу действий. Образование Всероссийского крестьянского союза свидетельствовало, что народная мысль развивалась именно в этом направлении¹.

С другой стороны, новые общественно-политические условия внесли свои коррективы и в решение крестьянского вопроса. Еще накануне революции Кривенко в статье «Крестьянский вопрос и канцелярское творчество» дал общую оценку политики правительства по данному вопросу. Поводом послужил созыв Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое обнаружило преобладание на местах противников общинного строя. «Местные комитеты, – пишет Кривенко, – рисуют общинные порядки в самых мрачных красках», представляя их варварским наследием крепостного права, мешающим культурному прогрессу, рассадником косности, лени, взаимного недоверия, а иногда и вражды. «Разумеется, – продолжает Кривенко, – все это нуждается в проверке, но мы охотно допускаем, что в действительности, все так и есть, как говорят комитеты, и несколько этому не удивляемся. Тут может быть только один вопрос: насколько справедливо возлагать эти недостатки и смертные грехи на общину, а не на те условия, в каких она столько лет находилась и находится?». В дальнейшем автор приходит к выводу, что одним уничтожением общины избавить народ от бесправия и бедности невозможно. Для этого требовались другие средства – политические гарантии его гражданских прав и свобод; обобществление производства и национализация земли, к чему первым шагом могла стать крестьянская община².

В данном тексте обращает на себя внимание включение в народническую программу решения народного вопроса требования для крестьян полных гражданских прав (в том числе право свободного выхода из общины отдельных домохозяев³) и возможно-

¹ В. В. [Воронцов В. П.] Причины крестьянских движений 1905–6 гг. // Вестник Европы. 1911. № 1. С. 227, 238; Он же. Крестьянские волнения 1905–06 гг. С. 235.

² В. В. Политическое и социальное течения в русском обществе. С. 179–180; Кривенко С. Н. Заметка о мерах по улучшению жизни крестьян России. – РО РНБ. Ф. 1029. Д. 89. Л. 1–1 об.

¹ В. В. Из деревенских наблюдений. С. 343; Он же. От семидесятых годов к девятистам. С. 199, 202.

² Кривенко С. Крестьянское дело и канцелярское творчество. № 6. С. 146; № 9. С. 5, 9, 10, 14.

³ Там же. № 9. С. 12–13. Вопрос о дальнейшем судьбе общины, по убеждению С. Н. Кривенко и других легальных народников, должны были решать сами крестьяне.

сти заботиться о себе самостоятельно. Это означает, что освобождение крестьян от бюрократического произвола признавалось такой же важной задачей, как наделение их землей. «Мы не в состоянии указать, – писал в 1907 г. Воронцов, – какая политическая сила могла бы помешать осуществлению исторической мечты русского народа об обращении всей земли в пользование трудящихся масс, после того, как сила реакции будет сломлена и наша страна увидит себя под сенью свободных политических учреждений!.. со свержением бюрократического ига, народная сила окажется непреодолимой»¹.

Известная политизация народнической программы в статьях Кривенко и Воронцова вовсе не означала отказа легальных народников от задач культурнической деятельности в народе. В начале XX в. вопросы народного просвещения, улучшения работы земской медицины, повышения сельскохозяйственной культуры крестьянских хозяйств по-прежнему признавались очень важными для демократической интеллигенции. Больше других обоснованием «неизбежной необходимости» культурной помощи деревне в 900-е гг. занимался Е. Д. Максимов.

Прежний политический режим, по словам Максимова, отстранял интеллигенцию от культурной работы в широком смысле этого слова. Поэтому в деревню шли единицы (подвижники народной идеи) и их деятельность там сводилась к благотворительности. После революции 1905 г. положение в стране изменилось. Интеллигенция получала гарантии для легальной работы в массах. Поэтому теперь культурную работу ни в коем случае нельзя было отождествлять с теорией «малых дел», т.к. она не противоречила «коренной работе» по созиданию нового строя, как нечто самодовлеющее, а являлась лучшим для нее вспомогательным средством².

Культурно-просветительская работа в массах, в интерпретации Максимова, была направлена на решение следующих задач: воспитание из крестьянина и рабочего пролетария человека и гражданина, а потом уже профессионала; освобождение народа

от экономической, правовой и духовной зависимости от «командующих» классов; подготовка почвы для сближения интеллигенции с простым народом. Иными словами, культурная работа должна была подготовить массы к их будущей «сознательной и творческой» государственной работе¹.

Первая народная революция, с точки зрения представителей левых течений и движений, закончилась поражением. Дума «народного гнева»², из-за ее непрерывных конфликтов с правительством, была распущена царем, а новый избирательный закон изменил соотношение сил в ней в пользу правых и умеренных партий. Многие старые народники предсказывали подобное развитие событий задолго до государственного переворота 3 июня 1907 г. Так, Л. Е. Оболенский еще в 1905 г. говорил своим товарищам, что «доктринерство русской интеллигенции, ее упорная и слепая теоретичность погубят освободительное движение в России и породят много бедствий, еще небывалых до сих пор...». В своих воспоминаниях он подробно описывает восторги редакции «Приднестровского края» по случаю манифеста 17 октября. Для Оболенского это была одна из иллюстраций идеалистической веры интеллигенции в то, что политические свободы могут исцелить Россию от всех бед³.

О пренебрежении интеллигенцией созидательной и просветительской деятельностью в народе, как недопустимой ошибке, в феврале 1906 г. Кривенко сообщал в частном письме к Максиму: «Они (представители прогрессивных партий. – Г. М.) об этом не думают..., потребуется масса жертв..., чтобы опять очутиться лицом к лицу с тем же вопросом»⁴. Не случайно, в годы первой русской революции Кривенко по-прежнему выступал за объединение народничества с современным легальным земством для практической разработки и законодательного проведения народных вопросов.

Огромное разочарование принесла революция Абрамову. В конце ноября 1905 г. он выразил уверенность в бессмысленно-

¹ В. В. Русская революция и крестьяне. С. 217.

² Слобожанин М. [Максимов Е. Д.] На культурной работе. С. 8, 10; *Он же*. Культурная работа. Общий характер культурной работы // Слово. 1908. 31 декабря. № 665; *Он же*. К вопросу о культурной работе в ее историческом развитии // Жизнь для всех. 1909. № 12. Стб. 50, 54.

¹ Слобожанин М. На культурной работе. С. 5, 6, 8; *Он же*. К вопросу о классовой культурной работе // Слово. 1909. 1 февраля. № 696; *Он же*. К вопросу о демократизации школы // Слово. 1909. 21 мая. № 802.

² Имеются в виду первые два созыва Государственной думы.

³ Оболенский Л. Е. Что я пережил в провинции в дни смуты. С. 474.

⁴ РО РНБ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 48. Л. 12 об.

сти дальнейшей радикализации борьбы путем вовлечения крестьян в революцию, т.к. «аграрное движение будет подавлено военной силой, залито кровью..., у правительства достаточно еще для этого сил»¹. В декабре того же года Абрамов заявил, что задачей момента является развитие производственной и потребительской кооперации, создание касс взаимопомощи, концентрация производства, установление муниципального социализма. По его словам, «социализм – не утопия, не фантазия: социализм – это реальная действительность». Но установление нового строя невозможно насильственным путем².

Отдельно следует сказать об отношении к причинам поражения революции 1905 г. Воронцова. Сущность кризиса, переживаемого страной, по его убеждению, состояла в том, что необходимость крушения государственного строя назрела раньше, чем сложились силы, способные выполнить эту задачу. Ни народ, ни интеллигенция были к этому не готовы и власть могла оказаться в руках их нового врага – буржуазии, причем без всяких усилий с ее стороны. Главный позитивный итог революции, по мнению Воронцова, заключался в том, что пропасть между интеллигенцией и народом стала закрываться. Это обстоятельство вселяло в народнического публициста надежды на скорое слияние двух рукавов русского освободительного движения³. Тогда еще Воронцов, принадлежавший к «фракции» народников-оптимистов, не мог себе представить, к каким последствиям приведет образовавшаяся при этом гремучая смесь.

После событий 1905–1907 гг. надежды на слияние оппозиционной интеллигенции и народных масс были присуще уже далеко не всем представителям старого русского народничества. «Тяжело и неприятно, – писал в 1911 г. К. В. Лаврский, – разочароваться в своем народе... признать его дегенератом, неудачником, обманувшим наши ожидания»⁴. Это, конечно, крайнее мнение человека, который и раньше не отличался особыми симпатиями к мужику, находя в нем слишком много язв и уродств. Но своя доля истины здесь была.

¹ Северный Кавказ. 1905. 29 ноября.

² Там же. 1905. 21 декабря.

³ В. В. От семидесятых годов к девятисотым. С. 235–236.

⁴ Цит. по: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 4 т. М., 1989–1999. Т. 3. С. 269.

Революция наглядно продемонстрировала полную неподготовленность масс к длительной и упорной борьбе за свои права, что не могло не отразиться на настроении интеллигентов, продолжавших поклоняться культу народа. «Где старый дух народоправства? Где тот “народный дух”, дух общины и “мира”, верой в который мы, интеллигенция, так долго жили и дышали?», – спрашивал один из ее представителей Н. Н. Черненков. «Неужели же “дух” этот только фантом, только призрак, только иллюзия измученной, истрадавшей о народе интеллигентской души?». «Неужели мы сотворили себе кумира, а не Бога и на алтарь кумира принесли столько жертв – от Радищева и Новикова до тысяч безвестных, страдавших и страдающих, погибших и погибающих?»¹. Однако подобные сомнения мало трогали новое поколение народнической интеллигенции.

§ 3. Неонародническая интеллигенция начала XX века и идейное наследие теоретиков легального народничества

Революция 1905 г., несмотря на поражение, радикально изменила общую картину политической жизни страны. Вместе с появлением парламента и легальных политических партий всевластие русского царя было ограничено, по крайней мере, юридически. Партийная и общественная интеллигенция с лихвой воспользовалась полученными ей свободами слова, печати и собраний, занявшись организацией масс для борьбы за окончательную победу русского освободительного движения. Последние двенадцать лет императорская Россия напоминала бурлящий котел, готовый в любую минуту взорваться и разлететься на мелкие кусочки.

Одной из самых больших и влиятельных политических партий стала партия социалистов-революционеров. В 1907 г. она насчитывала в своих рядах 65 тыс. чел., а в 1917 г. по разным подсчетам – от 600 тыс. до 1 млн. чел.² Завоевав больше всех мест в Учредительном собрании (412 из 715), эсеры на деле до-

¹ Черненков Н. Текущие заметки. Интеллигенция, землеустроители и народ // Заветы. 1912. № 3. С. 155, 156.

² Ерофеев Н. Д. Социалисты-революционеры // История политических партий России. М., 1994. С. 184.

казали, что социалистические идеи интеллигенции при умелом ведении дела могут быть пересажены в головы не только рабочего пролетария, но и простого русского мужика¹. Мечту народников 1870–1890-х гг. о том, чтобы стать умственными вождями народных масс, осуществили их исторические преемники – неонародники².

Сами социалисты-революционеры (главным их теоретиком стал В. М. Чернов) считали себя идейными наследниками революционных народников. По словам Г. В. Плеханова, эсеры захотели «опять слить воедино то, что разъединил 1879 год, т.е. “террор” и агитацию в народе»³. Традиции легальных народников, точнее Н. К. Михайловского и его ближайшего окружения, продолжали народные социалисты или энесы во главе с А. В. Пешехоновым и публицистами «Русского богатства».

Неонародники не случайно еще в 1905 г. устами Р. В. Иванова-Разумника назвали первую русскую революцию «народнической», подчеркивая тем самым свою веру в возможность осуществления старых идеалов народничества⁴. Различия в теоретических обоснованиях их программ с идеологией классического народничества если и были, то не принципиальные. Правда, некоторые исследователи считают, что на самом деле в неонародничестве от теорий старых народников мало что осталось⁵. Но не

¹ Конечно, российское крестьянство понимало народнический социализм односторонне, как идею передела собственности (земли и имущества помещиков) в свою пользу. Идея коллективного труда и «справедливого» распределения его результатов, как показала практика социалистических преобразований в советской деревне, уже не пользовалась такой широкой поддержкой.

² Сами социалисты-революционеры начала XX в. называли себя народниками. Термин «неонародничество», видимо, введенный в оборот Р. В. Ивановым-Разумником, утвердился уже в советской историографии. См.: *Балуев Б. П.* Указ. соч. С. 9.

³ *Плеханов Г. В.* Революционное движение семидесятых годов (конспект) // Плеханов Г. В. Соч. Т. 24. С. 147.

⁴ *Иванов-Разумник Р. В.* Жизнь и теории. (Что думает «народ»?) // Иванов-Разумник Р. В. Литература и общественность: Сб. ст. СПб., 1912. С. 41.

⁵ См.: *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. С. 43; *Дворкин В. З.* Концепция интеллигенции в социальной философии народничества // Философия и освободительное движение в России: Межвуз. сб. Л., 1989. С. 133; *Жаворонкова А. А.* Неонародническая интеллигенция 90-х годов XIX в. (К истории идейного становления): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 38, 46, 50, 53.

совсем понятно, о чем здесь идет речь. Если о признании факта окончательного утверждения капитализма в России, то многие революционные и легальные народники не сомневались в этом уже в 80-е гг. XIX в.

Нас больше интересуют взгляды неонародников на русскую интеллигенцию и проблему ее взаимоотношений с народом. Возможно, в идейно-теоретических построениях на этот счет народников 1870–1890-х гг. содержались какие-то серьезные ошибки и изъяны, преодолев которые эсеры и энесы сумели сделать новый шаг вперед.

В ответе на вопрос «Что такое интеллигенция?» неонародники проявили редкое для народников XIX в. единодушие. Вот несколько наиболее характерных определений.

С. Я. Елпатьевский: «Интеллигенция – это общественно думающая и общественно чувствующая часть общества, та, вооруженная знанием, руководимая общественными импульсами часть общества, которая в своих мыслях и чувствах, в своем миропонимании и в своем общественном поведении отправляется не от узких, личных, групповых, профессиональных или классовых интересов, а от интересов страны вообще, народа вообще, разумая под понятием народа всю сумму трудящихся на всех разнообразных путях человеческого труда людей...»¹.

Р. В. Иванов-Разумник: «Интеллигенция есть этически-анти-мещанская, социологически-внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и индивидуальному освобождению личности». «К группе интеллигенции может принадлежать полуграмотный крестьянин, и никакой университетский диплом не дает еще право его обладателю причислить себя к интеллигенции»².

А. Б. Петрищев: Интеллигенция – «явление по существу внеклассовое». «Я называю интеллигентом человека, живущего интеллектуальной жизнью во имя истины и справедливости», «та-

¹ *Елпатьевский С.* По поводу разговоров о русской интеллигенции // Русское богатство. 1905. № 3. С. 60.

² *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли. Т. 1. С. 10, 74.

кова одна из старых, «народнических» дефиниций этого понятия»¹.

Получается, что неонародники придерживались старого социально-этического понятия интеллигенции? Не будем спешить с выводами. Определение интеллигенции как идеологической силы («критически мыслящие личности») они употребляли только применительно к ее радикальной ветви. В отношении сословной интеллигенции, игнорировать существование которой было уже невозможно, неонародники выработали свой собственный подход. Он заключался в постановке вопроса о появлении в России нового, самостоятельного класса буржуазного общества – интеллигенции как работников умственного труда.

По словам исследовательницы А. А. Жаворонковой, эсеры, а именно В. М. Чернов, обнаружили наличие у интеллигенции собственных экономических и политических интересов (чего не заметил в свое время Карл Маркс, а вслед за ним не сумели увидеть российские социал-демократы)². В то же время стремление неонародников объединить разные методологические подходы к пониманию противоречивой природы интеллигенции – это их несомненная заслуга.

Новый этап освободительного движения, на котором прогрессивная интеллигенция перестала быть единственной оппозиционной правительству силой, потребовал от неонародников заново определить свое отношение к народу. В качестве главной задачи они поставили пробуждение народных масс путем внесения в их среду «света сознательной мысли», после чего они сами (!) должны были воплотить в жизнь идеалы демократической интеллигенции. При этом под «народом» понимались не только крестьяне и рабочие, но и трудовая интеллигенция³.

Причины неудачных попыток опереться на массы у своих предшественников неонародники объясняли искусственной изолированностью интеллигенции от народа. По признанию Петрищева, до революции 1905 г. общие условия жизни надолго исключали для барина и мужика возможность «сойтись на совместном деле». Теперь, пишет публицист «Русского богатства», общее де-

ло нашлось. И сошлись интеллигенция и народ – два «таинственных незнакомца». «Это решающее событие в русской истории XX в.». Революция создала некий общий язык, одинаково понятный и интеллигенту, и мужику. «Интеллигент-барин получил возможность стать идейным руководителем народного движения»¹. Так же оценивали влияние революции на взаимоотношения интеллигенции с народом Пешехонов и Иванов-Разумник.

Отказавшись от идеи «всевластия» прогрессивной русской интеллигенции, неонародники надеялись, что со временем роль обновляющего фактора русской жизни возьмут на себя выходцы из самого народа – представители народной интеллигенции. Ее появление считалось важным доказательством жизненности народнических идей. Однако вера неонародников в творческие силы народа уже не была такой безграничной как в 1870-е гг. XIX в. И хотя Иванов-Разумник утверждал, что «иной раз безграмотные крестьяне силой творческого духа превышают многих кабинетных пророков», практика это мнение чаще всего опровергала. Народ, писал по этому поводу Н. Ф. Богораз, также выдвигает интеллигенцию из своих рядов. Но, не имея необходимого образования, «эти личности не могут правильно поставить и привести в определенную форму партийные убеждения, а тем более соображать свои поступки с требованиями эпохи и случайностями борьбы». Поэтому в разработке новых идеалов и выяснении партийной программы интеллигенция «из рабов и плотников» должна играть подчиненную роль². Весьма красноречивое заявление.

Как уже отмечалось, многие неонародники считали своим главным идейным наставником Михайловского, поскольку благодаря личным контактам он оказал на них даже большее влияние, чем А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и П. Л. Лавров. На рубеже XIX–XX вв. в «Русском богатстве» начинали свой путь Н. Ф. Анненский, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, С. Я. Елпатьевский, В. М. Чернов и другие публицисты. От Михайловского они заимствовали социально-этическое учение об интеллигенции и ее неоплатном долге перед народом. Именно Михайловский в 1901 г. предскажет возрождение в начале XX в. идей 1870-х гг., которые с учетом пережитого опыта смогут объединить русскую

¹ Петрищев А. Указ. соч. С. 129, 130, 140.

² Жаворонкова А. А. Указ. соч. С. 53.

³ Пешехонов А. На очередные темы. Основные положения нашей программы // Современность. 1906. № 1. С. 123, 125.

¹ Петрищев А. Указ. соч. С. 122.

² Жаворонкова А. А. Указ. соч. С. 38.

интеллигенцию¹. После смерти своего духовного наставника эсеры (Р. В. Иванов-Разумник, Е. Е. Колосов, Н. С. Русанов и др.) посвящают ему десятки воспоминаний, статей и книг, заложив традицию почитания Михайловского в отечественной историографии народничества².

Сам Михайловский оценивал свои труды гораздо скромнее, чем его почитатели, видимо, понимая, что он скорее поставил вопросы, чем дал им удовлетворительное объяснение. Жизнь постоянно вносила в насквозь пропитанные духом субъективизма и идеализма народнические теории свои коррективы. И если бы неонародники слепо следовали за общими советами своего учителя, далеко бы они не ушли.

Действительно важное отличие неонародников от своих предшественников состояло в активном освоении новых форм организации движения. Уделив самое пристальное внимание партийному строительству на местах, эсеры уже в период первой российской революции имели в своих низовых структурах больше половины членов организации из рабочих и крестьян³. Это был колоссальный прорыв в отношениях идейной интеллигенции с народом. Сумев в условиях политического пробуждения масс вовлечь их в свое движение, эсеры создали благоприятную почву для революционной пропаганды не только в городе, но и в деревне.

Можно, конечно, предположить, что именно идейно-теоретическое наследие Михайловского стало для неонародников ключом к успеху, хотя бы и временному. Только непонятно, в чем состояло его превосходство над понимаем задач русской жизни другими теоретиками реформаторского народничества 1880–1890-х гг.?

Нетрудно убедиться, что народники, попавшие по тем или иным причинам в немилость к Михайловскому, вызывали крити-

ческое к себе отношение и со стороны неонародников. Прежде всего, это были теоретики «Недели» П. П. Червинский, И. И. Каблиц, Я. В. Абрамов, К. В. Лаврский. Все они отказывались видеть в свержении самодержавия первоочередную задачу русской интеллигенции. Поэтому неонародники поспешили поставить на их идейных исканиях жирный крест. В том же черном списке оказались идеологи среднего течения в легальном народничестве В. П. Воронцов и С. Н. Кривенко, отколовшиеся от «Русского богатства» в середине 1890-х гг. из-за сочувствия позиции сторонников «малых дел».

На наш взгляд, приписывание всем идейным противникам Михайловского аполитизма, пренебрежительного отношения к интеллигенции и ее «учительной» роли, узкого практицизма и идеализации деревенских устоев «наивными народолюбцами», как это делал, например, Чернов¹, было в значительной мере данью традиции, сложившейся к тому времени в кругах радикальной интеллигенции. Так, Русанов, описывая полемику Михайловского против Воронцова – «самого крупного представителя этого направления», назвал его формулу народничества узкой и односторонней. Жизнь, пишет Русанов, обнаружила влияние политики на экономику, а у Воронцова все было наоборот. Правда, он тут же замечает, что теперь (в 1905 г.) «В. В.», по-видимому, начинает отходить от «злополучных» идей «Наших направлений»². О том, что в 1880–1890-е гг. реальные условия русской жизни делали занятие политикой привилегией избранных натур, Русанов предусмотрительно умалчивает.

В июне 1906 г. ушел из жизни Кривенко. В отличие от своего бывшего друга Михайловского, он не принадлежал к идейным вождям той эпохи. Кривенко не оставил после себя оригинальных обществоведческих трудов, способных перевернуть мирозерцание целого поколения молодежи. Вместе с тем, его творчество явилось наиболее последовательным выражением идеалов и стремлений народнической интеллигенции последней трети XIX в. По свидетельству современников, Кривенко обладал особым умением увязывать решение самых злободневных вопросов по-

¹ Михайловский Н. Литература и жизнь // Русское богатство. 1901. № 1. С. 94.

² Подробнее см.: Алексеева Г. Д. Указ. соч. Гл. 4. «Народники XX в. и Н. К. Михайловский».

³ М. И. Леонов приводит данные по социальному составу 21 губернской организации эсеров. Из 21752 членов партии рабочие составляли 43,2 %, крестьяне (вместе с солдатами) – 45,2 %, интеллигенция – 11,6 %. По мнению исследователя, эти данные репрезентативны для общего представления о составе партии эсеров в 1906 – начале 1907 гг. См.: Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 59.

¹ Чернов В. Типы капиталистической и аграрной эволюции // Русское богатство. 1900. № 10. С. 251.

² Кудрин Н. Е. [Русанов Н. С.] Н. К. Михайловский как публицист-гражданин // Русское богатство. 1905. № 1. С. 165–167, 173.

реформенной русской жизни с поиском практических путей реализации народнических идеалов, что придавало их достижению характер общественно значимой программы. На разработку и пропаганду такой программы общественных преобразований, призванной вывести Россию на путь некапиталистического развития, писатель потратил всю свою жизнь, занимаясь этим даже тогда, когда народнические идеи утратили значительную часть прежнего обаяния.

Вопрос о значении общественной деятельности Кривенко как одного из творцов, самостоятельных выразителей и проповедников народнического мирозерцания вызвал между бывшими идеологами легального народничества бурную полемику. С. Н. Южаков и некоторые его коллеги из редакции «Русского богатства» доказывали, что своей проповедью «культурничества» и «малых дел» Кривенко фактически призывал к примирению с действительностью, т.е. отказу от идейного наследия 1860–1870-х гг.¹

Противоположной точки зрения придерживались его бывшие соратники (В. П. Воронцов, Е. Д. Максимов, П. В. Засодимский), утверждавшие, что всю свою скитальческую жизнь Кривенко исповедовал «самые высокие идеалы, которых достигла русская творческая мысль» («о земле и воле, о трудовом начале, как факторе распределения богатств, о земщине и общественных организациях вообще и о культурной работе в народе»), в конце концов, сделавшиеся «общим лозунгом самых передовых и радикальных течений освободительного движения»².

Наиболее точно позицию Кривенко в 90-е гг. XIX в. отразил хорошо знавший его по народовольческому подполью П. Ф. Якубович. По его мнению, вернувшись из ссылки в 1888 г., Кривенко «чересчур мрачными глазами» взглянул на свою прежнюю дея-

тельность, решив, что «нужно заново поднимать новь, забирая землю осторожной и неторопливой сохой». Но и тогда из-под пера публициста не вышло ни одной строчки, которой могли бы стыдиться его друзья и соратники времен «Отечественных записок»¹.

Замечание Якубовича о том, что в «период безвременья» Кривенко задался целью *заново поднимать новь* очень точно отражает главную идею «органической культурной работы» – необходимость подготовки почвы для возрождения народнической программы 1870-х гг. Однако новое поколение народников эти доводы волновали мало. Радикальной молодежи по-прежнему нужны были духовные вожди, ничем себя не скомпрометировавшие, стойко пронесшие идею борьбы с самодержавно-бюрократическим строем через все перипетии 1880–1890-х гг. Михайловский подходил на эту роль лучше всех остальных, поэтому в ранг «истинного» народника возвели его. Правых и умеренно правых народников ожидало забвение.

Так или иначе, после революции 1905 г. легальное народничество – во всех его проявлениях – это уже история и немногие здравствующие его теоретики это прекрасно понимали. В последние годы жизни Кривенко, Оболенский, Златовратский, Засодимский, Южаков в большей мере были поглощены написанием мемуаров, отойдя от вопросов текущей политики. Из старых народников, пожалуй, один только Воронцов продолжал держать руку на пульсе важнейших исторических событий. Но в печати о нем если и будут вспоминать, то только как о знатоке корней русского народничества и особой народолюбивой природы русской интеллигенции².

Разработкой цельной концепции истории народнического движения Воронцов занимался с начала 90-х гг. XIX в. Свои окончательные очертания она получила в статьях 1906–1913 гг.

Под народничеством в узком смысле этого слова Воронцов понимал совокупность направлений, которые ставили трудящийся люд центральным пунктом своей социально-политической программы. Народники видели в народе главный фактор социально-политического преобразования России, единственную силу, способную «сломить упорство консервативных и ретроград-

¹ См.: Корсаков И. Заметки социалиста о текущем // Голос. 1906. № 14. 7 июня; Южаков С. Памяти С. Н. Кривенко // Русское богатство. 1906. № 7. С. 181–182; По поводу письма г. Воронцова (от редакции) // Русское богатство. 1906. № 9. С. 195–196.

² См.: Воронцов В. Поругание покойника // Речь. 1906. № 155. 3 сентября; № 156. 5 сентября; Слобожанин М. Памяти человека и писателя (письмо и редакцию) // Сегодня. 1906. № 21. 14 сентября; Засодимский П. В. Из воспоминаний. М., 1908. С. 233. Автор считал, что за «умеренность» и «отсталость» Кривенко его «тупые, ограниченные» критики принимали стремление писателя к беспристрастию, к справедливости, к всесторонней оценке людей и фактов».

¹ Якубович П. Памяти С. Н. Кривенко // Русское богатство. 1906. № 9. С. 195.

² См.: Снегирев Л. Ф. Первое издание деревенских очерков Г. И. Успенского // Голос минувшего. 1914. № 4. С. 213.

ных элементов, и ожидали от него «самостоятельного и оригинального творчества в области форм общественного быта»¹.

В истории «практического» народничества Воронцов особое значение придавал семидесятым годам. Именно в это время окончательно сформировалась главная идея народнического направления – «освобождение народа посредством народа» и были предприняты значительные усилия к непосредственному воздействию на политическое мирозерцание крестьянства и организацию народных сил. Кризис идей семидесятых годов, вызванный неудачей «хождения в народ», Воронцов связывал с политической незрелостью народных масс и демократической интеллигенции, которые вплоть до начала XX в. свято верили в простые решения (по мановению царя или захватившей власть революционной партии) запутанных социальных вопросов пореформенной русской жизни².

Защите движения 1870-х гг. от «схематизации» и «упрощения» его истории В. Я. Богучарским, автором книги «Активное народничество семидесятых годов» (1912), Воронцов посвятил одну из своих главных работ на эту тему.

По убеждению Воронцова, заимствованные на Западе социалистические идеи были лишь последней каплей, наполнившей чашу народнического мирозерцания. Подлинный смысл и значение этого уникального явления русской жизни, по словам народника, следовало искать в его социологических основах: «в противоречии между задачами государственного преобразования России, как они представлялись уже в начале александровских реформ (1860–1870-х гг. – Г. М.) и все более выяснялись впоследствии и объемом наличных для того сил...»³.

Призыв в 1905 г. будущего лидера народных социалистов А. В. Пешехонова к слиянию с народом, в котором «сейчас все

наше спасение»¹, Воронцов назвал «поворотным пунктом» в истории демократической интеллигенции. Жаль только, сетовал публицист, что эта идея не проповедовалась «Русским богатством» раньше (при Михайловском), когда шла подготовительная работа, а предлагалась к руководству «в момент горячей борьбы»². Дожив до торжества важнейшего народнического принципа своей молодости, Воронцов, тем не менее, не примкнул ни к одной из легальных неонароднических организаций. Точнее, его никто туда не приглашал.

Поскольку в начале XX в. русское народничество олицетворяли эсеры и энесы, им и предстояло теперь держать ответ перед всеми его идейными противниками. Благо, после революции 1905 г. по отношению к социалистической интеллигенции в общественной мысли наметился резкий поворот. Наиболее ярким его проявлением стал знаменитый сборник «Вехи» (1909).

Семь веховцев, имена которых были хорошо известны общественности, обрушились на русскую интеллигенцию с резкой критикой за ее революционизм, космополитизм, атеизм, рациональный утопизм, нигилистический морализм и прочие «измы». Одним из самых обидных, с точки зрения защитников интеллигенции, было обвинение ее в *ложной* любви к народу, наиболее резко прозвучавшее из уст Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и М. О. Гершензона. Интеллигенция верила в народ и поклонялась ему как богу. Народные желания она возвела в степень высших идеалов государственного строительства. На деле созданный ею культ народа привел к тому, что реальные нужды народных масс были принесены в жертву абстрактным идеалам интеллигенции. Поэтому вера в великое будущее русского народа, его особое предназначение – осуществить социальную правду, братство людей Бердяев и Булгаков называли «народопоклонством», созданием себе кумира по своему образу и подобию³.

¹ В. В. [Воронцов В. П.] Народничество, как общественно-политическое направление, – его исторические корни // Политическая энциклопедия. СПб., 1907. Т. 2. Вып. 7. С. 1086. Интересно, что под определением народничества «В. В.» еще в 90-е гг. XIX в. готовы были подписаться и либералы, и демократы, что, по мнению некоторых критиков, свидетельствовало о его размытости и неопределенности.

² В. В. От семидесятых годов к девятисотым. С. 15–17, 174–178.

³ В. В. [Воронцов В. П.] «Корни» народничества семидесятых годов // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 155, 167.

¹ См.: Пешехонов А. В. Народ и интеллигенция // Русское богатство. 1905. № 4. С. 102.

² В. В. Политическое и социальное течения в русском обществе. С. 182.

³ Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. М., 1991. С. 30, 75. Термин «народопоклонство» применительно к народнической вере в народ первым употребил В. С. Соловьев – духовный учитель Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова. См.: Соловьев Вл. Идолы и идеалы // Вестник Европы. 1891. № 3. С. 362, 370, 375.

Самый сильный антинароднический аргумент веховцев – отсутствие у радикальной интеллигенции поддержки простого народа, который ненавидит «свою» интеллигенцию «страстно», «с бессознательным мистическим ужасом». Закрывать такую рознь с помощью одного только просвещения было невозможно. «К а к о в ы м ы е с т ь», – писал Гершензон, – нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»¹.

На сакральный вопрос «что делать интеллигенции?» веховцы отвечали так: отказаться от болезненной «тирании общественности» (т.е. перестать быть общественной интеллигенцией) и стать профессиональной интеллигенцией на западный манер. В Европе забота о личном благополучии являлась общепринятой нормой. Если интеллигенция хотела служить, то она должна служить государству, а не химерам общественного блага².

Появление «Вех» спровоцировало в обществе такие идейные баталии, с которыми полемика по вопросу интеллигенции начала 80-х гг. XIX в. не идет ни в какое сравнение³. Позицию народников в спорах 1909–1912 гг. представляли Р. В. Иванов-Разумник, Н. И. Ракитников, И. И. Ясинский и другие публицисты⁴. Всех их сильно задел тезис веховцев о непроходимой пропасти между интеллигенцией и народом, в существовании которой виновата сама народническая интеллигенция. Народники, разумеется, все это отрицали на том основании, что 1905 г. данную пропасть закрыл. «Мы, “интеллигентный народ”, – пишет Иванов-Разумник, – познакомились близко с “народной интеллигенцией” и эта встреча показала, что устами русской интеллигенции XIX в. го-

ворил сам народ»¹. К тому же, народники доказывали невозможность противопоставления социально-экономического понятия «народ» социально-этическому понятию «интеллигенция». По словам того же Иванова-Разумника, это lapsus, т.к. и в интеллигенции есть свой plebs, и в народе есть своя интеллигенция². Ту же мысль развивал Ракитников. Интеллигенции – это та часть населения страны, в которой пробудилась потребность развития. Поэтому ее следует противопоставлять не народу, а «людям рутины, обычая, привычки, традиции, аффектов; людям, которые... всю жизнь свою устривают по заветам старины, по требованиям обычая, моды и т.п.». Такие люди есть не только в народе, а во всех сословиях³.

Веховская критика интеллигенции, безусловно, имела свое рациональное зерно. Первая русская революция наглядно продемонстрировала, что если радикальная интеллигенция будет и впредь разжигать в народе «революционные инстинкты», то страну может постигнуть катастрофа. К сожалению, рассуждения веховцев о русской интеллигенции страдали явной односторонностью и тенденциозностью. Представленный в сборнике собирательный портрет интеллигенции был нарисован одной черной краской. Веховцы говорили только о недостатках интеллигенции, свалив на нее ответственность за все беды, и даже не упомянули о ее заслугах. А ведь наряду с радикальной интеллигенцией в России была не мало культурных деятелей, давно и плодотворно занимающихся той работой, к которой призывали «Вехи». Кроме того, участники сборника поставили перед радикальной интеллигенцией заведомо невыполнимую задачу: перейти от конфронтации к сотрудничеству с властью, т.е. превратиться в свою противоположность. Иными словами, после поражения революции интеллигенции предлагалось сдаться на милость победителю. Очевидно по этим причинам предостережение «Вех» так и не было услышано.

За пять десятилетий развития народнической мысли в России ее теоретики сумели выработать непоколебимую систему доказа-

¹ Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. С. 101.

² Там же. С. 107.

³ Подробнее см.: Диденко Д. В. Полемика вокруг сборника «Вехи» как явление общественной жизни России 1909–1912 гг. // Интеллигенция и мир. 2002. № 1–2.

⁴ См.: Иванов-Разумник Р. В. Что такое «кающиеся разночинцы»? (К вопросу о «Вехах») // Иванов-Разумник Р. В. Об интеллигенции. СПб., 1909; Ракитников Н. Интеллигенция и народ // «Вехи» как знамение времени: Сб. ст. М., 1910; Ясинский И. И. Суд над интеллигенцией (По поводу сб. «Вехи») // Новое слово. 1909. № 8.

¹ Иванов-Разумник Р. В. Жизнь и теории. С. 41, 43.

² Иванов-Разумник Р. В. «Народ» и «интеллигенция» (Из летних диалогов) // Литература и общественность. С. 109, 110.

³ Ракитников Н. Указ. соч. С. 291.

тельств непогрешимости своих позиций. Сбить народническую интеллигенцию на обочину русского освободительного движения не смогли даже марксисты, не говоря уже о веховцах. Трудно спорить с доктриной, которая оперирует набором абсолютных догм, позволяющих интерпретировать в свою пользу любые факты. Такую доктрину могла опровергнуть только сама жизнь, а она пока позволяла народникам «набирать очки».

В 1909 г. известный публицист и историк литературы Е. А. Соловьев в одном из своих трудов обратился к обществу с вопросом: «Отчего умерло народничество?». И сам же ответил на него: «Оттого, конечно, что ему не стало чем жить». Далее автор доказывает, что народничество жило верой в народ, общину и интеллигенцию и теперь под напором жизненных фактов эту веру растеряло¹. Однако слухи о смерти народничества оказались слишком преувеличенными. По крайней мере, сами неонародники объясняли спад общественного движения после поражения революции кризисом роста. В 10-е гг. XX в. народнические публицисты опять начнут доказывать, что «социальная программа народничества усвоена большинством крестьян и рабочих»².

Настоящим триумфом для всех русских народников станет 1917 г., когда Россия на короткое время окажется самой свободной в мире республикой. Об отношении к происходящим в стране событиям легальных народников мы, к сожалению, можем судить только по трудам Воронцова.

Февральскую революцию, свергнувшую с престола Николая II, Воронцов встретил с одобрением, искренне надеясь, что она открывает путь для свободного социального творчества народа. В 1917 г. при поддержке Центрального комитета Трудовой группы Воронцов выпустит специальную брошюру «Земля для всего народа», доказывающую необходимость скорейшей отмены частной собственности на землю. Прежняя власть, по убеждению народника, защищала интересы эксплуататоров народного труда и немало сделала для пробуждения в крестьянах частнособственных инстинктов. С этой целью оно задумало ввести новые земельные порядки, «народить маленьких помещиков из самих

крестьян, полагая, что эти маленькие помещики защитят от крестьян помещиков крупных»¹.

В феврале 1917 г. царская власть рассыпалась в прах и не осталось никого, кто защищал бы помещиков. Но возникла другая опасность. Начались самопроизвольные захваты крестьянами помещичьих земель в ущерб «некрестьянскому» русскому народу. «Все это, – по мнению Воронцова, – показывает как еще мало сознательны наш крестьянин и как сильно преобладают в нем своекорыстные чувства; как мало в нем привязанности к истине и справедливости, когда истина и справедливость идут против его интересов». Вот почему он будет настаивать на том, что решение земельного вопроса – это прерогатива всенародно избранного Учредительного собрания².

О том, как встретил Воронцов приход к власти большевиков, прямых свидетельств, судя по всему, не сохранилось. Если принять во внимание критическое отношение народнического идеолога к марксизму, то можно, как Б. П. Балуев, предположить, что враждебно³. Но, на наш взгляд, данное мнение слишком категорично.

Еще в 1907 г. Воронцов писал о русском марксизме как о родственном старому народничеству направлении общественной мысли. «Это направление оставалось народническим по его основным мотивам, так как оно преследовало благо трудящихся, – и тактическим приемам, – так как оно искало опоры в народных массах». «С вступлением же (после японской войны) на политическую сцену народных масс, – продолжает свою мысль Воронцов, – ...практические разногласия между названными направлениями будут сглаживаться и, в конце концов, они составят, нужно полагать, два рукава одного великого, народного течения в русской общественно-политической жизни»⁴. Нет никаких оснований сомневаться, что в 1917 г. Воронцов думал иначе, по крайней мере, накануне Октябрьского переворота. Гораздо большее беспокойство внушали народнику не большевики, а, как уже от-

¹ Речь идет о столыпинской аграрной реформе, которой В. П. Воронцов давал сугубо отрицательные характеристики.

² В. В. [Воронцов В. П.] Земля для всего народа. Пгр., 1917. С. 25–26, 45–47.

³ Балуев Б. П. Указ. соч. С. 60.

⁴ В. В. Народничество, как общественно-политическое направление... С. 1092.

¹ Андреевич [Соловьев Е. А.] Опыт философии русской литературы. СПб., 1909. С. 269–271.

² Качаровский К. Народничество как социологическое направление // Заветы. 1913. № 1. С. 68.

мечалось выше, разбуженные Февральской революцией «своекорыстные чувства» крестьянских масс.

В данном случае уместно привести мнение о том времени «русского Гегеля» Николая Бердяева. К выводу о том, что интеллигенция неправильно поняла свой долг перед народом, что она нуждается в покаянии и духовном, религиозном перерождении, Бердяев пришел еще во время первой русской революции. Но все его страшные пророчества о последствиях проникновения идей радикальной интеллигенции в сознание народных масс должного влияния на нее не оказали. Гибель русских иллюзий в отношении народа стала результатом естественного развития событий предоктябрьского десятилетия.

«Самые противоположные русские идеологии утверждали, что русский народ выше европейской цивилизации, – писал Бердяев незадолго до большевистского переворота, – что закон цивилизации для него не указ, что европейская цивилизация слишком “буржуазна” для русских, что русские призваны осуществить царство Божие на земле, царство высшей правды и справедливости... Грянула революция, пала старая власть и сломлены были все препятствия для изъяснения народной воли. “Народ” получил возможность говорить... Но что раскрыл из себя и обнаружил тот “народ”, в который верила русская интеллигенция? “Народ” этот, – по утверждению Бердяева, – обнаружил первобытную дикость, тьму, хулиганство, жадность, инстинкты погромщиков, психологию взбунтовавшихся рабов, показал звериную морду. Собственные слова “народа” нечленораздельны, истинные слова еще не родились в народе. За весь этот ужас, за всю эту тьму народную ответственность лежит прежде всего на классах командующих и интеллигентных. Одни не хотели просвещать народ, держали его в принудительной тьме и рабстве; другие идолопоклонствовали перед народом и несли ему новую тьму вместо света, тьму полупросвещения и интеллигентского нигилизма»¹.

Трагедия России, пережитая ей в начале XX в. и ставшая одновременно трагедией народнической интеллигенции, заставляет задуматься: почему сбылись самые худшие опасения противников скороспелой политической реформы? Почему не реализова-

лась та альтернатива, которую предлагали народнической интеллигенции идейные противники Михайловского? Лучше всего на этот вопрос ответил Д. Н. Овсянко-Куликовский. «Величайшее зло России – это отсутствие культурности в европейском смысле...». В противоположность другим народам «у нас... нет заметного участия отдельных классов или, по крайней мере, известных групп в культурной работе». Пионеры культуры в России были и есть. «Недостает только традиции культуртрегерства и его поддержки затяжной работой масс...»¹.

В 1918 г. Воронцов, переживший почти всех своих товарищей, с горечью напишет, что вот, наконец, сбылась мечта всей прогрессивной русской интеллигенции – власть самодержца рухнула, как «сгнившая постройка от нескольких ударов топора». Но сможет ли трудовой народ стать «созидателем свободной России», готов ли он к такой роли или столь быстрые перемены в государственном устройстве опередили развитие его политического самосознания? Пока особого желания взять на себя ответственность за судьбу страны Воронцов в нем не обнаружил. Простой народ по-прежнему ждал, что «дело наладит кто-то другой»². Весьма примечательны заключительные слова цитируемой выше брошюры Воронцова. Для создания свободного строя требуется дружная и согласованная работа всех классов России. Революция принесла не мир и согласие, а разгорающуюся все больше и больше вражду, из-за чего «страна стоит на краю могилы»³.

¹ Овсянко-Куликовский Д. Н. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1924. Т. 9. С. 134, 173.

² Воронцов В. Русская революция и трудовой народ. Пгр., 1918. С. 5, 9, 10.

³ Там же. С. 23.

¹ Бердяев Н. А. Идеи и жизнь // Русская мысль. 1918. № 1–2. С. 101, 103–104.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*

В данной работе взгляды идеологов легального народничества на русскую интеллигенцию рассмотрены в контексте возникновения, эволюции и кризиса народнического движения второй половины XIX в.

Интеллигенция была главной социальной базой и субъектом народнического движения. Именно к ней обращались в своих статьях и книгах Н. К. Михайловский и С. Н. Кривенко, И. И. Каблиц и Л. Е. Оболенский, Я. В. Абрамов и В. П. Воронцов и многие другие народнические теоретики, пытаясь найти ответы на мучившие передовую молодежь вопросы: кто мы, что мы можем, а главное с кем мы – со старой «продворянской» властью, с нарождающейся буржуазией или с униженным и угнетенным рабочим народом? Это обстоятельство не могло не отразиться на содержании народнических концепций интеллигенции, которые с определенными оговорками можно трактовать как выражение самосознания пореформенной интеллигенции, ее представлений о задачах и движущих силах общественных преобразований. Конечно, речь здесь должна идти не обо всей интеллигенции 1860–1890-х гг., а о той достаточно представительной ее части, которая отождествляла себя не с представителями господствующих классов, а с так называемым «умственным пролетариатом».

Народники олицетворяли собой первый сложившийся тип передовой русской интеллигенции. В их мировоззрении, морали и образе жизни отразились все ее характерные черты (оппозиционность к существующему в России политическому строю, сочувствие бедственному положению простого народа, подвижничество во имя высоких общественных идеалов и др.). Не случайно главным объектом веховской критики радикальной интеллигенции, как носительницы определенного типа сознания, стало народничество.

Попытаемся воссоздать главные положения учения народников-реформистов о русской интеллигенции. Сделать это совсем не просто. Никто из народнических идеологов (за исключением Воронцова) не систематизировал свои взгляды на интеллигенцию даже по таким ключевым вопросам, как дефиниция, свойства характера, генезис, роль в истории и т.п., не говоря уже о сопос-

тавлении концепций интеллигенции представителей различных народнических фракций. Кроме того, между лидерами правого и левого народничества в понимании социальной природы интеллигенции и ее общественных задач имелись существенные разногласия, что позволяло им относить концепции интеллигенции своих оппонентов за скобки «истинно народнических». Видимо, поэтому большинство исследователей судили о народнической интерпретации проблемы интеллигенции весьма избирательно, чаще всего по Михайловскому.

Сказанное выше вовсе не исключает существования у легальных народников определенной (устойчивой, теоретически обоснованной) системы взглядов на интеллигенцию. О возможности сведения народнических концепций интеллигенции в единое, хотя и несистематизированное самими народниками, учение свидетельствует:

1) признание всеми народниками важности постановки проблемы того, что и как делать интеллигенции (многие идейные противники народничества считали ее надуманной, т.к. не рассматривали русскую интеллигенцию в качестве особой общественной силы со своими специальными историческими задачами);

2) наличие у теоретиков легального народничества общего подхода к решению рассматриваемой проблемы, обусловленного их принадлежностью к одному течению общественной мысли;

3) существование между внешне противоположными концепциями интеллигенции прочной внутренней связи (как между тезисом и антитезисом), т.к. именно в противодействии друг другу заключался главный источник их дальнейшего развития и совершенствования.

Поскольку взгляды легальных народников на интеллигенцию (включая проблему ее самоидентификации) возникли не на пустом месте, прежде всего, следует определить, какие идеи и теории оказали на них определяющее влияние.

Как известно, легальные народники пытались практически воплотить то, что теоретически (еще в 40–60-е гг. XIX в.) обосновали духовные отцы русской демократической интеллигенции: В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. От них будущие идеологи легального народничества переняли веру в русский народ как хранителя правды и истины, творца новых более справедливых форм общественной жизни,

«социалиста по инстинкту». Логическим следствием этого верования стала идея *долга* представителей образованного общества перед народом, призванная внушить интеллигенции мысль, что без ее поддержки народ себя никогда не освободит. Именно эта идея, выдвинутая еще Герценом и теоретически обоснованная народническими идеологами 1870-х гг. П. Л. Лавровым и Н. К. Михайловским, послужила отправной точкой (социальной установкой) для разработки легально-народнического учения об интеллигенции как движущей силы социального прогресса. Изначально его целью являлось сплочение передовой интеллигенции, как единственной оппозиционной самодержавию силе, на основе общих представлений о задачах и способах общественной деятельности.

Основные подходы к пониманию того, что есть интеллигенция, каково ее положение в обществе и ближайшие общественные задачи разрабатывались теоретиками главных народнических фракций в ходе идейных баталий второй половины 1870 – начала 1880-х гг., подогреваемых неудачным «хождением в народ» и провалом попыток народолюбцев опереться в борьбе с правительством на силы одной интеллигенции. Характерной чертой позиции публицистов «Отечественных записок», «Дела», «Недели», «Русского богатства» и др. ведущих народнических изданий являлось то, что проблема интеллигенции решалась ими в связи с проблемой народа. Данное обстоятельство придало соответствующую окраску и учению легальных народников об интеллигенции в целом.

Ядро реконструируемого учения – отстаиваемая народниками типология интеллигенции. Михайловский, Каблиц, Кривенко, Оболенский, Воронцов делили интеллигенцию на две основные группы: *народную* (смысл ее существования – служение народу, его идеалам и интересам) и *ненародную* или точнее антинародную (тайного и открытого врага народного труда).

Почему радикальная русская интеллигенция самоопределялась через народ, видя в нем, по признанию Михайловского, главную точку опоры и программу деятельности? В данной работе это ключевой вопрос, т.к. он связан со стратегией самореализации народнической интеллигенции: должна ли она, чтобы стать по-настоящему народной, опуститься до трудящихся масс (их понимания задач русской жизни) или наоборот – поднимать эти массы до своего уровня политического развития.

Сами легальные народники, пытались объяснить стремление дворянско-разночинной интеллигенции к сближению с народом, наиболее проявившееся в ней в 60–70-е гг. XIX в., сочетанием целого ряда социально-исторических, идейно-нравственных и психологических причин. Главный их довод, красной нитью проходящий через все идейные построения, – невозможность осуществления коренных преобразований страны без активного и сознательного участия в них народных масс. Решающее влияние на убеждение народников в том, что в простом народе скрыта колоссальная творческая энергия, которая будет высвобождаться по мере демократизация русской жизни, оказала идейная традиция, идущая от Великой Французской революции. Уже тогда народ стал ассоциироваться с физически трудящимися классами, бедными и угнетенными, но способными (получив свободу и необходимое образование) к лучшей жизни.

В русском народничестве идея народа как демиурга истории воплотилась в концепциях двух России – народной и ненародной. «Народ» – непосредственный производитель материальных благ. «Не-народ» – бесполезный и вредный для страны «класс паразитов», живущий за счет эксплуатации народного труда. По убеждению народнических идеологов, главная причина такого положения дел заключалась в несправедливом общественном устройстве, при котором работники физического и умственного труда находились в неравном положении. Не случайно идея народного блага (освобождения физического труда) стала доминантой народнического типа сознания и главным элементом в предлагаемых теоретиками интеллигенции формулах народничества.

Таким образом, проблема самоидентификации народнической интеллигенции связывалась народниками с задачами экономических и политических преобразований страны, т.е. ее можно интерпретировать как проблему выбора исторического пути развития России. Кто должен решать судьбу страны: просвещенная бюрократия, имущие слои общества с их «узкоклассовыми» интересами, или трудящиеся массы – абсолютное большинство народонаселения России? Идеологи легального народничества рассчитывали, что их союз с народом изменит ход русской истории, придаст ему новое (некапиталистическое) направление развития, превратит Россию в подлинно народное государство, в котором

интересы труда станут главным «компасом» его победоносного шествия по пути социального прогресса.

К большому сожалению народников, стать вождями народных масс они так и не смогли. Дело в том, что активно обсуждаемая народническими публицистами проблема сближения интеллигенции с народом имела еще один аспект, связанный с существованием между ними глубокого социокультурного раскола. Наличие у русской интеллигенции (как одного из продуктов европеизации России) особых идеалов и стремлений, которые не находили активной поддержки в народной среде, неизбежно ставило перед народнической мыслью вопрос о том, что в трагическом разрыве с народом в значительной мере виновата сама интеллигенция. Наиболее подробное развитие этот тезис получил на страницах «Недели», «Мысли» и «Русского богатства» 1880-х гг. П. П. Червинский, И. И. Каблиц, Л. Е. Оболенский доказывали, что именно политизированная интеллигенция, мечтающая о перевоспитании мужика по своему образу и подобию, мешала подлинному пробуждению самосознания и самостоятельности народных масс.

Учитывая, что становление и развитие народнических концепций интеллигенции происходило в контексте обсуждения идеологами народничества определенного круга вопросов, их изучение, по замыслу автора, и должно было указать на главные составные части реконструируемого учения. Всего в исследовании выделяется три большие проблемы, больше всего волновавшие народническую мысль в последней трети XIX в.

Первая проблема связана с выяснением сакраментального для всех русских народников вопроса – что такое интеллигенция? (т.е. каковы критерии принадлежности к этой социальной группе). Наиболее активно этот вопрос дискутировался в начале 1880-х гг., когда радикальная молодежь спровоцировала острейший внутриполитический кризис.

Прежде всего, необходимо отметить, что «слово» интеллигенция употреблялось в народнической публицистике в разных значениях. Под интеллигенцией в широком смысле понимались все представители культурного и образованного общества, в узком – люди определенных идейных убеждений. По социальному происхождению и положению в обществе интеллигенция разделялась на сословно-классовую (дворянскую, буржуазную, проле-

тарскую) и бессословную (разночинную); по месту пребывания – на русскую и европейскую, городскую и сельскую. Но чаще всего народники писали об интеллигенции как о совершенно особой общественной силе, наделенной тем, что впоследствии стали называть *интеллигентностью* в «истинном» значении этого слова. Это умение встать выше собственных, личных или, как удачно выразился Кривенко, «карманных» интересов и обратиться к деятельному служению на благо других людей (народа, страны, всего человечества). Именно такими качествами, по мнению народников-реформистов (и правых, и левых), должна была отличаться настоящая интеллигенция. В данном случае следует особо подчеркнуть, что, защищая интеллигенцию от нападок ее противников, народнические публицисты по сути дела защищали идеалы и возвышенные стремления русского народничества. По этой причине созданный ими образ интеллигенции также оказался *идеалом*, образцом для подражания. И он действительно стал таковым, по крайней мере, для народнической интеллигенции того времени.

Конечно, в реальной жизни далеко не все представители передовой русской интеллигенции соответствовали предъявляемым к их «званию» идеальным требованиям. Альтруизм – привилегией избранных натур. Не случайно в наибольшей мере он проявился у интеллигенции 1870-х гг., когда любовь к народу и желание посвятить ему всю свою жизнь было общим «настроением эпохи», а не следствием внутреннего развития личности типичного интеллигента. Тем не менее, народнические теоретики 1870–1890-х гг. (Михайловский, Воронцов, Оболенский, Кривенко) вполне серьезно ставили вопрос о неизбежной замене исторической (сословной) интеллигенции новой общенародной (бессословной в идее), как об одной из закономерностей поступательного развития человеческого сообщества. В конце концов, все они вынуждены будут признать иллюзорность своих надежд на воспитание нескольких поколений *идеальных* людей, которые могли бы изменить ход русской истории.

Вторая проблема, на долгие годы ставшая камнем преткновения в спорах между легальными народниками и их идейными противниками, – это определение общественных задач русской интеллигенции. В решении этой проблемы народники-реформисты опирались на сложившуюся традицию восприятия передовой интеллигенции как *ускорителя* (катализатора) социально-истори-

ческого процесса. Роль его главной движущей силы (также по традиции) отводилась народу. Правда, в 80–90 гг. XIX в. сама демократическая интеллигенция признавалась наиболее активной и сознательной частью трудового народа, что давало ей право действовать от его имени. В остальном представленное в трудах легальных народников обоснование особой роли интеллигенции в судьбах страны не отличалось заметной оригинальностью и новизной подходов. Дело в том, что само обсуждение этих вопросов в открытой печати преследовало вполне определенную цель, а именно: легитимацию в глазах русского общества и власти общественного поведения интеллигенции. Существенное отличие от предшественников состояло в более широкой трактовке народниками-реформистами стоящих перед интеллигенцией практических задач. Они заключались не только в изменении существующего строя (социальное реформаторство), но и в создании предпосылок для этих изменений посредством подъема общего уровня жизни народных масс (культурно-просветительская задача) и гармонизации отношений между властью, обществом и народом (коммуникативная функция).

И еще одна принципиально важная для легальных народников проблема – это необходимость консолидации русской интеллигенции как главного условия выполнения ее исторического предназначения. Легальные народники одними из первых заговорили о слабости (и даже бессилии) передовой русской интеллигенции решить стоящие перед ней задачи. Однако в понимании причин этой слабости теоретики правого и левого крыла проявили разительное разномыслие, которое вылилось в длительную полемику между сторонниками «малых» и «больших» дел.

Корень разногласий между представителями различных народнических фракций следует искать в тактике общественных преобразований страны, а именно: с какого переворота они должны были начаться (социального или политического). От этого напрямую зависело кому в тандеме «интеллигенция и народ» следовало играть ведущую роль, а кому подчиненную. Народники-политики первоочередной задачей русской жизни считали ограничение самодержавия. Поэтому интеллигенция для них – руководящая и направляющая общественная сила, учитель и наставник масс. Народники-культурники в успех «скороспелой» политической реформы не верили. До тех пор, пока народ оста-

вался бедным и непросвещенным, главной задачей демократической интеллигенции они считали оказание населению практической помощи в его повседневной борьбе за существование (насколько это позволяли местные условия).

«Новым словом» народников 1880–1890-х гг. в деле сплочения демократической интеллигенции можно считать попытку организации еще одного «хождения» в народ (на «культурную работу»). Особенно много потрудились над этой проблемой публицисты правонароднической «Недели» во главе с Абрамовым. Определенные шаги по пути сближения позиций «политиков» и «культурников» предприняли теоретики «Русского богатства» (при Оболенском и Кривенко). В частности, Воронцов в своих «Попытках обоснования народничества» доказывал необходимость и возможность совмещения подготовки «идейной» интеллигенцией радикальной политической реформы и «культурнической» деятельности в деревне представителей массовых интеллигентских профессий. Но в силу того, что представители различных народнических течений скорее походили на конкурентов в борьбе за симпатии читателей, чем союзников по общему делу, центристская тенденция пересилила центробежную. В середине 1890-х гг. легальное народничество окончательно распалось на три анклава народнической мысли (один в «Неделе», другой в «Новом слове» и третий в «Русском богатстве»).

Все легально-народнические концепции интеллигенции возникли и развивались в определенных общественно-политических условиях. Поэтому и оценивать их надо с учетом соответствующего им исторического контекста.

В эпоху «активного» народничества 1870-х гг. наибольшей популярностью пользовалась социально-этическая концепция интеллигенции (как «партии прогресса»), активно пропагандируемая Михайловским и публицистами «Отечественных записок» и «Дела». Однако неудачные старания радикальной интеллигенции построить демократию «снизу», т.е. вовлечь в революционное движение народные массы, а затем и «сверху» (путем свержения самодержавия и переустройства органов власти силами одной интеллигенции), привели к появлению концепции трудовой интеллигенции. В деполитизированные 1880-е гг. ее пытались внедрить в сознание интеллигенции теоретики «малых дел» Каблиц, Оболенский и Абрамов, чтобы привлечь образованную городскую молодежь в деревню. В условиях общест-

венного подъема 1890-х гг. идеологи среднего течения в легальном народничестве Воронцов и Кривенко разрабатывают основы культурнической концепции «народной» интеллигенции. Она была призвана помочь объединению лучших представителей народа и интеллигенции, происходившей из образованных классов. Но по указанным выше причинам эти усилия умеренных народников особого успеха не имели.

Отметим те положительные изменения, которые произошли в сознании демократической интеллигенции не без влияния органов печати легального народничества: это отказ от соблазна найти для русского народа сокращенный путь к счастью и процветанию, от веры в существование простых решений сложных социальных вопросов; понимание того, что коренные социальные и политические преобразования требуют предварительного приобщения основного населения страны к культуре и просвещению; сознание необходимости и возможности для интеллигенции служить народу через профессию, т.е. путем сознательного и честного выполнения обязанностей учителя, врача, агронома и т.п.; обоснование идеи создания народной интеллигенции, как своего рода посредника между народом и интеллигенцией ввиду наметившейся тенденции к превращению последней в самостоятельный класс буржуазного общества.

Осознание значительной частью демократической интеллигенции самоценности личного служения обществу, т.е. востребованности своего интеллектуального труда, преодоление комплекса социальной вины за «грехи отцов» означали ее переход на более высокую ступень гражданской и нравственной зрелости. Однако не следует забывать, что на рубеже XIX–XX вв. этот внутренний рост осуществлялся уже во многом не благодаря, а уже вопреки влиянию народнической идеологии, по-прежнему требовавшей от интеллигенции подвижничества и самоотречения во имя великой цели (освобождения народа). Как оказалось, альтруизм был в наибольшей мере свойственен разночинной интеллигенции 1870-х гг., когда самосознание нарождающегося «культурного пролетариата» (главной социальной базы народнического движения) еще находилось в стадии формирования.

В начале XX в. на арену общественной борьбы выходит неонародничество. Успех партии социалистов-революционеров, сумевших в условиях революционного подъема превратиться во

влиятельную общественную силу, – прямое следствие перехода нового поколения народнической интеллигенции к наиболее действенному способу сближения с народом – к организации массовых политических партий. Легальные народники этого не сделали. Во-первых, из-за слабости земского движения, на которое они пытались опереться. Во-вторых, из-за общей ориентации их доктрины (в условиях политической спячки масс) на создание *предпосылок* для общественного переворота, а не на его непосредственную организацию. Русские марксисты в полемике с политическими радикалами «Русского богатства» 1890-х гг. очень точно подметили, что легальные народники отстаивали дарование населению широких политических свобод, но никогда не ставили перед собой задачу борьбы за власть, как главного орудия общественных преобразований. Они считали, что истинная интеллигенция всегда должна находиться в оппозиции к власти. Создание в России политических партий – это явление новой революционной эпохи, вписаться в которую народники-реформисты уже не смогли. Таким образом, одной из главных причин кризиса реформаторского народничества стало несоответствие старых организационных форм демократического движения новым условиям его развития.

В последние годы исследователи все чаще задаются вопросом об эвристической ценности народнических концепций интеллигенции. Можно ли вообще доверять теоретикам реформаторского народничества, если они по сути дела стали первыми мифотворцами истории пореформенной русской интеллигенции?

Легальные народники имеют в осмыслении феномена интеллигенции свои несомненные приоритеты, хотя далеко не все их суждения выдержали проверку временем. Чтобы отделить реальность от идеологической пропаганды, по ходу изучения темы народнические интерпретации интеллигенции сравнивались (там, где это было возможно) с выводами современных интеллигентоведов. Подводя итоги этого сравнительного анализа, можно сделать следующие замечания.

Прежде всего, народники-реформисты предложили оригинальную для своего времени интерпретацию социальной и духовной природы феномена «новой» (бессословной, общественной) русской интеллигенции. Они одними из первых попытались объяснить причины ее демократизма, оппозиционности властям,

антибуржуазности, а так же несвойственную интеллигенции других стран повышенную гражданскую активность. Важным дополнением социально-этической концепции интеллигенции стала постановка Михайловским, Воронцовым и Оболенским проблемы возникновения у нее альтруистических идеалов и стремлений. Народники вполне обоснованно связывали их происхождение с особыми социально-историческими условиями образования и развития в России европейски образованного общества.

Существенный вклад был внесен народниками и в разработку концепции интеллигенции – профессиональных работников умственного труда. Как показано в работе, обоснованный Воронцовым, Каблицем, Оболенским, Абрамовым социально-экономический подход к явлению пореформенной интеллигенции (т.е. включение в ее ряды инженеров, техников, чиновников, военных), отражал реальные изменения, происходившие в ее составе и духовных ориентирах примерно со второй половины 1870-х гг. При этом акцент на профессиональной деятельности интеллигенции позволил народникам впервые в истории отечественной мысли поставить вопрос о неизбежном появлении у нее собственных материальных и политических интересов, а также о постепенном превращении интеллигенции в новый «средний» класс буржуазного общества.

Легальные народники неоднократно критиковали демократическую интеллигенцию за излишнюю социальную мечтательность, догматизм, склонность к политическому насилию (как средству ускорения социального прогресса) или, наоборот, за полное уклонение от политики в сторону практики «малых дел». Но достаточно трезвые оценки сильных и слабых сторон народнического движения последней трети XIX в. отнюдь не способствовали их преодолению, потому что общее отношение идеологов легального народничества к демократической интеллигенции было субъективно-идеалистическим. Об этом наглядно свидетельствует несоответствие между идейными ориентирами передовой интеллигенцией, стремящейся к радикальному изменению общественного строя России, и ее реальными возможностями.

Народники способствовали развитию у передовой интеллигенции мессианских настроений, идеалистической веры в ее способность направить ход истории в «нужном» направлении. В данном случае идеализация интеллигенции была вполне созна-

тельной и ее следует интерпретировать как один из инструментов привлечения передовой молодежи к активной общественной деятельности (в условиях пассивности народа и основной массы русского общества). Нельзя также забывать, что идеализация народниками образа «народных заступников» была обратной стороной идеализации народных масс, их потенциальных возможностей стать активными участниками исторического процесса.

Разработанный народниками-реформистами подход к интерпретации феномена русской интеллигенции в целом был обусловлен общественными условиями того времени. Незрелость социальной структуры России, отсутствие сильного среднего класса (буржуазии), способного, как в Западной Европе, возглавить борьбу за экономическую и политическую модернизацию страны – вот главные причины не только появления демократической интеллигенции, но и относительной неудачи всего ее дела. Оказавшись зажатой между властью и народом (молотом и наковальней), передовая русская интеллигенция постоянно металась из крайности в крайность, от одной универсальной социальной теории к другой, но так и не сумела найти для России особого «русского» (сокращенного и менее болезненного для простых россиян) пути построения гражданского общества и правового государства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

*

ГАВО	– Государственный архив Воронежской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА	– Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
РО ИРЛИ	– Рукописный отдел Института русской литературы и искусства (С.-Петербург)
РО РНБ	– Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

*

А. Б. <i>см.</i> Богданович А. И.	Баллин Н. П. 75
А. П. 245	Балуев Б. П. 23, 28, 32, 33, 68, 75, 102, 108, 112, 174, 229, 247, 281, 286, 320, 333
Абрамов Я. В. 4, 6, 10, 13, 17, 25, 34, 35, 37, 40, 43–45, 47, 68, 145, 147, 148, 174, 177, 181, 184, 190, 193, 223, 224, 228, 229, 232, 233, 235–239, 241–243, 247, 259, 278, 281, 282, 284, 287, 288, 291, 293, 294, 299, 304, 308, 317, 318, 325, 336, 343, 346	Баранцевич К. С. 251, 284
Агаев С. Л. 302	Барбакова К. Г. 28
Акопян К. З. 143	Барзилов С. И. 208
Аксаков И. С. 10, 11, 44, 56, 118, 119, 123, 125, 128, 131, 140, 167, 217, 290, 296	Бартенев В. В. 45, 267, 268
Аксаков К. С. 50, 290	Белинский В. Г. 21, 44, 50, 51, 142, 151, 156, 179, 185, 337
Аксаков Н. П. 232	Беленький В. Х. 24
Аксельрод П. Б. 13	Бельчиков Н. Ф. 19
Александр I 178	Бельчиков Ю. А. 143
Александр II 58, 75, 103, 105, 110, 114, 116, 153, 182, 232, 309, 312	Беранже П. 114
Александр III 107, 116, 127, 160, 229	Берви В. В. (Флеровский) 71
Алексеев Л. <i>см.</i> Паночини Л. А.	Бердяев Н. А. 14, 16, 329, 334
Алексеева Г. Д. 186, 281, 324	Березовая Л. Г. 29, 30
Алчевская Х. Д. 45, 157	Бирюкович В. В. 37, 44, 126, 177, 228, 254
Анненский Н. Ф. 37, 286, 323	Блохин В. В. 30, 31, 34, 38, 72, 174
Антонов В. Ф. 21	Боборыкин П. Д. 131, 306
Антонов В. С. 66	Богданович А. И. 12, 44, 47, 65, 300–304
Антонович М. А. 57	Богораз Н. Ф. 323
Анфимов А. М. 310	Богучарский В. Я. 328
Аптекман О. В. 78	Боткин В. П. 50
Аронзон С. Л. 78	Брешко-Брешковская Е. К. 69, 77, 104
Арсеньев К. К. 266, 267, 305	Брокгауз Ф. А. 9, 59, 281, 305
Асташов А. Б. 32	Буланов Л. П. 64
Астырев Н. М. 45, 211, 212, 236, 265	Булгаков С. Н. 16, 329
Ашин Г. К. 24	Буренин В. П. 116, 117
	Буш В. В. 219
	Бялый Г. А. 112, 229
Б. Г. <i>см.</i> Глинский Б. Б.	
Бажина С. Н. 253	В. В. <i>см.</i> Воронцов В. П.
Бакунин М. А. 36, 44, 63, 67, 70, 71, 76, 87, 104	В. П. <i>см.</i> Буренин В. П.
	Вагнер Н. П. 249, 251
	Васильев Н. В. 45, 64, 69
	Васильев П. 262
	Введенский А. И. 155
	Вебер М. 143

Венгеров С. А. 9, 15, 102, 133, 166, 227, 281
 Верещагин Н. В. 147
 Веселовский Б. Б. 307
 Виленская Э. С. 21, 23, 58, 71, 249
 Виноградов В. В. 7, 130
 Вирт М. 195
 Виртшафтер Э. 39
 В-н А. *см.* Пыпин А. Н.
 Водовозов В. В. 16, 17, 145
 Возилов В. В. 186
 Волк С. С. 94
 Володин А. И. 29
 Волховский Ф. В. 75
 Волынский А. Л. 272
 Воронский В. В. 13, 15, 299, 306
 Воронцов В. П. 4, 6, 9, 10, 12–18, 22, 25, 26, 28, 29, 35–37, 40, 42–47, 67, 72, 74, 75, 92, 111, 127, 135, 137, 140, 143–146, 149, 151, 152, 155, 157–159, 165, 174–179, 181, 182, 185, 186, 190, 191, 196, 198, 200–205, 207, 208, 214, 216, 218, 219, 225, 227, 229, 230, 256, 259, 265–284, 286, 288–290, 292, 294, 298, 301, 302, 305, 308–316, 318, 325–329, 332, 333, 335, 336, 338, 341, 343, 344, 346
 Все тот же *см.* Ткачев П. Н.
 Гайдебуров В. А. 147
 Гайдебуров П. А. 87, 147, 288
 Гальтон Ф. 254
 Гаршин В. М. 112, 229
 Гегель Г. 334
 Герасимов И. 39, 187
 Герцен А. И. 18, 21, 44, 49, 51, 52, 55–57, 67, 95, 156, 167, 179, 197, 230, 273, 303, 323, 337, 338
 Гершензон М. О. 16, 329, 330
 Герье В. И. 105, 162
 Гессен И. В. 45, 305
 Гиероглифов А. С. 53
 Главицкий М. Е. 174
 Глазенап С. П. 251
 Глинка А. С. 181
 Глинский Б. Б. 245, 249, 257, 258

Говоруха-Отрок Ю. Н. 165
 Гоголь Н. В. 49, 298
 Головачев А. А. 37
 Голоушев С. С. 45, 63, 77–79
 Голоушев С. Ф. 63
 Гольцев В. А. 11, 44, 102, 112, 122–124, 133, 165, 267, 272, 297
 Гордеева И. А. 36, 37, 87
 Горев Б. И. 19
 Городецкий Е. Н. 20, 21
 Гофштеттер И. А. 284
 Градовский А. Д. 113, 114
 Грановский Т. Н. 50
 Григорович Д. В. 49
 Григорьев А. А. 56
 Гриневицкий И. И. 103
 Громыко М. М. 110
 Гроньяр *см.* Михайловский Н. К.
 Гросул В. Я. 286
 Грот Н. Я. 251
 Грязневич В. 28
 Губонин Б. Б. 118
 Гуревич Л. Я. 269
 Гусев К. В. 281
 Гутнова Е. В. 170
 Д. Ж. *см.* К. В. Лаврский
 Даль В. И. 49, 133
 Даниельсон Н. Ф. 18, 25, 37, 154, 186, 200, 201, 266, 268, 308–310, 312
 Данилов В. П. 171
 Дарвин Ч. 154, 195
 Дворкин В. З. 24–26, 141, 186, 320
 Дебогорий-Мокриевич В. К. 128
 Дейч Л. Г. 77
 Демерт Н. А. 298
 Деникер И. Е. 75
 Дергачев И. А. 267
 Диденко Д. В. 330
 Дистерло Р. А. 239, 288
 Дмитриев Г. М. 249
 Добролюбов Н. А. 21, 44, 52, 57, 63, 83, 291, 298, 337
 Достоевский Ф. М. 56, 81, 109, 115, 167, 174, 184, 251, 253, 257, 261, 290, 291, 296

Е. Ч. 239
 Евгеньев-Максимов В. Е. 106
 Евреинова А. М. 259
 Егоров Я. 262
 Екатерина II 178
 Елисеев Г. З. 63, 69, 71, 298
 Елпатьевский С. Я. 321, 323
 Емельянов Н. П. 266
 Ерман Л. К. 8
 Ерофеев Н. Д. 9, 59, 319, 320
 Ерошкин П. 117
 Есин Б. И. 246
 Ефрон И. А. 9, 59, 281, 305
 Жаворонкова А. А. 320, 322, 323
 Жвания Д. Д. 36, 165, 201, 230, 247
 Желябов А. И. 67, 94, 99, 141
 Живов В. 143, 185, 187
 Жуковский В. А. 130
 Жуковский Ю. Г. 44, 54
 Жукоцкий В. Д. 302
 Зайцев В. А. 27
 Зайцев В. А. 57, 71
 Зайцев Д. М. 307
 Засодимский П. В. 45, 129, 132, 265, 273, 278, 326, 327
 Засулич В. И. 142
 Зверев В. В. 33–35, 40, 56, 66, 68, 74, 89, 174, 187, 200, 201, 216, 232, 235, 247, 266, 268
 Земцов Б. Н. 51
 Зенкова К. В. 23, 83
 Златовратский Н. Н. 23, 43, 45–47, 65, 100, 101, 112, 129, 142, 166, 184, 203, 219, 228, 254–256, 267, 282, 297, 308, 327
 Иван Грозный 177
 Иванов-Разумник Р. И. 14, 16, 80, 306, 320, 321, 323, 324, 330, 331
 Ивановская П. С. 105
 Иванчин-Писарев А. И. 45, 77, 108, 278, 279
 Изгоев А. С. 306, 307
 Иорданский Н. Н. 306, 307
 Исаков В. А. 99

Итенберг Б. С. 29, 77
 Каблиц И. И. 4, 6, 9, 10, 14, 17, 22, 24, 25, 28, 32, 35–37, 40, 43–46, 67, 68, 72, 79, 87–90, 92, 101, 102, 103, 108, 112, 128, 131, 134–136, 143, 145–147, 149, 157, 164–166, 168, 174, 175, 177, 180, 182, 183, 186, 188–190, 198, 202, 204–206, 208, 210–216, 221, 222, 227, 228, 230–233, 235, 247, 248, 250, 251, 253–255, 257, 259, 260, 263–265, 270, 271, 276, 279, 282, 288, 293, 307, 325, 336, 338, 340, 343, 346
 Каблуков Н. А. 37, 244
 Кабытов П. С. 171
 Кавелин К. Д. 11, 50, 123, 124, 181, 263, 297
 Кадышева И. А. 20
 Кайсаров А. С. 48
 Калачевский А. П. 267
 Кан Г. С. 91
 Канаева Т. М. 24, 25, 246
 Кантор В. К. 35, 151
 Капустин С. Я. 230
 Караваяв Г. Г. 21
 Каракозов Д. В. 19, 58, 108, 249
 Карапетян Р. О. 23
 Кареев Н. И. 59, 254
 Карнович Е. П. 105, 114, 132
 Карпачев М. Д. 8, 24, 39, 173
 Карышев Н. А. 37
 Касторнов С. Н. 37, 68, 108, 247
 Касьянова К. 151
 Катаев В. Б. 131
 Катков М. Н. 119, 126, 140
 Качаровский К. Р. 16, 332
 Кибальчич Н. И. 96, 98
 Кившенко Н. Д. 262
 Киреевский И. В. 50, 290
 Кириллова Е. А. 48
 Кирпотин В. Я. 56
 Кирьяков С. А. 235, 236
 Клеменц Д. А. 75, 219
 Книгин И. А. 248, 251, 254
 Ковалев В. А. 91
 Ковалик С. Ф. 45, 63

Коган Л. Н. 21
 Козлов А. А. 254
 Козлов В. А. 171
 Козьмин Б. П. 9, 19, 20, 71, 102, 129, 230
 Колеров М. А. 28, 247, 295, 302
 Колоницкий Б. И. 112, 126
 Колосов Е. Е. 19, 69, 92, 93, 95, 324
 Кольцов И. *см.* Тихомиров Л. А.
 Кондаков И. В. 39
 Короленко С. В. 273
 Короленко В. Г. 19, 37, 45, 53, 139, 154, 166, 267, 273, 278, 279, 286
 Корсаков И. 326
 Костиков В. З. 295
 Кошелев А. И. 50, 118
 Кравчинский С. М. 45, 80
 Крашихфельд В. Б. 219, 228
 Кривенко С. Н. 4, 6, 10, 13, 17, 18, 34, 37, 40, 42–46, 67, 69, 72–75, 86, 90, 92, 93, 105–108, 110, 112, 116, 120, 121, 126, 127, 129, 131–138, 140–145, 147, 148, 156, 161, 172, 174, 175, 177, 178, 183, 184, 188, 189, 191, 192, 194–196, 199, 204, 205, 208, 213, 214, 222, 223, 228, 245, 246, 259, 260, 264–267, 269, 270, 273–275, 277–286, 288, 291, 292, 294, 295, 298, 300–302, 304, 308–310, 314–317, 325–327, 336, 338, 341, 343, 344
 Кропоткин П. А. 67, 76, 113, 142
 Кудрин Н. Е. *см.* Русанов Н. С.
 Кустарев А. 143

Л. О. *см.* Оболенский Л. Е.
 Лавров П. Л. 26, 28, 36, 38, 44, 52, 58, 59, 61–63, 67, 70–72 131, 132, 136, 174, 189, 203, 217, 218, 230, 274, 323, 338
 Лаврский К. В. 25, 43, 45, 46, 147, 148, 178, 181, 223, 228, 239–141, 276, 293, 308, 318, 325
 Ларский И. 128
 Лебедев В. С. 110
 Левин К. Н. 284
 Левин Ш. М. 23

Левицкий С. А. 51
 Лейкина-Свирская В. Р. 23, 56, 146
 Ленин В. И. 8, 12–14, 18–20, 25, 33, 71, 298, 299
 Леонов М. И. 324
 Леонтьев К. Н. 8, 11, 44, 114, 115
 Лермонтов М. Ю. 49, 118
 Леруа М. 143
 Лесгафт П. Ф. 254
 Лизогуб Д. А. 92
 Лиоренцевич И. Г. 23, 24
 Литвак Б. Г. 171
 Личков Л. С. 37
 Лозинский Е. И. 307
 Лопатин Г. А. 92
 Лорис-Меликов М. Т. 91
 Лотман М. Ю. 39
 Лукашевич А. О. 63, 78
 Лурье Л. Я. 193

Макаров В. П. 22
 Макашин С. А. 107
 Максимов Е. Д. 42, 44, 45, 73, 112, 222, 229, 265, 279, 282, 284, 294, 309, 316, 317, 326
 Максимов Д. 106
 Малеванный В. Г. 64
 Маликов А. К. 249
 Малинин В. А. 28, 94, 112
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 256
 Мансуров В. А. 28
 Марков Е. Л. 118
 Маркс К. 170, 197, 266, 271, 302, 322
 Мартов Л. [Ю. О.] 17, 34
 Мартъянов П. А. 55
 Матвеев Г. А. 180
 Матковская И. Я. 48, 180
 Медушевский А. М. 29
 Межуев В. М. 5, 151
 Мезенцев Н. В. 64
 Меньшиков М. О. 135, 144, 148, 154, 164, 190, 214, 215, 221, 281, 290
 Мещерский В. П. 119, 126
 Миклашевский М. П. 15, 65, 80, 246
 Милюков П. Н. 306

Минаев Д. И. 57
 Минаков А. Ю. 142
 Миронов Б. Н. 34, 35, 39, 171, 208
 Михайлов А. Д. 99
 Михайлов М. Л. 122
 Михайлова С. Б. 23, 219
 Михайловский Н. К. 4, 6, 9, 14, 16–19, 21–24, 26, 28–38, 40, 42, 43, 45, 46, 52, 59–63, 65–68, 71, 72, 80, 81, 83, 84, 88, 90, 93–95, 102, 103, 105–107, 112, 118–120, 122, 128, 131, 133, 134, 137–142, 149, 154, 155, 157, 159, 166, 168, 174–176, 179, 180, 181, 183, 184, 188, 189, 191, 192, 196, 198, 199, 204–210, 215, 227, 228, 243, 248, 257–261, 264, 266, 267, 271, 273–282, 286, 288, 291, 304, 306, 320, 323–325, 327, 329, 335–338, 341, 343, 346
 Мичурин А. П. 204, 244
 Мишле Ж. 143
 Могильнер М. 40, 187, 304
 Мокшин Г. Н. 34, 42, 73, 79, 101, 104
 Мордовцев Д. Л. 45, 63, 69, 71
 Мордовченко Н. И. 167
 Морозов Н. А. 67, 77, 95, 97, 142
 Морозов Н. *см.* Протопопов М. А.
 Мур 291
 Муратов А. Б. 69
 Мясотин В. А. 37, 281, 323

Н. В. 155
 Н. Д. 135
 Н. Ш. *см.* Шелгунов Н. В.
 Надсон С. Я. 251
 Назаров Ю. Н. 186
 Наполеон I 49
 Наумов Н. И. 301
 Неведомский М. *см.* Миклашевский М. П.
 Незнакомец *см.* Суворин А. С.
 Некрасов Н. А. 53
 Некрасова Е. С. 53
 Нечаев С. Г. 142
 Николадзе Н. Я. 106, 107
 Николаев П. Ф. 53, 160, 180, 297

Николаевский Б. И. 233
 Николай I 178
 Николай II 286, 332
 Николенко-Гильченко В. Л. 259
 Никольский А. М. 254
 Новак С. Я. 34, 229, 247, 304, 308
 Новиков Н. И. 185, 319
 Новикова Л. И. 30

Обнинский П. Н. 287, 288
 Оболенский Л. Е. 4, 6, 40, 43, 45–47, 72, 89, 92, 102, 108, 109, 116, 121, 131, 132, 134, 139, 143–145, 147–149, 153, 156, 158, 160, 161, 163–165, 174, 175, 184, 189–191, 196, 198, 204, 206, 207, 213–215, 221, 222, 228, 243, 244, 248, 249–254, 256–263, 264, 269, 282, 283, 292, 301, 302, 305, 309, 317, 327, 336, 338, 340, 341, 343, 346
 Оболонский А. В. 8, 247
 Овсянко-Куликовский Д. Н. 15, 64, 65, 161, 247, 335
 Огарев Н. П. 51, 53
 Олейник О. Ю. 6
 Онгирский Б. П. 122
 Орел Г. М. 147
 Орел Л. С. 19
 Орлов П. А. 77–79
 Орлов С. Б. 40, 173
 Ошанина М. Н. 99

П. Ч. *см.* Червинский П. П.
 Павлова Н. Г. 30, 145, 174
 Пазухин А. Д. 126
 Пайпс Р. 186
 Паночини Л. А. 102, 139, 140, 153, 204
 Пантин И. К. 152
 Панфилов А. К. 130
 Перелешин Д. А. 214
 Перовская С. Л. 67
 Перцов П. П. 45, 276
 Пестель П. И. 104
 Петр I 48, 51, 177, 207, 211
 Петрицкий А. Г. 74
 Петрищев А. Б. 16, 307, 321–323

Петрова М. Г. 60
 Пешехонов А. В. 15, 37, 281, 320, 322, 323, 328, 329
 Пиксанов Н. К. 19
 Пименова Э. К. 45, 142, 273
 Пиотровский И. А. 44, 53
 Пирумова Н. М. 26, 238
 Писарев Д. И. 44, 54, 57, 58, 145, 291
 Плеханов Г. В. 12, 13, 20, 29, 29, 44, 67, 68, 88, 174, 194, 268, 272, 299, 301, 320
 Плещеев А. Н. 267
 Плимак Е. Г. 152
 Победоносцев К. П. 126
 Полонский В. П. 18
 Полонский Л. А. 83, 113
 Пономарев С. И. 262
 Попов М. Р. 63
 Попова О. Н. 282, 283
 Португалов В. О. 251
 Поссе В. А. 45, 283
 Потресов А. Н. 13, 15, 34, 299
 Прибылева-Корба А. П. 92, 93
 Протасова О. Л. 281
 Протопопов М. А. 19, 23, 40, 44, 85, 86, 93, 125, 129, 133, 134, 140, 151, 154, 156, 160, 204, 205, 212, 216, 224, 277
 Пругавин А. С. 10, 37, 38, 40, 43, 44, 46, 65, 72, 92, 134, 155, 244, 245
 Пругавин В. С. 17, 37, 43, 156, 157, 162, 164, 198, 212, 228, 230, 244, 256, 259, 265, 271
 Пружанский Н. О. 282
 Пугачев Е. И. 104, 218
 Пустарнаков В. Ф. 22, 29
 Пушкин А. С. 49
 Пыпин А. А. 244
 Пыпин А. Н. 9, 11, 12, 44, 47, 83, 102, 105, 133, 155, 245, 265, 266, 272, 274, 277, 297, 305
 Пясковский М. Л. 132
 Пясковский Н. Я. 262

Радищев А. Н. 48, 62, 177, 185, 319
 Разин С. Т. 218, 302

Ракитников Н. И. 330, 331
 Раппопорт С. А. 162, 204, 274
 Расков Д. Е. 200
 Рачков М. П. 201
 Ребиндер М. П. 240
 Рейснер М. А. 18
 Рейфман П. С. 58
 Реклю Ж. 254
 Рогалина В. А. 240
 Рогачев Д. М. 78
 Розанов В. В. 10, 232
 Романенко Г. Г. 96
 Романов 104
 Романовский С. И. 91, 208
 Ротенфельд Ю. А. 295
 Рубакин Н. А. 45, 306, 311
 Русанов Н. С. 45, 63, 88, 105, 112, 122, 139, 279, 324, 325
 Руссо Ж. 176
 Рысаков Н. И. 103
 Рюрик 149
 Рязанов В. Т. 34, 201, 202
 Рязанов Д. Б. 19, 260

С. К. см. Кривенко С. Н.
 Сажин Б. Б. 37, 38
 Сазонов Г. П. 165, 230
 Сакулин П. Н. 18, 19, 100, 256
 Салтыков М. Е. (Щедрин) 118, 167, 168, 291, 298
 Самарин Ю. Ф. 118
 Самарцева Е. И. 7, 186
 Сарычев А. П. 49
 Сахаров И. П. 57
 Свешников М. И. 267
 Святослав Игоревич 177
 Седов М. Г. 22
 Семенкин К. Г. 308
 Сементковский Р. И. 287, 293
 Сергиевский Н. Л. 233
 Сиземская И. Н. 30
 Скабичевский А. М. 93, 129, 138, 159, 166, 178, 259, 265
 Слобожанин М. см. Максимов Е. Д.
 Слонимский Л. З. 11, 12, 266, 277
 Смирнов Н. Н. 208
 Снегирев Л. Ф. 327

Соколов А. Л. 28
 Соколов К. Б. 40, 173
 Соколов Н. В. 180
 Соколовский П. А. 36, 165, 184, 202, 230
 Соловьев В. Ю. 152
 Соловьев В. С. 11, 45, 210, 269, 270, 291, 329
 Соловьев Е. А. 15, 17, 80, 142, 260, 332
 Сорокин Ю. С. 130
 Спасович В. Д. 286
 Спенсер Г. 251, 254, 261
 Сталин И. В. 20
 Станюкович К. М. 93, 256
 Стасюлевич М. М. 118
 Степанов Ю. С. 130
 Струве П. Б. 9, 12, 15, 16, 306
 Суворин А. С. 44, 112, 116–120, 122, 125, 127, 140
 Сумцов Н. Ф. 135
 Суслова Ф. М. 22, 29, 200

Таганцев Н. С. 74, 75
 Таиров Г. 147
 Тайлор Э. 254
 Тарханов И. Р. 251
 Твардовская В. А. 22, 29, 94, 229
 Телешов Н. Д. 142
 Теодорович И. А. 19
 Терпигорев С. Н. 254
 Тихомиров Л. А. 10, 11, 44, 67, 92, 94–97, 99, 102–104, 112, 124, 125, 203, 220, 272, 295, 296
 Ткачев П. Н. 44, 67, 71, 81, 83, 98, 220, 307
 Толстой Л. Н. 56, 81, 83, 139, 156, 254, 260–263, 270, 271, 291, 298
 Толстых В. И. 26, 27
 Троицкий Н. А. 66, 91, 92
 Трошанский В. Ф. 74
 Туган-Барановский М. И. 306
 Туниманов В. А. 52
 Тургенев И. С. 45, 49, 57
 Тютрюмов И. М. 254

Уваров С. С. 49

Урсати А. И. 74
 Усова С. Е. 278
 Успенский Б. А. 131
 Успенский Г. И. 45, 61, 89, 90, 93, 105, 137, 140, 151, 156, 157, 160, 166–168, 180, 181, 198, 223, 224, 240, 267, 273, 327
 Ушаков А. В. 182

Фаресов А. И. 292
 Ферронский И. 111
 Фигнер В. Н. 92, 142
 Филиппов А. В. 29, 186
 Фирсов В. М. 24, 25, 186, 216
 Фридлендер Г. М. 56
 Фриче В. М. 284
 Фудель И. И. 10, 11, 47, 263, 264, 296
 Фуллье А. 254

Хазанов Б. 51, 151
 Халтурин С. Н. 67, 108, 141
 Харламов В. И. 24, 25, 71, 87, 88, 102, 108, 112, 174, 230, 247
 Хватов А. 49
 Хевеши М. А. 152
 Хирьяков А. М. 284
 Хомяков А. С. 50, 290
 Хорос В. Г. 22, 27, 28, 131, 152, 187
 Хорошавин В. А. 94
 Хоскинг Д. 187

Цебрикова М. К. 76, 254

Чаадаев П. Я. 114, 185
 Чарушин Н. А. 45, 63, 64, 74, 75
 Чепулис-Растенес Р. 27
 Червинский П. П. 14, 20, 23, 25, 35, 37, 43, 68, 82–85, 102, 144, 168, 198, 199, 228, 229, 276, 288, 325, 340
 Черненко Н. Н. 319
 Чернов В. М. 17, 45, 281, 298, 320, 322, 323, 325
 Чернышевский Н. Г. 18, 21, 44, 55, 56, 63, 70, 83, 95, 142, 197, 230, 249, 250, 273, 291, 303, 323, 337
 Чернышов А. Г. 208

Чехов А. П. 45, 131, 267
Чистов М. Н. 161
Чичерин Б. Н. 50

Шапошник А. В. 39
Шарапов С. Ф. 263
Шахматов Б. М. 29
Шелгунов Н. В. 23, 43, 63, 69, 71, 85, 90, 93, 105, 112, 116, 120, 122, 128, 131–133, 137–140, 159, 169, 175, 177–180, 191, 205, 206, 210, 215, 216, 229, 240–243, 246, 291, 304
Шелгунова Л. П. 122
Шеллер (Михайлов) А. К. 254
Шестаков М. Г. 20
Шмидт С. О. 7
Шпильгаген Ф. 184
Штевен А. А. 147, 296
Штейн В. М. 20

Щапов А. П. 71
Шапошников А. В. 39
Щепотьева Е. С. 244
Щербина Ф. А. 151
Щетинина Г. И. 8

Эвенчик С. Л. 94
Элбакян Е. С. 30, 39
Эльсниц А. Л. 102
Энгельгардт А. Н. 36, 45, 71, 86, 87, 239, 255, 262
Энгельгардт Н. А. 44, 134, 164, 214, 215, 281, 290, 291
Энгельс Ф. 170, 200
Эртель А. И. 45, 56, 93, 161, 267

Юдин А. И. 36, 38, 52
Южаков С. Н. 18, 25, 37, 44, 72, 92, 136, 139, 186, 202, 208, 230, 256, 259, 284, 286–288, 308, 310, 312, 326, 327
Юзов *см.* Каблиц И. И.
Юферов А. Н. 106

Языков Н. *см.* Шелгунов Н. В.
Як. Б. 239

Яковенко В. И. 45, 260
Яковлев Г. 238
Якубович П. Ф. 326, 327
Янель З. К. 104
Ярош К. Н. 10
Ярошенко Н. А. 80
Ясинский И. И. 134, 250, 330

Muller O. 24

N. N. *см.* Фудель И. И.

Wortman R. 200

Научное издание

Геннадий Николаевич МОКШИН

ИДЕОЛОГИ ЛЕГАЛЬНОГО НАРОДНИЧЕСТВА О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Монография

Художественный редактор: Е. Ю. Бочарникова

Компьютерная верстка: В. Ю. Хохлов

Фотографии на обложке:

Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко,
Я. В. Абрамов, И. И. Каблиц-Юзов, Л. Е. Оболенский

Подписано к печати 02.10.2007. Формат 60 х 84 1/16.
Усл. печ. л. 20,93. Тираж 1000 экз. Заказ № 292.

ООО Издательство «Научная книга»
394077, г. Воронеж, ул. Маршала Жукова, 3-244
[http:// www.sbook.ru](http://www.sbook.ru)

Отпечатано в ООО ИПЦ «Научная книга»
г. Воронеж, пр-т Труда, д. 48.
тел. (4732) 205-715, 29-79-69
E-mail: ipc@sbook.ru